

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1957

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 8

АВГУСТ

1957 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Н. М. Мор — Шестой съезд РСДРП(б)	3
Ф. П. Быстрых (Свердловск) — Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале	25
С. Н. Иконников — Вовлечение трудящихся масс в управление государством	43
Г. Н. Севостьянов — Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол	63
У Дун-чжи (Китай) — Из истории вмешательства США в дела китайского народа	85

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. Карпачев — О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры	101
А. Д. Эпштейн — К вопросу о реформации и крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции	118

ИСТОРИОГРАФИЯ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. Н. Кунтиков — Крестьянское движение в России в XIX веке	143
Е. Б. Черняк — Искажение буржуазной историографией истории англо-американских отношений XIX—начала XX века	153
М. Н. Пак — Некоторые спорные вопросы истории Кореи	166
Н. Е. Застенкер — Новый труд французских историков по экономической истории революции 1848 года	180

История СССР

- Г. К. Селезнев — Джордж Ф. Кеннан. Россия выходит из войны 196
- И. Гришков (Фрунзе), А. Кац (Фрунзе), Х. Мусин (Фрунзе),
И. Скляр (Фрунзе) — «История Киргизии» 201
- Всеобщая история
- В. Н. Ларин — «Белая книга» о контрреволюционном мятеже
в Венгрии 209

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

- И. Д. Анашкин — Государственные архивы РСФСР к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции 213
- А. В. Симонов — Об истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Молдавии 215

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

- Действительный член Академии Румынской Народной Республики
А. Оцетя — Румынские историки к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции 220
- Член-корр. Болгарской Академии наук Д. Косев, Хр. Христов (Болгария) — Историки Болгарии к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции 221
-

СТАТЬИ

ШЕСТОЙ СЪЕЗД РСДРП(б)

Н. М. Мор

В августе 1917 г. состоялся VI съезд большевистской партии. Это был съезд политической и организационной подготовки Октябрьского вооруженного восстания, и его всемирно-историческое значение невозможно переоценить.

Созыв очередного съезда партии вначале намечался на август 1914 г. в Вене, вслед за предполагавшимся там конгрессом II Интернационала. То было время нового революционного подъема в России. Еще в январе 1912 г. Пражская конференция РСДРП изгнала из партии меньшевик-ликвидаторов, и VI партийный съезд был бы, следовательно, только большевистским. Но съезд РСДРП, как и конгресс II Интернационала, тогда не состоялся: помешала всемирная империалистическая война.

Сразу же после победы Февральской буржуазно-демократической революции большевистская партия вышла из подполья, и одна из первых задач, которая встала перед нею, заключалась в определении новой тактики, для чего необходим был созыв партийного съезда. В день возвращения из эмиграции в Петроград, 16(3) апреля 1917 г., В. И. Ленин в первоначальном наброске Апрельских тезисов записывает:

«7) Съезд.

Перемена программы и названия.

Обновление Интернационала. Создание революционно-интернационального...»¹.

Несколько дней спустя, 20(7) апреля, Ленин публикует в «Правде» статью «О задачах пролетариата в данной революции», содержащую знаменитые Апрельские тезисы с краткими пояснительными примечаниями. Девятым тезисом в статье значились партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и наше требование «государства-коммуны»,

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии»².

VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), обсудив доклад В. И. Ленина о пересмотре партийной программы, предложила Центральному Комитету в двухмесячный срок разработать проект программы для представления его «на утверждение партийного съезда»³.

Конференция закончилась 12 мая (29 апреля). Следовательно, съезд должен был собраться не раньше середины июля, но и не намного позднее ввиду его срочности.

3 июля (20 июня) «Правда» сообщила, что Центральный Комитет РСДРП(б) на заседании 1 июля (18 июня) постановил созвать партий-

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 36, стр. 393. Цитируемая фраза из наброска Апрельских тезисов осталась незаконченной.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 5—6.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я. Изд. 7-е, Госполитиздат. 1954, стр. 352.

ный съезд в Петербурге между 23 и 28 (10 и 15) июля. О точном сроке открытия съезда предполагалось объявить особо. ЦК решил предложить следующий порядок дня съезда: доклад ЦК; отчеты с мест; текущий момент: а) политический; б) экономический; программа партии; учредительное собрание; Интернационал; выборы; разное.

Подготовку к съезду ЦК партии вел, опираясь на партийный актив, советуясь с ним, учитывая его предложения. Например, норму представительства на съезд ЦК «определил после совещания с делегатами-большевиками на Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д...»⁴. Пять дней спустя «Правда» сообщила, что ЦК согласился с предложением большевистской фракции Всероссийской конференции профессиональных союзов⁵ о необходимости привлечь на партийный съезд особую делегацию от деятелей профессионального движения, и дополнил ранее намеченный порядок дня съезда новым пунктом: «Профессиональное движение и наши задачи».

Ленин всегда настойчиво подчеркивал мысль о необходимости укреплять самостоятельность партии большевиков и ни на йоту не поступаться принципами большевизма. Большевистская партия самым решительным образом выступала против политических партий и групп, которые псевдосоциалистической фразеологией прикрывали свое прислужничество буржуазии. В то же время большевики, будучи противниками сектанства, выступали за сближение и объединение с теми группами и течениями, которые, как отмечалось в резолюции Апрельской конференции «Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока», на деле стояли на почве интернационализма.

Этим требованиям стала отвечать политика так называемой междурайонной организации (межрайонцев). Поэтому ЦК РСДРП(б) принял предложение комитета межрайонцев о включении его представителей в Организационное бюро по созыву съезда партии. Соответственно повестка дня съезда была дополнена вопросом об объединении партии с интернационалистами, порвавшими с оборонцами. Ведущая и решающая роль в подготовке и проведении съезда оставалась за ЦК большевистской партии. «Правда» писала: «Функции Организа[ионного] Бюро чисто административные, захватывающие только технически-организационную сторону дела созыва съезда»⁶.

Съезду предшествовали партийные конференции местных организаций. 14(1) июля на II Петроградской общегородской конференции большевиков с докладом о подготовке к партийному съезду выступил от имени ЦК Я. М. Свердлов. Он говорил, что съезду предстоит учесть опыт партии за время ее легального существования. Ко времени Апрельской конференции этот опыт исчислялся днями, теперь же партия могла обобщить месяцы интенсивной работы в условиях легальности. Далее он сообщил о создании Организационного бюро по созыву съезда и о намечаемом порядке дня его работы. Норма представительства на Апрельской конференции была такова: 1 делегат от 300 до 500 членов партии. Но партия численно очень выросла, и при прежней норме съезд оказался бы громоздким. Поэтому было решено принять новую норму: организации с числом членов партии от 500 до 1 тыс. посылают по 1 делегату, имеющие свыше 1 тыс. — еще по 1 делегату от каждой тысячи. Организационное бюро предполагало, что при такой норме в работе съезда примут участие от 200 до 300 делегатов⁷.

⁴ «Правда», 7 июля (24 июня) 1917 года.

⁵ Всероссийская конференция профессиональных союзов работала в Петрограде в течение недели 4—11 июля (21—28 июня). На ней присутствовали 211 делегатов, из них 73 большевика (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 473).

⁶ «Правда», 12 июля (29 июня) 1917 года.

⁷ См. «Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы». М.-Л. 1927, стр. 23—24.

Решение о созыве VI партийного съезда было принято, и подготовка к нему началась в дни, когда большевистская партия действовала легально. Но после июльских событий обстановка круто изменилась. Двоевластие, образовавшееся в России после Февральской революции, наступил конец. Эсеры и меньшевики, возглавлявшие в ту пору Советы, добровольно передали власть контрреволюции.

Начался разнузданный разгул контрреволюционных банд. Они разгромили помещение редакции «Правды», учинили погром во дворце Кшесинской, в котором раньше находился ЦК партии, а потом работала военная организация большевиков, и разгромили типографию, где печатались большевистские издания. Всюду шли повальные обыски. Начались аресты большевиков. Была введена смертная казнь на фронте. Прибегая к испытанному царизмом методу борьбы с революцией, Временное правительство пустило в ход сфабрикованное провокаторами грязное дело о «государственной измене» Ленина и отдало приказ об его аресте. Ленин вынужден был уйти в подполье. Буржуазная печать изощрялась в травле большевистской партии.

Таким образом, VI съезд РСДРП(б) собрался в совершенно иной обстановке, нежели предполагалось. Это, конечно, не могло не наложить своего отпечатка на его работу. Съезд открылся 8 августа (26 июля) в Петрограде и фактически заседал полулегально. Для того, чтобы ориентировать партию, рабочий класс, большевистские газеты систематически публиковали отчеты о съезде, но места его работы не указывали. Съезд начался на Выборгской стороне, а затем перешел в Нарвский район; в обоих районах он находился под охраной рабочих-красногвардейцев. Горячими аплодисментами делегаты встретили слова Я. М. Свердлова, когда он в докладе Организационного бюро заявил, что «только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда здесь, в Петербурге», и предложил выразить благодарность Выборгскому району за гостеприимство⁸.

Власти и агенты охраны так и не обнаружили места работы большевистского съезда, и это выводило из себя контрреволюцию. 10 августа (28 июля) кадетская «Речь» поместила заметку, в которой писала: «Ленин, вопреки сообщению газет, за границу не выезжал и находится в пределах России в постоянном контакте с ЦК фракции большевиков». Буржуазные газеты, стремясь, с одной стороны, запугать большевиков, с другой, успокоить нервы своих читателей, сообщали, что следователи (сфабриковавшие «дело» против Владимира Ильича) намерены запросить делегатов VI съезда РСДРП(б) о местонахождении Ленина, а в случае неполучения необходимого ответа привлечь их к судебной ответственности. Другая буржуазная газета, «Утро России», сообщала о неких членах Временного правительства, которые на заседании совета министров «решительно высказались в том смысле, что правительство не может в дальнейшем потерпеть никаких действий, подрывающих авторитет власти, откуда бы эти действия ни исходили», и что, «по мнению этих членов Временного правительства, заседающий в настоящее время в Петрограде большевистский съезд в целом ряде своих решений высказал вполне определенные намерения», почему и «представляется совершенно необходимым применить к большевистскому съезду те или иные репрессии...»⁹.

Но угрозы и провокации не запугали большевистский съезд, и он продолжал работать.

Съезд был многолюдным: на нем, не считая гостей, присутствовали 157 делегатов с решающим голосом и 110 с совещательным; в подавляющей своей части это были закаленные революционеры, опытные

⁸ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)». Партиздат. М. 1934, стр. 10.

⁹ Газета «Утро России», 15 (2) августа 1917 года.

конспираторы. Сохранилась анкета о личном составе партийного съезда¹⁰. Ее, правда, заполнил только 171 делегат (130 с решающим и 41 с совещательным голосом), но она, тем не менее, дает представление о лице съезда.

Среди 171 делегата, давшего о себе сведения, были 161 мужчина и 10 женщин. Их средний возраст — 29 лет; самым молодым делегатам было по 18—19 лет (5 товарищей), самым пожилым — по 45—49 лет (2 товарища). Интересны (а терминологически характерны) ответы на вопрос об образовательном цензе делегатов; из них явствует, что на съезде присутствовало с высшим образованием и студентов 55 человек, со средним образованием — 39, с низшим — 60, с домашним — 11, с тюремным — 3, самоучек — 3. Профессиональный состав делегатов: рабочих — 70, конторщиков и других служащих — 22, литераторов — 20, преподавателей — 12, врачебных профессий — 7, юристов — 6, статистиков — 4, техников — 2, офицеров и юнкеров — 3, солдат — 2, без определенных профессий — 23.

Подавляющее большинство делегатов впервые присутствовало на партийном съезде, и это вполне естественно, если учесть условия созыва прежних съездов и вынужденный десятилетний перерыв между V и VI съездами. Из делегатов VI съезда на II съезде присутствовали 2, на III — 2, на IV — 1, на V — 6, на Апрельской конференции 1917 г. — 13. Партийный стаж делегатов таков: с 1902 г. — 4 человека, с 1903 г. — 17, с 1904 г. — 19, с 1905 г. — 24, с 1906 г. — 17, с 1907 г. — 9, с 1908 г. — 6, с 1909 г. — 4, с 1910 г. — 4, с 1911 г. — 6, с 1912 г. — 15, с 1913 г. — 10, с 1914 г. — 14, с 1915 г. — 8, с 1916 г. — 2 и с 1917 г. — 4. В среднем на каждого делегата приходилось по 8 лет и 3 месяца пребывания в рядах большевистской партии, а если вычесть 4 месяца революционных свобод, оборвавшихся в июльские дни, то по 7 лет и 11 месяцев нелегальной работы в условиях строжайшей конспирации.

В составе делегатов были и ветераны революции, вставшие под знамя марксизма еще в 90-х годах, и искровцы, и участники первой русской революции, и товарищи, примкнувшие к рати пролетарских борцов в тяжелые годы реакции, и разбуженные к революционной борьбе ленинской «Правдой» в полосу нового революционного подъема, и — их было мало — совсем молодые большевики. Делегат съезда от Костромской организации Н. П. Распопчин, характеризую атмосферу, в которой начался съезд, пишет: «Здесь собралась наша партийная семья, члены которой встретились после долгой разлуки: после тюрем, ссылок, каторги, разрозненной текущей работы на боевых большевистских постах. Встретились по-братски, как родные, вместе переживали отсутствие среди нас В. И. Ленина, который воспитал и сплотил нас и был для нас больше чем отец»¹¹.

По поручению Организационного бюро съезд открыл один из старейших большевиков, популярный партийный литератор М. С. Ольминский. На большинстве заседаний председательствовал Я. М. Свердлов. Он, по свидетельству Л. Р. Менжинской, «выравнивал прения, проводил общую директиву ЦК»¹². Участники съезда впоследствии неоднократно подчеркивали эту роль Свердлова. В 1932 г. в Москве собрание Всесоюзного общества старых большевиков отметило 15-летие съезда. Почетный председатель общества М. С. Ольминский прислал собранию письмо, в котором сожалел, что не может «лично присутствовать на юбилее VI съезда партии, фактически руководимого Лениным, и вспомнить работу Якова Михайловича Свердлова и других товарищей»¹³.

¹⁰ См. «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 274—278.

¹¹ Журнал «В помощь политическому самообразованию», 1957, № 7, стр. 60.

¹² «Яков Михайлович Свердлов». Сборник воспоминаний и статей. Истпарт. Госиздат. Л. 1926, стр. 94.

¹³ Цит. по Ем. Ярославский. Накануне Октября. О Шестом съезде ВКП(б). М. 1932, стр. 7.

В президиум съезда были единогласно избраны пять человек: Я. М. Свердлов, М. С. Ольминский, Г. И. Ломов, К. К. Юренев, И. В. Сталин. Почетным председателем съезд избрал В. И. Ленина и с энтузиазмом принял в его адрес горячее приветствие.

Свердлов огласил ряд характерных приветствий, поступивших в адрес съезда. Группа заключенных солдат и офицеров Петроградского гарнизона писала: «...Мы смело и бодро смотрим на будущее — ведь там близкое торжество рабочего класса. Дружной работы, товарищи!». Союз рабочих и работниц портновского производства г. Москвы: «Выражаем глубокую с вами солидарность и готовы вместе с вами идти по пути тернистой, тяжелой, но верной борьбы за заветы международного пролетариата, знамя которого, с его боевым кличем «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», будет звать на последний и решительный бой». Общее собрание рабочих завода Лангеншиппен (Петроград): «Выражаем уверенность, что всероссийский съезд революционной социал-демократии, несмотря на гонения и преследования, не сойдет с пути классовой борьбы и международной солидарности рабочих и при выработке программы партии будет руководствоваться современной эпохой развития империализма, ведя пролетариат к конечной цели — торжеству социализма»¹⁴.

На первом заседании съезда был утвержден порядок дня и заслушан доклад Я. М. Свердлова от Организационного бюро. Докладчик обрисовал ход подготовки съезда, отметил, что «последние события тяжело отразились на нас» и «Организационное бюро сделало все, что могло, но съезду придется отказать от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться»¹⁵.

Конечно, Свердлов имел в виду прежде всего Ленина. Именно Ленин выступил бы с докладом ЦК, как это он делал на следующих партийных съездах. Но Ленин скрывался в подполье. Доклад о политической деятельности ЦК сделал Сталин, доклад об организационной деятельности ЦК — Свердлов. Доклад о политическом положении, с которым также должен был выступить Ленин, поручили Сталину. Члены ЦК, избранного Апрельской конференцией, заменили Ленина в качестве основного докладчика. Их задача облегчалась тем, что они были вооружены ленинским анализом создавшейся обстановки, ленинскими выводами о тактике партии в новых исторических условиях.

Уйдя в подполье, Ленин ни на один день не прерывал руководства партией. На конспиративных квартирах в Петрограде, а затем в Разливе под Сестрорецком, в дни, предшествовавшие съезду, и во время работы съезда Ленин написал ряд статей, имевших важнейшее значение для определения дальнейшей тактики большевистской партии: «Три кризиса», «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров», «Политическое положение», «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях», «Ответ», «Начало бонапартизма», «Уроки революции».

В знаменитом шалаше у озера Разлив Ленин неоднократно встречался с видными работниками партии и обсуждал с ними злободневные политические вопросы. Поныне здравствующий рабочий-подпольщик Н. А. Емельянов, у которого скрывался Ленин, пишет: «Иногда наш шалаш напоминал штаб... В ту пору подготавливался и был проведен Шестой съезд нашей партии. Тот, кто был душой этого съезда, скрывался в шалаше... Готовя съезд, направляя его работу, Ильич подробно

¹⁴ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 6—7.

¹⁵ Там же, стр. 9, 10.

и подолгу беседовал с товарищами, которые его проводили»¹⁶. По свидетельству Емельянова, у Ленина были Дзержинский, Орджоникидзе, Свердлов, Сталин.

В течение двух с лишним недель приезжал к В. И. Ленину А. В. Шотман, впоследствии вместе с Эйно Рахья перевезший Ленина в Финляндию. Он доставлял в шалаш газеты, на которые Ленин «набрасывался с лихорадочной поспешностью, делал на них какие-то пометки и затем начинал писать, сидя на траве». Шотман писал в своих воспоминаниях: «Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы его через границу, сам Ленин был занят работами VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища. Когда покойный Я. М. Свердлов, председательствовавший на съезде, ставя на голосование написанные рукой Владимира Ильича резолюции, имел неосторожность сообщить, что хотя Ленин и лишен возможности лично присутствовать на съезде, но невидимо он участвует и даже руководит его работами, все газеты подняли невероятный вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина»¹⁷.

Итак, Шотман, который сам был делегатом съезда и выполнял в те дни роль связного между ЦК и Лениным, утверждает, что резолюции съезда принадлежат перу Ленина.

Из доклада Я. М. Свердлова на первом заседании следует, что Оргбюро собиралось получить резолюции В. И. Ленина и выяснить его отношение к резолюциям, подготовленным другими товарищами¹⁸.

К сожалению, оригиналы резолюций не обнаружены, как не разысканы до сих пор и написанные Лениным для партийного съезда тезисы о политическом положении. Сам Ленин упоминал о них в одном письме, относящемся к концу лета 1917 года. В списке поручений, которые он дал товарищам перед своим отъездом из Разлива в Гельсингфорс, имеется такая строка: «...Мои тезисы о п[олитическом] п[о]л[о]ж[ении] (с[без]ду)»¹⁹.

Эти тезисы не только легли в основу доклада Сталина, их значение было гораздо большим. Активный участник съезда Н. И. Подвойский (он делал доклад о работе Военной организации ЦК) заявлял, что «в основу работ съезда (разрядка наша.— Н. М.) были положены тезисы тов. Ленина»²⁰.

Точное содержание тезисов о политическом положении, написанных Лениным для съезда, неизвестно. Но известны работы Ленина, идеи которых нашли свое выражение в докладах на съезде и в принятых им резолюциях. Известны и воспоминания партийных деятелей, являющиеся историческими источниками.

Сошлемся прежде всего на воспоминания Серго Орджоникидзе о его беседе с Лениным в знаменитом шалаше. Орджоникидзе поехал туда, чтобы информировать Владимира Ильича и получить от него директивы для ЦК. Долго Серго рассказывал Ленину о том, что происходит в Петрограде, каково настроение рабочих и солдат, что делается в большевистской организации, в Петроградском Совете, в меньшевистском ЦИК. Выслушав своего собеседника и задав ему ряд вопросов, Ленин сказал: — Большевистские советы дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание

¹⁶ Журнал «Знамя», 1957, № 2, стр. 141.

¹⁷ «Ленин — вождь Октября. Воспоминания петроградских рабочих». Л. 1956, стр. 157.

¹⁸ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 10.

¹⁹ «Ленинский сборник». XXI, стр. 82.

²⁰ Журнал «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 93.

будет не позже сентября — октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы.

«Все это,— писал Орджоникидзе в 1924 г.,— я слушал с напряженным вниманием, впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывает через месяц — два победоносное восстание.

Когда я передал Ильичу слова одного товарища, что не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин, он совершенно серьезно ответил: «Да, это так будет».

Далее Ильич дал ряд директив, как вести работу...»²¹.

Сходный эпизод мы находим в цитируемых выше воспоминаниях А. В. Шотмана. Он рассказал Ленину о том, как в Выборгском районе Лашевич, тогда член ПК, возражая некоторым товарищам, высказавшим опасения, что Керенскому удалось на продолжительный срок загнать большевистскую партию в подполье, сказал: «Вот увидите, тов. Ленин в сентябре будет премьер-министром». Шотман писал: «Сообщая В. И. Ленину петербургские новости, я передал ему слова тов. Лашевича, на что Ильич очень спокойно ответил: «В этом нет ничего удивительного». От такого ответа я, признаться, немного опешил и поглядел на него с изумлением. Заметив мое удивление, Владимир Ильич стал обстоятельно мне объяснять, как будет развиваться русская революция»²².

Ленин был гениальным мастером тактических поворотов — смелых и решительных. Этому мастерству он учил большевиков. Не удивительно, что в беседах с партийными товарищами и в статьях, обращенных к партии, рабочему классу, Ленин с такой страстностью восставал против доктринерского, педантского, закостенелого подхода к тактике партии, рассматривающего эту тактику безотносительно к тому, что произошло в жизни. Ленин не уставал разъяснять, что резкий перелом в развитии революции, наступивший в июльские дни, повелительно требует от революционной партии пролетариата немедленного отказа от прежних лозунгов, правильных вчера и бесполезных, даже вредных сегодня, и провозглашения новых лозунгов, вытекающих из новой обстановки, нового соотношения борющихся сил.

Классическая по форме, глубине научного анализа, точности выводов, подтвержденных последующим развитием, работа В. И. Ленина «К лозунгам» начинается со следующего поучительного напоминания: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории»²³.

С большевиками не должно произойти того, что случилось с партиями, на исторический опыт которых ссылался Ленин. Но для этого надо считаться с новыми обстоятельствами, смотреть правде в лицо, ибо «борьба с буржуазной контрреволюцией требует трезвости и умения видеть и говорить то, что есть»²⁴. А правда, разъяснял Ленин, заключается в том, что власть в России перешла в руки военной клики Кавеньяков, поддерживаемой классом буржуазии, и эту власть надо свергнуть.

Марксизм учит, что вопрос о власти — коренной вопрос всякой революции. В чьих руках в данный момент государственная власть? Вот вопрос, ответ на который предопределяет тактику, действия марксистской партии.

До июльских дней в России существовало двоевластие: буржуазное

²¹ «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 1-я. Госполитиздат. 1956, стр. 525.

²² «Ленин — вождь Октября», стр. 155.

²³ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 164.

²⁴ Там же, стр. 201.

Временное правительство, с одной стороны, и Советы — с другой. Советам верил, их поддерживал вооруженный народ — рабочие и крестьяне, одетые в военную форму. Анализ тогдашней обстановки привел Ленина к выводу о том, что при двоевластии, сложившемся в стране, возникла редкая возможность мирного развития революции. Лозунг большевиков «Вся власть Советам!», сформулированный В. И. Лениным в Апрельских тезисах, был лозунгом мирного развития революции.

В июле, однако, обстановка изменилась. В решающем месте власть перешла в руки контрреволюции. Советы, которые были организациями громадного большинства народа и готовой формой диктатуры рабочих и крестьян, могли взять, но не взяли государственную власть. Более того: преданные своими руководителями — эсерами и меньшевиками, они отдали власть контрреволюции. Ленин, призывая большевиков оперировать не старыми, а новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями, писал: «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»²⁵.

Именно Ленин после падения царизма выдвинул лозунг «Вся власть Советам!». А несколько месяцев спустя он предложил немедленно снять этот лозунг. Что же, иной становилась цель, достичь которую большевики стремились и к которой вели рабочий класс? Нет. Цель оставалась прежней, но путь к ней необходимо было избрать иной и средства борьбы применить другие: не безболезненный, и потому более всего желательный, мирный путь, ставший в новых условиях невозможным, а путь вооруженного восстания.

В статье «Политическое положение» В. И. Ленин писал, что лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до июльских событий, то есть до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. После июльских дней такой лозунг уже неверен, ибо он не считается с этим состоявшимся переходом и с тем, что эсеры и меньшевики на деле полностью изменили революции. Теперь, подчеркивал Ленин, требуются ясное сознание положения, выдержка и стойкость авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию.

Эта мысль пронизывает и другие ленинские работы того переломного периода. Вот что, например, писал В. И. Ленин в статье «Ответ», напечатанной в двух номерах газеты «Рабочий и солдат» — 8 и 9 августа (26 и 27 июля), то есть в день открытия VI партийного съезда и во второй день его работы: «Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»²⁶.

Статья «Ответ» была опубликована в органе «Военки» (Военной организации при ЦК партии). Эта газета, ненадолго заменившая разгромленную юнкерами «Правду», после съезда стала центральным органом РСДРП (б). Здесь же появились статьи Ленина «О конституционных иллюзиях», «Начало бонапартизма». Статью Ленина «Три кризиса» напечатал большевистский журнал «Работница», статьи «Политическое положение» (под заглавием «Политическое настроение» за подписью «W») и «Благодарность князю Г. Е. Львову» — кронштадтская большевистская газета «Пролетарское дело», статью «К лозунгам» издал Кронштадтский

²⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 166

²⁶ Там же, стр. 196.

комитет РСДРП(б) отдельной брошюрой. И. П. Флеровский, делегат съезда от большевистской организации Кронштадта, пишет: «...Я отлично помню, какое огромное впечатление на членов съезда произвела ленинская брошюра «К лозунгам», доставленная из Кронштадта на съезд как раз, когда мы перешли за Нарвскую заставу. Все делегаты получили экземпляр брошюры и жадно прикинули к ее страницам»²⁷.

Как ни свирепствовали контрреволюционеры, как ни неистовствовали душители большевистской печати, мысли Ленина становились известными партийному активу, а через него и всей партии. Тезисы В. И. Ленина о политическом положении, содержание его статей и бесед с партийными товарищами были в центре внимания съезда.

Доклад о политическом положении, сделанный на съезде И. В. Сталиным 12 августа (30 июля), с ленинских позиций оценивал обстановку, сложившуюся в России. «Перед нами теперь картина диктатуры империалистической буржуазии и контрреволюционного генералитета, — говорил докладчик. — Правительство, внешне борющееся с этой диктатурой, на деле исполняет её волю, являясь лишь ширмой, прикрывающей её от народного гнева. Обессиленные и обесчещенные Советы своей политикой бесконечных уступок лишь дополняют картину, причём, если их не разгоняют, то потому что они «нужны» как «необходимое» и очень «удобное» прикрытие». Поскольку положение изменилось коренным образом, должна была измениться и тактика большевиков: «Раньше мы стояли за мирный переход власти к Советам... Свержение диктатуры империалистической буржуазии — вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии»²⁸.

Прения по докладу о политическом положении заняли почти два заседания. Съезд выслушал 17 речей. Обсуждение важнейшего вопроса, на который съезд должен был дать ответ партии, правильно оценив обстановку и определив вытекающие из этой оценки задачи, велось с большой активностью. В прениях сталкивались различные мнения, чтобы в конце концов съезд смог прийти к одному, общему мнению, выработанному на началах большевистской принципиальности и коллективности.

Протоколы съезда при всем их несовершенстве²⁹ дают представление о спорах, возникших при обсуждении доклада о политическом положении.

Не все делегаты съезда смогли отрешиться от доиюльских представлений о развитии революции, о сложившемся соотношении сил борющихся

²⁷ «Правда», 8 августа 1957 года.

²⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 176—177.

²⁹ Стенографического отчета о работах VI съезда РСДРП(б) нет. Стенографов на съезде не было. Доклады и речи записывал ряд работников Питерской большевистской организации, главным образом Л. Р. Менжинская и И. М. Москвин. Уже после съезда протокольные записи были сведены воедино и впервые выпущены отдельной книгой издательством «Коммунист» в 1919 году. Рукопись, по которой набиралась книга, не сохранилась. В 1927 г. протоколы были переизданы Истпартом ЦК ВКП(б), в 1934 г. — Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Текст протоколов, изданных ИМЭЛ в 1934 г., сходен с отчетами о съезде, печатавшимися в большевистских газетах «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Социал-демократ». Кроме того, редакция издания, выпускающая протоколы, использовала записи, которые вел тов. Козлов, делегат съезда от большевистской организации Гусь-Хрустального. Протокольные записи, понятно, существенно отличаются от стенографических. Они почти всегда неполны, а могут быть и неточными. Е. М. Ярославский говорил впоследствии: «...мы вели съезд в очень трудных условиях. Мы не могли вести его открыто. Стенограммы велись несовершенно, неполно, протоколы VI съезда очень неполные, и, возможно, что тут не все отмечалось» (Ем. Ярославский. Указ. соч., стр. 32). И. П. Флеровский, делавший на съезде доклад о деятельности Кронштадтской организации большевиков, тоже указывает на неполноту протоколов и неточность некоторых секретарских записей (см. И. П. Флеровский. Большевистский Кронштадт в 1917 году. Л. 1957, стр. 75—76).

ся классов, о тактике, которой должна придерживаться большевистская партия. Не все ясно видели общую картину обострившихся классовых боев и объективные условия, порождавшие один политический кризис за другим — в апреле, июне, июле 1917 г.— и таившие в себе элементы новых кризисов. В статье «Три кризиса» Ленин разъяснял, что никакие большевики в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы глубочайшие экономические и политические причины не привели пролетариат в движение, так же как и никакие кадеты и монархисты вместе не в силах бы вызвать никакого движения «справа», если бы столь же глубокие причины не создавали контрреволюционности буржуазии как класса. Краткую, но выразительную характеристику соотношения классовых сил дал Ленин в статье «Благодарность князю Г. Е. Львову». Борются два врага, два неприятельских стана, и в июльские дни один прорвал фронт другого. Эти два стана — пролетариат и буржуазия, классовая борьба между которыми во время революции обостряется до крайности. Третий стан — мелкая буржуазия — кажется большим, но каждому марксисту, понимающему экономическое положение мелкой буржуазии, ясно, что этот стан ничего самостоятельно решать не может; отсюда, собственно, и бессилие мелкобуржуазных партий при обострении борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Вот с этой известной марксистской истиной не посчитались те немногие делегаты съезда, которые настаивали на старой тактике и возражали против снятия лозунга «Вся власть Советам!». Например, В. П. Ногин, не считаясь с тем, что после июльских событий Советы были бессильны, утверждал, что только в этих Советах пролетариат при новом взрыве революции найдет поддержку. Он же, игнорируя то обстоятельство, что во главе тогдашних Советов стояли меньшевики и эсеры, заявлял, что Советы «не поддержат политики Дана и других» и что прежний лозунг «Вся власть Советам!» якобы «остается революционным...»³⁰.

Один из руководителей Московской областной организации, избранный на съезд большевиками Иваново-Вознесенска, А. С. Бубнов, критикуя подобного рода взгляды, с полным основанием говорил, что эти взгляды представляют собою отрывку разногласий, имевших место на Апрельской конференции³¹. Действительно, делегаты, полагавшие, что на Советы можно «давить», что на них еще можно рассчитывать, совершали ошибку оппортунистического характера; их точка зрения, в другой, правда, исторической обстановке, явно смахивала на точку зрения Каменева, которую тот пытался навязать партии в марте и апреле («давить» на Временное правительство, не провозглашать недоверия ему, как правительству антинародному, антиреволюционному, империалистическому).

Некоторых делегатов смущало то, что партия в последние месяцы успешно пропагандировала в массах лозунг о переходе всей власти к Советам, и они, эти делегаты, не представляли себе, как же на ходу совершить крутой переход к новой тактике, как объяснить массам отказ от старого лозунга, какая организация, помимо массовых и разветвленных Советов, сможет объединить и повести широчайшие слои трудящихся на социалистическую революцию. Так, делегат Петроградской большевистской организации М. М. Володарский соглашался, что лозунг «Вся власть Советам!» не следует оставлять в прежнем виде. «Но,— прибавлял он,— нельзя вместе с водой выплескивать ребенка. Когда на другой день после революционного взрыва вы скажете массам: «Выбирайте новые советы»,— вам скажут: «Опять советы, которые вы же сами так клеймили»³².

Другие делегаты, исходя из обстановки в районе, который они представляли на съезде, не соглашались с тем, что в решающих местах власть

³⁰ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 124, 125.

³¹ См. там же, стр. 134.

³² Там же, стр. 116.

перешла в руки контрреволюции и, следовательно, необходим отказ от старой и переход к новой тактике. Делегат Гельсингфорсской большевистской организации В. Н. Залежский заявил: «Мы переживаем процесс диалектических противоречий: власти нет ни в руках буржуазии, ни в руках советов». Он возражал против тезиса о том, что в решающем месте — на фронте и в тылу — власть находится в руках контрреволюции, и утверждал, что по отношению к фронту этот тезис неверен³³. Делегат бакинских большевиков П. А. Джапаридзе говорил, что докладчик «отождествляет советы с Центральным исполнительным комитетом», а это — «перенесение петербургских условий в провинцию»³⁴. Джапаридзе закончил речь так: «...Для успеха революции необходимо предвидеть и организационные формы, и, пока не предложено лучших, я высказываюсь за существующие»³⁵.

Против смены прежнего лозунга был и Е. М. Ярославский, представлявший на съезде Московскую военную организацию большевиков. Позднее, в 1932 г., в докладе о 15-летию VI партийного съезда, он, оценивая свою позицию, сказал: «В частности, и я на этом съезде не совсем ясно представлял себе этот лозунг и поэтому возражал против него. Я также не совсем ясно понимал тогда, почему надо отказаться от лозунга, снять этот лозунг, «*Вся власть Советам!*». Хотя и исходил из другой точки зрения, чем Ногин, Ангарский и др., я был также неправ в этом вопросе»³⁶.

Ленин предвидел сомнения, которые может вызвать требование снять лозунг «*Вся власть Советам!*» (хотя лозунг этот снимался временно). Он понимал, что некоторые большевики могут стать в тупик: они звали массы бороться за переход всей власти в руки Советов, как же объяснить им отказ от этого требования? Будто бы речь шла об отказе от идеи государства Советов! В статье «*К лозунгам*» Ленин особо остановился на этом. Он писал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов... Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана»³⁷.

Это отлично понимали многие делегаты съезда, и они рассеивали сомнения одних, горячо спорили с другими, вскрывая корни их ошибок. Так, член ЦК В. П. Милютин, полемизируя с товарищами, предлагавшими сохранить прежний лозунг, и вскрывая несостоятельность этого требования, сказал: «Мне хочется напомнить одно положение: наша политика и наша тактика определяются тем, что мы держим курс на социалистическую революцию. И в этом отношении мы остаемся на старой позиции. Но условия нашей борьбы действительно изменились», и поэтому продолжать прежнюю тактику нелепо, — «...мы к этому кардинальному вопросу должны подходить с классово-точкой зрения»³⁸.

И. В. Сталин в заключительном слове, сославшись на брошюру В. И. Ленина «*К лозунгам*», в которой обоснована необходимость снятия лозунга «*Вся власть Советам!*», сказал, что снятие прежнего лозунга не означает выступления против Советов. «Наоборот, можно и должно работать в Советах, даже в Центральном исполнительном комитете Советов — органе контрреволюционного прикрытия. Хотя Советы теперь лишь

³³ Там же, стр. 129.

³⁴ Там же, стр. 120.

³⁵ Там же, стр. 121.

³⁶ Ем. Ярославский. Указ. соч., стр. 43.

³⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 170.

³⁸ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 115.

органы сплочения масс, но мы всегда с массами и не уйдём из Советов, пока нас оттуда не выгонят. Ведь мы остаёмся и в фабрично-заводских комитетах, и в муниципалитетах, хотя они не имеют в своих руках власти. Но, оставаясь в Советах, мы продолжаем разоблачать тактику социалистов-революционеров и меньшевиков»³⁹.

Такова была точка зрения Ленина; он высказывал ее Центральному Комитету, он излагал ее в некоторых своих статьях. Предполагая, что партии придется уйти в подполье, Ленин писал, что надо, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, «соединить легальную работу с нелегальной... Действовать так, как в 1912—1914 гг., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.»⁴⁰.

В результате прений, развернувшихся при обсуждении вопроса о политическом положении, съезд укрепился в твердом убеждении о необходимости новой тактики, исходящей из того, что партия теперь, в иной обстановке, должна отказаться от лозунгов мирного периода революции и мобилизовать массы вокруг нового лозунга — подготовки вооруженного восстания для завоевания власти, установления диктатуры пролетариата в России. Резолюция «О политическом положении» была принята съездом единогласно при четырех воздержавшихся. С таким же единодушием съезд утвердил отчет ЦК и одобрил работу Центрального Комитета по руководству политической деятельностью большевистской партии и политическими выступлениями рабочего класса.

Резолюция «О политическом положении» констатировала, что Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что они не взяли вовремя всей государственной власти в свои руки, что лозунг передачи власти Советам, который пропагандировала большевистская партия, был лозунгом мирного развития революции, безболезненного изживания мелкой буржуазией ее иллюзий. Но обстановка изменилась. Мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны, ибо на деле власть уже перешла в руки контрреволюционной буржуазии. Съезд заявил: «Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии»⁴¹.

Так съезд сформулировал лозунг подготовки вооруженного восстания. Съезд указал и на силы, способные осуществить этот лозунг: революционный пролетариат, поддержанный беднейшим крестьянством.

Но партия не призывала к немедленному восстанию. Ленин разъяснял, что победа вооруженного восстания рабочих возможна лишь при совпадении восстания с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны. Предостерегая от преждевременных выступлений, выгодных контрреволюции, партия предлагала накапливать силы, спланировать их, чтобы при новом подъеме революции решительным, смелым, мощным ударом свергнуть власть контрреволюции. Ленин писал в канун съезда, определяя задачи большевистской партии и революционного рабочего класса: «...никаких разрозненных действий, не поддаваться теперь провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию, если ход кризиса позволит применить его в действительно массовом, общенародном размере»⁴².

Это важное указание мы находим и в резолюции съезда «О политическом положении». В ней говорится, что пролетариат не должен подда-

³⁹ И. В. Сталин. Соч. Т. 3, стр. 185.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 159.

⁴¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 376.

⁴² В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 159.

ваться на провокации буржуазии, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой. Пролетариат должен со всей энергией организовать и готовить силы к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих, против буржуазии. Резолюция заканчивалась словами: «Задачей этих революционных классов является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества»⁴³.

Делегат съезда Е. Преображенский внес поправку к заключительным строкам резолюции. Он предложил конец резолюции в такой редакции: «...для направления ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе — к социализму». Иначе говоря, Преображенский, находясь на троцкистских позициях, предлагал победу социалистического строительства в России считать возможной лишь при условии, если произойдет пролетарская революция на Западе. Съезд единодушно отверг эту поправку. Он дал отпор и другому теоретически ошибочному и практически вредному, капитулянтскому утверждению — утверждению Бухарина о том, что крестьяне якобы блокируются с империалистической буржуазией и не поддержат рабочий класс.

Теоретическая и политическая зрелость съезда, атмосфера единодушия, царившая на нем, проявились и в решении по вопросу о явке Ленина на суд. Этот вопрос очень волновал партию, рабочий класс; принять правильное решение можно было, лишь конкретно оценив политическую обстановку в стране. Известно, что, когда Ленин уходил в подполье, Троцкий, Каменев, Рыков высказывались за то, чтобы он предстал перед судом. Вопрос о явке Ленина на суд рассматривался на третьем заседании съезда. Доклад сделал Г. К. Орджоникидзе. В прениях по докладу выступили 8 человек. Одни делегаты (например, Ф. Э. Дзержинский, Н. А. Скрыпник) категорически отвергали самую мысль о явке Ленина на суд, другие (например, М. М. Володарский, М. М. Лашевич, Д. З. Мануильский) склонялись к тому, что если Временное правительство даст твердые гарантии безопасности Ленина, организует гласное следствие, гласный суд и т. п., то следует пойти на суд и использовать его как трибуну для разоблачения антинародной сущности Временного правительства.

Конечно, сторонники явки Ленина на суд при всем различии оттенков их мнений и аргументации глубоко ошибались. Эта ошибка отражала конституционные иллюзии, охватившие массы после свержения царизма и по инерции продолжавшие опьянять их и после июльских дней. Обнажая почву, питавшую эти иллюзии и показывая весь их вред, Ленин перед съездом писал в статье «К вопросу об явке на суд большевистских лидеров»: «Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в эпизоде гражданской войны. Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки... Пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!»⁴⁴.

Съезд единогласно принял постановление, в котором решительно выступил против явки Ленина на суд.

Характерной чертой VI съезда большевистской партии было то, что он проходил под знаком пролетарского интернационализма.

Сознавая авангардную роль рабочего класса России в революцион-

⁴³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 376.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 155, 156.

ной борьбе пролетариев всего мира и задачу организации нового, III Интернационала, возложенную историей на партию большевиков, съезд в резолюции «Текущий момент и война» дал развернутую оценку международного положения и определил свое отношение к задачам, стоявшим перед международным пролетариатом и рабочим классом России.

Война, отметил съезд, приобрела размах всеобъемлющего мирового столкновения. На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию — Америка. Борьба империалистических держав переносится решительно на все страны. Расширению сферы войны и ее затягиванию способствует и борьба мировой буржуазии против назревающей пролетарской революции. Наиболее опасна для империалистов всех стран русская революция, грозящая втянуть в движение против войны и империализма пролетарские массы других стран. Поэтому империалисты Антанты и открыли поход против русской революции, перешедший в прямой штурм.

В странах обоих воевавших лагерей рабочие и крестьяне жаждали окончания мировой бойни, желали мира. Добиться демократического мира, разъяснила резолюция, можно лишь путем революционной борьбы масс во всех странах, путем интернациональной пролетарской революции. «Единственным способом действительно демократической ликвидации войны для международного пролетариата является поэтому завоевание им власти, а в России завоевание ее рабочими и беднейшим крестьянством. Только эти классы будут в состоянии порвать с капиталистами всех стран и способствовать на деле росту международной пролетарской революции, которая должна ликвидировать не только войну, но и капиталистическое рабство»⁴⁵.

На знаменах пролетарской революции, к которой большевистская партия готовила рабочий класс и крестьянскую бедноту, были начертаны лозунги уничтожения империалистической войны, установления демократического мира для народов, международной солидарности рабочих всех стран.

Большевистская партия сознавала, что, готовясь к завоеванию власти, к утверждению диктатуры пролетариата, недостаточно иметь только программу политических действий — надо располагать и экономической платформой. Вот почему съезд с таким вниманием обсуждал вопрос об экономическом положении в России и задачах, которые встают перед рабочим классом в этой области.

Доклад об экономическом положении сделал В. П. Милютин. Подтверждая свои мысли цифрами и фактами, он показал, что если за два месяца, даже за две недели до съезда можно было говорить о том, что экономическая катастрофа надвигается, то момент, в который собрался съезд, характеризуется уже началом катастрофы. Все национальное богатство страны оценивалось в 70 млрд. руб., а ее государственный долг к концу года должен был достигнуть 60 миллиардов. Это финансовый крах. Металлургическое производство сократилось на 40%, текстильное — на 20. Буржуазия локаутами, намеренным сокращением производства (незадолго до съезда были закрыты 77 предприятий в Донбассе) ускорила кризис в области промышленного производства. Усиливалась железнодорожная разруха. Обострилось продовольственное положение: в Петрограде имелся запас хлеба только на 10 дней, в других городах — на 20⁴⁶.

⁴⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 374.

⁴⁶ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 145, 146.

Саботаж капиталистов стал системой. Закрытием фабрик и заводов, массовыми локаутами, увеличением безработицы, голодом они стремились задушить революционный пролетариат. Буржуазное Временное правительство, в котором участвовали и «социалисты», только размахивало картонным мечом и никаких мер против контрреволюционной политики капиталистов, толкавших Россию к экономической гибели, не предпринимало.

Выход из кризиса был один — революционный. На него Ленин, большевики указывали неоднократно. Он был указан и VI съездом РСДРП(б) в резолюции «Об экономическом положении».

Съезд так характеризовал экономическое положение России: полное истощение в сфере производительного труда и дезорганизация производства, полное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и... как последствия всего этого доходящий до голода продовольственный кризис, а абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т. д.

Выйти из кризиса можно было лишь путем ликвидации империалистической войны и организации производства не для войны, а для восстановления разрушенного хозяйства, в интересах не финансовой олигархии, а рабочих и беднейших крестьян, при проведении ряда решительных революционных мероприятий. В резолюции были перечислены главнейшие из этих мероприятий.

В основе экономической платформы, разработанной VI съездом РСДРП(б) в преддверии социалистической революции, лежали положения, сформулированные В. И. Лениным в ряде его работ. Эти положения представляли собой программу, выполнение которой должно было спасти и действительно спасло страну от экономической катастрофы.

Изучение резолюций VI съезда по основным вопросам — отчету ЦК, о политическом положении, о текущем моменте и войне, об экономическом положении и др. — показывает, что съезд, сообразно обсуждаемой проблеме, многократно подчеркивал значение союза рабочего класса и крестьянской бедноты для победы социалистической революции. Естественно, что съезд самым внимательным образом проанализировал ход классово-революционной борьбы и настроение массы рабочих, крестьян, солдат. Этот анализ показал, что контрреволюционной буржуазии и ее эсеро-меньшевистским лакеям не удалось белым террором, развернувшимся после июльских дней, уменьшить влияние большевиков на массы.

Характерно признание полуменьшевистской газеты «Новая жизнь». В номере от 16 (3) августа она писала: «За последние недели после 3—5 июля многие возлагали надежды, что в рабочей среде должен произойти перелом. Перелом произошел, но в какую сторону?». Отвечая на этот вопрос, газета привела красноречивые факты. На заводах Новый и Старый Лесснер из 100 уполномоченных, выбранных рабочими в общинную кассу, — 80 большевиков, 5 меньшевиков, 15 эсеров (до июльских событий большевиков среди уполномоченных было меньше половины). Приведя еще ряд подобных данных, газета меланхолично замечала: «Перевыборы в Советы дают те же результаты».

Травля большевиков, развернутая Временным правительством и всеми политическими партиями, начиная с перекрасившихся монархистов, черносотенцев и кадетов и кончая меньшевиками и эсерами, вызвала в рабочем классе взрыв негодования⁴⁷. 6 августа (24 июля) газета «Рабо-

⁴⁷ Буржуазия, развернув травлю большевистской партии, добилась результатов, обратных тем, на какие она рассчитывала. Напомним, что писал впоследствии В. И. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «Когда русские кадеты и Керенский подняли бешеную травлю против большевиков — особенно с апреля

чий и солдат» опубликовала резолюцию митинга 10 тыс. путиловских рабочих, заявивших: «Мы протестуем против арестов с.-д. большевиков и идейных вождей большевизма; против закрытия рабочих интернационалистических газет; против разгрома рабочих и солдатских организаций; против лишения товарищей солдат свободы слова и собраний; против введения смертной казни, против разоружения рабочих. Требуем немедленного роспуска Госуд. Думы и Госуд. Совета и ареста всех контрреволюционеров». Двумя днями позднее эта же газета напечатала пространную резолюцию совместного заседания делегатов фронта, представителей заводов, фабрик и мастерских Петрограда и Кронштадта, гарнизона и флота Кронштадта и окрестностей Петрограда, состоявшегося 3—4 августа (21—22 июля). В резолюции этого заседания говорилось: «Временное торжество контрреволюции — административный произвол, военно-полевые суды, гонение на пролетарскую печать, восстановление смертной казни и воскрешение карательных статей уголовного царского кодекса, контрреволюционные организации в армии на фронте и в тылу — будет неизбежно вызывать сильнейший отпор со стороны народных масс».

Резолюции многих и многих других рабочих собраний тех дней также дышали возмущением.

Террор и преследования революционных солдат вызвали и в солдатской массе реакцию, какой контрреволюция никак не ожидала. Приведем ценное наблюдение Н. К. Крупской: «Вскоре после июльских дней Керенский придумал меру, которой рассчитывал поднять дисциплину в войсках; он решил, что пулеметный полк, начавший выступление в июльские дни, надо вывести безоружным на площадь и там заковать позором. Я видела, как разоруженный полк шел на площадь. Разоруженные солдаты вели под узду лошадей, и столько ненависти горело в их глазах, столько ненависти было во всей их медленной походке, что ясно было: глупее ничего не мог Керенский придумать. И, в самом деле, в Октябре пулеметный полк беззаветно пошел за большевиками, охраняли Ильича в Смольном пулеметчики»⁴⁸.

Настроения солдат ярко проявлялись в их письмах. Солдат Степан Ефимов в письме из действующей армии (Румынский фронт) с сарказмом спрашивал эсеро-меньшевистских руководителей Петроградского Совета: «Довольно ли в Петрограде казаков, артиллерии, юнкеров?.. Сколько нужно кровавым богам, министрам-капиталистам, на обед в день наших голодных братьев рабочих и наших жен и детей?». В письме, адресованном Петроградскому Совету, группа «раненых солдат с фронта» в связи с закрытием «Окопной правды» и других большевистских газет писала: «Теперь нам, солдатам, правды не читать, значит, буржуи что делают и распоряжаются, то солдат должен и делать». Вот отрывок из другого письма: «Временное правительство и Керенский изменники и губители свободы... Товарищи большевики, просим вас, присылайте на фронты товарищей делегатов и разъясните, как нам нужно поступать и защищать свои интересы»⁴⁹.

Письма с фронтов показывают, как жизнь быстро просвещала солдатскую массу, как солдаты, ранее охваченные угаром «добросовестного оборончества», отворачивались от Временного правительства и соглашательских партий и переходили на сторону большевиков.

Деревня тоже бурлила. В марте крестьянское движение охватывало только 34 уезда, в апреле — уже 174, в мае — 236, в июне — 280, а в июле — 320. Важен, однако, не только неуклонный рост крестьянского

1917 года и еще более в июне и июле 1917 года, — они «пересолили». Миллионы экземпляров буржуазных газет, на все лады кричащие против большевиков, помогли втянуть массы в оценку большевизма, а ведь кроме газет вся общественная жизнь именно благодаря «усердию» буржуазии пропитывалась спорами о большевизме» (В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 80).

⁴⁸ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. 1957, стр. 298—299.

⁴⁹ «Солдатские письма 1917 года». М.-Л. 1927, стр. 93, 105, 108—109.

движения, что уже само по себе имело большое значение. Обращало на себя внимание и увеличение числа неорганизованных, то есть стихийных выступлений в деревне; в этом проявлялось, между прочим, падение влияния эсеров на крестьян. Еще в июле наряду с каждыми 100 случаями неорганизованных выступлений были 120 случаев организованных. Но уже в августе картина стала иной: на 100 случаев неорганизованных выступлений приходилось только 62 случая организованных⁵⁰.

Итак, рост популярности большевистских идей в рабочем классе, в солдатской массе и в среде трудового крестьянства был несомненен. Но еще больше предстояло сделать для завоевания масс и для их организации на предстоящий вооруженный штурм власти капиталистов. Для этого надо было учесть свои собственные силы, хорошо знать состояние большевистских организаций, достижения и недостатки в их деятельности. Отчет ЦК, доклады ряда местных организаций партии, заслушанные съездом, опросный лист, заполненный делегатами по просьбе Центрального Комитета, дали в этом отношении очень ценные материалы. О том, какое большое значение имели доклады с мест, можно судить хотя бы по тому, что им были посвящены четыре заседания съезда.

В докладе об организационной деятельности ЦК Я. М. Свердлов привел следующие данные. На Апрельской конференции были представлены 78 организаций с 80 тыс. членов партии. Во время VI съезда партия насчитывала 162 организации с 200 тыс. членов. Докладчик, называя эти и другие цифры, отметил, что они минимальные. Действительно, по уточненным данным, делегаты съезда представляли около 240 тыс. членов партии⁵¹.

М. М. Володарский, выступавший после отчета ЦК с политическим докладом от ПК, сообщил, что Петроградская организация большевиков с 16 тыс. членов в апреле увеличила свой состав до 36 015 членов. В рядах меньшевистской организации было 8 тыс. членов, в эсеровской организации больше, но в ней не было рабочих. «Поэтому мы имеем полное право сказать, что мы являемся идейными гегемонами громадной части питерского пролетариата»⁵². То же смог сказать о Московской организации большевиков В. Н. Подбельский. Приведя цифры, характеризующие рост организации (состав которой с апреля увеличился больше чем вдвое), и сопоставив ее численность с численностью меньшевистской и эсеровской организаций, он заявил, что, несмотря на трудности работы, «наша партия, товарищи, является самой сильной» и что она «стягивает к себе все интернационалистические элементы»⁵³.

Н. И. Подвойский сделал доклад о деятельности Петроградской и Всероссийской Военной организации большевиков, начиная со времени ее образования (сразу же после свержения самодержавия) и кончая июльскими событиями. Е. М. Ярославский рассказал о работе Военного бюро МК в войсках Московского гарнизона. По существу, военной была и большевистская организация Минска, находившегося сравнительно близко от линии фронта; о деятельности минских большевиков говорил А. Ф. Мясников. Доклады В. Н. Залезжского (Гельсингфорс), И. П. Флеровского (Кронштадт) тоже были посвящены работе большевиков в войсках и во флоте. Съезд заслушал доклады делегатов Донбасса, Урала, Средней Сибири, Прибалтийского края, Поволжья, Закавказья и некоторых других районов.

Доклады с мест были дополнены сообщением М. Харитонова на одиннадцатом заседании съезда о данных, собранных «Анкетой о партийной печати до 16(3) июля 1917 года». В анкету перечислен 41 печат-

⁵⁰ «Крестьянское движение в 1917 году». М.-Л. 1927, стр. III, 7.

⁵¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК».

Ч. 1-я, стр. 371.

⁵² «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 44.

⁵³ Там же, стр. 54.

ный орган большевиков⁵⁴, из которых 27 выходили на русском языке, 5 — на латышском, по 2 — на литовском, армянском, эстонском, по 1 — на польском, грузинском, азербайджанском языках. Никогда раньше большевики не имели такой разветвленной сети своих газет и журналов, притом обращенных к разноязыкой аудитории.

Уже один перечень докладов показывает, что все они вместе помогли воссоздать достаточно отчетливую картину работы партии в двух столицах, в крупнейших промышленных центрах, в ряде национальных районов и на фронте.

К этим материалам примыкали и во многом их дополняли ответы делегатов на вопросы, содержащиеся в опросном листе, розданном Центральным Комитетом. В листе было 40 вопросов, в том числе следующие: как давно существует организация; какие другие партийные организации существуют в вашей местности; какое соотношение сил между ними; число всех рабочих в вашей местности; число членов в вашей организации; число членов во время Апрельской конференции; среди каких слоев населения ведет главным образом работу ваша организация (среди рабочих, крестьян, солдат, ремесленников и пр.); среди каких слоев населения ведут работу другие партийные организации.

Делегат Пермской организации ответил, что в Перми 37 тыс. рабочих, большевиков в городе 2 600 (во время Апрельской конференции — 1 600), ведут работу они среди рабочих и отчасти солдат⁵⁵. Увеличилась и большевистская организация другого крупного центра Урала — Екатеринбург; в дни Апрельской конференции она объединяла 1 700 членов, в дни VI съезда партии — 2 300⁵⁶.

Характерны ответы делегата Орехово-Зуевской организации. Со времени Апрельской конференции до VI партийного съезда организация увеличилась в четыре раза: с 400 до 1 600 членов. Называя эти цифры, делегат прибавил: «... но приним[али] в члены только очень сознат[ельных] товар[ищей]»⁵⁷.

Большевистские организации возникали, и влияние их на массу увеличивалось и в таких местностях, где их до революции не было. Делегат от Венденской организации сообщал, что до революции в Вендене работали только латышские социал-демократы; теперь наряду с ними существуют организации большевиков и эсеров. Рабочих в Вендене 3 тыс., солдат 10 тысяч. «Членов в нашей организации больше 500... Работа ведется нашей организацией исключительно среди солдат»⁵⁸.

В июле и августе В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что получить власть можно, только победив военную шайку Кавеньяков, опирающихся на привезенные в столицу реакционные войска, на кадетов и на монархистов. «Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эсеров и меньшевиков»⁵⁹.

Следовательно, партия большевиков должна была — притом в самое сжатое время (больших сроков исторический момент не давал), — разоб-

⁵⁴ Эти данные неполны. Большевики выпускали не менее чем 46 газет и журналов, в том числе 17 ежедневных газет (см. Х. М. Астрахан, И. С. Сазонов. Создание массовой большевистской печати в 1917 году. «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 91).

⁵⁵ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 38, оп. 1, д. 7, л. 80.

⁵⁶ Там же, л. 29.

⁵⁷ «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». Документы и материалы. М. 1957, стр. 229.

⁵⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 38, оп. 1, д. 7, л. 11.

⁵⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 167.

лчив социал-предателей, сплотить под своими знаменами пролетариат и вокруг него — революционные массы народа и повести их на вооруженное восстание. Естественно, что сама партия должна была мобилизоваться и действовать со всей революционной энергией, страстью и целеустремленностью. О приведении партии в мобилизационную готовность, о союзе миллионных масс пролетариата и крестьянской бедноты говорилось в постановлениях съезда.

Дальнейшему усилению партии — авангарда, организатора, руководителя рабочего класса — должен был способствовать новый устав РСДРП(б), проект которого был рассмотрен, а затем сообщен съезду выделенной им организационной секцией. Устав, утвержденный съездом, учитывал богатейший опыт строительства партии, в основе которого лежали разработанные Лениным организационные принципы большевизма, нормы партийной жизни.

Известно, что марксизм-ленинизм отрицает абсолютные, застывшие, на все времена годные формы партийной организации и методы ее работы. Форма организации и методы ее деятельности всегда определяются объективными условиями борьбы партии, конкретно-исторической обстановкой, в какой она действует. Соответственно этому видоизменяются и отдельные положения партийного устава. В устав партии, впервые принятый II съездом РСДРП, вносились изменения III, IV, V съездами и VI (Пражской) конференцией. Совершенно новая обстановка и новые исторические задачи, стоявшие перед партией большевиков в 1917 г., должны были быть, естественно, отражены в ее уставе.

Незыблемыми остались организационные принципы строения партии, разработанные Лениным. Съезд подтвердил, что все организации партии строятся на основах демократического централизма.

В 1-м параграфе устава был развит ленинский принцип членства в партии. Новым в 1-м параграфе было требование к каждому члену партии подчиняться всем ее постановлениям. К вооруженному восстанию, за которым должна была начаться эпоха социалистического строительства, партия должна была прийти по-боевому организованной, тесно сплоченной, высокодисциплинированной. Впервые устав определял (§ 2), что новые члены принимаются местными партийными организациями по рекомендации двух членов партии и утверждаются общим собранием членов организации. Тем самым подчеркивалась ответственность местных организаций и каждого большевика, рекомендующего новых лиц в партию, за дело партии.

Ряд постановлений съезда был направлен к тому, чтобы вооружить партийные организации программой действий, необходимых для завоевания на сторону социалистической революции массовых организаций пролетариата, в первую очередь профессиональных союзов и союзов молодежи.

После Февральской буржуазно-демократической революции профсоюзы, получив возможности легальной работы, стали быстро развиваться. К июлю 1917 г. они объединяли до полутора миллионов членов. Крупнейшие профсоюзы (металлистов и текстильщиков) шли за большевиками. Но у руководства многими профсоюзами, особенно мелкими (весною число профсоюзов достигло 2 тыс., к июлю — после объединения — их было 976)⁶⁰, находились меньшевики и эсеры.

Известно, что меньшевики издавна проповедовали так называемую нейтральность профсоюзов, их невмешательство в политическую борьбу. Эта проповедь целиком вытекала из оппортунистической сущности меньшевизма, все больше скатывавшегося к прямой контрреволюции. VI съезд большевистской партии в резолюциях «Задачи профессионального движе-

⁶⁰ «Большая Советская Энциклопедия». Т. 35, 2-е изд., стр. 160.

ния» и «Партия и профессиональные союзы» (обе были приняты в качестве материала для ЦК) осудил как вредную для дела рабочего класса теорию нейтральности профсоюзов. Он указал, что в эпоху социалистической революции профсоюзы должны быть в авангарде пролетариата и бороться вместе с политической партией рабочего класса, определенно и решительно стать на сторону революционного интернационализма. Съезд дал практические указания большевикам, работающим в профессиональных союзах; в первую очередь он рекомендовал членам партии всемерно содействовать мобилизации и сплочению рабочего класса в профсоюзах.

К общественной и политической деятельности потянулись широкие слои рабочей молодежи. Буржуазные и мелкобуржуазные партии прилагали старания к тому, чтобы рабочая молодежь не стала на путь политической, революционной борьбы, стремились придать юношескому движению невинный для капитализма культурно-просветительный характер.

VI съезд партии выделил специальную подсекцию по организации молодежи. После доклада подсекции и прений он принял резолюцию «О союзах молодежи», в которой отмечалось, что партия стремится к тому, чтобы самостоятельные союзы рабочей молодежи с самого же своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции преследовали по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических, политических и правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц. Съезд вменил в обязанность партийным организациям содействовать созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи.

Партия численно выросла. Состав большевиков с дореволюционным стажем, имевших опыт организаторской, агитаторской, пропагандистской работы, становился меньше. Надо было «переварить», идейно вооружить молодых членов партии и вместе с тем в невиданных в сравнении с прошлым масштабах развернуть политическую агитацию в массах, разоблачая меньшевиков и эсеров и пропагандируя идеи большевистской партии. Повсеместно ощущался недостаток в кадрах. Об этом говорили делегаты съезда, на это указывалось в ряде его документов. М. И. Васильев-Южин, делегат Саратовской большевистской организации, в своей речи сказал: «Я думаю, что нам надо просить ЦК, чтобы он предпринял меры для создания кадров опытных партийных работников из среды партийной молодежи: и на местах и в центре нужно открыть курсы для подготовки таких работников»⁶¹.

В опросном листе, заполненном делегатами съезда, был такой вопрос: «Ведется ли работа главным образом силами, выдвигаемыми местной рабочей средой, или приезжими партийными работниками; рабочими или интеллигентами; помогает ли учащаяся молодежь, учителя и т. п.?». Вот некоторые ответы на этот вопрос. Делегат Московской городской организации: «Работа ведется интеллигентами — «стариками», при деятельном участии рабочих. Новые интеллигентные силы отсутствуют»; делегат Московской военной организации при МК РСДРП(б): «Ведется работа главным образом силами, выдвигаемыми местной солдатской средой, частью партийными работниками, интеллигентами»; делегат Коломенской организации большевиков: «Работа ведется местными силами, выдвинутыми революцией; интеллигенции нет, ни учащихся, ни учащихся»; делегат Орехово-Зуевской организации большевиков: «Исключит[ельно] силами самих рабочих»⁶².

⁶¹ «Протоколы Шестого съезда РСДРП(б)», стр. 86.

⁶² «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве», стр. 222—223, 224, 227, 229.

Съезд заслушал доклад Р. С. Землячки о пропаганде и агитации. В постановлении «О пропаганде» съезд указал, что для углубления самосознания масс, объединенных в большевистскую партию и примыкающих к ней, для закрепления ее влияния необходимо постоянно разъяснять большевистскую программу путем собеседований, организации курсов и лекций. Для воспитания активных работников из среды партийной интеллигенции решено было создать партийные школы и издавать популярно-научные органы, «из которых рабочие могли бы черпать материалы для выступлений по текущему моменту и по пунктам нашей программы»⁶³.

Предстоявшие (систематически откладывавшиеся буржуазным Временным правительством) выборы в Учредительное собрание надо было также использовать для большевистской пропаганды, для завоевания масс. Съезд принял резолюцию «Предвыборная кампания в Учредительное собрание». Съезд признал, что блоки большевиков во время выборов в Учредительное собрание допустимы лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами. Предвыборные соглашения допускались и с беспартийными революционными организациями (Советами депутатов, земельными комитетами, комитетами засещиков и т. п.), «полностью принимающими нашу платформу»⁶⁴.

Обстановка, в которой собрался съезд, вынудила его принять решение работать только одну неделю. Некоторые вопросы, например об Интернационале, пришлось снять с повестки дня.

Подтвердив постановление Апрельской конференции о необходимости пересмотра партийной программы в указанном конференцией направлении, съезд решил, что для выработки новой программы следует созвать специальный съезд.

Выборы ЦК съезд произвел не в конце, а в середине своей работы. Это было вызвано тем, что 11 августа Временное правительство опубликовало постановление, которым министрам военному и внутренних дел предоставлялось право закрывать съезды и собрания. Правительство Керенского, конечно, имело в виду съезд большевиков. Съезд не только вне очереди избрал новый ЦК большевистской партии, но и постановил из конспиративных соображений не оглащать даже на съезде состава Центрального Комитета.

Е. Д. Стасова, бывшая в 1917 г. секретарем ЦК, вспоминает: «По окончании съезда ко мне пришел Яков Михайлович и ознакомил с составом избранного Центрального Комитета. Записи никакой во время заседания не велось, выборы проводились строго конспиративно, и результаты выборов Свердлов занес шифром в свою неизменную записную книжечку. Этот список он зачитал на первом же пленуме ЦК, собравшемся сразу после съезда, 4 (17) августа»⁶⁵.

Центральный Комитет был избран в составе 21 члена и 10 кандидатов. Среди избранных в члены ЦК были В. И. Ленин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, В. П. Милютин, М. К. Муранов, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. В. Сталин, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян. Из 10 кандидатов в члены ЦК удалось установить только 8; в их числе были П. А. Джапаридзе, А. С. Киселев, Г. И. Ломов, Е. Д. Стасова.

Новому ЦК было предложено составить от имени съезда «Манифест РСДРП ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам

⁶³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 387.

⁶⁴ Там же, стр. 380.

⁶⁵ Журнал «Новый мир», 1956, № 11, стр. 9.

России». Такой манифест был выработан. Он звал массы на великую пролетарскую революцию: «Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны! Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!»⁶⁶.

Месяц спустя после съезда В. И. Ленин в предназначенном им для внесения на заседание пленума ЦК «Проекте резолюции о современном политическом моменте»⁶⁷ писал, оценивая обстановку в стране и на фронте: «Весь ход событий, все экономические и политические условия, все происшествия в армии готовят все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом, который даст мир, хлеб, свободу, который ускорит победу революции пролетариата и в других странах»⁶⁸.

В. И. Ленин начал проект такими словами: «На основании резолюции о политическом положении, принятой Шестым съездом РСДРП (большевиков), и применяя эту резолюцию к данному моменту, ЦК РСДРП в своем пленарном заседании устанавливает...»⁶⁹. Ленин не только ссылается на резолюцию партийного съезда, являющуюся законом для всех организаций большевиков, — он вместе с тем учит большевиков гибкости и маневренности, напоминает о необходимости считаться с живой действительностью, сообразовать свои действия с быстротой «развития революционных событий, зависящей не от нашей воли», помнить, что все усилия партии «должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы»⁷⁰.

Владимир Ильич Ленин в этом проекте формулирует главную задачу партии после съезда: «...разъяснять массам, что положение страшно критическое, что всякое выступление может окончиться взрывом, что поэтому преждевременное восстание способно принести величайший вред. А вместе с тем критическое положение неизбежно подводит рабочий класс — и может быть с катастрофической быстротой — к тому, что он, в силу поворота событий от него независимого, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть»⁷¹.

Партия оказалась на высоте той сложнейшей задачи, которую поставила перед ней история. Пройдет несколько недель после написания Лениным цитированных выше слов, и он из своего последнего подполья пошлет письмо большевикам, в котором будет сказано о необходимости как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее осуществить восстание и которое закончится словами: «Промедление смерти подобно».

⁶⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. 1-я, стр. 394.

⁶⁷ Пленум ЦК предполагалось открыть 16(3) сентября, но в этот день состоялось узкое заседание ЦК, которое проект не обсуждало (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 481).

⁶⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 294.

⁶⁹ Там же, стр. 288.

⁷⁰ Там же, стр. 288, 291.

⁷¹ Там же.

ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА УРАЛЕ

Ф. П. Быстрых

Урал издавна являлся одним из важнейших промышленных районов России. К 1917 г. он имел уже двухвековую историю своего развития. В экономике Урала наряду с такими передовыми для того времени промышленными предприятиями, как Лысьвенский, Надеждинский, Мотовилихинский, Чусовской и другие заводы, существовали многочисленные полукустарные предприятия, поражавшие своей технической отсталостью. Производственные отношения на Урале характеризовались сочетанием высоко развитого капитализма с крепостническими пережитками.

За десятилетие, предшествовавшее революции 1917 г., значительная часть уральской промышленности оказалась в прямой зависимости от крупнейших объединений финансового капитала. Три четверти всего черного металла, выплавлявшегося на Урале, производились предприятиями акционерных обществ, тесно связанных с различными банками. С крупнейшим Азовско-Донским банком, в котором значительную роль играли германский и французский капиталы, были связаны акционерные общества Богословское, Белорецких, Алапаевских, Исетских и Лысьвенских заводов. Общество Сысертских заводов финансировалось английским капиталом и имело связь с Русско-Английским банком. Общество Невьянских заводов было реорганизовано Сибирским банком и сохраняло с ним финансовую связь. Общество Симских заводов находилось в зависимости от Русского для внешней торговли банка.

Уральская промышленность была составной частью монополистического капитала России, прочно связанного с иностранным капиталом. Сочетание в экономике Урала присущих империализму противоречий с многочисленными крепостническими пережитками обусловило остроту классовых столкновений на Урале, наложило определенный отпечаток на борьбу уральских трудящихся за победу социалистической революции.

Успех этой борьбы имел серьезное значение для судеб пролетарской революции в стране. Урал являлся одним из крупных промышленных районов России, обладавшим значительным промышленным и сырьевым потенциалом. По своему географическому положению он представляет собой как бы мост, связывающий центральные области с просторами Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. Ресурсы всех этих обширных и богатых областей играли жизненно важную роль в экономике страны. Привлечение трудящихся Урала на сторону социалистической революции было важнейшей задачей большевистской партии, уделявшей большое внимание революционной работе среди уральского пролетариата и крестьянства.

После свержения самодержавия большевики Урала, вышедшие из подполья и пополнившие свои ряды товарищами, вернувшимися из ссылок и тюрем, развернули энергичную борьбу за массы. По мере развития революционных событий в стране и в результате деятельности большеви-

ков уральские трудящиеся избавлялись от соглашательских иллюзий, преодолевали влияние меньшевиков и эсеров, становились под большевистские знамена. На опыте революции рабочие и крестьяне убеждались в том, что только установление диктатуры пролетариата избавит их от капиталистической эксплуатации, осуществит их вековые чаяния.

Борясь с меньшевиками и эсерами, уральские большевики всемерно добивались удовлетворения насущных нужд трудящихся, активно отстаивали их политические и экономические требования.

23 марта 1917 г. Екатеринбургский Совет, руководимый большевиками, принял постановление о введении с 1 апреля на всех промышленных предприятиях и железных дорогах района восьмичасового рабочего дня¹. Постановление было встречено рабочими с большим удовлетворением, и с этого времени установление восьмичасового рабочего дня на Урале стало повсеместным явлением.

Меньшевики и эсеры отвергали введение восьмичасового рабочего дня явочным порядком. Они настойчиво предлагали рабочим идти на соглашение с капиталистами, создавая для этой цели примирительные камеры и согласительные комиссии. Особое усердие в соглашательской политике проявлял Пермский окружной Совет рабочих и солдатских депутатов, присвоивший себе наименование «Уралсовета». Он рассылал по заводам множество телеграмм, в которых предлагал рабочим разрешать конфликты с буржуазией на основе взаимного согласия. В том же духе действовали на предприятиях представители этого меньшевистского Совета.

Вопреки указаниям Пермского окружного Совета, а иногда и вопрекор постановлениям местных эсеро-меньшевистских Советов рабочие вели упорную борьбу с предпринимателями и настойчиво выдвигали свои требования. 17 марта Кушвинский Совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый тогда меньшевиками и эсерами, высказался против введения явочным порядком восьмичасового рабочего дня. Возмущение рабочих заставило Совет 7 апреля отменить свое решение, так как стало ясно, что рабочие, среди которых действовала большевистская группа, все равно введут восьмичасовой рабочий день². И действительно, 14 апреля общее собрание рабочих постановило: ввести с утра 16 апреля явочным порядком восьмичасовой рабочий день на Кушвинском заводе и Гороблагодатском руднике³. Постановление собрания было проведено в жизнь. Кроме того, вслед за рабочими с 17 апреля служащие этих предприятий перешли на шестичасовой рабочий день.

Соглашательская политика меньшевиков и эсеров встречала отпор со стороны передовых рабочих и в вопросах заработной платы. Когда Нижне-Тагильский Совет, возглавляемый меньшевиками, установил в интересах предпринимателей специальную шкалу заработной платы, рабочие мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода выступили с резким осуждением действий Совета и приняли следующее постановление: «Мы, рабочие мартеновского цеха Нижне-Тагильского завода, за все время войны... исполняли свою тяжелую и опасную работу, получая за нее ничтожную плату. Прибавка, выработанная по шкале Совета рабочих и солдатских депутатов, еще крепче затянула петлю на наших шеях, во многих случаях лишив нас того, что мы получали раньше»⁴.

Так день за днем меньшевики и эсеры разоблачали себя и теряли

¹ Газета «Думы Урала», 29 марта 1917 г.; газета «Борьба», 29 марта 1917 года.

² На Кушвинском заводе большевики создали самостоятельную организацию в июле 1917 года. До этого они входили в объединенную социал-демократическую организацию, что, несомненно, тормозило борьбу за привлечение рабочих на сторону большевистской партии.

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 24, оп. 19, д. 1541, лл. 27, 29, 35.

⁴ Там же, ф. 73, оп. 1, д. 1187, л. 116.

доверие в глазах рабочих. Понять подлинную роль соглашателей помогли рабочим большевики⁵.

Соглашательские партии разоблачали себя и в глазах трудового крестьянства, которое жаждало быстрее разрешения вопроса о земле. Эсеры и меньшевики Урала вслед за Временным правительством заявляли, что, хотя необходимость разрешения земельного вопроса назрела, крестьяне должны подождать с этим до созыва Учредительного собрания, которое только одно правомочно разрешить этот сложный вопрос⁶.

Однако крестьяне не хотели больше ждать, и политика «проволочек» их не устраивала. В этом отношении весьма характерно развитие событий в Рождественской волости, Пермской губернии. 12 апреля крестьяне Вдовинского сельского общества этой волости обратились к пермскому губернскому комиссару с заявлением о передаче им болотистой сенокосной земли помещика Полежаева, которая была расчищена крестьянами и ежегодно ими арендовалась. Губернский комиссар Временного правительства на столь щекотливый вопрос сам не ответил, а передал его на рассмотрение Пермскому окружному Совету, считая более удобным для себя спрятаться за спину соглашателей. Пермский Совет ответил крестьянам: «Конфискация до Учредительного собрания производима быть не может... Предлагаем по вопросу о пользовании землей и лесом входить в соглашения с владельцем для установления платы»⁷.

Но крестьяне не захотели больше выплачивать помещику арендных платежей, считая, что все земли должны перейти в их пользование без всякого выкупа. Они захватили книги в конторе Полежаева и стали сами распоряжаться не только сенокосными угодьями, но и пашней, не уплачивая никакой аренды. Полежаеву ничего не оставалось делать, как только жаловаться на крестьян министру внутренних дел и ожидать от него защиты⁸.

О настроении крестьян Златоустовского уезда довольно ярко свидетельствует, например, такой факт. Лесничий Юрюзанской дачи, принадлежавшей горнозаводчику кн. Белосельскому-Белоозерскому, в своем письменном предписании крестьянам Тюбелякского общества потребовал, чтобы они оформляли аренду пахотных и покосных угодий, внося за них плату. В ответ на это лесничий исполнительный комитет Совета писал в контору лесничества: «Тюбелякский комитет просит Вас не высылать нам такие пустые бумажки. Народ старается уничтожить князей, а контора Юрюзанского лесничества хочет возобновить их. Тюбелякское общество дает Вам знать, что земель, трав и лесов у князей нет, а все это общенародное достояние»⁹. Далее крестьяне предупреждали, что земля без всяких арендных платежей будет разделена между жителями Тюбелякского общества.

Экономических предпосылок для аграрного движения на Урале было более чем достаточно. В 1905 г. в четырех губерниях Урала (Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской) заводчики, помещики и казна

⁵ В Нижнем Тагиле большевики создали отдельную от меньшевиков организацию в июле 1917 года. При этом от многочисленной, более чем двухтысячной социал-демократической организации откололась большевистская группа лишь в 12 человек, которые затем создали массовую партийную организацию.

⁶ Эсеры Урала, руководя Пермским губернским крестьянским съездом (15—19 мая), в резолюции съезда записали: «Окончательное решение земельного вопроса должно быть представлено Учредительному собранию»; до Учредительного собрания крестьяне не могут покушаться на частновладельческие, удельные и прочие земли, так как «аграрные беспорядки» полезны не крестьянству, а контрреволюции. Архив Свердловского филиала Института марксизма-ленинизма (АСФИМЛ), ф. 41, оп. 1, д. 471, л. 20.

⁷ Там же, д. 276, л. 33; д. 294, л. 10.

⁸ Там же, д. 281, л. 7.

⁹ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 740, л. 19.

имели 32,3 млн. десятин, или 48% всей земельной площади; крестьянское землевладение (надельное и частное) составляло 35,1 млн. десятин, или 52%¹⁰. В основных горнозаводских уездах (Верхотурском, Екатеринбургском, Пермском, Красноуфимском, Кунгурском, Соликамском, Златоустовском и Верхнеуральском) доля помещиков-заводчиков и казны в землевладении была еще выше. В этих уездах они владели 66,7% всей земельной площади. Следовательно, в горнозаводских уездах лишь одна треть земли находилась в распоряжении крестьян. Их земельные участки со всех сторон были окружены заводскими и казенными землями. При этом лесные массивы в горнозаводских уездах принадлежали почти полностью заводам и казне, которые владели 89,3% всех лесных площадей этих уездов, и лишь 10,7% леса приходилось на долю крестьян. Поэтому не случайно, что крестьянское движение в горнозаводских уездах Урала носило преимущественно порубочный характер.

Крестьянское движение на Урале ширилось и разрасталось, несмотря на противодействие Временного правительства и соглашательских партий. Призыв большевиков к немедленному захвату помещичьих земель (не дожидаясь Учредительного собрания) находил среди крестьян широкий отклик, так как отвечал их многовековым чаяниям¹¹.

Накануне Октябрьской социалистической революции наряду с крестьянской войной против крупных землевладельцев в деревне развернулась и другая социальная война — война сельских пролетариев и деревенской бедноты против крестьянской буржуазии. Борьба с кулачеством в мае — июне 1917 г. в ряде уездов Урала приняла форму захватов и запашек крестьянами-общинниками земель крестьян-отрубщиков. Особенно широко распространение эта форма борьбы получила в Кунгурском, Камышловском, Екатеринбургском, Красноуфимском, Соликамском уездах¹².

Среди беднейшего крестьянства все сильнее нарастали ненависть и озлобленность по отношению к кулакам. Стремление искоренить кулацкую кабалу ярко выразили солдаты Дворецкой волости, Оханского уезда, в своем письме Пермскому окружному Совету: «Мы, гражданки-солдатки.., обращаемся к вам. Не откажитесь заступиться за нас [и помогите найти] правду в свободной демократической республиканской России. Дайте руку помощи к искоренению несправедливости и к борьбе с кулачеством, крестьянской буржуазией, которая все еще порабощает нас и не дает нам права в защите наших и народных интересов»¹³.

Большевистская партия подала руку помощи бедноте и организовала ее на борьбу с кулачеством. В мае 1917 г. в селе Большие Брусьяны перед рабочими чугунолитейной мастерской Костромина, тесно связанными с деревней, выступил представитель Екатеринбургского комитета РСДРП с докладом о программе РСДРП и решениях Апрельской конференции большевиков. Собравшиеся единогласно заявили, что поддерживают резолюцию конференции по аграрному вопросу. Тут же на собрании 13 человек выразили желание вступить в ряды большевистской партии¹⁴.

Активную работу по организации батраков и деревенской бедноты проводили Миньярская, Усть-Катавская, Мотовилихинская, Лысьвенская, Верхне-Туринская, Верхне-Уфалейская партийные организации, систематически направлявшие своих агитаторов в деревню.

¹⁰ «Статистика землевладения 1905 г.». Вып. 8, 36, 40 и 45, СПб. 1906.

¹¹ Уральские крестьяне отчетливо выразили свои требования в «Наказе делегатам на Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петербурге от крестьян Екатеринбургского уезда», принятом на уездном съезде 15 мая 1917 года. Многие пункты этого наказа совпадают, если не буквально, то по существу, с пунктами Примерного наказа, составленного на основании 242 местных крестьянских наказов, отражавших основные требования крестьян России. АСФИМЛ, ф. 41, д. 305, л. 15. См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 225—229.

¹² АСФИМЛ, ф. 41, д. 281, лл. 9, 11, 13.

¹³ Там же, д. 276, л. 100.

¹⁴ Газета «Уральская правда», 1 июня 1917 года

В период мирного развития революции (март — июнь 1917 г.) большевики Урала провели громадную политико-воспитательную работу в народных массах. Большевицкая печать, особенно газета «Правда», широко распространялась по городам и заводам Урала. Местные газеты «Уральская правда» (Екатеринбург), «Социал-демократ» (Лысьва) также широко пропагандировали ленинские идеи, откликались на все важные политические события в стране. Пропагандисты и агитаторы Уральского областного комитета РСДРП(б) и всех местных комитетов выступали на митингах и собраниях рабочих, солдат и крестьян. В Екатеринбурге пропагандистскую и агитационную работу вели Ф. И. Голошекин, И. М. Малышев, Н. Г. Толмачев, Л. И. Вайнер, А. К. Лепя, Я. С. Шейнман; в Перми — В. И. Решетников, А. П. Спунде, А. Г. Кравченко, А. Л. Борчанинов и другие. Все они имели большой опыт партийной работы, приобретенный еще в условиях революционного подполья.

Первое время после Февральской революции многие солдаты были серьезно заражены соглашательскими иллюзиями. Так, 10 мая значительная часть солдат Екатеринбургского гарнизона по наущению эсеров и меньшевиков потребовала пере выборов Екатеринбургского Совета, руководимого большевиками, как якобы не выражавшего волю народа. 25 июня солдаты Пермского гарнизона, спровоцированные меньшевиками и эсерами, разогнали мирную демонстрацию мотовилихинских рабочих, вышедших на улицу под лозунгом «Вся власть Советам!». Большевики Урала развернули среди солдат огромную пропагандистскую и организационную работу. Они устраивали митинги, собрания, проводили беседы, читали лекции. В Екатеринбурге был создан специальный солдатский клуб. В мае 1917 г. в Екатеринбурге и Челябинске возникли военные большевицкие организации. Позднее такие организации были созданы в Перми, Глазове, Шадринске, Камышлове и в других городах Урала.

Однако, несмотря на громадную политическую работу, большевики в марте — июне 1917 г. еще не смогли полностью привлечь на свою сторону трудящиеся массы и изолировать их от влияния мелкобуржуазных соглашательских партий. Многие рабочие и солдаты, не говоря уже о крестьянстве, продолжали доверчиво относиться к меньшевикам и эсерам. Это находило свое отражение и в составе Советов рабочих и солдатских депутатов. Так, на первом Уральском областном съезде Советов, проходившем 7—14 мая, большинством в две трети голосов были приняты эсеро-меньшевицкие резолюции: о поддержке Временного правительства, о недопустимости братания на фронте и т. п.

Наиболее прочные позиции были завоеваны большевиками в районе Среднего Урала. Большинство делегатов Екатеринбургского окружного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, проходившего 9—14 июня, голосовало за большевицкие резолюции. Правда, это большинство выразилось всего в два — три голоса, тем не менее съезд принял лозунг «Вся власть Советам!», высказался за введение рабочего контроля над всей промышленной и финансовой жизнью страны и поддержал ряд других большевицких требований.

Известия об июльских событиях в Петрограде вызвали среди уральских рабочих возмущение по отношению к Временному правительству. Уральский областной комитет партии опубликовал обращение «К членам партии», в котором разъяснял смысл этих событий. Партийные организации Екатеринбург, Пермь, а также Мотовилихинского, Лысьвенского, Невьянского, Верхне-Турина, Верхне-Уфалейского, Миньярского, Усть-Катавского и некоторых других заводов специально обсудили на своих собраниях вопрос о событиях 3—5 июля и заявили решительный протест против контрреволюционных действий Временного правительства и соглашательских партий¹⁵.

¹⁵ «Уральская правда», 9 и 16 июля 1917 г.; АСФИМЛ, ф. 41, д. 280, л. 94.

По инициативе большевиков были проведены многоярусные митинги на предприятиях Урала. Рабочие Екатеринбургa, Лысьвы, Алапаевска, Верхнего Уфалея, Мотовилихи, Верхней Туры клеймили позором министров-«социалистов», осуществивших кровавую расправу над революционными рабочими и солдатами Петрограда¹⁶.

Решительно высказались против контрреволюционных действий Временного правительства Советы, которыми руководили большевики. Они потребовали установления в стране власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Характерно, что Советы, руководимые эсерами и меньшевиками, например Пермский, Нижне-Тагильский, Воткинский, Ижевский, Златоустовский, Белорецкий, откликнулись на июльские события злобными выпадами против петроградского пролетариата, революционных солдат и большевистской партии.

В этой сложной и трудной обстановке собралась вторая Уральская областная конференция большевиков (14—18 июля). По вопросу о текущем моменте конференция отметила, что в результате соглашательской политики меньшевиков и эсеров роль Советов низведена «до уровня послушных исполнителей велений центральной власти»¹⁷. В резолюции по аграрному вопросу конференция потребовала осуществления большевистского лозунга национализации земли. Конференция отметила также, что уральские промышленники «все более стремятся к остановке предприятий путем явного или скрытого саботажа, стараясь в то же время ответственность за остановку заводов переложить на рабочих»¹⁸. Закрытие заводов, несомненно, вело к огромному росту безработицы и экономической катастрофе, что явилось бы серьезной угрозой для развития русской революции. Конференция сочла необходимым требовать проведения «Советами рабочих и солдатских депутатов действительного контроля революционной демократии над всей промышленной и финансовой жизнью страны»¹⁹. При этом было указано, что проведение действительного контроля над производством и распределением продуктов возможно только после перехода власти к революционной демократии, к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Уральская областная конференция большевиков не сняла лозунга «Вся власть Советам!». Это объясняется тем, что многие местные Советы Урала по-прежнему оставались органами власти и не хотели добровольно сдать свои позиции комиссарам Временного правительства. Дать же правильную оценку политическому положению в стране, требовавшему после июльских событий снятия лозунга «Вся власть Советам!» как лозунга мирного развития революции уральские большевики самостоятельно не смогли. Только после решений VI съезда партии и на Урале был снят лозунг «Вся власть Советам!».

VI съезд партии, приняв ленинскую установку развития революции, нацелил партию на вооруженное восстание — единственно возможное в то время средство для победы социалистической революции в России. Руководствуясь решениями съезда, большевистские организации Урала значительно усилили свою пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу в массах. Это надо было сделать тем более, что обстановка на Урале также усложнилась: буржуазия перешла в наступление. Горнозаводчики Урала распространяли клевету на рабочие массы и их организации, пытаясь свалить на них вину за развал промышленности. Капиталисты преднамеренно делали все для того, чтобы дезорганизовать промышленность и таким образом иметь повод для расправы с рабочими. В ответ на провокационные выступления буржуазии рабочие стремились усилить и расширить контроль над производством, который они стали

¹⁶ «Уральская правда», 13 июля 1917 г.; АСФИМЛ, ф. 41, д. 236, л. 15.

¹⁷ «Уральская правда», 28 июля 1917 года.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

вводить еще в первые дни после победы над царизмом. Так, 15 июля районный съезд Советов рабочих депутатов Кыштымского горного округа утвердил Временный устав о выборных заводских комитетах, возложив на них функции контроля над производством²⁰. Исполнительный комитет Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов 26 июля утвердил Инструкцию о выборах и задачах заводского комитета Пермских пушечных заводов, в которой, помимо других задач, ставилась и задача осуществления завкомом контроля над производственной деятельностью завода²¹. Рабочий контроль осуществлялся на Миньярском, Северском, Верхне-Уфалейском и других заводах Урала.

Попытки рабочих сохранить и расширить свой контроль в промышленности встретили решительное противодействие со стороны буржуазии. Владельцы уральских заводов и фабрик стали прибегать к такому средству борьбы против рабочих, как закрытие предприятий, хотя для этого никаких экономически обоснованных причин не было. Угроза локаута нависла над рабочими Богословского, Верх-Исетского, Сергинско-Уфалейского и Лысьвенского округов²². Временное правительство всячески поощряло капиталистов — дезорганизаторов производства. Провокационные действия правления Богословского округа нашли поддержку как в министерстве торговли и промышленности, так и в министерстве труда, возглавлявшихся в то время меньшевиками Скобелевым и Гвоздевым.

Большевистская печать и большевистские агитаторы на конкретных фактах показывали, как министры-меньшевики защищают интересы капиталистов²³.

Не оставалось в угрозах по адресу рабочих и Артиллерийское управление, являвшееся частью аппарата Временного правительства. 7 августа оно сообщило рабочим, что Невьянский артиллерийский завод будет закрыт, если не повысится его производительность. Однако производительность завода снижалась совсем не по вине рабочих. Достаточно сказать, что 22 июля за неимением кокса на Невьянском заводе были остановлены труболитейная и литейная мастерские²⁴. Недостаток сырья и топлива резко ощущался и на других заводах.

Клеветническая и провокационная кампания капиталистов в отношении рабочего класса обернулась против ее инициаторов и вдохновителей. Рабочим становилась ясной предательская роль эсеров и меньшевиков. Недоверие к соглашательским партиям возрастало, в то время как влияние большевиков на рабочие массы усиливалось. Местные Советы становились большевистскими. Об этом весьма убедительно свидетельствует II Уральский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший 17—21 августа 1917 года. Если на I областном съезде Советов (7—14 мая) только одна треть делегатов шла за большевиками, то на II съезде почти две трети делегатов голосовали за большевистские резолюции. Большевистскую резолюцию по вопросу о войне съезд принял 76 голосами против 38 при 6 воздержавшихся²⁵.

II областной съезд Советов дал оценку текущему моменту в духе решений VI съезда партии, указав, что переход всей власти в руки революционной демократии мирным путем теперь невозможен. «Без новой и решительной схватки буржуазия власти из рук не выпустит»²⁶. Единогласно (при 6 воздержавшихся) было признано, что политика Временного правительства контрреволюционна²⁷. В обращении к трудящимся

²⁰ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 748, лл. 4—5.

²¹ Там же. ф. 24, оп. 19, д. 1541, лл. 82—83.

²² «Уральская правда», 3 августа 1917 г.; ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 788, л. 93; д. 1011, л. 119; д. 1184, л. 7.

²³ «Уральская правда», 18 августа 1917 года.

²⁴ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 1011, л. 53; д. 1029, лл. 127, 172.

²⁵ «Уральская правда», 24 августа 1917 года.

²⁶ Там же.

²⁷ Газета «Рабочий путь», 9 сентября 1917 года.

Урала II областной съезд Советов призывал к подготовке новой революционной битвы. «Товарищи,— говорилось в обращении,— бойтесь разрозненных выступлений, вносящих лишь расстройство в наши ряды, берегите, накапливайте силы для того дня, когда будет дан сигнал к организованному, решительному выступлению. Помните, что день этот недалек, недалек тот день, когда громко раздастся наш старый призывный клич: «Сомкните свои ряды и вперед!»²⁸ Съезд решил провести 1 сентября политическую забастовку. «Пролетарии Урала! — заявил съезд в своем обращении.— Наша забастовка — это грозное предупреждение контрреволюции! Наша забастовка — это первый выстрел генерального боя пролетариата с капиталом!»²⁹

Забастовка должна была мобилизовать массы на борьбу за пролетарскую революцию; вселить в них уверенность в том, что у трудящихся достаточно сил не только для обороны, но и для наступления, для победы. Меньшевики и эсеры, понимая значение забастовки, пытались сорвать ее, но успеха не имели. Забастовка 1 сентября охватила большинство уральских предприятий³⁰. В связи с корниловским мятежом эта забастовка приобрела важное политическое значение. Рабочие Урала показали, что они готовы в любую минуту выступить против сил контрреволюционной буржуазии ради победы социалистической революции.

В дни корниловского мятежа уральские большевики усилили политическую работу в массах. На заводах, в солдатских казармах проводились митинги и собрания. Массы на опыте убеждались в том, что только большевистская партия является революционной пролетарской партией. Всюду на митингах рабочих и солдат выдвигалось требование: немедленно созвать Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который должен взять всю полноту власти в свои руки. Солдаты заявляли о своей готовности защищать завоевания революции с оружием в руках³¹.

Корниловский мятеж наглядно показал рабочим, что для борьбы против вооруженной контрреволюции надо иметь свои революционные вооруженные силы, надо создать Красную Гвардию. Массовая организация Красной Гвардии на Урале началась после первых же известий о корниловщине. Митинги рабочих, проходившие на всех заводах Урала, заканчивались требованием немедленной организации Красной Гвардии; рабочие тут же записывались в ее ряды. Красная Гвардия особенно быстро росла в Екатеринбурге, Челябинске, Мотовилихе, Верхнем Уфалее, Миньяре, Усть-Катаве, Златоусте.

В формировании красногвардейских отрядов руководящую роль играли партийные организации. Вопрос о создании Красной Гвардии предварительно обсуждался на заседаниях заводских партийных комитетов или на собраниях членов партии, а затем и на рабочих собраниях.

Советы, руководимые большевиками, также приняли активное участие в создании Красной Гвардии. 13 сентября исполком Уральского областного Совета вынес решение: «Считая организацию Красной гвардии очередным делом рабочих, принять необходимые меры к выяснению возможности достать оружие, необходимое для вооружения Красной гвардии»³². Многие местные Советы доставали оружие, забирая его у лесной стражи, у охраны заводов и складов и т. п.

После подавления корниловского мятежа резко обострилась борьба рабочих с буржуазией. На провокационные происки буржуазии, продолжавшей политику саботажа и локаутов, рабочие ответили контрнаступлением. С конца сентября они стали прибегать не только к экономическим и политическим стачкам, не только к рабочему контролю над производ-

²⁸ «Уральская правда», 24 августа 1917 года

²⁹ Там же.

³⁰ Газета «Борьба», 13 сентября 1917 г.; ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1541, л. 91.

³¹ «Уральский рабочий», 6 сентября 1917 года.

³² АСФИМЛ, ф. 41, д. 272, л. 139.

ством, но и к прямому захвату фабрик и заводов. Так, пермскими рабочими был поставлен вопрос о реквизиции обмундировочной мастерской Алафузовых. Еще в мае они потребовали повысить заработную плату и прекратить сверхурочные работы. Когда предприниматель отказался выполнить требования рабочих, последние обратились в меньшевистский окружной Совет («Уралсовет»), где также не получили поддержки. «Уралсовет» встал на сторону предпринимателя, заявив, что «мастерская Алафузовых работает на оборону и все рабочие, работающие в данной мастерской, должны работать сверхурочно и в праздники, если это найдет необходимым администрация мастерской»³³. 17 августа началась стачка, принявшая затяжной характер³⁴. Однако предприниматель не шел ни на какие уступки, хотя рабочие требовали повышения заработной платы всего на 10%³⁵. Бастующие буквально голодали и жили на средства, собранные рабочими различных предприятий Перми³⁶. Даже Пермский «Уралсовет» в сентябре готов был поддержать предложение о том, чтобы перед особым совещанием по обороне страны поставить вопрос о целесообразности реквизиции мастерской, так как увидел, что «рабочие сами производят реквизицию». Только министр труда меньшевик Гвоздев считал нужным передать это дело в примирительную камеру³⁷. Вопрос о реквизиции мастерской не получал никакого разрешения из-за соглашательской политики меньшевиков.

Рабочие действовали решительнее в тех случаях, когда на них не оказывалось меньшевистско-эсеровского влияния. Об этом говорят события, имевшие место на платиновых приисках акционерного общества Нижне-Тагильского и Луньевского округов, принадлежавших наследникам Демидова. Прииски находились поблизости от Верхне-Туринского завода, где была сильная большевистская организация. 3 сентября рабочие прииска отстранили демидовскую администрацию и для управления приисками избрали комитет из восьми человек. Революционные меры рабочих вызвали резкую реакцию в кругах горнопромышленников. 15 сентября совет съезда горнопромышленников Урала постановил: сообщить о событиях на платиновых приисках «министру-председателю, министру торговли и промышленности и министру внутренних дел и просить их о принятии экстренных и энергичных мер к восстановлению поправных законных прав и к водворению порядка на приисках»³⁸. Но было уже поздно — приближалась Октябрьская социалистическая революция.

Менее решительно, чем на платиновых приисках, действовали рабочие Пашийских каменноугольных копей Гаряева. Здесь сказывалось влияние меньшевистского «Уралсовета» на рабочих и, в частности, на местный Пашийский Совет. 4 октября были приостановлены работы на копиях под тем предлогом, что рабочие якобы постоянно домогаются повышения заработной платы, а труд их непроизводителен. Тогда рабочие стали готовиться к захвату и пуску копей явочным порядком. 19 октября исполнительный комитет Пашийского Совета собрал рабочих, вызвал окружного инженера и владельца копей, надеясь на «мирное» разрешение конфликта. Гаряев на собрание не явился. После этого исполнительный комитет и рабочие постановили: «Работы в копиях продолжать, не признавая со своей стороны никакого захвата их»³⁹. Таким образом, рабочие взяли копи в свои руки, конфисковали на складах необходимый для работы

³³ Там же, д. 267, л. 152.

³⁴ «Рабочий путь», 10 сентября 1917 года.

³⁵ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 1011, л. 61.

³⁶ АСФИМЛ, ф. 41, д. 321, л. 42.

³⁷ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 1011, лл. 59, 60.

³⁸ АСФИМЛ, ф. 41, д. 280, л. 26; д. 281, л. 16; ГАСО, копия из Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 75, оп. 1, д. 4, л. 257.

³⁹ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 788, лл. 96, 97. В ноябре 1917 г., после победы Октябрьской революции, последовало распоряжение советских органов о том, чтобы Пашийский металлургический завод принимал за наличный расчет от артели рабочих уголь помимо владельца Гаряева (там же, д. 1187, л. 121).

инвентарь, но признать это захватом не хотели. В этом сказалось еще имевшее место влияние соглашателей.

Иначе развивались события на Черноусовской мешочной фабрике Жирякова близ Екатеринбурга, где большевики пользовались значительным авторитетом. Администрация фабрики еще в августе 1917 г. продолжала относиться к рабочим вызывающе грубо. Рабочие забастовали и потребовали повышения заработной платы. Вскоре при участии Екатеринбургского окружного Совета администрация и рабочие договорились об условиях труда; забастовка была прекращена⁴⁰. В сентябре рабочие вновь забастовали, так как администрация категорически настаивала на бесконтрольном увольнении рабочих и служащих. Фабрика была закрыта, прекратилась поставка мешков мукомольному отделу губернской продовольственной управы, которая обратилась в Екатеринбургский окружной Совет с просьбой ликвидировать забастовку, ибо ее продолжение грозило вконец расстроить и без того неустойчивое снабжение населения продовольствием. Екатеринбургский окружной и Уральский областной Советы рабочих и солдатских депутатов категорически потребовали от владельца пустить в ход фабрику 5 октября и предупредили, что в случае отказа на фабрику будет наложен секвестр и она перейдет в распоряжение Екатеринбургского окружного Совета. Владелец фабрики не выполнил требования Советов, и 6 октября было приступлено к секвестру⁴¹. Приветствуя решение Советов о секвестре фабрики, собрание рабочих в своем постановлении отмечало: «Настало время, когда на саботажи и локауты капиталистов-эксплуататоров необходимо отвечать решительными мерами и вытеснять их с тех фабрик и заводов, где это окажется возможным и нужным, и вместо капиталистической организации заводов ставить свою демократическую организацию, основанную на новых началах, при которой никакие эксплуататоры не воспользуются продуктами нашего труда, и таким образом будем создавать новую трудовую республику, которая только и может нам дать свободу, равенство и братство»⁴².

Смелые и решительные действия рабочих, выступивших за захват предприятий, положили начало борьбе за возобновление работ на закрытых ранее заводах. Первыми подняли этот вопрос рабочие Нязепетровского завода. Этот завод был закрыт в апреле 1914 г. в связи с бурно проходившей забастовкой рабочих, во время которой старший бастующие «арестовали» земского начальника, волостного старшину и полицейского надзирателя. В заводской поселок было направлено пять рот солдат и десятки полицейских, арестовавших многих рабочих. С той поры завод бездействовал, хотя он мог давать стране чугун, сталь и листовое железо. В марте 1917 г. рабочие потребовали пуска Нязепетровского завода. Правительственная комиссия, призванная по своему официальному назначению устранять «трения» между рабочими и горнозаводчиками, обещала рабочим и представителям Советов доложить главе Временного правительства о необходимости принять соответствующие меры⁴³. Однако это обещание не было выполнено и все оставалось по-прежнему. В сентябре рабочие стали готовить завод к пуску явочным порядком. Их инициатива получила одобрение и поддержку со стороны исполнительных комитетов Уральского областного и Екатеринбургского окружного Советов рабочих и солдатских депутатов. 7 октября исполнительные комитеты предложили рабочим Нязепетровского завода немедленно приступить к работам по пуску в ход домны. В специальном постановлении по этому вопросу говорилось: «В случае категорического отказа администрации завода удов-

⁴⁰ Там же, д. 1020, лл. 4, 7—10.

⁴¹ Там же, д. 775, лл. 20, 21; АСФИМЛ, ф. 41, д. 272, л. 137.

⁴² «Уральский рабочий», 13 октября 1917 года.

⁴³ ГАСО, ф. 73, оп. 1, д. 1012, л. 15; газета «Уральская жизнь», 2 апреля 1917 года.

летворить требования, Окружной и Областной комитеты ставят вопрос о реквизиции Нязепетровского завода»⁴⁴.

Инициативу нязепетровских рабочих горячо поддержали трудящиеся Урала. Железнодорожники мастерской и депо ст. Нязепетровск, рабочие Верхне-Кыштымского, Нижне-Кыштымского и Карабашского заводов стали собирать из своей скудной заработной платы фонд оборотного капитала для готовящегося к пуску Нязепетровского завода. Временное правительство всячески пыталось сорвать это мероприятие рабочих. 14 октября министр труда направил Уральскому областному Совету телеграмму, в которой указывалось, что пуск завода незаконен. Вопреки указаниям министра Временного правительства 20 октября завод начал работать и перешел в руки Совета рабочих депутатов.

Вопрос о пуске своего завода был поставлен также и верхне-тагильскими рабочими. Верхне-Тагильский завод был закрыт 12 марта 1917 г. из-за недостатка топлива⁴⁵. 3 октября Верхне-Тагильский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов созвал общее собрание делегатов Верхне-Нейвинского и Нейво-Рудянского заводов, Белореченского, Ежовского, Карпушинского и Калатинского рудников, с которыми был связан Верхне-Тагильский завод. Собрание делегатов постановило: «Потребовать от администрации Верх-Исетского округа пуска верхне-тагильской домны в действие, а в случае, если это требование не будет удовлетворено, то домна должна перейти в распоряжение Верхне-Тагильского общества со всеми материалами и лесными угодьями, которыми располагает завод»⁴⁶. Верхне-Тагильский завод, как и все заводы Верх-Исетского общества, считался посессионным. К нему в свое время была приписана огромная лесная дача. Правление округа не желало терять одновременно и завод и лесную дачу. Поэтому оно не оказывало сопротивления и согласилось на пуск Верхне-Тагильского завода.

Характерным для Урала было то, что наряду с общепролетарскими требованиями здесь в ряде мест выдвигались требования, обусловленные сохранившимися в промышленности крепостническими пережитками. На законсервированных старых уральских заводах население, оставшееся без работы, требовало наделения их землей. Так было, например, на Александровском заводе. На многих отсталых заводах, сильно сокративших свое производство, в результате чего занятость населения промышленным трудом была очень низкой, выдвигались требования о расширении производства. Этот вопрос ставился рабочими Билимбаевского, Пашийского, Ревдинского заводов. В некоторых заводских поселках, как Юрюзани, Верхнем Тагиле, Нязепетровске, рабочие требовали пуска заводов, закрытых горнозаводчиками. Все это показывает, что мастеровые, привязанные усадьбой к определенному заводу, требовали заводской работы, боролись за получение сносной заработной платы.

Захват и пуск предприятий осуществлялся рабочими через Советы рабочих и солдатских депутатов. Это свидетельствует о том, что экономическое движение рабочих стало упираться в проблему власти, в проблему «экспроприации экспроприаторов». Многие крупные Советы Урала, руководимые большевиками, фактически стали властью еще до победы Октябрьской социалистической революции. Опираясь на вооруженный народ, местные Советы в пределах своей территории парализовали старый аппарат власти, сделав его бессильным в борьбе с революцией. Это обстоятельство позволило во многих районах Урала осуществить бескровный, относительно мирный переход власти в руки Советов.

После подавления корниловского мятежа наметился совершенно определенный поворот и солдатских масс в сторону большевиков. В сентябре 1917 г. самые крупные гарнизоны Урала — Екатеринбургский,

⁴⁴ АСФИМЛ, ф. 41, д. 272, л. 143.

⁴⁵ Там же, д. 413, л. 17.

⁴⁶ Там же, д. 385, лл. 10—11.

Пермский, Уфимский — решительно встали на путь борьбы за установление власти Советов. Временное правительство в решающих пунктах Урала не имело сколько-нибудь значительных вооруженных сил. Социалистическая революция, организуемая большевиками, как раз в этих пунктах располагала мощным ударным военным кулаком в лице Красной Гвардии и революционно настроенных солдат.

Осенью 1917 г. на Урале, как и во всей стране, разрасталось крестьянское движение. Комиссар Временного правительства, находившийся в Соликамском уезде, сообщал о том, что 10—20 сентября крестьянами произведены массовые порубки леса в дачах Строганова. Крестьяне в лесной конторе дачи забрали кассу и сами стали выписывать квитанции на вырубку леса⁴⁷. Многочисленные порубки леса, захват земель происходили и в дачах горнозаводчиков Южного Урала. При этом крестьяне и население заводских поселков в своих постановлениях указывали управляющим, где можно и где запрещается вести заготовку дров для завода. 10 сентября Юрюзанский волостной комитет сообщил заводской конторе Белосельского-Белоозерского, что ей «разрешается рубку дров вести в строго сокращенном виде и только для необходимых нужд, потребных на оборону государства». Орловское общество крестьян в октябре 1917 г. поделило между собой заводскую землю орловского участка. Крестьянский комитет выписывал «от себя лес жителям с. Орловки по своей таксе со взносом денег в Орловский комитет»⁴⁸. Таким образом, накануне Октябрьской революции и крестьянские комитеты стали проявлять себя как органы власти на местах.

Значительную работу среди трудового крестьянства, в частности, среди бедноты, провела Военная организация при Екатеринбургском комитете РСДРП(б). 9 октября 1917 г. Военная организация поручила своему бюро разработать проект «Наказа товарищам, едущим в деревню». Проект был разработан и напечатан в газете «Уральский рабочий», а также издан отдельной листовкой. Уезжавшим в отпуск солдатам вручался этот «Наказ», в котором предлагалось разъяснять крестьянам политическое и хозяйственное положение в стране. Одновременно в «Наказе» указывалось, что «для успешной борьбы с разрухой, бестоварьем и бесхлебьем необходимо: 1) скорее кончить войну, 2) скорее передать всю власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов». «Наказ» разоблачал Временное правительство и министров-«социалистов». В нем указывалось также на необходимость организации бедноты: «Не поджог имений, а взятие земли в руки крестьянских земельных комитетов, не разграбление помещичьего хозяйства, а передача его в руки всего общества беднейших крестьян для ведения общественного хозяйства на общую пользу... Не покорное подчинение кулакам и мироедам на сельском сходе, где эти пауки жужжат народу, что при царе было лучше. Зажать этих пауков самих в тиски общественного надзора из беднейших крестьян»⁴⁹.

Многочисленные факты показывают, что пропаганда большевистских идей солдатами сыграла большую роль в сплочении деревенской бедноты. Как правило, деревенская беднота захолустных районов узнавала о большевистской партии и ее программе от солдат, приезжавших в деревню.

Партия большевиков, мобилизуя все силы на борьбу за социалистическую революцию, борясь за создание своей политической армии, развернула большую работу среди молодежи. Начало этой работе на Урале было положено еще в апреле 1917 года. По инициативе Я. М. Свердлова при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) была создана юношеская организация, целью которой являлось политическое воспитание молодежи в духе большевизма. К началу июня в юношеской организации насчиты-

⁴⁷ Там же, д. 281, лл. 28, 38; д. 280, лл. 5—6.

⁴⁸ ГАСО. ф. 73, оп. 1, д. 386, лл. 53, 61.

⁴⁹ «Уральский рабочий», 13 октября 1917 года.

валось 230 членов⁵⁰. В августе она была реорганизована в «Социалистический союз рабочей молодежи»⁵¹. Партийные организации Урала, в частности Мотовилихинская, Лысьвенская, Верхне-Уфалейская, Челябинская, Миньярская, Симская, Аша-Балашевская, оказывали всяческое содействие организациям молодежи⁵².

Одновременно в ряде городов и на заводах Урала большевики проводили работу среди трудящихся женщин: созывались собрания женщин-работниц, создавались женские организации при большевистских комитетах и т. п.⁵³. Все это способствовало завоеванию большевиками масс, созданию политической армии социалистической революции.

Назревавшая социалистическая революция не могла не вызвать чувства у угнетенных народов. Большевистские лозунги: «Самоопределение наций — вплоть до государственного отделения», «Равенство между всеми народами» — настойчиво пропагандировались партийными организациями Урала⁵⁴. Большевики Михайловского и Чусовского заводов вели разностороннюю работу среди татар и башкир. Активно действовали большевики и среди солдат — татар и башкир — в Уфимском, Челябинском, Екатеринбургском и других гарнизонах Урала. В воинских частях появились большевики-агитаторы из татар и башкир. В августе 1917 г. состоялся Областной съезд военных-мусульман, который избрал Областной мусульманский военный совет. Этот совет находился под большевистским влиянием. Он проводил политическую работу среди солдат татарской и башкирской национальностей, организуя их на борьбу против буржуазного Временного правительства.

Большевистские лозунги по национальному вопросу пользовались поддержкой у национальных меньшинств, которые в четырех губерниях Урала (Пермской, Уфимской, Вятской, Оренбургской) составляли около 30% всего населения. Трудящиеся угнетенных национальностей не получили от Временного правительства равных прав и ликвидации национального гнета. Они могли ожидать разрешения национального вопроса только от победившей пролетарской революции.

Так накануне Октябрьского штурма большевики Урала завоевали на свою сторону самые различные слои угнетенного и эксплуатируемого населения, объединяя их под знаменем пролетарской революции.

К моменту решительной схватки сил революции с силами контрреволюции большевики имели преобладающее влияние в Екатеринбурге, Челябинске, Алапаевске, Мотовилихе, Лысьве, Верхнем Уфале, Кыштыме, Миньяре, Симе, Добрянке, Каслях, Ревде и многих других промышленных районах Урала. Все крупные коллективы рабочих и Советы находились под руководством большевиков. Лишь в небольшой части местных Советов — Пермском, Нижне-Тапильском, Белорецком, Воткинском — продолжали главенствовать меньшевики и эсеры. Но и там их положение было уже непрочным.

При подготовке и проведении вооруженного восстания Центральный Комитет партии возлагал особые задачи на уральских рабочих, руководимых большевистскими организациями. Они должны были, во-первых, в случае неудачи вооруженного выступления в Петрограде и Москве взять в свои руки инициативу вооруженной борьбы с Временным правительством и, во-вторых, после установления пролетарской власти немедленно снабдить продовольствием столичные города, где запасы продуктов питания совершенно истощились.

Придавая большое значение Уралу в деле успешного проведения восстания, ЦК партии направил туда своего представителя А. В. Шотмана,

⁵⁰ «Уральская правда», 7, 10 июня 1917 года.

⁵¹ АСФИМЛ, ф. 41, д. 262, л. 1.

⁵² Там же, д. 237, лл. 14, 149: «Уральский рабочий», 8, 10 сентября 1917 года.

⁵³ «Уральская правда», 4 июня 1917 г.; АСФИМЛ, ф. 41, д. 325, л. 2.

⁵⁴ АСФИМЛ, ф. 41, д. 237, л. 15.

который побывал на Усть-Катавском заводе, в Златоусте и других городах Урала⁵⁵. Златоустовская организация РСДРП(б), заслушав доклад А. В. Шотмана о работе ЦК и революционной борьбе питерских рабочих, постановила: «Приветствовать их неуклонную и трудную борьбу за власть и со своей стороны высказывает, что только осуществление целей рабочих, солдат и беднейшего крестьянства, то есть переход власти в руки этих революционных классов, может спасти революцию проведением самых решительных мер во всех областях внешней и внутренней жизни»⁵⁶.

25 октября 1917 г. Временное правительство было низложено и власть в политическом центре России — Петрограде — перешла в руки пролетариата.

Рабочие и трудящееся крестьянство всей страны дружно поддержали революционный почин столичного пролетариата и революционных солдат. Телеграмма о событиях в Петрограде была получена в Екатеринбурге в ночь на 26 октября. Исполнительный комитет Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов опубликовал воззвание к населению Урала, в котором сообщал о победе революции, об установлении во всей стране революционной власти — власти Советов, о первых декретах Советского государства, принятых II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов⁵⁷. Воззвание извещало население о том, что «первым шагом нового правительства было предложение немедленного перемирия на всех фронтах с целью вступления в мирные переговоры», что «все земли сельскохозяйственного пользования должны перейти в распоряжение земельных комитетов». Областной Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя «временным представителем нового правительства на Урале». В целях образования и укрепления власти Советов областной Совет предложил: «1) всем местным Советам взять власть в свои руки на местах; 2) нежелательных представителей старой власти сместить, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием»⁵⁸.

Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета объявил себя единственной властью в городе, отстранив от должности комиссаров Временного правительства. Охрану общественного порядка Совет взял на себя. На железную дорогу, почту, телеграф были назначены комиссары Совета. Совет закрыл контрреволюционную газету «Зауральский край» и предложил типографии приступить к печатанию газеты «Борьба» (орган Совета)⁵⁹. Весть о победе восстания в Петрограде и о переходе всей власти в стране в руки Советов была встречена рабочими и солдатами Екатеринбурга с бурным восторгом. Лишь небольшие группы служащих, находившихся под влиянием эсеров и меньшевиков, встали на путь саботажа Советской власти. Отказавшись принимать и передавать телеграфные распоряжения советских органов, работники почты и телеграфисты распространяли ложные телеграммы, в которых говорилось о взятии якобы Петрограда войсками Керенского и тому подобных небывлицах.

Контрреволюционных измышлений буржуазной пропаганды и трудностей борьбы испугались «левые» эсеры. 28 октября они заявили о своем выходе из состава исполнительного комитета Екатеринбургского Совета. 30 октября эсеровская организация Екатеринбурга по примеру эсеров центра подняла вопрос о создании в городе «однородно-социалистической власти». По их замыслу, в органах этой власти должны были принимать участие большевики, эсеры, меньшевики и бундовцы.

⁵⁵ Усть-Катавский комитет РСДРП(б), информируя ЦК о положении на заводе, на некоторые вопросы ответил: «Сообщено лично тов. Шотман». Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), ф. 17, оп. 1, ед. хр. 228, л. 2.

⁵⁶ Там же, ед. хр. 237, л. 1.

⁵⁷ Воззвание исполнительного комитета Уральского областного Совета было утверждено на заседании 26 октября. АСФИМЛ, ф. 41, д. 272, л. 147.

⁵⁸ «Уральский рабочий», 31 октября 1917 года.

⁵⁹ «Уральский рабочий», 29 октября 1917 года.

Как известно, в эти же дни в Петрограде идею создания «однородно-социалистического правительства» выдвигали Каменев, Зиновьев вкупе с меньшевиками и эсерами. Они получили должный отпор В. И. Ленина и Центрального Комитета большевистской партии; с презрением заклеимила партия Каменева, Зиновьева и их сторонников как дезертиров и пособников буржуазии.

Несколько своеобразнее разыграли свою дезорганизаторскую роль Л. С. Сосновский и его немногочисленные единомышленники в Екатеринбургe⁶⁰. 31 октября на экстренном заседании Екатеринбургского Совета Сосновский сообщил, что исполнительный комитет Совета согласился принять предложение эсеров о создании так называемого «объединенного революционного комитета народной власти», сконструированного из представителей «всех социалистических партий и революционно-демократических организаций»⁶¹. Большевики потребовали перерыва в заседании Совета для обсуждения положения, создавшегося во фракции большевиков. После перерыва от большевиков последовало заявление: «Фракция, соглашаясь на передачу власти революционному комитету, делает это лишь в силу необходимости, не отказываясь от своего лозунга «Вся власть Советам!». Образование этого комитета большевики считают временным шагом назад, вынужденным силою обстоятельств»⁶². Независимо от мотивов, которыми руководствовалось большинство большевистской фракции Совета, принятие этого предложения являлось серьезной ошибкой. В момент острейшей классовой борьбы было совершенно неразумно, политически вредно допускать в местные органы власти врагов пролетарской революции, пытавшихся использовать эти органы в своих контрреволюционных целях.

Большевики, добивавшиеся исправления опрометчивого шага фракции Совета, на следующий же день апеллировали к рабочим и солдатским массам, которые решительно выступили за власть Советов. На многочисленных митингах рабочие и солдаты принимали резолюции, в которых единодушно заявляли: «Мы требуем единой Советской власти и никакой другой подчиняться не намерены»; «Мы заявляем, что все те, которые пытаются восстать против этой власти, будут стерты с лица земли»⁶³.

Мертворожденный «объединенный революционный комитет народной власти» был отвергнут трудящимися массами и 22 ноября заявил о своей ликвидации. Екатеринбургский Совет, не теряя и в первой половине ноября своей роли как органа местной власти, стал единственным и общепризнанным органом государственной власти в городе.

Средний Урал политически и организационно был наиболее подготовлен к утверждению Советской власти.

Советы рабочих и солдатских депутатов заводских поселков Среднего Урала, получив от Екатеринбургского окружного Совета телеграфное сообщение о событиях в Петрограде, немедленно начали сосредоточивать власть в своих руках. 27 октября Нижне-Салдинский Совет рабочих и солдатских депутатов постановил: «Немедленно принять всю власть в свои руки Исполнительному комитету. Административная власть земства переходит к Исполнительному комитету, а за земством остается культурно-просветительная созидательная работа, которая не должна останавливаться. Немедленно созвать собрание Красной гвардии, вооружить ее, расставить караул, взять под охрану телеграф, станцию и пр.»⁶⁴.

В течение 27—31 октября Советская власть утвердилась в Алапаев-

⁶⁰ Л. С. Сосновский, являясь единомышленником Каменева, в течение 1917 г. неоднократно по разным вопросам скатывался на меньшевистские позиции; позднее вошел в троцкистско-зиновьевский блок.

⁶¹ Газета «Вольный Урал», 2 и 3 ноября 1917 года.

⁶² «Вольный Урал», 3 ноября 1917 года.

⁶³ «Уральский рабочий», 5 ноября 1917 года.

⁶⁴ «Уральский рабочий», 31 октября 1917 года.

ске, Невьянске, Кушве, Реде, Нижних Сергах, Сысерти, Верхней Туре и многих других заводских поселках Среднего Урала. Со Средним Уралом был тесно связан район Северного Урала, где власть Советов, например, в Надеждинске, Сосьве, утвердилась также после первых известий о победе в Петрограде.

В Лысьве и Мотовилихе власть Советов была установлена вскоре после победы вооруженного восстания в Петрограде. 28 октября Лысьвенский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором сообщал о победе революционных рабочих и солдат Петрограда, о переходе всей власти к Советам. Лысьвенский Совет предупреждал: «Победа революции еще не закреплена. Керенский бежал в Ставку и будет организовывать наступление обманутых войск на Петроград для разгрома революции... Каждый рабочий, каждый честный гражданин должен быть готовым с оружием в руках защищать пролетарско-крестьянскую революцию»⁶⁵. Мотовилихинский Совет рабочих и солдатских депутатов 1 ноября, заслушав доклад делегата II Всероссийского съезда Советов А. Л. Борчанинова о работе съезда и революционных событиях в Петрограде, постановил: «Взять на месте власть в свои руки. Признать, что захват власти Советами является настоятельной необходимостью данного момента развития русской революции»⁶⁶. С этого времени единственным полномочным органом в Мотовилихе стал Совет. Он находил полную поддержку со стороны рабочих, которые еще 28 октября потребовали «от местного Совета принять на себя власть полностью и устранить административно назначенных Временным правительством лиц»⁶⁷.

Рабочие предприятий Перми также настойчиво добивались установления власти Советов. 27 октября общее собрание рабочих завода Леснера предложило Пермскому Совету взять власть в свои руки и поставить под контроль всю промышленность. Собрание потребовало «переизбрания Советов и немедленного вооружения рабочих, имеющих создать свою Красную гвардию»⁶⁸. Такие же постановления были приняты на рабочих собраниях Механического завода бр. Каменских и Мешкова, заводов Митрофанова, Деревообделочного и других. Революционно настроенные солдаты Пермского гарнизона также высказались за передачу всей власти Советам. В резолюции солдатского митинга 123-го полка говорилось: «Мы поддерживаем власть Советов и заявляем, что всякое противодействие этой власти будет считаться преступлением перед революцией»⁶⁹.

Однако не везде легко и быстро устанавливалась Советская власть. Контрреволюционные силы оказывали большое сопротивление победе Советской власти, например в районе Западного Урала.

Преобладавшие в Пермском городском и окружном Советах меньшевики и эсеры, естественно, не хотели установления власти Советов и стремились сохранить в городе власть комиссара Временного правительства. Большевики, опираясь на рабочих и солдат, вели против них упорную борьбу и наконец добились переизбрания Пермского городского Совета. Состоявшиеся 9 ноября перевыборы дали большевикам незначительное преобладание в Совете. Председателем исполнительного комитета Совета был избран большевик В. И. Решетников. В Совете продолжалась жесткая политическая борьба. Большевики и эсеры выступали с клеветническими, антисоветскими речами. Чтобы укрепить свои позиции в Пермском городском Совете, большевики добивались слияния Пермского и Мотовилихинского Советов. 20 ноября проходило бурное объединенное заседание Советов рабочих и солдатских депутатов Перми, Мотовилихи и Балашев-

⁶⁵ АСФИМЛ, ф. 41, д. 270, л. 233; д. 471, л. 53.

⁶⁶ Там же, д. 478, л. 212.

⁶⁷ Газета «Пролетарское знамя», 1 ноября 1917 года.

⁶⁸ «Уральский рабочий», 5 ноября 1917 года.

⁶⁹ АСФИМЛ, ф. 41, д. 478, л. 208.

ского района ⁷⁰. Меньшевики под разными предложениями выступали против слияния Советов. Однако 23 ноября объединенное заседание Советов двумя третями голосов решило этот вопрос по-большевистски. Резолюция объединенного заседания требовала полного доверия правительству Народных Комиссаров и установления в Перми власти городского Совета рабочих и солдатских депутатов как единственного полномочного органа.

Потерпев поражение в городском Совете, меньшевики решили вместе с кадетами создать верхушечный губернский орган под названием «Совет по управлению губернией» ⁷¹. Рабочие и солдатские массы, узнав о возникновении этого антинародного, контрреволюционного органа, выразили решительный протест и заявили, что они признают только Советскую власть.

Пермские большевики подготовили губернский съезд Советов, который открылся 16 декабря 1917 года. Из 139 делегатов съезда 108 являлись членами большевистской партии. Съезд приветствовал Центральный Исполнительный Комитет Советов, а также Совет Народных Комиссаров и заявил, что «пролетариат и беднейшее крестьянство Пермской губернии пойдут рука об руку с ними» ⁷².

На Южном Урале Советская власть утвердилась быстро в районах Миньярского, Симского, Усть-Катавского, Аша-Балашевского заводов. В напряженной борьбе с эсерами возникла и укреплялась Советская власть в Златоусте. Перевыборы Совета, проходившие в первой половине октября, показали огромный сдвиг в политических взглядах златоустовских рабочих. 16 октября на первом заседании нового состава Златоустовского Совета при выборах в исполнительный комитет за список эсеров было подано 66 голосов, за большевиков — 54, за меньшевиков — 5, за беспартийных — 7. После того, как известия о победе социалистической революции в Петрограде дошли до Златоуста, Совет собрался на заседание и приступил к обсуждению событий в Петрограде. Предложенные большевиками и эсерами резолюции собрали равное число голосов, и никакого решения Советом не было принято. В конце ноября 1917 г. вновь состоялись выборы в Златоустовский Совет. Эсеры по сравнению с большевиками получили ничтожное преобладание в Совете. Но на этот раз голосами большевиков и беспартийных Совет принял большевистскую резолюцию, в которой приветствовались завоевания Октября и провозглашалась в городе Советская власть ⁷³.

Серьезную угрозу для Советов Южного Урала представляла оренбургская казачья контрреволюция. После первых же известий о победе Октябрьской революции в Петрограде оренбургские эсеры, меньшевики, кадеты и представители верхов казачества организовали контрреволюционный «Комитет спасения родины и революции». Генерал Дутов, являясь членом этого комитета, возглавил казачьи войска, разогнал Оренбургский Совет рабочих и солдатских депутатов и двинулся к Троицку, где помог контрреволюции прийти к власти. Нависла угроза над Челябинским Советом, который 26 октября объявил себя органом власти. Вокруг Челябинска было сосредоточено около 11 тыс. казаков. Кадетско-эсеровская городская дума Челябинска, надеясь на поддержку Дутова, открыто выступила против Совета, против установления «большевистской власти» ⁷⁴. Не имея достаточных вооруженных сил, Челябинский Совет вступил в переговоры с дутовцами и по их требованию передал власть городской думе. Требование дутовцев сдать оружие Совет не выполнил и передал оружие солдатам, которые поддерживали Совет. Таким образом, в городе

⁷⁰ Там же, лл. 78—85.

⁷¹ Там же, д. 413, л. 198.

⁷² «Уральский рабочий», 22 декабря 1917 года.

⁷³ «Вперед», 24 октября и 12 декабря 1917 года.

⁷⁴ АСФИМЛ, ф. 41, д. 270, л. 272.

сохранялись вооруженные силы Совета, который вынужден был перейти на полулегальное положение ⁷⁵.

Необходимо было ликвидировать вооруженные силы Дутова, угрожавшие власти Советов на Урале и в других районах страны. Потребовалась мобилизация всех красногвардейских отрядов заводов и городов Урала для разгрома контрреволюционных сил, которые стали проявлять особую активность в связи с продвижением войск Дутова.

Центральный Комитет партии своевременно предупреждал местные партийные организации об опасности, заключающейся в недооценке значения вооружения трудящихся. Кыштымская организация РСДРП(б) 12 ноября сообщала в ЦК, что в Кыштыме записалось в Красную Гвардию более 100 человек, но для них нет оружия, а без наличия же оружия Красная Гвардия якобы ненужная организация. Надобности теперь в ней нет. Все спокойно ⁷⁶. Получив это сообщение, ЦК партии 23 ноября направил Кыштымской организации письмо, в котором сказано: «Переходим к вопросу о Красной гвардии. Вы считаете, что в ней нет надобности теперь. Повидимому, ставя так вопрос, Вы упускаете из виду лозунг о всеобщем вооружении народа, о народной милиции, так как Красная гвардия является первым звеном этой милиции, а потому отнюдь не следует оставлять этой... (далее в тексте одно слово написано неразборчиво.— Ф. Б.) и всеми мерами заботиться о добывании оружия» ⁷⁷.

Центральный Комитет партии и Советское правительство оказали большую помощь трудящимся Урала в борьбе с дутовщиной, направив к Оренбургу и на Урал отряды красногвардейцев и матросов, оружие и деньги.

20 ноября, после прибытия в Челябинск вооруженных отрядов Красной Гвардии из Екатеринбургa и других населенных пунктов Урала, а также отрядов, прибывших по распоряжению центра, власть в Челябинске снова перешла к Совету. Вслед за Челябинском Советская власть была восстановлена также в Троицке (26 декабря 1917 г.) и в Оренбурге (18 января 1918 г.).

Уральские большевики выполнили поручение ЦК партии снабдить пролетарские центры России продовольствием. В первые же дни после победы Октябрьской революции поезда, груженные хлебом, под охраной красногвардейцев, направились из Уфы в Петроград и Москву. Вслед за ними двинулись хлебные эшелоны из Челябинска, для сопровождения которых Екатеринбургский Совет выделил 500 человек ⁷⁸.

К концу 1917 г. социалистическая революция победила в основных центрах Урала и проникла во все его уголки. Как и в других районах страны, главным условием победы социалистической революции на Урале было руководство большевиков, сплотивших вокруг себя широкие массы трудящихся.

Победа социалистической революции на Урале имела огромное значение, ибо она предоставила в распоряжение молодого Советского государства важнейший экономический район с хорошо развитой промышленностью и неисчерпаемыми природными ресурсами, район, ставший основной базой борьбы за упрочение власти трудящихся на востоке и юго-востоке нашей страны.

⁷⁵ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 236, лл. 7, 18.

⁷⁶ Там же, ед. хр. 240, л. 7.

⁷⁷ Там же, ед. хр. 82, л. 72.

⁷⁸ «Уральский рабочий», 18 ноября 1917 года.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС В УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ

(ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РКИ В 1920—1923 ГОДАХ)

С. Н. Иконников

Одной из важнейших особенностей Советского социалистического государства, государства нового типа, является подлинный демократизм. Политика Советского государства выражает волю миллионных масс, их кровные интересы. При социалистическом строе трудящиеся массы непосредственно участвуют в государственной деятельности, сами решают все вопросы политической и общественной жизни страны, ее хозяйственного и культурного строительства.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции творчеством самих трудящихся были созданы многочисленные формы их активного участия в управлении молодым Советским государством. Среди этих форм важное место занимала Рабоче-крестьянская инспекция, образованная по инициативе В. И. Ленина.

В настоящей статье делается попытка проанализировать участие трудящихся масс в деятельности Рабоче-крестьянской инспекции с момента образования Народного комиссариата РКИ (февраль 1920 г.) до создания объединенного органа ЦКК — РКИ (апрель 1923 года). Этот вопрос пока не получил достаточно полного освещения в исторической литературе¹ и представляет определенный интерес для исследования форм и методов вовлечения трудящихся в государственное строительство.

Основатель Советского государства В. И. Ленин, глубоко веря в организационные и творческие способности трудящихся, призывал их смелее браться за дело управления страной. Уже в первые дни существования Советской власти, 5 ноября 1917 г., в обращении «К населению» В. И. Ленин от имени Совета Народных Комиссаров писал:

«Товарищи-трудящиеся! Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки»².

Миллионы трудящихся впервые в истории человечества были призваны Великой Октябрьской социалистической революцией к активному и притом решающему участию в управлении государством. Рабочие и крестьяне, ставшие у власти, не имели опыта в этом деле. Старые чиновники, перешедшие на работу в советские государственные органы, саботировали мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства. Перед рабочим классом и Коммунистической партией встала задача — овладеть аппаратом власти, вырастить кадры, способные руководить государственными делами, народным хозяйством, политикой, армией и другими областями государственной жизни. Поэтому привлечение трудящихся к управлению государством пришлось начать с практического обучения

¹ Некоторым вопросам деятельности Рабоче-крестьянской инспекции посвящены три статьи И. П. Козлитина (см. «Исторические записки», 1948, № 26; «Вестник государственного контроля», 1951, № 11; «Вопросы истории», 1954, № 12).

² В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 266.

их государственной деятельности. Решение этой задачи осложнялось тем, что в результате угнетательской политики царизма и буржуазии трудящиеся нашей страны не обладали необходимыми знаниями и не принимали раньше никакого участия в государственных делах. Это обстоятельство создавало дополнительные трудности в строительстве Советского государства, в привлечении к нему широких слоев рабочих и крестьян.

В силу отсутствия необходимых кадров Советская власть широко использовала буржуазную интеллигенцию, специалистов, не понимавших целей и задач социалистического строительства, а иногда и прямо враждебных диктатуре пролетариата лиц. «В наших промышленных «главках и центрах», в наших земледельческих «советских хозяйствах» много, слишком еще много осталось саботажников, запрятавшихся помещиков и капиталистов, всячески вредящих Советской власти»³, — писал В. И. Ленин в октябре 1919 г. о состоянии хозяйственного аппарата страны. Это обстоятельство также требовало скорейшего привлечения трудящихся масс к делу государственного управления, их контроля над работой советского государственного аппарата.

Подводя итоги двухлетнего строительства Советской власти, В. И. Ленин указывал, что самым важным выводом из опыта строительства Советской республики, самым главным уроком является «тот урок, что только участие рабочих в общем управлении государством дало нам возможность устоять в таких невероятных трудностях и что, только идя по этому пути, мы добьемся полной победы»⁴.

Особое значение вовлечение трудящихся в управление государством приобрело к концу гражданской войны, когда партия начала подготовку к мирному социалистическому строительству. Предстоявшая отмена политики военного коммунизма, политики, необходимой в условиях жестокой вооруженной борьбы, но непригодной при восстановлении народного хозяйства, настоятельно требовала совершенствования всех звеньев государственного аппарата, широкой их демократизации. Добиться этого было невозможно без участия массы рабочих и крестьян. Привлечение широких слоев трудящихся к управлению государством партия считала основной, решающей задачей советского строительства. В числе целого ряда способов и средств для разрешения данной задачи партия и правительство указали на органы рабочей инспекции, возникшие еще в 1918 году. С этой целью в начале 1920 г. в связи с наметившейся перспективой мирного строительства была произведена реорганизация Народного комиссариата госконтроля в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. ЦК РКП(б), учитывая, что рабочая инспекция является формой, способной в короткий срок приобщить массы к государственной деятельности, решил использовать эту форму и направить революционную энергию трудящихся через русло государственного контроля на работу по восстановлению народного хозяйства. 23 января 1920 г. этот вопрос обсуждался на заседании Политбюро ЦК и была принята следующая, предложенная В. И. Лениным резолюция:

«Поручить Президиуму ВЦИК и Госкону принять к руководству директиву ЦК РКП:

...Рабочую и крестьянскую инспекцию всячески развивать, усиливать, расширять, направляя всю работу к полному «орбочению» (и «окрестьяниванию») Госкона...

...Немедленно при участии т. Аванесова составить новый проект Раб. и Крест. Инспекции при Госконе и внести в Политбюро не позже 28. 1. 20 г.»⁵.

В. И. Ленин уделял огромное внимание делу создания Рабоче-крестьянской инспекции. 24 января 1920 г. он пишет И. В. Сталину, В. А. Аване-

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 55.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ «Ленинский сборник» VIII, стр. 24.

сову, М. П. Томскому и А. С. Киселеву письмо, в котором излагает свои замечания на проект Положения о РКИ, представленный комиссией Президиума ВЦИК:

«На основании директивы, данной Ц[ентральным] К[омите]том, следует, по моему, переработать все 3 проекта⁶ в один.

Добавить, по моему:

1) «Отдел» Р[абоче]-Кр[естьянской] Инсп[екции] при ГосКоне д[олжен] б[ыть] временный с задачей внедрить Р[абоче]-Кр[естьянскую] И[нспекцию] в о в с е отделы ГосКона и т[ог]да, к[а]к особый отдел, исчезнуть.

2) Цель: в с ю трудящуюся массу, и мужчин и женщин о с о б е н н о, провести через участие в Р[абоче]-Кр[естьянской] Инсп[екции]...

6) ...Установить постепенность привлечения, очереди, и т. д. Необходимо также тщательно обдумать формы участия (по 2—3, редко и в особых случаях больше участников, дабы не отвлекали они служащих зря от работы)...

8) Чиновники ГосКона д[олжны] б[ыть] обязаны (по особой инструкции) во-1-х, привлекать ко всем своим операциям предст[авите]лей (или группы) Р[абоче]-Кр[естьянской] И[нспекции], а во-2-х, читать лекции б е с п а р т и й н ы м конференциям рабочих и крестьян (лекции по особо утвержденной программе, популярные, об основах ГосКона и приемах его: м[ожет] б[ыть], заменить лекции прочтением брошюры, кою мы издадим (т. е. ГосКон, Сталин и Аванесов, издаст при особом участии партии) и прокомментируем к этой брошюре).

9) П о с т е п е н н о вызывать крестьян с мест (обязательно беспартийных крестьян) для участия в ГосКоне в центре: начать хотя бы (если нельзя больше) с 1—2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и др[угих] условий р а с ш и р я т ь. То же для беспарт[ийных] рабочих».

В заключение Ленин требовал «постепенно ввести проверку участия в ГосКоне со стороны трудящихся через партию и через профсоюзы т. е. через них проверять, участвуют ли все и каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления»⁷.

28 января 1920 г. вопрос о Рабоче-крестьянской инспекции вторично рассматривался в Политбюро ЦК РКП(б). Директивы Политбюро ЦК, утвержденные Пленумом ЦК РКП(б) 31 января 1920 г.⁸, и указания, данные В. И. Лениным, легли в основу нового проекта Положения о Рабоче-крестьянской инспекции⁹, разработанного Наркоматом государственного контроля. Этот проект был представлен на обсуждение комиссии и затем сессии ВЦИК. Согласно указаниям Политбюро ЦК и В. И. Ленина, проект предусматривал Рабоче-крестьянскую инспекцию как отдел при Наркомате государственного контроля. Однако во время обсуждения этого вопроса в комиссии ВЦИК и на заседании коммунистической фракции ВЦИК было решено реорганизовать Наркомат государственного контроля в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. 4 февраля 1920 г. сессия ВЦИК обсуждала проект Положения о НК РКИ. Выступивший на сессии с докладом В. А. Аванесов заявил, что теперь «всякое заводское собрание и беспартийная конференция могут выставить определенных кандидатов, которые непосредственно зачисляются в органы РКИ»¹⁰. 4 февраля того же года ВЦИК принял декрет «О Рабоче-Крестьянской Инспекции (Положение)», который был горячо встречен широкими массами трудящихся нашей страны.

⁶ В. И. Ленин имеет в виду проекты, разработанные Московской рабочей инспекцией, Наркоматом государственного контроля и представителями ВЦИК, ВЦСПС и железнодорожной инспекции.

⁷ «Ленинский сборник» VIII, стр. 26.

⁸ См. там же, стр. 24.

⁹ Журнал «Известия РКИ», 1920, № 1, стр. 5—7.

¹⁰ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 4085, оп. 1, д. 2, л. 14.

Приветствуя декрет ВЦИК об образовании Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, III Всероссийский съезд профессиональных союзов предложил всем профессиональным организациям «принять самое энергичное и деятельное участие в работах и конструировании органов РКИ». При всех профсоюзах должны были создаваться комиссии содействия РКИ. Кроме того, профсоюзы обязывались созывать конференции и собрания рабочих предприятый для выборов членов РКИ, а также «выдвигать через местные исполкомы своих кандидатов на руководящие должности в Рабоче-крестьянской инспекции»¹¹. Общее собрание сотрудников Государственного контроля г. Владимира прислало в Наркомат РКИ приветственное письмо, выражая уверенность в том, что «все контрольные работники сумеют отдать свои силы, знания и опыт на подготовку имеющих быть делегированными в состав РКИ представителей рабоче-крестьянских масс... и немедленно приступить к реорганизации местного контроля на провозглашенных принципах Положения о РКИ, приняв все меры к привлечению рабоче-крестьянских масс к работе в РКИ»¹².

Согласно постановлению ВЦИК, Наркомату рабоче-крестьянской инспекции предлагалось немедленно приступить к осуществлению силами широчайших трудящихся масс контроля за всеми государственными и хозяйственными органами и общественными организациями; вменялось в обязанность вести борьбу с бюрократизмом и волокитой; наблюдать за проведением в жизнь всех декретов и постановлений Советской власти как в центре, так и на местах. В постановлении было указано, что членом Рабоче-крестьянской инспекции может быть всякий трудящийся, пользующийся избирательным правом по Конституции РСФСР, за исключением лиц, занимающих ответственные должности по управлению предприятиями или занимающих высшие административные должности. Количество членов РКИ не ограничивалось, и состав их был текучим «с целью вовлечения всех рабочих и работниц данного предприятия или всех крестьян в работы инспекции»¹³.

По замыслу В. И. Ленина, РКИ должна была стать органом, с помощью которого рабочие и крестьяне могли осуществлять действенный контроль над всей государственной и хозяйственной жизнью страны и приобрести необходимые административные навыки, чтобы впоследствии принять непосредственное участие в управлении государством. Определяя цель РКИ, В. И. Ленин требовал провести через участие в инспекции «всю трудящуюся массу, и мужчин и женщин особенно»¹⁴. В рабочую инспекцию, говорил он на заседании Московского Совета 6 марта 1920 г., нужно «привлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и ...двинуть их вверх. Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны, — сначала только в виде понятых, — далее постепенно переходят к более важным ролям в государственных делах»¹⁵.

В условиях становления Советского государства РКИ должна была сломить сопротивление старых специалистов, саботировавших мероприятия Коммунистической партии и правительства, вырастить надежные, пролетарско-крестьянские кадры. «Не разгоняя старых чиновников, — указывал В. И. Ленин, — точно так же, как и из армии мы не изгоняли специалистов, а приставили к ним рабочих комиссаров, мы должны к этим буржуазным специалистам приставить группы рабочих, которые сами бы присмотрелись, научились и взяли бы эту работу в свои руки»¹⁶.

¹¹ «Правда», 19 марта 1920 года.

¹² ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1а, д. 365, л. 284.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), 1920, № 16, ст. 94.

¹⁴ «Ленинский сборник» VIII, стр. 25

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 339.

¹⁶ Там же, стр. 326.

Выступая на I Всероссийском совещании ответственных работников РКИ 15 октября 1920 г., И. В. Сталин четко сформулировал поставленные В. И. Лениным и партией перед РКИ основные задачи:

«Первое это то, чтобы в результате или ходе своей ревизионной работы работники инспекции помогали нашим товарищам, стоящим у власти как в центре, так и на местах, установить наиболее целесообразные формы учёта государственного имущества, помогали бы установить целесообразные формы отчётности, помогали бы налаживать аппараты снабжения, аппараты мирного и военного времени, аппараты хозяйства...

Вторая основная задача состоит в том, чтобы РКИ в ходе своей работы подготовляла из рабочих и крестьян инструкторов, могущих овладеть всем государственным аппаратом... чтобы выращивать, готовить эти кадры, привлекая к своей работе широкие слои рабочих и крестьян. РКИ должна быть школой для таких кадров из рабочих и крестьян»¹⁷.

VIII Всероссийский съезд Советов (декабрь 1920 г.), придавая большое значение РКИ в деле усиления надзора за работой всех органов государственного управления, устранения волокиты и упрощения аппарата, а также вовлечения широких трудящихся масс в РКИ, обязал Президиум ВЦИК обратить особое внимание на деятельность Наркомата РКИ. Съезд предложил поставить очередной задачей наркомата обследование таких вопросов, как распределение продовольственных карточек, жилищ, транспорта, предметов первой необходимости, топлива и т. п.¹⁸.

В письме ЦК РКП(б) к партийным организациям от 6 августа 1921 г. о вовлечении беспартийных в активную советскую работу указывалось, что «в деле действительного массового вовлечения рабочих для работы в советских учреждениях большую роль должны играть Советы, профсоюзы, а также рабоче-крестьянская инспекция»¹⁹.

Таким образом, партия и правительство уделяли большое внимание работе РКИ, рассматривая инспекцию как важнейшее средство улучшения деятельности государственного аппарата.

В соответствии с задачами РКИ была создана и структура наркомата. Руководящим органом, направляющим деятельность РКИ в центре и на местах, являлись Коллегия НК РКИ и Центральные инспекции. В 1920 г. таких инспекций насчитывалось десять: техно-промышленная, продовольственно-сельскохозяйственная, охраны труда и здравоохранения, административная, просвещения и пропаганды, финансовая, путей сообщения, военно-морская, инспекция летучих ревизий и центральное бюро жалоб и заявлений.

Наркоматы РКИ были образованы также в автономных республиках. В начале 1921 г. аппарат РКИ на местах состоял из 10 наркоматов автономных республик, 10 инспекций автономных областей и краев, 73 губернских (включая 12 губерний Украинской, 7 губерний Киргизской и 5 — Туркестанской республик), 489 уездных (включая Украину, но без уездов автономных республик), 49 районных и 160 волостных инспекций. К этому нужно прибавить специальные инспекции: 28 продовольственных, 27 железнодорожных, 17 военных и другие²⁰. Взаимоотношения между Наркоматом РКИ РСФСР и соответствующими наркоматами советских республик, находившихся в федеративных или иных договорных связях с РСФСР, определялись соглашениями высших органов этих республик.

Такая система построения органов РКИ способствовала выполнению поставленных перед ними задач по инспектированию государственных учреждений, давала возможность быстрее и конкретнее ознакомить трудящихся с органами государственного управления и успешнее вовлекать их в работу РКИ.

¹⁷ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 366, 367.

¹⁸ «VIII Всероссийский съезд Советов». М. 1920, стр. 18—19.

¹⁹ «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 32, стр. 11.

²⁰ «Отчет НК РКИ за первое полугодие 1921 г.». М. 1921, стр. 3. ✓

Существовало несколько форм участия в деятельности РКИ. Наиболее активная часть трудящихся работала непосредственно в аппарате наркомата (делегированные члены РКИ); многие состояли членами ячеек содействия РКИ; иные время от времени включались в различного рода ревизионные обследования²¹. Кроме того, при Советах рабочих и крестьянских депутатов создавались специальные секции РКИ.

Делегированные члены РКИ избирались трудящимися для работы в органах наркомата на срок до 4 месяцев в качестве постоянных сотрудников, фактических контролеров или практикантов. В число постоянных сотрудников РКИ зачислялись делегированные члены, «прошедшие известный стаж работы в РКИ и обнаружившие способности в инспекторской работе»²². Фактические контролеры назначались из наиболее подготовленных членов РКИ, но не имевших еще достаточных знаний и навыков контрольной работы²³. Практикантом назывался трудящийся, временно командированный Рабоче-крестьянской инспекцией в советское учреждение или предприятие для ознакомления с их работой. Деятельность делегированных членов РКИ строилась таким образом, чтобы они могли от простейших поручений переходить к более сложным.

Инструкция не определяла норм представительства рабочих в органах РКИ, но, как об этом свидетельствуют другие источники, они существовали. Так, от предприятий с числом рабочих до 1 000 чел. избирался один представитель на каждые 200 чел., от предприятий с числом рабочих свыше 1 000 чел. — один на 300 чел.²⁴; в армии избирался один представитель от каждой 1 000 строевых красноармейцев²⁵.

Первые выборы в органы Рабоче-крестьянской инспекции проходили в октябре — декабре 1920 и в начале 1921 года. Для этого были созданы районные и окружные избирательные комиссии, в которые входили представители партийных и профсоюзных организаций. Большое внимание выборной кампании уделил Центральный Комитет РКП(б), который в специальном письме ко всем членам партии, ко всем губкомам РКП(б) указывал: «...ЦК рекомендует организовать на местах митинги, лекции и доклады для ознакомления крестьян и рабочих с задачами и методами работы Рабкрина. Эти вопросы надо поставить в повестку дня общих собраний, так как дело привлечения крестьян и рабочих к работе в РКИ есть очередная задача не только органов инспекции, но и всех местных учреждений партии»²⁶.

В обращении отдела работниц при ЦК РКП(б) ко всем работницам Советской России говорилось: «Товарищи работницы! Идут выборы в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию — к этой работе привлекаетесь вы, ибо это ваша власть, она вами поставлена и вы должны контролировать ее»²⁷. Московская окружная комиссия по выборам в РКИ обратилась к красноармейцам с призывом: «Товарищи красноармейцы! Идите учиться управлять государством в Рабоче-Крестьянскую Инспекцию»²⁸.

Трудящиеся относились к выборам в РКИ с высокой сознательностью и активно участвовали в них. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные письма, опубликованные тогда же на страницах советской печати. Работница Кирынова писала в редакцию газеты «Правда»: «Везде сейчас по фабрикам и заводам проводятся выборы в РКИ. Идите, товарищи работницы, к свету и знанию. Идите смело бороться с теми трудностями, с теми непорядками, которые мешают нам жить хорошо»²⁹. В га-

²¹ СУ РСФСР, 1920, № 16, ст. 94.

²² ЦГАОР II СС, ф. 374, приказ НК РКИ № 41 от 25 января 1921 года.

²³ «Отчет НК РКИ за 1920 г.». М. 1920, стр. 48.

²⁴ Газета «Коммунистический труд», 18 сентября 1921 года.

²⁵ Газета «Нижегородская коммуна», 8 декабря 1920 года.

²⁶ «Известия ЦК РКП(б)», 1921, № 28, стр. 36.

²⁷ «Правда», 10 октября 1920 года.

²⁸ «Коммунистический труд», 19 декабря 1920 года.

²⁹ «Правда», 10 октября 1920 года.

зете «Коммунистический труд» было напечатано письмо работницы Морозовой: «Сейчас идут выборы в Рабочую инспекцию, и мне хочется сказать всем работницам, чтобы побольше шли они туда. Полезная и необходимая эта работа для всего рабочего класса»³⁰.

Партийные организации активно участвовали в проведении выборов в РКИ. Московский Комитет РКП(б) вынес специальное решение, в котором предложил райкомам партии оказывать всемерное содействие органам РКИ; редакциям газет рекомендовалось как можно шире освещать ход выборной кампании³¹.

Выполняя указания партии, центральные и местные газеты публиковали статьи, посвященные РКИ. Выпускались также и специальные листовки. Газеты призывали: «Сегодня выборы в Рабоче-крестьянскую инспекцию. Рабочие и работницы, идите в РКИ. Через нее вы научитесь управлять государством!», «Рабочие и крестьяне! Идите в РКИ — она орган вашей пролетарской диктатуры. Рабоче-крестьянская инспекция — школа трудящихся масс в деле государственного управления!»³², «Рабочие и крестьяне! Идите работать в вашу инспекцию!», «Рабочие и крестьяне! Идите учиться управлять государством в Рабоче-крестьянскую инспекцию!»³³.

Накануне выборов органы Наркомата РКИ совместно с партийными, советскими и профсоюзными организациями созывали митинги и собрания, организовывали публичные лекции, доклады, беседы, на которых разъяснялись цели и задачи РКИ. Только в Москве и Петрограде было проведено свыше 1 000 митингов трудящихся, посвященных выборам в органы РКИ; не менее 2 500 таких митингов состоялось в провинции³⁴.

Большая организационная и агитационно-массовая работа обеспечила успех первых выборов в органы РКИ.

Выборы производились на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян. Обычно сначала заслушивался доклад о целях и задачах Рабоче-крестьянской инспекции, затем читали «Инструкцию о порядке выборов и об участии рабочих и крестьян в РКИ». В заключение, как правило, принимались резолюция и наказ выборным. На общем собрании рабочих лесопильного завода «Сосна» в Нижнем Новгороде была принята, например, следующая резолюция: «Мы, рабочие и работницы лесопильного завода «Сосна», заслушав доклады о значении Рабоче-крестьянской инспекции и о выборах в нее, и принимая во внимание великую общегосударственную важность РКИ, постановили послать в нее из нашей среды самого честного и наилучшего товарища, памятуя, что только при помощи честных рабочих и крестьян Советской власти удастся восстановить в нашей республике промышленность и весь государственный аппарат на коммунистических началах»³⁵.

В результате выборов многие тысячи рабочих и крестьян влились в Рабоче-крестьянскую инспекцию. Только в 1920 г. было избрано 81 тыс. делегированных членов РКИ³⁶.

Прежде чем приступить к практической работе, избранные в РКИ товарищи знакомились с задачами и методами работы инспекции, с законоположениями и структурой органов Советской власти. С этой целью создавались специальные школы и курсы. При Московской губернской РКИ функционировали краткосрочные курсы на 80 человек, при Петроградской РКИ — на 100 человек³⁷. В 1920 г. курсы были открыты также

³⁰ «Коммунистический труд», 7 октября 1920 года.

³¹ Архив Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 2, д. 339, л. 63.

³² «Нижегородская коммуна», 2 и 3 декабря 1920 года.

³³ «Коммунистический труд», 7 октября и 19 декабря 1920 года.

³⁴ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 30.

³⁵ «Нижегородская коммуна», 16 декабря 1920 года.

³⁶ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 20.

³⁷ «Коммунистический труд», 8 декабря 1920 года; журнал «Вестник Петроградской коммуны», 1921, № 1, стр. 8.

в Иркутске, Калуге, Томске, Ярославле, Башкирской республике, при Кубано-Черноморской областной РКИ и в других местностях³⁸. Товарищи, посланные на курсы, изучали Конституцию РСФСР, программу РКП(б), сущность и структуру РКИ, вопросы делопроизводства, складского контроля, инспекций (военно-морской и полевой, финансовой, просвещения и пропаганды и др.), знакомились с деятельностью летучих ревизий и бюро жалоб³⁹. За лицами, делегированными в органы РКИ, сохранялись должность, средний заработок и льготы того учреждения или предприятия, откуда они были избраны⁴⁰.

Самыми массовыми организациями РКИ были ячейки содействия. Согласно инструкции Наркомата РКИ от 2 декабря 1920 г., они наблюдали за деятельностью административных и хозяйственных органов, за правильной постановкой работы соответствующего предприятия, учреждения или организации, за состоянием производительности труда, за законностью и целесообразностью распоряжений, даваемых администрацией, за правильным хранением, распределением и использованием материалов, продуктов и т. п., а также выполняли специальные поручения местных органов РКИ⁴¹. Члены ячеек, организованных в сельских местностях, вели надзор за поступлением хлеба и других продуктов, следили за своевременной и правильной выдачей пособий семьям красноармейцев, содействовали точному проведению в жизнь всех постановлений Советской власти. Они не имели права вмешиваться в административные или иные распоряжения органов управления. О результатах своих наблюдений они докладывали местным отделениям РКИ, а те, в свою очередь, уже принимали необходимые решения.

Ячейки содействия РКИ создавались на предприятиях и в учреждениях, насчитывавших не менее 20 рабочих и служащих, а на крупных предприятиях — по цехам, мастерским, отделам и т. д. Работа членов ячеек носила сугубо общественный характер и не подлежала денежному вознаграждению.

По данным анкет делегатов I Всероссийского совещания ответственных работников РКИ, к 15 октября 1920 г. работа по организации ячеек содействия была развернута в 56 губерниях (из 58). Каждая из 14 губернских инспекций имела от 6 до 20 ячеек, 42 губернии имели от 50 до 100 ячеек⁴².

Важной формой участия трудящихся в Рабоче-крестьянской инспекции были также массовые обследования и летучие ревизии. Обследования, как правило, охватывали всю деятельность какой-либо отрасли государственного управления или отдельных учреждений. В них принимали участие и постоянные сотрудники РКИ, и делегированные члены, и члены ячеек содействия РКИ. Участвуя в обследованиях, рабочие и крестьяне не только помогали устранить замеченные недостатки, но и знакомились с разными сторонами деятельности государства. Так, массовые обследования столовых, помимо обнаружения злоупотреблений, давали возможность участникам этих обследований ознакомиться с постановкой всего дела общественного питания; обследования детских учреждений и школ — с организацией воспитательной работы; обследования мест заключения — с деятельностью карательных органов Советского государства. Для руководства массовыми обследованиями при Наркомате РКИ был создан специальный отдел, такие же отделы существовали и при многих губернских инспекциях.

³⁸ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 20.

³⁹ Там же, приказ НК РКИ № 60 от 23 марта 1921 года.

⁴⁰ Делегированные от волостных и сельских Советов получали содержание из расчета оклада работников уездных исполкомов с понижением на 25% (см. СУ РСФСР, 1920, № 16, ст. 20, 21, 94).

⁴¹ ЦГАОР и СС, ф. 374, приказ НК РКИ № 20 от 2 декабря 1920 года.

⁴² «Отчет НК РКИ за 1920 г.», стр. 48—49.

С помощью летучих ревизий Рабоче-крестьянская инспекция не только констатировала непорядки и злоупотребления, но и принимала срочные необходимые меры. За короткое время Отдел летучих ревизий Наркомата РКИ провел свыше 260 ревизионных обследований и примерно столько же расследований различного рода случаев нарушений законности, известных РКИ по сигналам населения⁴³. Из крупных обследований Отдела летучих ревизий можно назвать обследования Центротекстиля, Главсахара, Центропечати, Центростекла, Сормовского завода, завода «АМО», Московского холодильника, ревизии советских учреждений в Пензенской губернии, в Смоленске и другие.

Деятельность Наркомата рабоче-крестьянской инспекции свидетельствовала о том, что трудящиеся на деле стали действительными хозяевами страны. Партия вручила им контроль за деятельностью государственных, хозяйственных и иных органов, а следовательно, возможность влиять на эту деятельность, направлять и определять ее. Рабочие и крестьяне по-хозяйски взялись за дело. Делегированные члены РКИ за 4 месяца 1920 г. только по Московской рабоче-крестьянской инспекции произвели около 16 тыс. различных обследований, ревизий и отдельных проверок⁴⁴.

В Рязанской губернии на Мурманской суконной фабрике ячейка действия РКИ с 26 апреля по 10 мая 1921 г. осуществляла контроль за ходом ремонта фабричных машин, а также за состоянием сторожевой и противопожарной охраны. С 10 по 25 мая она наблюдала за ходом работы на фабрике и торфоразработках. Одновременно ячейка контролировала поступление и распределение продовольствия и товаров для рабочих и служащих фабрики⁴⁵.

Главное внимание органов РКИ было направлено на те участки государственной деятельности, которые приобретали наиболее важное значение в данный момент.

Одной из первоочередных сфер деятельности органов РКИ был контроль за работой продовольственных органов республики, так как положение с продовольствием было тогда очень острым. Московская РКИ, например, проводившая в середине 1920 г. проверку продовольственных складов московской потребительской кооперации, обнаружила серьезные недостатки в хранении продовольствия. На продовольственных складах недостача в грузах достигала в июне — июле 1920 г. 5—6% и больше. Органы РКИ установили тщательный контроль за продовольственными складами, без их представителей на складах не отпускался и не принимался товар. В результате недостача товаров сократилась в августе — сентябре до 1,16%, в октябре — ноябре — до 0,6%, в декабре — до 0,4%. Абсолютная недостача, составлявшая в июне — июле 1920 г. 66 249 пудов, понизилась в августе — сентябре того же года до 5 977 пудов, а в октябре — ноябре — до 2 400 пудов. За 4 месяца Московская РКИ сберегла государству до 124 029 пудов разного рода продовольственных товаров. «Такой благополучный результат, — писала газета «Коммунистический труд», — следует отнести исключительно к энергичной, планомерной, интенсивной деятельности инспекции»⁴⁶.

Органы РКИ провели огромную работу по проверке контингентов, состоявших на государственном снабжении. В Петрограде с этой целью была организована междуведомственная комиссия во главе с представителем РКИ. В результате проверки комиссия задержала в июле 1921 г. выдачу 33 866 продовольственных карточек⁴⁷. В Москве после проверки правильности выдачи продовольственных карточек за июнь 1921 г. только

⁴³ «Известия РКИ», 1920, № 3, стр. 4.

⁴⁴ «Коммунистический труд», 16 апреля 1921 года.

⁴⁵ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 44, д. 157, лл. 9—10.

⁴⁶ «Коммунистический труд», 10 февраля 1921 года.

⁴⁷ «Вестник Петрорабкрина», 1921, № 1, стр. 10.

в Городском районе было снято с довольствия 34 396 человек, незаконно пользовавшихся карточками⁴⁸.

В 1920 г. органы РКИ принимали активное участие в так называемых «неделях фронта», которые проводились по решению ЦК РКП(б) для оказания помощи Красной Армии и в целях борьбы с хозяйственной разрухой. Во время «недели фронта» РКИ обследовала 1 546 складов, где было найдено огромное количество имущества, необходимого фронту. Обнаружилось, например, что на складах Главкожи валялись с 1915 г. части к артиллерийским орудиям, патроны, сумки, зарядные ящики, перископы и другое военное снаряжение; на складах Краснопресненского района Москвы лежали никем не учтенные 600 пудов мыла⁴⁹. Много найдено было белья, теплой одежды и обуви, в которых очень нуждалась Красная Армия.

Важное значение имели также обследования детских учреждений, проведенные в 1920—1921 гг. Рабоче-крестьянской инспекцией. Первое крупное обследование проводилось по постановлению ВЦИК во всероссийском масштабе. В нем приняли участие сотни рабочих и крестьян. Проверялись бытовые условия жизни детей, находящихся на содержании государства, и состояние воспитательной работы с этими детьми. Методом обследования был обход школ, яслей, детдомов и фиксация всех положительных и отрицательных сторон того или иного учреждения. Весь материал, собранный в волости, уезде, городе и губернии, концентрировался в Комиссии по обследованию детских учреждений. В Московской губернии было обследовано 2 412 детских учреждений, подведомственных Наркомпросу и Наркомздраву. Обследования, в которых широкое участие приняли представители местных ячеек РКП(б), женотделов, профсоюзов, комсомола и медицинских организаций, обнаружили перегруженность детских учреждений, малочисленность педагогического персонала, недостаток учебных пособий и т. п.⁵⁰ До 300 детских учреждений было обследовано в Петрограде и Петроградской губернии. Общие результаты и выводы обследований были доложены Правительственной комиссии, а также Комиссии по улучшению быта детей при ВЦИК.

Серьезную роль органы РКИ играли в борьбе за подъем сельского хозяйства. На Рабоче-крестьянскую инспекцию было возложено наблюдение за своевременным и точным проведением в жизнь постановления ВЦИК от 10 января 1921 г. о посевках⁵¹. На местах принимались меры по широкому привлечению в РКИ крестьян. 21 апреля 1921 г. Нижегородский губком РКП(б) обратился ко всем уездным и районным комитетам партии с письмом, подписанным секретарем губкома А. И. Микояном. В письме указывалось, что партийные организации совместно с органами РКИ должны созвать широкие крестьянские конференции и на них произвести выборы представителей от крестьян в РКИ. Как сообщала газета «Нижегородская коммуна» в июне 1921 г., такие представители избирались в посевкомы губернии⁵².

Первая после гражданской войны весенне-посевная кампания 1921 г. проходила в обстановке небывалого для того времени подъема активности трудовых масс города и деревни. Проводились специальные «недели крестьянина». Рабочие, и в первую очередь коммунисты, выезжали в деревню для оказания практической помощи беднякам и середнякам в севе. РКИ принимала активное участие в мероприятиях по проведению посевной кампании. В Нижнем Новгороде во время «недели крестьянина» более 100 рабочих вместе с работниками РКИ обследовали 200 складов и обна-

⁴⁸ «Коммунистический труд», 15 июня 1921 года.

⁴⁹ «Коммунистический труд» 26 июня 1920 года.

⁵⁰ «Коммунистический труд», 20 ноября 1920 года.

⁵¹ «Нижегородская коммуна», 21 апреля 1921 года.

⁵² «Нижегородская коммуна», 30 июня 1921 года.

ружили десятки тысяч пудов металлолома, годного для ремонта сельскохозяйственного инвентаря⁵³. В результате обследований и ревизий, проведенных органами РКИ с участием рабочих и крестьян, удалось выявить имущество, оказавшееся неучтенным вследствие плохо поставленной отчетности в некоторых хозяйственных организациях. Стоимость имущества, обнаруженного РКИ за вторую половину 1921 г. только на нескольких железных дорогах, составила 16 472 466 золотых рублей⁵⁴.

Органы РКИ проверяли также правильность договоров, заключавшихся в связи с различными хозяйственными мероприятиями между частными и государственными организациями. Сумма сбережений, полученная государством от расторжения РКИ неправильно заключенных договоров, достигала 108,5 млн. руб. золотом и 7 375 млн. руб. денежными знаками выпуска 1922 года. В области промышленности, например, в 1922 г. РКИ аннулировала свыше 100 договоров и сделок на сумму 4 372 000 золотых руб. и 13 658 387 руб. денежными знаками выпуска 1922 года. В связи с этим журнал «Известия РКИ» писал, что если бы РКИ занималась исключительно узкоконтрольной работой по сбережению народного достояния, то она и тогда оправдала бы свое существование⁵⁵.

Активно боролся Наркомат РКИ с разного рода хищениями и бесхозяйственностью. Много случаев бесхозяйственности и злоупотреблений было вскрыто, например, Московской инспекцией РКИ при обследовании 268 столовых в первой половине 1921 года⁵⁶. Рабочие, избранные на московских предприятиях, и члены Моссовета, обследовав 63 учреждения Москвы, обнаружили крупные злоупотребления при выдаче продовольственных пайков⁵⁷. В результате летучих ревизий, проведенных в Смоленске, Туле, Пензенской, Самарской и Гомельской губерниях, были выявлены факты незаконных действий местных властей, халатного отношения должностных лиц к своим обязанностям, небрежного хранения государственного имущества и т. п.⁵⁸. Отстаивая интересы трудящихся, РКИ не останавливалась ни перед какими мерами административного воздействия в отношении нечестных и нерадивых работников.

Однако следует отметить, что «погоня за жуликами» не составляла главной работы РКИ. В общей массе вскрытых ревизиями недочетов 25% составляли злоупотребления, требовавшие судебного или административного воздействия; 75% вскрытых недочетов относились к вопросам различного рода дефектов в постановке дела, устранявшихся путем инспекционного воздействия⁵⁹.

Центральное место в деятельности Наркомата РКИ занимала созидательная работа по улучшению всех звеньев государственного механизма. Большую роль в этом отношении играли ячейки содействия РКИ. Объединяя сотни и тысячи рабочих и крестьян, они на деле осуществляли контроль за работой государственного и хозяйственного аппарата. Члены ячеек содействия, участвуя в массовых обследованиях, знакомились с советским и хозяйственным аппаратом, вникали в сущность его работы, делали свои замечания, проявляли богатую инициативу по его совершенствованию. Органы РКИ уделяли много внимания борьбе за укрепление трудовой дисциплины в советских учреждениях. Отдел летучих ревизий Наркомата РКИ с 18 по 21 января 1921 г. произвел одновременное обследование ряда центральных учреждений Москвы (Главлеском, Главнефть, Главуголь и Главторф). В результате обследования, проводившегося исключительно силами рабочих, было обнаружено плохое состояние трудовой дисциплины в этих учреждениях. Соответствующие меры, принятые

⁵³ «Нижегородская коммуна», 8 мая 1921 года.

⁵⁴ «Известия РКИ», 1923, № 10—11, стр. 18.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «Отчет НК РКИ за первое полугодие 1921 г.», стр. 33.

⁵⁷ «Известия РКИ», 1921, № 5—6, стр. 24.

⁵⁸ См. «Легучие ревизии, их организация и деятельность». М. 1920, стр. 6—7.

⁵⁹ «Известия РКИ», 1923, № 10—11, стр. 19.

по сигналам РКИ, помогли выправить положение. Кроме того, на основе приобретенного опыта было намечено проведение подобных обследований и в других советских учреждениях⁶⁰.

Вскрывая непорядки и изъяды в государственном механизме, органы РКИ не только устраняли их собственными силами, но при необходимости активно участвовали и в законодательной деятельности Советского государства. На протяжении 1920—1922 гг. Наркомат РКИ внес в законодательные органы целый ряд законопроектов и предложений, касавшихся важнейших вопросов народного хозяйства: «Положение о счетоводстве и отчетности», «Правила приема, хранения и отпуска товаров»⁶¹, «Положение о порядке охраны складов», проекты постановлений «О прекращении незаконных выдач»⁶², «О положении Донбасса», «Об отклонении проекта организации Ямальской экспедиции»⁶³ и т. п.

«Правда» в марте 1921 г. писала: «Лучшим доказательством может служить тот живой интерес, который проявляют коммунисты к РКИ в центре, а также весьма интересные, поступающие с мест, материалы, которые подтверждают, насколько глубоко вкоренилась идея понятий РКИ, несмотря на всю сложность и новизну в деятельности общегосударственного характера. РКИ и в первый год своего неимоверно тяжелого существования, посредством своей ревизионно-инспекционной деятельности, успела совершить многое. Об этом свидетельствует целый ряд предложений, внесенных в подотчетные учреждения, о необходимости проведения в их органах организационных изменений, смещений и перемещений ответственных работников и т. д.»⁶⁴.

Рабочие и крестьяне, принимавшие участие в деятельности органов РКИ, не только осуществляли подлинно народный контроль за всеми звеньями государственного механизма, но и сами овладевали умением руководить. Так росли кадры квалифицированных работников, способных возглавить производство и другие отрасли общественной жизни. Говоря об итогах работы РКИ за 30 лет, «Правда» видела главную заслугу инспекции в том, что «она стала практической школой, где рабочие и крестьяне, участвуя в ревизиях и проверках, учились, как лучше работать, как управлять страной»⁶⁵.

На протяжении 1920—1921 гг. в работе РКИ принимало участие в общей сложности свыше 200 тыс. человек⁶⁶. Рабочие и крестьяне относились к своим обязанностям с большой ответственностью. В сообщении РКИ Архангельской губернии указывалось, например, что «рабочие относятся к инспекционной работе вполне сознательно и с большим интересом»⁶⁷. Делегированные члены РКИ часто выступали в печати и делились своим опытом. Вот что рассказывала работница Московской скорняжной фабрики Морозова о своей работе в органах РКИ: «Я работаю около 6 месяцев и была послана в РКИ со скорняжной фабрики делегатским собранием работниц. В инспекции я вместе с другими работницами наблюдала за разгрузкой продовольственных продуктов. Мы смотрели, чтобы не было хищений. И мы смотрели действительно в оба глаза. Контролировала и работу столовых, сами столующиеся говорили: Как контроль есть, так и хлеб есть»⁶⁸. Член РКИ рабочий Цветков писал в газету «Коммунистический труд»: «Я нахожусь в РКИ уже 5 месяцев. Здесь я прошел почти все отделы ее. За это время я научился многому... Принимал участие

⁶⁰ Газета «Известия ВЦИК», 13 февраля 1921 года.

⁶¹ Сборник «Пять лет власти Советов». М. 1922, стр. 553.

⁶² СУ РСФСР, 1921, № 79, ст. 683, № 48, ст. 241.

⁶³ Газета «Экономическая жизнь», 2 марта 1922 г.; «Известия ВЦИК», 24 февраля 1922 года.

⁶⁴ «Правда», 11 марта 1921 года.

⁶⁵ «Правда», 9 апреля 1949 года.

⁶⁶ «РКИ в советском строительстве». М. 1926, стр. 15.

⁶⁷ «Известия РКИ», 1922, № 15, стр. 15.

⁶⁸ «Коммунистический труд», 7 октября 1920 года.

в обследовании всех складов г. Москвы, был контролером по транспортировке всех продуктов, которые были предназначены для граждан г. Москвы»⁶⁹.

Группа рабочих, делегированных в РКИ, выступая в журнале «Известия Рабоче-крестьянской инспекции Юго-Востока России», отмечала: «Побольше бы учили рабочих, — мы скоро бы научились не только работать за станками, но и сменить тех спецов канцелярии, которые думают, что их работа для нас, рабочих, недоступна»⁷⁰.

Труднее было положение в деревне. Крестьяне, не желая надолго отрываться от сельскохозяйственных работ, не очень охотно шли в РКИ в качестве делегированных членов. Однако в работе волостных ячеек содействия РКИ они принимали активное участие, не оставляя своих хозяйств. По данным отчета Наркомата РКИ, в первой половине 1921 г. в волостях насчитывалось 2 280 ячеек содействия РКИ. Наибольшее число их приходилось на губернии: Курскую (835 ячеек), Тульскую (580), Московскую (526) и Петроградскую (270)⁷¹.

Важной формой обучения трудящихся государственному управлению были массовые обследования и летучие ревизии, проходившие при участии специалистов. Особенно широко они применялись Московской инспекцией. В 1920 г. Московская РКИ провела 7 массовых обследований губернского масштаба, в которых участвовало до 50 тыс. человек; 5 — городского масштаба при участии 5 тыс. человек; 34 — уездного масштаба при участии 3 тыс. человек. На следующий год число обследований и их участников по губернии и городу возросло. Только в массовых обследованиях, проведенных Московской РКИ в начале 1921 г., участвовало 78 тыс. человек. Если в 1920 г. ежемесячно в обследованиях участвовало в среднем 252 человека, то в 1921 г. — 420 человек⁷².

За полтора года (1920—1921) через РКИ прошло 42 тыс. делегированных рабочих и крестьян⁷³. По данным, полученным Наркоматом РКИ от 16 местных и 11 центральных инспекций за первое полугодие 1921 г., рабочие составляли около 73% всех временно делегированных, представители от волостей — 7,6%, от воинских частей — 3,9% и от других организаций — 15,5%⁷⁴. В 1920 г. Нижегородское губернское отделение РКИ писало в своем отчете, что многих старых специалистов им удалось заменить делегированными членами РКИ, назначить их на посты инструкторов и заведующих отделами учреждений⁷⁵. Заведующий Краснопресненской районной РКИ на собрании выборных членов Московской РКИ заявил, что многие из выборных проявили большие способности и районная инспекция представила в президиум районного Совета список товарищей, рекомендованных на разные ответственные должности⁷⁶. Только по Москве из числа избранных в органы РКИ осталось на постоянной работе в Рабоче-крестьянской инспекции 90 человек. Около 40 выборных членов перешло на постоянную работу в различные учреждения, причем половина из них заняла ответственные посты⁷⁷. По Петроградской губернской РКИ за четыре месяца 1920 г. было привлечено к работе в органы РКИ 787 человек, из них осталось на работе в РКИ 629 человек. По всей Российской Федерации общее число рабочих и крестьян, оставшихся на постоянной работе в органах РКИ, составляло 10 тыс. человек⁷⁸.

⁶⁹ «Коммунистический труд», 22 октября 1920 года.

⁷⁰ Журнал «Известия Рабоче-крестьянской инспекции Юго-Востока России», 1922, № 7, стр. 14.

⁷¹ «Отчет НК РКИ за первое полугодие 1921 г.», стр. 32.

⁷² «Коммунистический труд», 6, 10 апреля и 19 августа 1921 года.

⁷³ «Известия РКИ», 1923, № 10—11, стр. 20.

⁷⁴ «Отчет НК РКИ за первое полугодие 1921 г.», стр. 27.

⁷⁵ «Нижегородская коммуна», 27 ноября 1920 года.

⁷⁶ «Коммунистический труд», 26 января 1921 года.

⁷⁷ «Известия ВЦИК», 4 марта 1921 года.

⁷⁸ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 24, л. 20.

Важнейшей особенностью РКИ было то, что в своей деятельности по привлечению трудящихся к участию в государственной работе она не ограничивалась теми, кто был непосредственно занят в ее органах. Работа с массами, воспитание и обучение масс велись РКИ в значительно более широких размерах. Это обеспечивалось прежде всего полной гласностью работы всех органов РКИ. Делегированные члены РКИ отчитывались на общих собраниях своих избирателей. Ячейки содействия РКИ также были обязаны отчитываться на общих собраниях не менее одного раза в месяц. Руководители и участники массовых обследований и летучих ревизий выступали с докладами в советских и партийных органах, на собраниях и митингах трудящихся. Вот один из примеров. На волостном съезде Советов Солнечногорского района, Московской губернии, был заслушан доклад ячейки содействия РКИ о результатах ревизии Заготконторы. Ревизия обнаружила, что продукты, которые приходилось заготавливать с большим трудом, в Заготконторе портились и выбрасывались, никакого учета продуктов не велось. Узнав от ячейки содействия РКИ об этих фактах, волостной съезд Советов постановил отдать под суд руководителей Заготконторы⁷⁹.

Большое внимание уделяли органы РКИ борьбе за улучшение структуры, за укрепление и удешевление государственного аппарата. Рабоче-крестьянская инспекция приняла самое энергичное участие в борьбе за дешевый, четко работающий государственный аппарат. Эта сторона ее деятельности проявилась, во-первых, в проверке выполнения правительственных решений по сокращению штатов и, во-вторых, во внесении органами РКИ в правительство своих практических предложений по улучшению и сокращению государственного аппарата.

В целях проверки выполнения решений партии и правительства о сокращении штатов государственного аппарата Наркомат РКИ обследовал ряд центральных учреждений и установил, что произошло не сокращение, а, наоборот, увеличение аппарата. В докладной записке на имя В. И. Ленина Наркомат РКИ сообщил о предварительных данных, собранных им за время с 1 января 1921 по 1 января 1922 г., то есть за один год. «У нас, — писал НК РКИ, — не только не произошло какого-либо значительного сокращения штатов, но имеются все основания утверждать обратное. И это после ряда комиссий по сокращению и самых энергичных циркуляров и декретов, предписывающих крайнюю экономию расходования государственных средств на содержание личного состава... Сказанное с очевидностью свидетельствует о необходимости самыми энергичными мерами бороться с разбуханием наших центральных аппаратов. Без радикального сокращения штатов оздоровление наших административных органов невозможно. Учитывая это, Наркомат РКИ в ближайшие дни войдет с конкретным представлением во ВЦИК об установлении жестких штатов с тем, чтобы в дальнейшем всякое их количественное изменение могло последовать не иначе, как законодательным порядком»⁸⁰.

Наркомат РКИ разработал проект декрета о порядке установления твердых штатов учреждений РСФСР и представил его на рассмотрение ВЦИК. В этом проекте предлагалось, чтобы штаты наркоматов, центральных учреждений и их местных и всех подведомственных им органов как постоянные (твердые), так и все дополнения и изменения к ним утверждались Президиумом ВЦИК по представлению Штатной комиссии Наркомата труда. Все же другие существующие комиссии при ведомствах (тарифно-штатные и т. п.), в том числе и при военном ведомстве, подлежали ликвидации. В проекте также предусматривалась необходимость создания Правительственной комиссии по пересмотру и сокращению штатов и учреждений РСФСР⁸¹.

⁷⁹ Газета «Беднота», 1 декабря 1921 года.

⁸⁰ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 27, д. 170, лл. 2—3.

⁸¹ Там же, л. 87.

27 октября 1921 г. Президиум ВЦИК создал Комиссию по пересмотру всех учреждений РСФСР⁸². Газета «Известия ВЦИК» сообщала: «В конце октября 1921 г. Президиум ВЦИК учредил Комиссию ВЦИК по пересмотру учреждений РСФСР с целью возможно более сократить область применения вознаграждаемого государством и его органами непроизводительного труда и этим повысить ресурсы труда промышленного»⁸³. В связи с пересмотром учреждений РСФСР Совнарком возложил на органы РКИ представление содокладов по вопросу о схемах организации всех наркоматов и их центральных учреждений, о положении и штатах этих учреждений, а также о степени необходимости существования тех или иных отделов, частей и т. п.⁸⁴. В результате деятельности Комиссии ВЦИК, в которой активное участие принимала РКИ, из 7481 тыс. служащих было сокращено 4571 тыс. человек, то есть свыше 60%⁸⁵.

Сокращение штатов не являлось, конечно, единственным средством борьбы РКИ за улучшение советского государственного аппарата. Органы РКИ при участии трудящихся масс улучшали государственный аппарат также путем его организационных изменений. Каждая ликвидация или реорганизация каких-либо отделов, учреждений вызывала определенное сопротивление со стороны их руководителей. В этой сложной и трудной работе от РКИ требовалось много настойчивости и такта.

С начала 1922 г. выявилось новое направление работы РКИ в области совершенствования государственного аппарата. Это направление представляло собой одну из разновидностей научной организации труда и управления. Среди работников наркомата оно получило название нормализации. Нормализация имела своей целью рационализацию техники управления и структуры управленческого аппарата. Она проводилась по линии усовершенствования счетоводства, делопроизводства, складского дела и общей структуры аппарата управления. В марте 1922 г. в составе Наркомата РКИ был создан специальный отдел нормализации.

В. И. Ленин придавал большое значение деятельности РКИ в области нормализации и лично интересовался этой работой. В сентябре 1922 г. он пишет письмо заместителю наркома РКИ В. А. Аванесову, находившемуся в заграничной командировке, и рекомендует ему достать новейшую литературу по вопросам, интересующим отдел нормализации: «Собрать все скольконибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.)». Особое значение В. И. Ленин придавал нормализации «бумажной» работы. «Я считаю,— отмечал он в том же письме,— что нормализацию бумажной работы мы должны выработать, и ее потом применять всюду. Это самое важное»⁸⁶.

В области усовершенствования государственного аппарата центром внимания РКИ являлась борьба с бюрократизмом и волокитой. «С бюрократизмом,— говорил В. И. Ленин,— мы будем бороться долгие годы, и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует, потому что, для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер, нужна поголовная грамотность, поголовная культурность, поголовное участие в Рабоче-крестьянской инспекции»⁸⁷.

Рабоче-крестьянской инспекции, как одному из основных средств борьбы с бюрократизмом, Ленин уделял неослабное внимание, призывая трудящихся к активному участию в ее центральных и местных органах. Выступая на X съезде РКП(б), В. И. Ленин говорил: «Бюрократизм в

⁸² СУ РСФСР, 1921, № 72, ст. 584.

⁸³ «Известия ВЦИК», 25 декабря 1921 года.

⁸⁴ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 34, д. 17, л. 87.

⁸⁵ Газета «Экономическая жизнь», 9 мая 1922 года.

⁸⁶ «Ленинский сборник» VIII, стр. 89.

⁸⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 47.

нашем государственном строе получил значение такой болячки, что о нем говорит наша партийная программа, и это потому, что он связан с этой мелкобуржуазной стихией и с ее распыленностью. Победить эти болезни можно только объединением трудящихся, чтобы они умели не только приветствовать декреты Рабоче-крестьянской инспекции,— мало разве у нас декретов, которые приветствуются? — но чтобы они умели через Рабоче-крестьянскую инспекцию осуществлять свое право...»⁸⁸.

Борьба с бюрократизмом в качестве специальной, основной задачи являлась обязанностью Бюро жалоб и заявлений Наркомата РКИ. Право жалобы, предоставленное каждому гражданину, способствовало развешиванию критики масс в борьбе с косностью, рутинной, бюрократизмом в государственном аппарате. По этим жалобам и заявлениям нередко вскрывались и устранялись многие беспорядки и неправильные действия, разоблачались нечестные люди, расхитители государственной собственности.

Всю свою деятельность по улучшению государственного аппарата, по привлечению трудящихся к государственному управлению органы РКИ строили на основе тесной связи с партийными организациями, Советами, профсоюзами, комсомолом, отделом по работе среди женщин при ЦК РКП(б).

11 августа 1921 г. на заседании районного комитета РКП(б) Городского района Москвы был заслушан доклад о работе РКИ. Доклад вызвал оживленные прения. Выступавшие наряду с положительными сторонами в работе РКИ отмечали существенные недостатки, указывали на слабое использование командированных в распоряжение РКИ рабочих и работниц, на недостаточную решительность РКИ в перестройке работы в условиях новой экономической политики. В решении райкома указывалось также на то, что РКИ не следует строить по типу школ, где делается попытка превратить рабочих и крестьян в спецов, она должна быть деловым рабочим аппаратом, широко практикующим летучие ревизии, массовые обследования, а также конференции для учета опыта различных областей советской работы⁸⁹.

IV Всероссийский съезд профсоюзов (17—25 мая 1921 г.) в резолюции по докладу «Профсоюзы и хозяйственное строительство» поставил перед союзами задачу усиления пролетарского влияния на всю деятельность РКИ и высказал пожелание, чтобы лица, руководящие контрольно-инспекционной работой союзных органов, занимали в то же время руководящие посты в соответствующих по масштабу и характеру деятельности органах РКИ.

Секции РКИ создавались и при Советах. Эти секции, как и ячейки содействия, являлись низовыми организациями Рабоче-крестьянской инспекции, через них трудящиеся привлекались к общественному контролю и наблюдению за работой местных и центральных учреждений. Секции РКИ при Советах включали в себя как членов Советов, так и добровольно работающих активистов из представителей ячеек РКП(б), комсомола, профсоюзов, рабселькоровских организаций. Заседания секций устраивались иногда на предприятиях, что способствовало укреплению связей с массами. Связь органов РКИ с Советами осуществлялась также путем непосредственного участия членов Советов в обследовательской работе РКИ или через работников РКИ, входящих в состав Совета.

Рабоче-крестьянская инспекция проделала большую работу. Она подняла к сознательной политической жизни и выдвинула к руководству государственными делами тысячи рабочих и крестьян.

Переход к новой экономической политике потребовал решительной перестройки форм и методов работы государственного аппарата, в том числе и контрольных органов. Нужно было значительно усилить борьбу с элементами бюрократизма в советских учреждениях, еще шире исполь-

⁸⁸ Там же, стр. 167.

⁸⁹ Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 3, д. 588, лл. 53—54.

зовать творческую инициативу масс и направить ее на решение задач хозяйственного строительства. Это требовало дальнейшего повышения авторитета контрольных органов Советского государства, изменения их функций, расширения прав. В условиях новой экономической политики в работе РКИ появились своеобразные трудности. В связи с переходом большинства предприятий на начала хозяйственного расчета администрация предприятий с неохотой стала отпускать рабочих в органы РКИ. Направление каждого рабочего в качестве делегированного в РКИ означало для предприятия выплату ему в течение четырех месяцев средней зарплаты. Ограниченность же средств (денежных, а главное, продовольственных), находившихся в распоряжении Наркомата РКИ, не позволяла брать рабочих и крестьян, присланных с заводов, фабрик и деревень, на свое содержание. Приток делегированных в РКИ стал сокращаться. В 1922 г. число делегированных в РКИ составляло всего 17 тыс. человек вместо 124 тыс. человек в 1921 году⁹⁰. Учитывая эти изменения, ВЦИК 6 марта 1922 г. установил, что число рабочих, делегируемых для инспекторской работы в органы РКИ с оплатой их за счет предприятий (на срок не более 4 месяцев), не должно превышать 2 тыс. человек. Одновременно ВЦИК предоставил РКИ право привлекать для участия в массовых обследованиях в течение года 50 тыс. рабочих и крестьян на срок не более семи дней для каждого рабочего с оплатой за счет предприятия⁹¹.

Изменились также и методы работы делегированных. Они использовались теперь только по своей специальности на практической инспекционной работе и главным образом по обследованию наиболее важных хозяйственных органов.

Новая экономическая политика внесла изменения и в институт ячеек содействия РКИ. Их роль значительно усилилась. Преимущества ячеек содействия состояли в том, что они не отрывали своих членов от производства и были тесно связаны с ним; кроме того, они имели близкий объект наблюдения и являлись непосредственными выразителями интересов предприятия. С расформированием и сокращением уездных, волостных и участковых инспекций ячейки содействия приобрели особое важное значение в селах, деревнях и волостях. Они помогали органам Советской власти устранять различные беспорядки. Если к 1 ноября 1920 г. в Москве и Московской губернии существовало 913 ячеек содействия РКИ, объединявших 3 247 членов, то в апреле 1921 г. их было уже 1 350 с общим количеством членов 5 тыс. человек. В Иваново-Вознесенской губернии за короткий срок (1920—середина 1921 г.) число ячеек содействия РКИ выросло с 56 до 123, а общее количество членов в них — с 350 до 1 530 человек⁹². 3 799 ячеек насчитывалось в 1922 г. на Урале⁹³. Всего по Российской Федерации к началу 1922 г. было 12 346 ячеек содействия РКИ с общим числом членов свыше 150 тыс. человек, то есть в три раза больше, чем в начале 1921 года⁹⁴.

Произошли изменения и в формах руководства ячейками содействия. На местах стали проводиться специальные конференции членов ячеек содействия. Такие конференции состоялись, например, в Донской области, в Сибири и других местностях⁹⁵. Практическое руководство ячейками содействия осуществлялось уже центральными инспекциями Наркомата РКИ. Если в 1920 г. центральные инспекции имели отношение к ячейкам содействия только как директивные органы, то теперь они взяли под свое полное наблюдение ячейки содействия предприятий и

⁹⁰ «Известия РКИ», 1922, № 11—12, стр. 3, 13; ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 82, л. 74.

⁹¹ «Известия РКИ», 1922, № 11—12, стр. 13.

⁹² ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 44, д. 48, л. 16; д. 125, л. 125; «Коммунистический труд», 16 апреля 1921 года.

⁹³ «Известия РКИ», 1922, № 1, стр. 15.

⁹⁴ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 44, д. 125, л. 125; «Известия РКИ», 1922, № 4, стр. 15.

⁹⁵ ЦГАОР и СС, ф. 374, оп. 1, д. 34, л. 20.

учреждений, входящих в систему трестов и синдикатов. Техническо-промышленная инспекция Наркомата РКИ объединила вокруг себя 43 ячейки содействия крупнейших предприятий Москвы и Московской области.

С развитием новой экономической политики стали возникать новые формы участия рабочих в государственном и хозяйственном управлении: производственные ячейки, кружки, комиссии и т. п. Все они преследовали одну цель — улучшение государственного и хозяйственного аппарата. На очередь встал вопрос об объединении этих организаций и связи их деятельности с работой РКИ. В мае 1923 г. ВЦСПС и Наркомат РКИ приняли решение, в котором говорилось: РКИ не организует своих органов на предприятиях; при фабзавкомах образуются комиссии по производству, торговле, по вопросам жилища и быта рабочих; с этими комиссиями сливаются все созданные ранее организации содействия улучшению хозяйственного и государственного аппарата; программы и инструкции для комиссии разрабатываются органами РКИ; РКИ привлекает членов комиссий через фабзавкомы к участию в обследованиях и других работах; дает им отдельные поручения, исходя из своего общего плана; комиссии при фабзавкомах, в свою очередь, могут выдвигать перед соответствующим органом РКИ предложения о необходимости обследований и включения в план РКИ заданий, вытекающих из практической деятельности комиссий⁹⁶.

РКИ приходилось давать свои заключения по разным, подчас самым мелким, вопросам экономического, финансового и административного характера. Такое мелочное вмешательство в дела различных учреждений и распыление сил РКИ было оправдано лишь в первые годы ее существования, но уже к 1923 г. этот метод работы стал тормозить деятельность РКИ. Обилие возложенных на РКИ задач при огромных сокращениях ее аппарата привело к тому, что в своей деятельности она иногда скользила по поверхности тех или иных явлений, не в полной мере справлялась с задачами улучшения государственного аппарата и обучения трудящихся государственному управлению.

Внимательно изучая опыт работы РКИ, В. И. Ленин на новом этапе социалистического строительства видел в РКИ не только мощное средство для укрепления и совершенствования государственного аппарата, но и одну из форм упрочения союза рабочего класса с крестьянством.

Выступая против попыток ликвидировать РКИ, и в частности против клеветнических выпадов Троцкого, В. И. Ленин писал: «...нельзя обойтись без Рабкрин сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет... Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя. Иначе нельзя учить беспартийных рабочих и крестьян управлению, а от этой задачи ни принципиально, ни практически, в данный момент, отказаться нельзя»⁹⁷.

Ярким показателем той большой роли, которую отводил В. И. Ленин Рабоче-крестьянской инспекции в системе управления Советского государства, служит тот факт, что из пяти своих последних статей, в которых была намечена программа построения социализма в нашей стране, две статьи — «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше» — Ленин посвятил Рабоче-крестьянской инспекции и плану ее реорганизации.

Необходимость реорганизации РКИ чувствовалась и ее работниками. Выдвигалось множество всевозможных проектов перестройки, но ни один из них не разрешал всех проблем РКИ. В. И. Ленин на основе ана-

⁹⁶ Журнал «Вопросы советского хозяйства и управления», 1924, № 6—7, стр. 192—193.

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 316, 317.

лиза действительности сумел найти истинный путь реорганизации РКИ — путь сближения ее с авторитетным партийным органом, идя по которому РКИ должна была превратиться со временем в образцовый аппарат.

Преобразование государственного аппарата, по мысли В. И. Ленина, должно было осуществиться на базе поднятия его на высшую ступень культуры. Эту культуру должна была насаждать РКИ, систематически, неуклонно работая над улучшением государственного аппарата. Поэтому нужно было сделать РКИ образцовым учреждением, сосредоточив в ней все действительно лучшее, что есть в нашем социальном строе. В работе «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин писал: «...нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во-первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести,— не побоялись признаться ни в какой трудности и не побоялись никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели»⁹⁸.

Чтобы придать РКИ необходимый для выполнения ее задач авторитет, изменить стиль и методы ее работы, нужно было влить в нее крупные партийные силы. Путь такой реорганизации РКИ В. И. Ленин видел в слиянии РКИ с органами партийного контроля — контрольными комиссиями — прежде всего в слиянии центрального аппарата Наркомата РКИ с ЦКК. Это мероприятие превращало РКИ в боевой высокоавторитетный орган, входивший организационно в систему государственного управления и одновременно являвшийся составной частью одного из центральных органов партии.

XII съезд РКП(б) принял ленинский план реорганизации РКИ, а выработку проекта решения по этому вопросу передал в организационную секцию съезда. В секции проект решения разрабатывался под руководством Ф. Э. Дзержинского, при участии В. В. Куйбышева, Н. М. Шверника, М. Ф. Шкирятова, Е. М. Ярославского. XII партийный съезд единодушно принял проект решения об образовании ЦКК — РКИ.

РКИ была реорганизована в объединенный орган ЦКК—РКИ, что еще больше повысило ее роль и значение в укреплении Советского государства.

6 сентября 1923 г. ЦИК и СНК СССР приняли декрет «О реорганизации народных комиссариатов РКИ союзных республик». В вводной части этого декрета, в полном соответствии с решениями XII съезда, говорилось: «С завершением открытой вооруженной борьбы на внешнем и внутреннем фронтах вопросы улучшения государственного аппарата как в области хозяйственной, так и в области управления выдвигаются на первый план как важнейшие очередные задачи социалистического строительства».

Унаследованный от прошлого государственный аппарат, по своему построению не приспособленный к задачам этого строительства и по составу своему в значительной степени чуждый основным целям рабоче-крестьянского государства, должен быть коренным образом перестроен в целях наибольшей простоты, дешевизны и доступности для трудящихся масс...»⁹⁹.

Исходя из новой обстановки, изменились и функции РКИ. Перед новым контрольным органом съездом партии были поставлены задачи:

1. всячески содействовать улучшению государственного, административного и хозяйственного аппарата, привлекая к этому делу рабочих и служащих;

2. проверять работу государственных и хозяйственных органов, содействовать партии и государству в подборе руководящих кадров, осуще-

⁹⁸ Там же, стр. 447.

⁹⁹ СУ РСФСР, 1923. № 99, ст. 983.

ствлять практическую подготовку рабочих и крестьян для руководящей работы;

3. обследовать и изучать причины преступлений и бесхозяйственности в государственном аппарате и принимать меры к их устранению;

4. бороться за рационализацию техники управления, делопроизводства, счетоводства и отчетности;

5. выполнять специальные задания и поручения партийного и советского характера, а также осуществлять контроль за правильным проведением в жизнь государственными органами постановлений и решений партийных и советских органов;

6. решительно бороться с бюрократизмом, с проявлениями барства и пренебрежения к нуждам и запросам рабочих и крестьян;

7. систематически и планомерно использовать советскую и партийную печать для выполнения задач, стоящих перед ЦКК и РКИ¹⁰⁰.

Реорганизованный Наркомат РКИ, как и прежде, не мог обойтись в своей работе без привлечения широких слоев рабочих и крестьян, ибо без этого вся работа по улучшению государственного аппарата свелась бы к формальным изменениям, а не к радикальному исправлению аппарата.

Декрет ЦИК и СНК о реорганизации Наркомата РКИ вменил в обязанность РКИ «систематическое привлечение к работе по улучшению государственного аппарата рабочих и крестьян, профессиональных союзов и отдельных выдающихся работников»¹⁰¹.

Делегирование, а также командирование в РКИ трудящихся для участия в производстве массовых обследований было ликвидировано. В условиях развернувшегося хозяйственного строительства, когда расходы на государственный аппарат уменьшились, когда сократились до минимума штаты постоянных работников, не было возможности выделять специальных инспекторов для руководства обучением рабочих и крестьян, не было также возможности оплачивать труд временных работников, каковыми являлись делегированные с фабрик, заводов и деревень трудящиеся. В дальнейшем развиваются новые формы участия масс в органах Рабоче-крестьянской инспекции: создаются секции РКИ Советов, временные рабочие контрольные комиссии, группы содействия РКИ, «легкая кавалерия» комсомола и т. п.

На каждом этапе социалистического строительства в нашей стране Коммунистическая партия находила наиболее целесообразные организационные формы вовлечения трудящихся в работу по управлению государством. На примере деятельности Рабоче-крестьянской инспекции в первые годы Советской власти видно, как в условиях диктатуры пролетариата рабочие и крестьяне смогли развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых, как говорил В. И. Ленин, в народе непочатый родник и которые капитализм мят, давил, душил тысячами и миллионами. Коммунистическая партия подняла к сознательному творчеству многомиллионные массы трудового народа, сделала их подлинными хозяевами и строителями новой жизни.

¹⁰⁰ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» Ч. 1. Изд. 7. Госполитиздат. 1953, стр. 722—723.

¹⁰¹ СУ РСФСР, 1923, № 99, ст. 983.

ВОЕННОЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ ЯПОНИИ В ПЕРИОД СОБЫТИЙ У РЕКИ ХАЛХИН-ГОЛ

Г. Н. Севостьянов

В начале 1939 г. в Европе и Азии сложилась напряженная политическая обстановка. То был канун мировой войны. Империалистические государства активно готовились к ней. Генеральные штабы фашистских государств поспешно разрабатывали военные планы захвата и порабощения новых стран и народов. В это время внимание милитаристской Японии было привлечено к Монгольской Народной Республике как важному военно-стратегическому плацдарму для нападения на СССР.

Япония испытывала тогда серьезные военные и экономические трудности. Почти два года она вела захватническую войну против Китая. Ее миллионная армия находилась на фронте протяженностью более трех тысяч километров. Прерывистая, ломаная линия фронта начиналась у г. Баотоу, в снежных предгорьях Внешней Монголии, и кончалась у вечнозеленых, знойных берегов Тонкинского залива. Японская армия оказалась распыленной и чем дальше продвигалась, тем больше трудностей испытывала. Кроме того, на оккупированной врагом территории активно действовали крупные силы народно-освободительных армий и партизанских частей. Партизаны выступали повсюду, нанося удары войскам захватчиков и их коммуникациям. Народное антияпонское движение ширилось, становилось более организованным и могучим. Росли силы сопротивления Китая.

Война приняла затяжной характер. Планы японского генерального штаба закончить кампанию в три месяца оказались несостоятельными. Непосредственным последствием затянувшейся войны явилось ухудшение внутриполитического положения Японии. В стране происходила инфляция. Курс иены упал, золотой запас сократился. Цены на товары возросли. В народе усиливалось недовольство войной.

Международное положение также вызывало беспокойство японских империалистов. Захват огромной территории Китая и стремление к установлению безраздельного господства в Восточной и Юго-Восточной Азии привели к обострению империалистических противоречий между Японией, с одной стороны, и Англией, США и Францией — с другой. Длительные переговоры японского правительства с Германией и Италией о заключении военного блока не давали в силу разногласий желаемых результатов. Начавшиеся в апреле 1939 г. переговоры между Советским Союзом, Англией и Францией о взаимной помощи против агрессии вызвали серьезные опасения в Токио. Таким образом, Япония оказалась перед рядом сложных проблем.

Рост внутренних и внешнеполитических противоречий, связанных прежде всего с войной в Китае, привел к острой борьбе различных империалистических группировок в стране по вопросу о способе разрешения китайской проблемы. Наиболее агрессивные японские круги видели выход из создавшегося положения в активизации военных действий в Китае, в расширении агрессии в северном направлении — против Монгольской Народной Республики и Советского Союза — и в организации так назы-

ваемой Тихоокеанской конференции по китайскому вопросу. Особое внимание уделялось при этом нападению на Монгольскую Народную Республику. В Токио считали, что это государство — потенциально важный военно-стратегический плацдарм против СССР — не имело крупных вооруженных сил и в течение нескольких дней потерпело бы поражение в военной кампании против него. Быстрая оккупация монгольской территории позволила бы японским войскам выйти к советской границе южнее Читы и создать непосредственную угрозу важнейшим коммуникациям, связывающим Дальний Восток с Европейской частью Советского Союза. В случае выступления СССР в поддержку Монгольской Народной Республики японская армия, как полагали военные эксперты, была бы в состоянии нанести удар частям Красной Армии не только в районе Забайкалья, но при успешном развертывании наступательной операции и в направлении Владивостока.

Офицер оперативного отдела японского генерального штаба подполковник Седзима Рюдзо, говоря о планах войны против СССР на 1939 г., заявил: «Основной стратегический замысел японского командования по этому плану на случай войны с СССР заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против Советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Ворошилов, Владивосток и Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку»¹. Военные действия японского империализма против Монгольской Народной Республики и Советского Союза показали бы способность Японии вести войну одновременно на два фронта. Это повысило бы престиж японской армии в глазах империалистических государств, ускорило бы заключение военного блока между Японией, Германией и Италией в первую очередь против СССР. Антисоветская война способствовала бы провалу англо-франко-советских переговоров, происходивших в Москве, и ослаблению противоречий между крупными империалистическими державами в Китае. Кроме того, японские военные действия отрезали бы СССР от Китая, нарушили бы связь между этими двумя государствами, лишили бы Китай советской помощи и поставили бы его тем самым в более тяжелое положение.

Все это, по мнению японских правящих кругов, создало бы благоприятные условия для созыва Тихоокеанской конференции империалистических государств по вопросу о Китае и решения его судьбы в духе Мюнхена.

Руководствуясь этими соображениями, японские милитаристы, несмотря на тяжелое положение страны, решились на вооруженное выступление против Монгольской Народной Республики, учитывая, что Европа переживала глубокий политический кризис, а агрессия германского империализма быстро приближалась к западным границам Советского Союза.

С начала 1939 г. милитаристская Япония усилила подготовку к расширению агрессии в северном направлении. Для нападения был выбран район Халхин-Гола, наиболее благоприятный для Японии в тактическом отношении. К восточной границе Монгольской Народной Республики началась переброска частей из центральных районов Маньчжурии. Японские солдаты обучались ведению военных операций применительно к условиям района Халхин-Гола, формировались специальные ударные отряды: артиллерийские, танковые, пехотные; концентрировались авиаполки, кавалерийские части. Командование Квантунской армии провело рекогносцировку района предстоящих боевых действий, а в конце апреля проинспектировало японские части, расположенные вдоль границы. В середине апреля для топографической подготовки театра военных действий в район Халхин-Гола был выслан специальный отряд Квантунской армии, готовивший карты местности.

¹ Архив Министерства юстиции СССР. Международный военный трибунал для Дальнего Востока (далее сокращенно: Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ). Т. 18, л. 363.

В то же время в районе Халхин-Гола японские вооруженные отряды систематически и открыто нарушали государственную границу Монгольской Народной Республики. Так, 14 января 1939 г. в районе горы Номун-Хан-Бурд-Обо японский отряд произвел вооруженное нападение на сторожевой наряд 7-й пограничной заставы. В феврале японцы группами до взвода не раз переходили границу Монгольской Народной Республики и проникали в глубь территории с разведывательными целями. Провокационные действия продолжались в марте и апреле. Всего было произведено около тридцати нарушений с одновременным сосредоточением группировки регулярных войск из состава 23-й японской пехотной дивизии и баргутских кавалерийских полков, в то время как участок границы в этом районе со стороны МНР охранялся только одной малочисленной пограничной заставой, расположенной к западу от р. Халхин-Гол.

В начале мая 1939 г. японские части стали действовать более вызывающе. Нападения на пограничные наряды производились большими группами. Японская авиация начала разведывательные полеты над территорией МНР.

Грубые провокационные действия японской военщины сопровождались публикацией в реакционной прессе Японии клеветнических статей против Монгольской Народной Республики и Советского Союза. Чтобы оправдать перед общественным мнением агрессивные акты и создать предлог для вторжения в Монгольскую Народную Республику, японские империалисты заявили о претензии на часть ее территории, сфабриковав для так называемого юридического «обоснования» подложные карты, на которых государственная граница Монгольской республики была нанесена более чем на 20 км западнее ее истинного расположения и обозначена по р. Халхин-Гол.

В мае 1939 г. Япония приступила к осуществлению своих агрессивных планов. 11 мая японский отряд напал на монгольские пограничные заставы, стоявшие у полуразрушенного буддийского монастыря на берегу озера Буир-Нур и на песчаных барханах в районе высоты Номун-Хан-Бурд-Обо. Одновременно японские самолеты бомбардировали погранзаставу № 7 в районе горы Хамар-Даба. Монгольские пограничные части вступили в бой, но под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить на запад от границы, к р. Халхин-Гол.

С 11 мая ежедневно происходили пограничные бои. Противник вел глубокую разведку боем. 13 мая командир 23-й японской пехотной дивизии генерал-лейтенант Камацубара направил из Хайлара в район Номун-Хан-Бурд-Обо отряд в составе двух пехотных рот и роты тяжелых бронемашин. Через день, 15 мая, японские войска совместно с 7-м кавалерийским полком при поддержке авиации перешли в наступление, отгеснили погранчасти МНР на левый берег реки и пытались углубиться на территорию Монгольской Народной Республики. Однако враг со значительными потерями был отброшен за границу.

Тогда японское командование сосредоточило для наступления более значительные силы. 21 мая Камацубара отдал приказ об уничтожении войск Внешней Монголии, находившихся к востоку от р. Халхин-Гол. Для этого был создан сводный отряд под командованием полковника Ямагато. План японцев состоял в том, чтобы, сосредоточив на границе части сводного отряда, во взаимодействии с авиацией нанести внезапный удар монгольским войскам, выдвинутым на восточный берег реки, окружить их, отрезав от переправы, и уничтожить; форсировать Халхин-Гол, захватить западный берег реки как плацдарм для развертывания дальнейших наступательных операций. Генерал-лейтенант Камацубара в приказе от 21 мая писал: «Дивизия одна своими частями должна уничтожить

войска Внешней Монголии в районе Халхин-Гол»². Всю операцию предполагалось закончить в 7—10 дней³.

На рассвете 28 мая японские части перешли в наступление, введя в бой пехоту, танки, артиллерию, бронемашину, кавалерию и значительное количество авиации. Используя свое численное превосходство и тактические преимущества, противник продвигался в глубь страны. Над Монгольской Народной Республикой нависла угроза порабощения и закабаления японским империализмом.

В этот ответственный, критический момент советский народ оказал монгольскому народу братскую помощь. В соответствии с Протоколом о взаимной помощи, заключенным в марте 1936 г. между СССР и Монгольской Народной Республикой, Советское правительство дало указание своим вооруженным силам выступить в поддержку МНР и совместно с монгольскими войсками отбросить врага. Однако в ходе военных действий соотношение сил сложилось не в пользу советско-монгольских войск; под напором численно превосходящего противника они вынуждены были отступить⁴.

Японское командование полагало, что операция по окружению советско-монгольских частей близится к завершению и они скоро будут ликвидированы. Но события развернулись иначе.

К вечеру 28 мая к нашим частям подошло подкрепление — подразделения 149-го мотострелкового полка под командованием майора Ремизова. 29-го утром советско-монгольские части перешли в наступление и, несмотря на упорное сопротивление противника, оттеснили его на восток. Вот как описывают японские офицеры свое отступление: «Противник решительно задумал окружение и уничтожение. Ему было, по-видимому, известно о недостатках органов связи нашего тыла, о недостатке боеприпасов и оружия, а также потери... Сегодня в третий раз повторялось наступление. Наши дружественные части (баргутские кавалерийские полки.— Г. С.) были разбиты, и их никак нельзя было остановить. От всех сил сводного отряда не осталось и тени»⁵.

К началу июня противник был отброшен с территории МНР на всем участке фронта к востоку от р. Халхин-Гол, за исключением района севернее Тамцак-Булака. В первой половине июня вся территория Монгольской Народной Республики была освобождена от захватчиков. Расчеты японских милитаристов внезапно и быстро разгромить советско-монгольские войска и занять важный плацдарм для развития дальнейшего наступления не оправдались.

Несмотря на поражение, японские военные и политические круги в течение июня предприняли подготовку к новому, более крупному наступлению. К 1 июля было закончено сосредоточение японских войск. В общей сложности число их достигло 37 999 человек. У противника имелось: пехоты и кавалерии — 21 998 человек, станковых пулеметов — 158, легких и тяжелых орудий — 186, противотанковых орудий — 124, танков — 135, бронемашин — 10. Помимо наземных войск, в районе предстоявших боев была сосредоточена 2-я авиадивизия в составе 225 самолетов.

Численность советско-монгольских войск, занимавших оборону на восточном берегу р. Халхин-Гол на фронте в 75 км, составляла 12 541 человек. Всего было: станковых пулеметов — 139, легких и тяжелых орудий — 86, противотанковых орудий — 23, танков — 186, бронемашин — 266⁶.

² См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). М. 1946, стр. 418.

³ Архив Министерства обороны СССР (далее сокращенно: Архив МО СССР), ф. 369, оп. 108601, д. 16, л. 26.

⁴ См. С. Н. Шишкин. Халхин-Гол. Воениздат. 1954.

⁵ Архив МО СССР, ф. 369, оп. 108601, д. 16, л. 35.

⁶ Там же, лл. 44—46.

Таким образом, противник значительно превосходил наши войска в живой силе и артиллерии, почти в 6 раз по орудиям ПТО, но уступал по количеству танков, а также бронемашин. В частности, по бронемашинам у советско-монгольских войск было абсолютное превосходство.

Штаб Квантунской армии разработал план оперативного наступления, предусматривавший, как и в мае, стремительное окружение и уничтожение советско-монгольских войск на восточном берегу Халхин-Гола⁷.

В соответствии с этим планом японские войска 2 июля начали действия. Танковые и пехотные части генерал-лейтенанта Ясуока атаковали центр фронта. Чтобы привлечь на себя основные силы советско-монгольских войск, они бросили в бой два танковых полка. Развернулись ожесточенные бои. Советские артиллеристы прямой наводкой уничтожали японские танки. Только в одной танковой атаке враг потерял 30 машин, а всего — половину состава двух танковых полков. Но ценой больших потерь ему все же удалось оттеснить левый фланг советско-монгольских частей на юго-запад, вклиниться в их боевой порядок и упорно продолжать наступление. Под прикрытием этих атак ударная группа войск генерала Кобаяси, сосредоточенная на крайнем северном фланге, в ночь на 3 июля переправила свои главные силы на западный берег Халхин-Гола, намереваясь повести наступление на юг вдоль реки, с тыла захватить переправы и окружить советско-монгольские войска.

К 8 часам утра 3 июля японцы силою в одну пехотную дивизию с четырьмя артиллерийскими полками заняли гору Баин-Цаган и стали продвигаться на юг по западному берегу Халхин-Гола. Создалась критическая обстановка для советско-монгольских войск.

Советско-монгольское командование во главе с Г. К. Жуковым приняло решение нанести контрудар противнику в районе горы Баин-Цаган, окружить его и уничтожить. Для этого 11-й танковой бригаде был отдан приказ не допустить продвижение японцев на юг, нанести им удар с севера, 24-му мотострелковому полку ударить с северо-запада, а 7-й мотоброневой бригаде, находившейся еще на марше к театру военных действий,— с юга.

Пока 11-я танковая бригада под командованием комбрига Яковлева подходила к району Баин-Цаган и втягивалась в бой, японские части продвигались вдоль западного берега Халхин-Гола, угрожая захватить переправу и окружить наши войска на восточном берегу. Но в половине девятого бригада на большой скорости атаковала прорвавшуюся пехоту и танки противника. Внезапная, стремительная атака расстроила ряды японцев. Они были вынуждены приостановить наступление. «Произошло страшное замешательство,— писал в своем дневнике один из японских офицеров,— лошади разбежались, таща за собой передки орудий, автомашины помчались во все стороны. Весь личный состав упал духом». «Снаряды ложились очень густо и уничтожали все на своем пути»⁸,— свидетельствовал другой офицер японского авангарда.

В полдень 1-й и 3-й батальоны 11-й танковой бригады атаковали противника в районе горы Баин-Цаган с запада и северо-запада. Грозной лавиной ворвались наши танки в гущу японских частей, уничтожая орудия, машины, пулеметы и живую силу врага. В 3 часа началась атака противника у горы Баин-Цаган с юга. На всем фронте шел напряженный бой на земле и в воздухе. К исходу 3 июля неприятель оказался зажатым в стальное полукольцо, его атаковали с северо-запада, запада и юга. Однако противник быстро укрепился на Баин-Цагане, организовал противотанковую оборону и стал вести сильный артиллерийский огонь.

Началось уничтожение окруженного, но не сдававшегося противника. Кроваполитный бой длился и всю ночь. Число только убитых с японской

⁷ Там же, л. 48.

⁸ Там же, лл. 56, 57.

стороны составило около 4 тыс. человек. Подытоживая результаты японского наступления, 3 июля старший унтер-офицер Отани писал: «...В каждой части много убитых и раненых... Бой достиг своего кульминационного пункта. Этот ужас я никогда не забуду»⁹.

Но враг продолжал все же оказывать яростное сопротивление. Утром 4 июля японцы после сильной трехчасовой артподготовки во взаимодействии с авиацией перешли в контратаку. Весь день шел упорный бой. В 17 часов наши войска начали третью общую атаку на противника, которая продолжалась всю ночь.

В этом сражении весь личный состав наших войск и в первую очередь танкисты 11-й танковой бригады во главе с командиром бригады Героем Советского Союза Яковлевым показали непоколебимую верность и преданность своей Родине. Командиры, бойцы, политработники проявили массовый героизм и храбрость. Так, командир взвода 7-го мотоброневого батальона Мартынов уничтожил два ПТО противника. Его машину подбили, но, несмотря на это, Мартынов продолжал стрелять и вывел из строя 3 орудия. Когда снарядом заклинило башню, он продолжал вести пулеметный огонь, уничтожив еще несколько огневых точек, и только после того, как были убиты водитель и пулеметчик, Мартынов оставил машину. Политрук Викторов, в упор расстреливая противника, ликвидировал до 10 орудий. Когда его машина загорелась от попавшего в нее снаряда, раненный, он вытащил из машины пулемет и уничтожил до взвода пехоты. Окруженный со всех сторон, Викторов погиб.

В Баин-Цаганском бою героически сражались отдельные экипажи и целые подразделения. Так, 5 июля во время атаки взвод лейтенанта Михеева врзался в гущу противника, расстреливая его в упор, но, будучи оторван от батальона, взвод погиб, отважно выполняя задание¹⁰.

Не выдержав натиска советской пехоты и танков, противник медленно стал отступать на северо-восточные скаты Баин-Цагана. На рассвете 5 июля его сопротивление было окончательно сломлено. Оставив на поле боя тысячи трупов, много вооружения и боевой техники, остатки японских частей разрозненными группами, преследуемые огнем нашей артиллерии, беспорядочно бежали на восточный берег Халхин-Гола.

Так закончилось Баин-Цаганское сражение. Японская армия, пытавшаяся окружить и уничтожить советско-монгольские части, сама попала в окружение. Главная группировка врага была полностью разгромлена.

Перегруппировав и пополнив силы свежими резервами, японское командование предприняло новое наступление, но уже в меньших масштабах и с более ограниченной задачей. 8 июля японские войска попытались уничтожить советско-монгольские части на правом берегу Халхин-Гола. Пять дней, с 8 по 12 июля, шли напряженные бои, переходившие в рукопашные схватки. Решительными действиями советско-монгольских войск атаки противника были отражены.

Потерпев вторичную неудачу, японское командование не отказалось, тем не менее, от своих планов и приступило к подготовке нового наступления. В приказе по 23-й пехотной дивизии от 19 июля говорилось, что она должна одним ударом уничтожить советско-монгольские войска на правом берегу.

23 июля в 6 часов 50 минут артиллерия противника всей массой огня обрушилась на советскую артиллерию и пехоту. После трех с половиной часов артподготовки японцы перешли в атаку. Однако они не смогли подавить нашу артиллерию. Мощным огнем советских батарей атака врага была отбита. Новые атаки противника 24 и 25 июля были также отбиты. В воздушных боях с 23 по 25 июля японская авиация потеряла 74 самолета и не сумела добиться господства в воздухе.

⁹ Там же, л. 59.

¹⁰ Там же, д. 20, лл. 16, 17, 21.

Таким образом, окружение и быстрый разгром ударной группировки японских войск в районе горы Баин-Цаган и неудача последующих двух наступлений показали превосходство советско-монгольских войск над японской армией, являвшейся одной из наиболее сильных армий капиталистического мира.

Характерно, что Япония, предпринимая агрессию против Монгольской Народной Республики, активизировала военные действия и на отдельных участках фронта в Китае. Однако народно-освободительные силы Китая, маневрируя, проявляя находчивость, гибкость и инициативу, нанесли удары японским захватчикам. В июле стало очевидно, что организованные японским командованием карательные экспедиции против партизан не дали желаемых результатов. Спротивление Китая и борьба его демократических сил против капитулянтской политики правых гоминдановцев поставили японских милитаристов в затруднительное положение.

Поражение у реки Халхин-Гол и сопротивление китайского народа ухудшили военное положение Японии, подорвали ее престиж в глазах крупнейших империалистических государств. В связи с этим японские планы разрешить ряд политических проблем с помощью успешной агрессии против Монгольской Народной Республики находились под угрозой срыва. Не случайно, когда весть о разгроме японских войск у горы Баин-Цаган стала известна в правительственных кругах Токио, лорд хранитель печати Кидо, один из крупнейших политических деятелей Японии и советник императора, записал со страхом и растерянностью: «Армия в смятении, и все погребло»¹¹.

В создавшейся обстановке стало ясно, что Японии с помощью военных средств не удалось разрешить основные внешнеполитические проблемы. Тогда японские правящие круги предприняли дипломатические шаги, направленные на укрепление отношений с Германией, Англией и Соединенными Штатами, от позиции которых в значительной мере зависело как международное положение страны, так и решение дальневосточных проблем.

Вопрос о заключении военного союза с Германией и Италией приобрел для Японии особую важность. Однако длительные переговоры Японии и Германии, начавшиеся в 1938 г., не продвинулись вперед из-за серьезных разногласий между обоими участниками. Главным пунктом разногласий являлся вопрос об объектах агрессии и масштабах тройственного союза. Япония хотела заключить военный союз трех агрессивных государств главным образом против СССР. Германия же добивалась соглашения Японии на заключение военного союза не только против СССР, но и против Англии и Франции. Японское правительство не соглашалось с требованиями Берлина, учитывая экономическую зависимость своей страны от Англии и Франции и неподготовленность к одновременной войне против Китая и западных государств.

Оказывая давление на Японию, Риббентроп сообщил японскому послу Осима, что Германия намерена в мае оформить пакт с Италией и ждет скорейшего принятия Японией окончательного решения с тем, чтобы сформулировать пакт трех держав одновременно с подписанием германо-итальянского договора¹². Осима информировал об этом Токио.

Японский кабинет попытался прийти к окончательному решению. Но события развивались чрезвычайно быстро. 22 мая между Германией и Италией был заключен военно-политический договор, который имел в своей основе наступательный характер. По этому договору Германия и Италия обязывались поддерживать друг друга в агрессивных действиях, которые начнет одна из этих стран.

¹¹ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Приговор, л. 401.

¹² Там же. Т. 77, л. 506.

Весть о военном союзе без участия Японии вызвала беспокойство в Токио. Руководители армии стояли за заключение договора без всяких оговорок. Военный министр Итагаки угрожал отставкой кабинету, медлившему с принятием окончательного решения. После поражения японских войск в конце мая в районе Халхин-Гола командование армией более настойчиво стало требовать от правительства согласия с германскими предложениями.

5 июня состоялось заседание кабинета министров. Военный министр Итагаки под впечатлением донесений, полученных из района Халхин-Гола, настаивал на принятии решения по вопросу о тройственном пакте. Министр военно-морского флота и министр иностранных дел уступили, согласившись в основном с мнением Итагаки. Тем самым взгляды армейских кругов одержали победу над взглядами представителей военно-морского флота. Японский кабинет согласился на участие Японии в войне Германии против Англии и Франции с той лишь оговоркой, принятой главным образом по предложению представителей военно-морского флота, что Японии будет дано право выбрать благоприятное время для вступления в войну¹³.

Германский посол в Токио Отт, внимательно следивший за ходом политической борьбы в японских правительственных кругах, немедленно после заседания кабинета посетил помощника военного министра и имел с ним беседу. В тот же день, 5 июня, он в зашифрованной телеграмме сообщил Риббентропу, что наконец японская армия и флот пришли к соглашению, хотя, заметил Отт, армия все-таки не добилась своего по многим вопросам. «Была признана необходимость, — писал германский посол, — участия Японии в войне против Англии и Франции, но сделана оговорка относительно желания получить право выбора времени для вступления в войну»¹⁴.

Итак, Япония приняла германские предложения. Германское правительство не сомневалось в том, что со временем Япония вынуждена будет отказаться и от своей оговорки. Теперь оно уже не проявляло, как прежде, активности в отношении заключения тройственного пакта. Наглядным свидетельством этого являлась телеграмма заместителя министра иностранных дел Вейцекера на имя Отта в июне 1939 г., который писал: «Министр иностранных дел просит Вас не настаивать на вопросе о времени заключения договора»¹⁵. Следовательно, руководители германской внешней политики дали указание преднамеренно затягивать переговоры. Япония, напротив, пыталась всеми средствами ускорить их, заключить тройственный пакт и укрепить свое международное положение, заметно ухудшившееся в связи с событиями у Халхин-Гола.

Позиция Германии определялась многими причинами. Гитлеровское правительство было серьезно обеспокоено происходившими тогда переговорами в Москве между представителями СССР, Англии и Франции о взаимопомощи против агрессии. Это и понятно, так как Германия активно готовилась к захвату Польши. В то же время внимание германской дипломатии было привлечено к Лондону, где в июне между английскими и германскими представителями в строгой тайне начались переговоры о заключении соглашения относительно раздела сфер влияния и разрешения так называемой колониальной проблемы, предоставления Германии преобладающего влияния в странах Юго-Восточной Европы и разграничения жизненных пространств между Германией и Англией. Определенное значение имело и поражение японской армии у р. Халхин-Гол.

Охлаждение Германии было замечено в Токио и вызвало серьезное беспокойство. Высказывались предположения, что Германия, увидев сла-

¹³ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства, ф. 7445, оп. 1, т. 17, л. 507.

¹⁴ Там же. Т. 16, л. 49.

¹⁵ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Т. 53, л. 147.

бость Японии, может сблизиться с СССР, как об этом однажды заявил Риббентроп в беседе японскому послу в Берлине Осима¹⁶.

Министр иностранных дел Арита немедленно запросил по этому поводу Осима, который в категорической форме ответил, что для подобных мыслей нет оснований. 20 июля советник японского посольства в Берлине Усами специально по этому вопросу посетил начальника политического отдела Министерства иностранных дел Германии Вермана. В начале беседы, искажая действительный ход военных действий у р. Халхин-Гол, он всячески пытался подчеркнуть большие «успехи» японской армии и огромные потери монгольских и советских войск¹⁷. «Эти действия,— подчеркивал японский советник,— имели целью установить, сильна ли еще японская армия, несмотря на военные операции в Китае»¹⁸.

Следует отметить, что в это время реакционная японская печать, вопреки фактам, усиленно распространяла версии о победах, якобы одержанных японской армией у р. Халхин-Гол, о слабости Советской Армии и ее неподготовленности к большой войне. Это делалось для того, чтобы, во-первых, сорвать англо-франко-советские переговоры, не допустить заключения договора о взаимопомощи между Англией, Францией и СССР, особенно распространения его на Дальний Восток, и, во-вторых, предотвратить возможность переговоров между Германией и Советским Союзом и добиться быстрейшего заключения тройственного пакта. Не случайно «New York Times», связывая события у р. Халхин-Гол с напряженной обстановкой в Европе, писала, что Япония пытается всеми средствами предупредить Англию о слабости советских вооруженных сил как раз тогда, когда настал критический момент в англо-советских переговорах¹⁹.

Тогда же другая американская газета, «Baltimore Sun», сообщила, что Япония, выступая против Монгольской Народной Республики, стремится создать затруднения в англо-советских отношениях, использовать напряженное положение в Европе для предъявления Советскому Союзу новых требований и возместить потерю своего престижа в Китае.

Именно исходя из этих соображений, японский советник Усами, восхваляя силу Японии, перешел в беседе с Верманом к вопросам, которые его, по существу, больше всего интересовали. Он спросил, что известно германскому правительству об англо-франко-русских переговорах. Верман передал ему сведения о переговорах западных держав в Москве. Тогда японский советник поставил вопрос, который и являлся целью его визита. Он заявил, что, по некоторым данным, между Германией и СССР происходят переговоры. Представитель Германии Верман с полным основанием категорически отверг эти слухи²⁰, ибо Германия и Советский Союз в то время переговоров не вели. После этого Усами, выразив сожаление по поводу недостаточной экономической поддержки Японии со стороны Германии, вновь возвратился к вопросу о сближении Германии и Советского Союза, сказав, что, во всяком случае, было бы очень хорошо, если бы в Токио было послано успокаивающее заявление по этому вопросу²¹.

Однако, какие бы успокоительные телеграммы ни направлялись в Токио, японскому правительству было ясно, что японо-германские переговоры не продвигались вперед, хотя и не прекращались.

Таким промедлением в первую очередь были недовольны военные круги Японии. 4 августа в беседе с влиятельным членом кабинета министров Кидо военный министр Итагаки подчеркнул, что командование решило заключить военный союз с Германией и Италией как можно

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 148.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «New York Times», 1 июня 1939 года.

²⁰ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Т. 53, л. 150.

²¹ Там же.

скорее, и если это предложение не будет принято на заседании кабинета, то он подаст в отставку, несмотря на то, что неизбежным результатом ее будет отставка всего правительства²². 8 августа японский военный министр, угрожая кабинету, вновь заявил, что решил уйти в отставку, если Япония не заключит военного союза с Германией²³. Кроме того, 5 августа между послами Осима и Сиратори, аккредитованными в Берлине и Риме, и военными атташе посольств состоялось совещание по вопросу о европейской ситуации²⁴. Эти послы являлись активными сторонниками заключения военного союза с Германией и Италией.

Требование заключить союз с Германией поддерживали и многие политические деятели Японии. Так, 4 августа руководители партии Сейюкай созвали совещание, на котором рассматривался главным образом вопрос об укреплении антикоминтерновского пакта. Участники совещания пришли к следующему выводу: «Учитывая современное международное положение, укрепление антикоминтерновской оси Токио — Берлин — Рим является крайне необходимым и неотложным делом»²⁵.

Лидеры партии Сякай Тайсюто также выступили за быстреее заключение военного союза с Германией и Италией. 7 августа четыре видных деятеля партии посетили премьера Хиранума и вручили ему резолюцию с требованием ускорить заключение военного союза. В ней подчеркивалось, что «в связи со сложившейся европейской и международной обстановкой заключение военного союза между Японией, Германией и Италией является самым подходящим способом для того, чтобы продвигать вперед дело строительства нового порядка в Восточной Азии. Желательно, чтобы правительство приняло как можно скорее нужные меры».

С такими же требованиями выступала и японская буржуазная пресса. Влиятельная газета «Ници-Ници» писала 16 августа, что международная обстановка необычайно осложнилась, Япония находится в тяжелом положении и от кабинета требуется принятие решительных действий, направленных в первую очередь на быстреее заключение военного союза с Германией и Италией.

Однако, несмотря на активность японской дипломатии, переговоры с Германией не продвигались.

Это обстоятельство побуждало японское правительство активизировать свою деятельность в отношении других стран, чтобы попытаться разрешить китайскую проблему и освободить в результате этого вооруженные силы для расширения войны против СССР.

Япония вступила в переговоры с Англией по вопросу о Китае, благоприятный исход которых укрепил бы ее позиции как в Китае, так и вообще на Дальнем Востоке.

Английское правительство Чемберлена было заинтересовано в переговорах с Японией, ибо его внешнеполитический курс в тот период заключался в том, чтобы в Европе попытаться вступить в сговор с гитлеровской Германией, а в Азии договориться с Японией за счет Китая. В то же время Англия вместе с Францией вели переговоры с Советским Союзом, рассчитывая усыпить бдительность общественного мнения своих стран и использовать эти переговоры как лишний козырь при заключении соглашения с Германией и Японией. Таким образом, английское правительство вело одновременно переговоры с СССР, Германией и Японией.

Следует отметить, что между Англией и Японией неоднократно велись переговоры, например осенью 1937 г. — между английским послом в Токио Крейги и министром иностранных дел Хирота, летом 1938 г. — между

²² Там же. Т. 36, л. 274.

²³ Там же. Приговор, л. 401.

²⁴ Архив внешней политики СССР (далее сокращенно: АВП СССР), ф. 146 в, оп. 7, п. 34, л. 15, л. 23.

²⁵ Там же, л. 8.

Крейги и Угаки, но из-за разногласий они не приводили к успеху. Летом 1939 г. вновь начались англо-японские переговоры.

15 июля министр иностранных дел Японии Арита вручил Крейги проект соглашения, в котором предусматривалось признание британским правительством существовавшего положения в Китае, то есть захвата Японией китайской территории. Кроме того, согласно проекту, правительство Англии должно было воздерживаться от всяких актов и мероприятий, направленных против японских войск в Китае²⁶.

Деловые круги Великобритании, связанные с китайским рынком, выступили против японских предложений. Их точку зрения поддержала и оппозиция в парламенте. Однако 17 июля Крейги в телеграмме на имя министра иностранных дел Галифакса, одного из активных проводников политики «умиротворения» агрессоров, настойчиво доказывал необходимость заключения соглашения с Японией на условиях, предложенных Арита. Он писал, что Англии опасно проводить политику поддержки Китая, ибо это в конечном счете может привести к столкновению с крайними элементами в Японии. Надо учитывать, что военная кампания против Китая, подчеркивал Крейги, затухает и теперь концентрируется внимание на «примирении». К тому же, утверждал Крейги, англо-советские переговоры могут провалиться. В этой обстановке Англии выгодно пойти на сближение с Японией²⁷.

В тот же день английский военный атташе в Токио Пиггот направил в Форейн Оффис и военное министерство донесения. Подробно анализируя военное положение Японии и оценивая дальневосточную ситуацию, он писал, что если английский правительство не примет требования Японии, то последняя усилит наступление на британские дальневосточные позиции²⁸. Военный атташе рекомендовал принять требования Японии и заключить соглашение с ней.

Такое предложение определялось не только стремлением воспрепятствовать продвижению Японии в южном направлении, не только попыткой разрешить японо-английские противоречия за счет Китая, но и тем, чтобы создать более благоприятные условия Японии для продолжения и расширения военных действий у р. Халхин-Гол.

Любопытно, что военное министерство, изучив донесение военного атташе, высказало заключение, что оценка дальневосточной ситуации, изложенная в нем, в высшей степени правильна²⁹. Галифакс немедленно реагировал на него. 17 июля он написал Крейги, что «требования Японии могут быть даже еще большими и что Англия должна в основном принять предложения Арита в первоначальной формуле»³⁰.

22 июля между Англией и Японией было заключено соглашение, известное в литературе под названием соглашение Арита — Крейги. По этому соглашению английское правительство признавало японские захваты в Китае, заявляя, что «японская армия в Китае особенно нуждается в обеспечении своей безопасности и в сохранении общего мира в оккупированных ею районах». Кроме того, Англия обязывалась не помогать Китаю в войне с Японией, дав об этом соответствующие указания английским представителям в Китае³¹.

Таким образом, Англия удовлетворила все японские требования, признав официально захват японской армией огромной территории Китая и выразив свое согласие не препятствовать Японии проводить политику порабощения и ограбления китайского народа. Любопытно, что в интервью,

²⁶ См. «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Ed by E. L. Woodward and R. Butler. Third series. Vol. IX. London. 1955, p. 279.

²⁷ Там же, стр. 286—287.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 289.

³¹ Там же, стр. 313.

данном 24 июля иностранным корреспондентам по случаю заключения соглашения, Крейги заявил: «Английское правительство с самого начала (японо-китайской войны.— Г. С.) не имело в виду мешать Японии»³². На вопрос корреспондентов, как опубликованное соглашение будет применяться в Китае, посол ответил: «Принципиальное соглашение предусматривает все районы, захваченные японской армией в Северном, Центральном и Южном Китае»³³.

Небезынтересно выступление премьер-министра Англии Невилля Чемберлена, заявившего в связи с заключением соглашения, что правительство Англии, признав сложившееся положение в Китае, пришло к непреклонному выводу: «Пока такое положение будет существовать, у японских вооруженных сил в Китае будут особые нужды, вытекающие из необходимости обеспечить свою безопасность, поддерживать общий порядок в районах, находящихся под их контролем. Причем перед ними стоит важная задача пресекать или устранять любые причины или акты, которые будут мешать им». Великобритания, подчеркивал премьер-министр, обязалась «не поощрять акты, противоречащие интересам достижения японскими вооруженными силами вышеупомянутых целей»³⁴.

Нетрудно видеть, что в соответствии с соглашением Арита — Крейги Япония не давала никаких обязательств, а уступки важнейших позиций в Китае были только со стороны Англии.

Почему это произошло?

Прежде всего это было обусловлено напряженным положением в Европе, стремлением правящих кругов Англии разрешить противоречия на Дальнем Востоке за счет Китая. Большую роль сыграл и тот факт, что Япония уже вела войну с Монгольской Народной Республикой и СССР, а в интересы британского империализма входило всемерное поощрение расширения антисоветской агрессии с тем, чтобы как можно больше втянуть Советский Союз и Японию в войну, в которой обе стороны ослабили бы друг друга, истощили свои экономические и финансовые ресурсы.

Расширение театра войны на Дальнем Востоке, в частности у р. Халхин-Гол, создавало более благоприятные позиции Англии и Франции для ведения переговоров в Москве и участия в установлении «мира» на Дальнем Востоке. Кроме того, при наличии антисоветской войны вероятность расширения японской агрессии в южном направлении значительно уменьшилась бы, что ставило в безопасное положение огромные колониальные владения Британской империи. В Лондоне вместе с тем считали, что подписание соглашения между Англией и Японией будет способствовать укреплению позиций той части японской буржуазии, которая выступала за заключение тройственного пакта, направленного только против СССР, и была против обязательств Японии, предусматривавших вступление ее в войну с Англией и Францией, как того требовала Германия.

Вот некоторые из причин, которые привели к заключению английским правительством соглашения с Японией. Соглашение Арита — Крейги являлось своеобразным проявлением «дальневосточного Мюнхена». Оно было, несомненно, крупной дипломатической победой Японии и серьезным поражением Англии. В Токио были очень довольны соглашением, рассматривая его как важный шаг в подготовке Тихоокеанской конференции и разрешении китайской проблемы.

Но подписание соглашения с Англией руководители внешней политики Японии не ограничились. Как только началась вооруженная агрессия против Монгольской Народной Республики, японское правительство вступило в переговоры и с США. 16 мая между министром иностранных дел Арита и послом США Грю состоялась беседа о необходимости улучшить

³² АВП СССР, ф. 146 в, оп. 7, п. 32, д. 4, л. 136.

³³ Там же.

³⁴ «The Times», 26 июля 1939 года.

японо-американские отношения³⁵. На следующий день Арита дал обед в честь Грю в связи с его предстоящим отъездом в отпуск в США. Арита заявил тогда, что Япония желает заключить соглашение с Германией и Италией исключительно против СССР³⁶. Представитель американского правительства был доволен. Его многолетние усилия в этом направлении начали давать определенные результаты.

Грю записал в своем дневнике, что ему удалось получить от Арита «категорические официальные заверения, что союз общего характера не будет иметь места, хотя и будет достигнуто соглашение об усилении антикоминтерновского пакта, обращенное против Советской России»³⁷.

18 мая американский посол имел еще одну беседу с Арита, которой и на этот раз был вполне удовлетворен. В секретной телеграмме государственному секретарю Хэллу он доносил, что Арита по собственной инициативе обратился к вопросу о «продвижении в Южные моря» и сделал следующее устное секретное заявление: «Мы знаем, что с тех пор, как японские войска оккупировали остров Хайнань и взяли Синнал Гунто (острова Спартли) под юрисдикцию формозского губернатора, пошли слухи, создававшие впечатление, что Япония имеет территориальные притязания в отношении островов Южных морей и что в результате некоторые заинтересованные страны опасаются этого; имеются подобные опасения и в отношении Филиппин. Японское правительство сожалеет, с точки зрения японо-американской дружбы, что такое опасение возникло. Поэтому японское правительство готово, если США захотят, предпринять соответствующие шаги для того, чтобы ликвидировать эти опасения и начать переговоры с правительством США»³⁸.

Итак, Япония сама предложила начать переговоры для обсуждения дальневосточных проблем, заявив при этом о своем нежелании продвигаться на юг в сторону Южных морей и, в частности, в направлении Филиппин. А ведь в этом именно и заключалась политика США — направить японскую агрессию на север, тем более, что Япония уже приступила к осуществлению этой задачи, начав военные действия у р. Халхин-Гол. К тому же Арита сообщил Грю о желании Японии заключить военный блок с Германией и Италией только против Советского Союза.

В тот же день, 18 мая, премьер-министр Хиранума в беседе с Грю выразил уверенность, что «будет иметь место самое тесное сотрудничество между Соединенными Штатами и Японией, если они совместно будут изыскивать пути к разрешению противоречий в Европе»³⁹.

Спустя несколько дней Хиранума тайно встретился в своей резиденции с советником американского посольства Думаном, исполнявшим по случаю отъезда Грю обязанности поверенного в делах. Беседа была продолжительной. Подчеркнув желание Японии сотрудничать с США, глава японского кабинета внес предложение созвать конференцию для обсуждения важнейших проблем мировой политики, в том числе и вопросов, связанных с положением на Дальнем Востоке. По его мнению, участие в конференции должны были бы принять США, Япония, Англия, Франция, Германия и Италия. Инициативу по ее созыву предлагалось предоставить США, в частности президенту Рузвельту. Конференция была призвана изолировать СССР, создать империалистический блок против страны социализма и решить судьбу Китая по примеру Чехословакии. Хиранума предложил свои услуги для ведения переговоров с Германией и Италией об их участии в конференции⁴⁰.

³⁵ См. «Hearings before the joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack» (далее сокращенно: «Hearings...»). Washington. 1946, part. 20, p. 4145.

³⁶ Там же, стр. 4148—4150.

³⁷ G. Grew. Ten Years in Japan. New York, 1944, p. 281—282.

³⁸ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States — Japan 1931—1941». Vol. II. Washington. 1943, p. 4—5.

³⁹ «Hearings...», part. 20, p. 4177—4178.

⁴⁰ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Т. 61, л. 128.

Японские предложения привлекли внимание Вашингтона. Государственный департамент США приступил к их изучению, но проявлял при этом известную осторожность, ибо американское правительство хорошо помнило тот факт, когда в апреле 1939 г. Рузвельт обратился с посланием к европейским странам о созыве конференции для обсуждения европейских проблем, Германия и Италия отвергли его предложение. На этот раз правительство США решило не проявлять поспешности и предпочитало вести переговоры пока только с Японией.

В июне и июле состоялось несколько встреч японского посла в США Хориноуци и государственного секретаря Хэлла. В центре внимания были проблемы Китая, а также борьбы против Советского Союза в связи с военными действиями у р. Халхин-Гол. В частности, 10 июля японский посол заверил Хэлла в том, что Япония заинтересована главным образом в борьбе против Советского Союза. В ответ государственный секретарь заметил, что США разделяют эту точку зрения⁴¹. По этому вопросу между представителями Японии и США, как видно, было полное единодушие. Но когда собеседники перешли к обсуждению вопроса о Китае, сразу же обнаружились разногласия. Хэлл подчеркнул послы, что Япония нарушает интересы США на Дальнем Востоке и в особенности в Китае.

20 июля Хэлл опять встретился с Хориноуци. Беседа касалась вопроса об отношении к Советскому Союзу. Хэлл отметил, что Соединенные Штаты Америки так же выступают против усиления Советского государства, как и многие другие страны⁴². В то же время он предупредил японского посла о возможных серьезных последствиях в связи с продолжавшимися нарушениями американских интересов в Китае⁴³.

Последние слова были вызваны в значительной мере стремлением США оказать влияние на ход японо-английских переговоров, за которыми в Вашингтоне внимательно следили. Не случайно 21 июля, когда были получены сведения о согласии Англии принять японские требования, Хэлл дал указание своим дипломатическим представителям в Токио приложить усилия к тому, чтобы по возможности избежать в японо-английских переговорах формулы, которая могла бы быть истолкована как признание Англией далеко идущих прав Японии в Китае⁴⁴. Одновременно «New York Times», выражая опасения американских правительственных и деловых кругов, с беспокойством писала: «Английские круги в Токио считают необходимым сделать уступки Японии и, возможно, такие уступки, которые смогут нанести ущерб американским интересам в Китае»⁴⁵.

Получив сообщение о заключении соглашения между Англией и Японией, американское правительство решило немедленно реагировать на него, ибо США опасались англо-японского союза. Усилия американской дипломатии с самого начала японо-китайской войны были направлены на то, чтобы помешать Англии и Японии договориться о совместной эксплуатации Китая помимо и вопреки интересам монополистического капитала США. Заключение англо-японского соглашения поставило Соединенные Штаты в невыгодные условия; позиции их в борьбе за господство в Китае ухудшились. Это было очевидно, и правительство США предприняло шаги для защиты своих империалистических интересов.

Наряду с мерами по укреплению американских военных баз на Тихом океане правительство США 26 июля, спустя четыре дня после заключения соглашения Арита — Крейги, заявило о намерении денонсировать торговый договор, заключенный между Соединенными Штатами и Японией в феврале 1911 года. Это заявление явилось отражением нараставших на

⁴¹ См. «Hearings...», part 20, p. 4177—4178.

⁴² Там же.

⁴³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States — Japan 1931 — 1941». Vol. I. Washington. 1943, p. 659.

⁴⁴ «The memoirs of C. Hull». Vol. I. New York. 1948, p. 635.

⁴⁵ «New York Times», 21 июля 1939 года.

протяжении многих лет противоречий между США и Японией и следствием недовольства американских политических и деловых кругов систематическим нарушением Японией интересов монополистического капитала США в Китае. США не могли согласиться с тем, что Япония, захватив огромную территорию Китая, вытесняла оттуда американский монополистический капитал. Комментируя эту ноту, «New York Times» 28 июля опубликовала передовую статью под характерным названием «Предупреждение Японии».

Обсуждению ноты США было специально посвящено заседание японского кабинета министров. Касаясь денонсации торгового договора, министр иностранных дел Арита в своем выступлении заявил, что американское правительство предприняло этот политический шаг, желая создать себе выгодные позиции в Восточной Азии и защитить свои интересы в Китае. Для японского правительства было понятно, что этот акт Вашингтона свидетельствовал о нарастании противоречий на Дальнем Востоке, о создании новых трудностей на пути созыва Тихоокеанской конференции и решении вопроса о Китае в духе Мюнхена.

Таким образом, к началу августа внешнеполитическое положение Японии, несмотря на ее дипломатическую активность, существенно не изменилось. Ей удалось заключить важное соглашение с Англией, но в переговорах с другими государствами Япония не добилась успеха. США заявили о своем решении денонсировать торговый договор с Японией. Вопрос о заключении тройственного пакта, в чем так была заинтересована Япония, оставался по-прежнему открытым. Переговоры с Германией не давали желаемых результатов. Не продвинулось разрешение китайской проблемы. Полная неопределенность была и в отношении созыва Тихоокеанской конференции.

Правящие круги Японии попытались изменить создавшуюся ситуацию. Японские милитаристы считали необходимым в этих условиях продемонстрировать военную силу путем успешного завершения военных действий против Монгольской Народной Республики.

Кабинет Хиранума полагал, что если бы была одержана победа над МНР, авторитет Японии в глазах крупных капиталистических держав возрос бы, улучшились ее позиции на Дальнем Востоке и особенно на предполагаемой Тихоокеанской конференции. Изменившаяся в пользу Японии обстановка ускорила бы переговоры и по оформлению военного блока с Германией и Италией, а также создала бы более благоприятные условия для ведения переговоров по заключению нового торгового договора с США.

С конца июля правительственные и военные круги Японии, несмотря на ряд серьезных поражений японской армии, усилили подготовку к новым активным боевым действиям. Они готовились к «генеральному» наступлению против советско-монгольских войск. Для этого японское командование по указу императора 10 августа специально сформировало 6-ю армию, на которую возлагалась задача окружить и уничтожить советско-монгольские войска, находившиеся на восточном берегу Халхин-Гола. Замысел японского командования состоял в том, чтобы собрать сильную ударную группу в районе «Больших песков» и, завлекая советско-монгольские части к Хайластын-Голу, стремительным ударом по правому флангу и в тыл уничтожить их в этом районе.

Готовясь к наступлению, японское командование сконцентрировало 23-ю и 7-ю пехотные дивизии, три полка маньчжурской кавалерии, три полка тяжелой артиллерии, противотанковые батареи 1-й пехотной дивизии, 71-й, 72-й, 64-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й пехотные полки. Кроме того, противник имел 130 танков и несколько авиационных соединений в со-

ставе 450 самолетов⁴⁶. Наступление было намечено на 24 августа. Сосредоточив такое количество живой силы и техники, японские милитаристы были уверены в успешном завершении предстоявшей операции.

Командующий 6-й японской армией генерал Камацубара, проигравший Баин-Цаганское сражение, надменно заявил, что при этом наступлении он быстро оккупирует всю Восточную Монголию.

В ответ на действия японской военщины Советское правительство приняло решение оказать Монголии военную помощь в больших, чем прежде, размерах и предотвратить грозившую вспыхнуть на Дальнем Востоке большую войну. Перед советско-монгольским командованием была поставлена задача подготовить и провести операцию для полного разгрома японских захватчиков, вероломно вторгшихся на чужую территорию, восстановить государственную границу Монгольской Народной Республики.

С конца июля советско-монгольское командование во главе с комкором Г. К. Жуковым приступило к разработке плана операции. Он заключался в том, чтобы, сковав противника с фронта, нанести ему сокрушительный удар на обоих флангах, прорвать на севере и юге его оборону, окружить, лишит свободы маневра и возможности выхода из окружения и затем быстро уничтожить до подхода новых крупных японских подразделений.

Подготовка такой операции происходила в чрезвычайно трудных условиях. К театру военных действий, удаленному на 750 км от железной дороги, надо было перебросить несколько стрелковых дивизий, танковых бригад, артиллерию, крупные авиасоединения и большое количество тыловых частей, обеспечить продовольствием десятки тысяч людей и горючим сотни танков, бронемашин, около шестисот самолетов и несколько тысяч автомобилей. Для проведения операции требовалось подвезти по грунтовой дороге только артбоеприпасов 18 тыс. т, боеприпасов для авиации — 6 500 т, продовольствия — 4 тыс. т, топлива — 7 500 т и прочих грузов — 3 тыс. т, для чего необходимо было около 5 тыс. машин⁴⁷.

Для сохранения тайны передвижения войск большинство перевозок совершалось ночью; советские самолеты прикрывали небо от японской авиации. Чтобы скрыть истинные масштабы сосредоточения войск, советско-монгольское командование для дезинформации противника создавало впечатление о переходе к обороне. Японское командование полагало, что слабость и неподготовленность советско-монгольских войск заставили их проводить подготовительные мероприятия к обороне.

Между тем из глубокого тыла страны к району боевых действий были подведены свежие советские соединения и части. К началу операции нашим командованием в районе Халхин-Гола были сосредоточены 82-я, 36-я и 57-я стрелковые дивизии, 6-я и 11-я танковые бригады, 7-я и 8-я мотобригады, 601-й стрелковый полк, 191-й, 192-й, 193-й отдельные стрелковые батальоны, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии Монгольской Народно-революционной армии и другие части. Из войск, сосредоточенных в районе Халхин-Гола, была создана 1-я армейская группа. Командующим ее был назначен комкор Г. К. Жуков.

Войска проходили напряженную боевую подготовку. Их обучали приемам ближнего боя, знакомили с тактикой противника. Особое внимание на занятиях уделялось взаимодействию в бою танков, артиллерии, авиации и пехоты. Тщательно изучалась система оборонительных сооружений противника.

В результате проведенной подготовки к началу наступления существенно изменилось соотношение сил на фронте в пользу советско-монгольских войск.

⁴⁶ См. Архив МО СССР, ф. 369, оп. 108601, д. 16, л. 28; С. Н. Ш и щ к и и. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁷ Архив МО СССР, ф. 369, оп. 108601, д. 16, л. 79.

20 августа советско-монгольские войска перешли в общее наступление по всему фронту протяженностью в семьдесят километров. Северной, центральной и южной группам войск был отдан приказ окружить и уничтожить противника. Центральной группе была поставлена задача фронтальными атаками сковать главные силы врага и не допустить их маневрирования в сторону флангов, а южная и северная ударные группы должны были нанести главный удар, прорвать оборону противника, совершить стремительный глубокий маневр в обход и выйти в тыл японских войск навстречу друг другу, создав прочное кольцо окружения.

Наступление началось в 5 часов 45 минут мощным налетом более ста пятидесяти скоростных бомбардировщиков, которые подвергли сильной бомбардировке передний край обороны японской армии, ее ближайшие резервы и артиллерийские позиции. Затем в течение двух с половиной часов продолжалась мощная артподготовка, после чего был произведен шквальный огневой налет всей нашей артиллерии по переднему краю противника при одновременном повторном налете скоростных бомбардировщиков. Только после этого в 9 часов утра в атаку по всему фронту перешла пехота. Враг растерялся; наступление советско-монгольских войск было полной неожиданностью для него. В течение первых полутора часов японская артиллерия не смогла сделать ни одного ответного выстрела; авиация врага появилась в воздухе только после 9 часов утра.

О неожиданности и мощи нашего наступления красноречиво свидетельствуют записи японских солдат. Так, в дневнике Фунто читаем: 6 часов 30 минут «артиллерия противника всей своей мощью начала обстрел. Артснаряды стонут над головами... Темная туча снарядов падает вблизи и вдали от нас. Становится жутко. Команда наблюдения использует все, чтобы разведать артиллерию противника, но успеха не имеет, так как бомбардировщики бомбят, а истребители обстреливают наши войска. Противник торжествует по всему фронту». 8 часов 30 минут. «Артиллерия противника не прекращает обстрела наших частей. Куда бы ни сунулся, нигде нет спасения, везде падают снаряды, спасение видишь только от бога». 9 часов 45 минут. «Гул бомбардировщиков противника и стоны сбрасываемых снарядов нельзя выразить... Их стоны и взрывы сделали наземный ад»⁴⁸.

Растерянность японских войск понятна: за день до этого командующий японской армией Камацубара отдал приказ о переходе 24 августа в «генеральное» наступление...

К концу первого дня наступления южная группа, наносившая главный удар, прорвала линию японской обороны и вышла к намеченным рубежам. Продвижение центральной группы было незначительно, но она надежно сковала главные силы противника. Северная группа в жестоких боях овладела передовыми позициями врага и подошла к сильно укрепленному узлу сопротивления — высоте Фуи. Однако овладеть ею не удалось. Противник, оказывая яростное сопротивление, отбил все атаки, несмотря на то, что в бой были введены главные силы северной группы. Высота Фуи оставалась серьезным препятствием на пути продвижения северной группы.

Японское командование не смогло определить направление главного удара советских войск. К исходу 20 августа генерал Камацубара, решив, что главный удар наносился северной, а не южной группой, приказал произвести перегруппировку сил на этом участке фронта с тем, чтобы остановить наступление на своем правом фланге⁴⁹.

В последующие дни советско-монгольские войска при активной поддержке авиации продолжали развивать наступательные операции. 21 августа подвижные части южной группы с упорными боями вышли на пути

⁴⁸ Там же, л. 92.

⁴⁹ Там же, л. 97.

отхода японской южной группировки на восток, а на следующий день стрелковые части вклинились в основную оборонительную полосу противника, разгромили его тактические резервы, расчленили оборону японцев на ряд узлов, блокировали их и повели бои на разгром врага. Почти каждую огневую точку советским и монгольским воинам приходилось брать штурмом.

К исходу 23 августа оборона японских войск на участке наступления южной группы была сломлена и пути отхода врага отрезаны.

Центральная группа продвигалась медленно. Японские части продолжали оказывать упорное сопротивление на подступах к сопке «Песчаная» и высоте Ремизова. Крупные бои вела северная группа за овладение высотой Фуи. Противник, подтянув новые резервы, отбивал атаки советских войск.

Тогда был отдан приказ 9-й мотоброневой бригаде, не задерживаясь у высоты Фуи, наступать с севера в направлении Номун-Хан-Бурд-Обо, чтобы перехватить пути отхода северной группировки противника, парализовать его тыл, уничтожить склады в районе озера Узур-Нур. Части мотоброневой бригады стремительно проникли в глубокий тыл врага, разгромили его автоколонну, подожгли склады с горючим и боеприпасами и дезорганизовали этим в значительной степени снабжение японских войск. В то же время части северной группы продолжали штурмовать высоту Фуи, которую японцам было приказано оборонять до последнего человека. Получив подкрепление и преодолев сильные оборонительные сооружения, опоясывавшие высоту, советские войска после трех суток не затихавшего боя сломили сопротивление врага и овладели высотой. Бойцы выбивали ручными гранатами и штыками японских солдат из каждого блиндажа и окопа. Японские части были окружены и разгромлены.

После этого северная группа развернула наступление в юго-восточном направлении, а 9-я мотоброневая бригада с приданными к ней частями отрезала 23 августа пути отхода северной группировке японцев на восток. 24 августа замкнулось стальное кольцо окружения. Планы и расчеты японского командования были опрокинуты. Вместо окружения советско-монгольских войск в окружение попали японские войска.

24 августа Г. К. Жуков отдал приказ сломить сопротивление японских войск, оказавшихся в окружении. Для этого надо было продолжать наступательные операции и концентрическими ударами разгромить врага. Советско-монгольские части упорно продвигались вперед, разрушали оборонительную систему противника, наносили сокрушительные удары по японским войскам, с неимоверным ожесточением оказывавшим сопротивление.

24 августа японское командование предприняло попытку прорвать извне кольцо окружения. Упрямо и беспощадно бросало оно в лобовые атаки подошедшие свежие силы. Но враг был отброшен со значительными для него потерями. 25-го противник вновь перешел в наступление с участием большого количества авиации, чтобы деблокировать окруженную группировку. Но и на этот раз его атаки были отбиты. 26 августа наступавшие японские части, пытавшиеся прорвать кольцо, были почти в полном составе разгромлены. Противник, деморализованный ударами советских танков, прекратил атаки извне. С другой стороны, за три дня кольцо окружения прочно сомкнулось. Внутри кольца шла кровопролитная борьба. Враг, тщательно и глубоко зарывшись в землю, вооруженный сотнями орудий, минометов и пулеметов и обеспеченный боеприпасами, не желал сдаваться. Отдельные японские части пытались выйти из кольца, но все их попытки оказались безуспешными. 27 августа части южной группы завершили операцию по разгрому окруженного врага.

Затем главные силы были переброшены на ликвидацию северной группировки противника. Три дня пехота при поддержке артиллерии и танков атаковала мощно укрепленный узел сопротивления японских ча-

стей в районе высоты Ремизова. 28-го числа после сильной артиллерийской подготовки высота была взята. 29 августа северная группировка японцев была ликвидирована, и в последующие дни советско-монгольские войска очищали уже район боевых действий от последних остатков врага. 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью освобождена от японских захватчиков.

Однако противник в первой половине сентября вновь дважды пытался вторгнуться на территорию МНР, но все его попытки окончились полным провалом. Японские наземные части были разбиты.

В результате наступательных операций советско-монгольских войск с 20 по 30 августа 6-я японская армия была разгромлена. За десять дней боев число убитых и раненых японских солдат и офицеров составило 33 тыс. человек, кроме того, японцы потеряли 241 самолет, 177 орудий, 344 пулемета, 5 380 винтовок⁵⁰.

Потерпев поражение, Япония вынуждена была обратиться к Советскому правительству с просьбой прекратить военные действия. 16 сентября 1939 г. военные операции были закончены.

Военные действия на р. Халхин-Гол и разгром японских сил показали экономическое и военное могущество страны социализма. Они продемонстрировали неоспоримые преимущества советского государственного строя перед капиталистическим. Сила Красной Армии состояла в том, что она опиралась на самый прочный тыл, на единство советского народа, возглавляемого Коммунистической партией. СССР располагал мощной армией, оснащенной современным вооружением, имевшей опытный командный состав и высокие морально-боевые качества. В боях командиры проявили высокое мастерство в разработке и осуществлении военных планов по окружению и разгрому противника. Искусно осуществлялось под командованием Г. К. Жукова взаимодействие различных родов войск — пехоты, артиллерии, танков и авиации. События у Халхин-Гола еще раз подтвердили, что Красная Армия — армия нового типа, подлинно народная, воспитанная в духе интернационализма и уважения к правам и независимости всех народов. Советские и монгольские войска проявили в боях мужество, героизм и решимость до конца защищать неприкосновенность своих государственных границ.

«Прочность и силу монголо-советской дружбы, — заявил глава правительства Монгольской Народной Республики Ю. Цеденбал, — не раз испытывали наши враги, в частности в кровопролитных сражениях в районе р. Халхин-Гол. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз оказал монгольскому народу помощь своими вооруженными силами в борьбе против японской агрессии и тем самым спас свободу и независимость нашей Родины, способствовал укреплению позиций антиимпериалистических сил на Дальнем Востоке»⁵¹.

Непосредственным последствием халхингольских событий было освобождение командующего Квантунской армией генерала Уэда, начальника штаба Иосигаи, помощника начальника генерального штаба Накадзима и начальника отдела генштаба Хасимото от занимаемых должностей.

Влиятельные круги Японии в связи с поражением у р. Халхин-Гол вынуждены были признать: «До сих пор народ не знал, до какой высокой степени оборудованы моторизованные части войск Советского Союза. Теперь найдется немало людей, пораженных такой неожиданностью»⁵².

Планы японских милитаристов захватить территорию Монгольской Народной Республики и Советского Союза были сорваны. Попытка вести одновременно войну на два фронта провалилась.

Успешное завершение советско-монгольскими войсками операции у

⁵⁰ Там же, стр. 369, оп. 10860, д. 20, л. 27; оп. 108601, д. 60, лл. 34, 92.

⁵¹ «Правда», 16 мая 1957 года.

⁵² Архив МО СССР, ф. 1, оп. 78425, д. 12, л. 130.

р. Халхин-Гол имело большое международное значение. Прежде всего надежды японских империалистов и мировой реакции втянуть СССР в большую войну не оправдались. Выступление Советского Союза в поддержку Монгольской Народной Республики воспрепятствовало дальнейшему расширению японской агрессии на Востоке и втягиванию новых стран в войну.

Победа советских и монгольских войск над японскими захватчиками вдохновила героический китайский народ на дальнейшую борьбу против милитаристской Японии, вселила в него еще большую веру в победу над агрессором. Народ Китая справедливо считал, что разгром отборной японской армии у Халхин-Гола облегчил ему борьбу за национальную независимость.

Наконец, поражение Японии явилось ударом по планам организаторов «дальневосточного Мюнхена», в том числе и по планам японского премьер-министра Хиранума о созыве Тихоокеанской конференции. После событий у Халхин-Гола положение Японии на Востоке серьезно ухудшилось, выявилась неспособность японской армии вести войну на два фронта.

«Особенно Нанкуфонгский инцидент летом 1938 года (у озера Хасан.— Г. С.) и Номоньханьский инцидент в 1939 году (у реки Халхин-Гол.— Г. С.),— признал в своих показаниях на Токийском процессе над главными японскими военными преступниками Сусуми Нисиура, работавший с 1931 по август 1941 г. в бюро военных дел военного министерства,— послужили для нас хорошим уроком и предоставили возможность пересмотреть нашу военную подготовку». События у Халхин-Гола «заставили нас осознать, что, пока мы не приложим все усилия для военной подготовки против СССР, мы не сможем даже урегулировать китайский инцидент»⁵³.

Следовательно, решение китайской проблемы ставилось в прямую зависимость от борьбы против Советского Союза.

Вместе с тем японскими милитаристами был сделан и другой вывод. Разгром отборных частей Квантунской армии советско-монгольскими войсками показал, что только своими силами Япония не может справиться с Советским Союзом. Поэтому японская военщина требовала ускорения окончания переговоров с Германией и Италией и немедленного заключения агрессивного военного германо-итало-японского блока. Японская дипломатия проявляла исключительную активность. Но события развивались не в пользу Японии. На этом пути ее ожидали крупные неудачи. Они вновь исходили от Советского Союза, внешняя политика которого нанесла удар проiscaм империалистических кругов.

Известно, что с весны 1939 г. Советский Союз вел переговоры с Англией и Францией. Советское правительство, руководствуясь интересами сохранения мира, предложило английскому и французскому правительствам заключить пакт о взаимопомощи против агрессии. Но они не желали принять советские предложения. Прибегая к дипломатическим оговоркам, они пытались, нарушая элементарный принцип взаимности и равных обязанностей, получить помощь от СССР и добиться его согласия выступить в случае нападения Германии на Польшу и Румынию. В то же время Англия и Франция не хотели взять на себя обязательства по оказанию помощи Советскому Союзу при нападении на него агрессоров. Их планы сводились к тому, чтобы связать СССР определенными обязательствами, втянуть его в войну с Германией один на один, а самим остаться в стороне, сохранив свободу рук и возможность для маневрирования.

⁵³ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Т. 25, л. 225; т. 27, л. 226.

Правительственные круги Англии, встав на путь двойной игры, одновременно с переговорами в Москве вели секретные переговоры с Германией и Японией о переделе мира. Вследствие такой политики западных держав англо-франко-советские переговоры зашли в тупик. Англия и Франция не желали заключить с СССР договора о взаимопомощи. Перед Советским Союзом вырисовывалась реальная опасность оказаться в состоянии полной изоляции, особенно если учесть, что в это же время происходили переговоры между Германией, Италией и Японией о заключении военного союза в первую очередь против СССР.

Сложившаяся крайне напряженная, сложная международная политическая обстановка поставила со всей остротой перед Советским правительством вопрос о том, «либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении и тем самым обеспечить Советскому Союзу продление мира на известный срок, который мог быть использован Советским государством в целях лучшей подготовки своих сил для отпора возможному нападению агрессора, либо отклонить предложение Германии насчет пакта о ненападении и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить Советский Союз в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной для Советского Союза обстановке, при условии полной его изоляции»⁵⁴.

Коммунистическая партия и Советское правительство, исходя из анализа конкретной политической обстановки и ее особенностей и стремясь не допустить создания единого фронта капиталистических держав против СССР, приняли предложение германского правительства о пакте. 23 августа он был заключен. Благодаря такому договору Советскому правительству удалось, как показала история, обеспечить почти двухлетний мир народу нашей Родины, укрепить обороноспособность страны, создать «восточный» фронт, продвинуть границы далеко на запад, построить линию обороны у западных границ белорусских и украинских земель и воздвигнуть новый барьер против продвижения гитлеровских полчищ на Восток.

Договор нанес удар антисоветским планам международной реакции и проводникам политики умиротворения агрессии. Правителям Англии и Франции не удалось изолировать СССР и столкнуть Германию с Советским Союзом. Стремление реакционных политиков Лондона и Парижа поставить СССР в невыгодные условия и навязать ему войну привело к обратным результатам: Англия и Франция оказались у порога войны. Таковы были непосредственные последствия политики уступок и попустительства агрессии в Европе.

Заключение советско-германского договора о ненападении наряду с успешным завершением разгрома японской армии у р. Халхин-Гол оказало определенное влияние и на развитие дальневосточных событий. «На востоке этот договор,— писал Мао Цзэ-дун,— нанес удар Японии, оказал помощь Китаю, в самом Китае укрепил позиции сторонников продолжения войны против японских захватчиков и нанес удар капитулянтам. Все это создает основу для помощи народам мира в их борьбе за освобождение и свободу». «Советско-германский договор открыл перед Советским Союзом большие возможности оказывать помощь международному движению за мир, большие возможности оказывать помощь Китаю в его борьбе против японских захватчиков»⁵⁵.

Даже буржуазная печать некоторых капиталистических стран вынуждена была признать положительное значение советско-германского пакта. «New York Times» писала, что советско-германский пакт, несо-

⁵⁴ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». Госполитиздат. 1948, стр. 53.

⁵⁵ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3. М. 1953, стр. 55, 61.

менно, «изменит положение на Дальнем Востоке и ослабит позиции Японии»⁵⁶.

Весть о заключении советско-германского договора явилась неожиданностью для политических и военных кругов Японии. 23 августа известный японский государственный деятель Кидо записал в своем дневнике, что это сообщение «потрясло Японию», и он был удивлен таким «в высшей степени предательским актом, учитывая существование антикоминтерновского пакта и тайного пакта»⁵⁷.

Переговоры между Японией, Германией и Италией о заключении военного блока, длившиеся почти полтора года, были прерваны. Японское правительство поручило своему послу в Берлине Осима выразить решительный протест Германии по поводу заключения пакта с Советским Союзом. 25 августа японский министр иностранных дел передал в связи с этим инструкции Осима, в которых говорилось, что японское правительство восприняло заключение пакта о ненападении как окончательное прекращение переговоров о пакте между Германией, Италией и Японией и считает своим долгом заявить, что «заключение Германией с Россией пакта о ненападении является серьезным нарушением секретного соглашения, связанного с антикоминтерновским пактом между Германией и Японией. Поэтому оно выражает строгий протест немецкому правительству»⁵⁸. Однако, по совету Сиратори и заместителя германского министра иностранных дел Вейцекера, Осима воздержался от вручения такой ноты. Сам же министр иностранных дел Арита заявил германскому послу в Токио Отту протест и сообщил о решении японского правительства прекратить переговоры, которые происходили между Германией, Японией и Италией⁵⁹.

Осима и Сиратори, бывшие в то время послами в Берлине и Риме и активно добивавшиеся заключения военного союза между Германией, Италией и Японией, демонстративно подали заявления об отставке. По этим же соображениям ушел с поста премьер-министра Хиранума.

Планы империалистов созвать Тихоокеанскую конференцию для проведения «дальневосточного Мюнхена» также были сорваны. В этом вопросе японская дипломатия потерпела серьезное поражение. Планы Англии на Дальнем Востоке также не дали желаемых результатов, так как заключение летом 1939 г. соглашения Арита — Крейги для организации «дальневосточного Мюнхена» имело своим последствием потерю в первую очередь важнейших позиций британского империализма в Китае.

Таким образом, разгром японских военных милитаристов у р. Халхин-Гол, заключение советско-германского пакта о ненападении, мужественная борьба китайского народа, противоречия между империалистическими государствами сыграли большую роль в срыве плана японских империалистов организовать летом 1939 г. «дальневосточный Мюнхен». Большие надежды, связанные с осуществлением вооруженной агрессии против Монгольской Народной Республики, не оправдались. Япония потерпела серьезное военное и дипломатическое поражение. Это была крупная победа советского, монгольского и китайского народов, а также всех демократических сил мира.

⁵⁶ «New York Times», 23 августа 1939 года.

⁵⁷ Архив МЮ СССР. МВТ для ДВ. Т. 53, л. 1153.

⁵⁸ Там же. Т. 14, лл. 293—294.

⁵⁹ Там же. Т. 53, л. 155.

ИЗ ИСТОРИИ ВМЕШАТЕЛЬСТВА США В ДЕЛА КИТАЙСКОГО НАРОДА

У Дун-чжи (КНР).

После второй мировой войны и разгрома японских милитаристов у китайского народа появился новый враг — американский империализм. Еще в сентябре 1946 г. Мао Цзэ-дун, характеризуя послевоенную политику США по отношению к Китаю, указывал: «...Под прикрытием так называемого «посредничества» скрывалось стремление всестороннего усиления Чан Кай-ши, стремление посредством его политики массовых убийств подавить демократические силы Китая и превратить страну в фактическую колонию США»¹. Эти слова с предельной ясностью показывают существо политики США по отношению к Китаю. В самом деле, Соединенные Штаты действовали в трех направлениях, а именно: под прикрытием «посредничества» стремились развязать гражданскую войну в Китае; одновременно с «посредничеством» оказывали разными путями всестороннюю помощь Чан Кай-ши в попытке уничтожить Коммунистическую партию Китая (КПК); беззастенчиво нарушали суверенитет Китая, стремясь превратить его в свою колонию. Все эти три направления тесно связаны друг с другом. Бывший государственный секретарь США Ачесон признавал, что «когда приближается мир,... широкое вмешательство в военной области, помощь гоминьдану в уничтожении компартии... представляются привлекательными»². Тем не менее он вынужден был сказать, что осуществить эти цели оказалось невозможно.

27 ноября 1945 г. президент США Трумэн заявил, что он назначает Маршалла своим специальным представителем в Китае. Причинами, вызвавшими посылку Маршалла в Китай для «посредничества», были усиление мощи китайского народа, провал политики вооруженного вмешательства, проводившейся правящими кругами США, а также неуклонная борьба Советского Союза за соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела государств, его стремление к соглашению на Московском совещании трех министров иностранных дел³.

Силы Коммунистической партии Китая в послевоенный период чрезвычайно возросли. Руководимые ею войска за время антияпонской войны выросли с 40 тыс. до 1 млн. человек регулярной армии и более 2,2 млн. человек народного ополчения (партизан). КПК выдвинула правильный курс, отвечавший интересам всего китайского народа, — «независимость, мир, демократия». Этот курс был изложен впервые в декларации ЦК КПК о современном положении от 25 августа 1945 года. В соответствии с принятым курсом Мао Цзэ-дун лично вел переговоры в Чунцине, где 10 октября было заключено соглашение с гоминьданом. Однако гоминьдановские реакционные лидеры вовсе не желали честно его выполнять. Еще в период антияпонской войны они проводили политику «пассивного веде-

¹ Газета «Цзэфан жибао» («Освобождение»), 7 октября 1946 года.

² «United States Relations with China. With special reference to the period 1944—1949». Washington. 1949, p. X.

³ Ср. Е. Богущ. Из истории американской агрессии в Китае (Провал «миссии Маршалла»). «Международная жизнь», 1955, № 4, стр. 62—71.

ния войны против Японии и активной борьбы против компартии», пытаясь всеми мерами ослабить последнюю и в то же время сохранить свои силы, чтобы развернуть после войны наступление против Коммунистической партии, уничтожить ее и установить на всей территории Китая свое деспотическое реакционное господство. Для достижения этой цели гоминьдановская реакция не останавливалась перед умалением и даже утратой национальной независимости и суверенитета страны ради получения американской военной и экономической помощи. Политика гоминьдановских реакционеров была политикой предательства национальных интересов, гражданской войны и деспотизма. Почти сразу же после подписания соглашения от 10 октября гоминьдан при помощи США начал наступление на Освобожденные районы⁴. Военные силы Освобожденных районов в операции под Ханданом (во второй декаде октября) уничтожили 30 тыс. солдат и офицеров противника, а в конце октября разгромили еще 70 тыс. человек из группировки гоминьдановских войск, продвигавшейся из Чжан-дэ на север, вдоль линии железной дороги Бэйпин — Ханькоу. Таков был бесславный конец первого серьезного наступления гоминьдана на Освобожденные районы после окончания освободительной войны.

Посол США Хэрли оказывал этому курсу гоминьдановской клики активную поддержку и содействие. Журнал «Amerasia» писал, что Хэрли всячески поощрял Чан Кай-ши составить «план немедленного вооруженного искоренения коммунистических войск сразу же после поражения Японии»⁵. Поэтому провал наступления гоминьдановской реакции означал крах политики вооруженного вмешательства, столь активно поддерживаемой американскими правящими кругами.

Народы Китая и Америки резко выступали против политики, проводимой Хэрли. 5 ноября 1945 г. Главнокомандующий Китайской народно-освободительной армией (НОА) Чжу Дэ направил командующему американских войск в Китае Ведемейеру протест, в котором требовал «прекращения действий, направленных на нарушение суверенитета Китая, на вмешательство во внутренние дела страны и неповторения совместных с гоминьдановскими войсками выступлений против китайских Освобожденных районов»⁶. 9 ноября 25 тыс. жителей Нью-Йорка вышли на демонстрацию с требованием немедленного прекращения вооруженного вмешательства в Китае. Вскоре после этого председатель Коммунистической партии США У. Фостер выступил с речью, в которой указывал: «Народы Азии и Америки не желают подавления демократических сил Китая. Трумэн, Бирнс, Хэрли и Ведемейер должны нести ответственность за возникновение гражданской войны в Китае»⁷. Национальный комитет Коммунистической партии США опубликовал ряд заявлений, в которых призывал американский народ требовать от правительства Трумэна немедленного вывода всех американских войск из Китая. В этой обстановке даже 6 членов палаты представителей американского конгресса внесли в комиссию конгресса по иностранным делам предложение расследовать «скомпрометировавшую себя политику Хэрли в отношении Китая»⁸. К 28 ноября в палате депутатов было уже семь предложений о выводе американских войск из Китая, но обсуждение этих предложений было отложено⁹. 27 ноября Хэрли был вынужден подать в отставку. Американская буржуазная газета «New York Post» писала 29 ноября по этому поводу: «Уход в отставку посла Хэрли явился его заслугой перед страной.

⁴ См. Чэнь Бо-да. Чан Кай-ши — враг китайского народа. М. 1950, стр. 189.

⁵ Журнал «Amerasia», декабрь 1945 года. Ср. Е. Ю. Богущ. Провал миссии генерала Хэрли в Китае (1944—1945). «Ученые записки» по новой и новейшей истории. Институт истории АН СССР. Вып. 3. 1957, стр. 410—464.

⁶ «Цзэфан жибао», 6 ноября 1945 года.

⁷ «Daily Worker» (New York), 10 ноября 1945 года.

⁸ «Цзэфан жибао», 2 декабря 1945 года.

⁹ J. C. Campbell. The United States in World Affairs. 1945—1947, p. 285.

Его миссия в Китае закончилась полным поражением»¹⁰. Итак, отставка Хэрли еще раз со всей очевидностью говорила о крахе политики открытого вооруженного вмешательства в Китае.

К этому времени, как известно, международный авторитет и влияние СССР особенно усилились. Как отмечал Н. С. Хрущев в своей речи на приеме в Индо-Советском обществе в Бомбее в ноябре 1955 г.: «...в ходе войны СССР не только не ослабел, но приобрёл ещё большую силу»¹¹. Однако СССР не воспользовался этой силой для вмешательства во внутренние дела других стран. Это противоречило бы сути его внешней политики. Советский Союз — могучая держава — последовательно проводил и проводит политику сохранения мира во всем мире.

После окончания войны к середине декабря 1945 г. в Москве было созвано совещание министров иностранных дел СССР, США, Англии. 21 декабря Советское правительство направило правительству США ноту, в которой указывало, что СССР неизменно верен политике невмешательства во внутренние дела Китая, и требовало от США соблюдения этого принципа. В той же ноте предлагалось, чтобы правительство США согласилось не позднее середины января 1946 г. одновременно с Советским Союзом вывести свои войска из Китая.

Учитывая слабость гоминьдановской армии, провал политики Хэрли и явную непопулярность новой войны на Дальнем Востоке среди самого американского народа, с одной стороны, и возросшую силу СССР — с другой, правительство Соединенных Штатов было вынуждено пойти на достижение договоренности с СССР о невмешательстве во внутренние дела Китая и о выводе оттуда в кратчайшие сроки иностранных войск. Решение Московского совещания по китайскому вопросу имело целью приостановить гражданскую войну, опосредствовать легализации демократических сил Китая, устранить американское влияние, вызывавшее гражданскую войну в Китае¹². Все это создало благоприятные международные условия для установления мира в Китае.

Однако правительство США не думало совсем отказаться от планов интервенции. Оно лишь изменило тактику: от открытого вооруженного вмешательства Хэрли перешло к «посредничеству» Маршалла. Еще до приезда Маршалла в Китай Трумэн опубликовал 15 декабря 1945 г. от начала до конца фальшивое «заявление о политике по отношению к Китаю». «Американская поддержка, — говорилось в этом заявлении, — не будет более доходить до вооруженного вмешательства с целью повлиять на процесс любых внутренних конфликтов в Китае... Американское правительство считает, что китайский народ должен сам установить те конкретные мероприятия, проведение которых необходимо для завершения политического единения Китая, оно считает также, что вмешательство любого иностранного правительства в эти вопросы не представляется надлежащей акцией»¹³. Однако за 4 дня до опубликования этого заявления, 11 декабря, Трумэн, Бирнс и Маршалл уже договорились о том, что, даже если Чан Кай-ши не пойдет ни на какие рациональные уступки для достижения перемирия, Америка по-прежнему будет оказывать ему помощь в переброске вооруженных сил на север Китая. «Америка не может отказаться от Чан Кай-ши»¹⁴. Таким образом, заявление Трумэна обманывало народы Китая и США и было рассчитано на то, чтобы поднять политический престиж Маршалла.

Маршалл прибыл в Чунцин 23 декабря 1945 года. 3 января 1946 г. гоминьдан и Коммунистическая партия Китая официально заявили, что

¹⁰ «Цзэфан жибао», 3 декабря 1945 года.

¹¹ Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев. Речи во время пребывания в Индии, Бирме и Афганистане. Госполитиздат. 1955, стр. 60.

¹² См. «Правда», 28 декабря 1945 года.

¹³ «Цзэфан жибао». 18 декабря 1945 года.

¹⁴ Н. Feis. China Tangle, p. 419, note 15.

принимают «посредничество» Маршалла. Последний еще в период первой гражданской войны (1924—1927 гг.) находился в Китае, где проходил службу в американских воинских частях, расквартированных в Тяньцзине. С 1939 г. и до назначения в Китай он был начальником штаба американских сухопутных войск¹⁵. Находясь на этой должности, он снискал глубокое расположение американских монополистов своим стремлением всемерно оттянуть открытие второго фронта и предоставлением монополиям крупных военных заказов. Назначение специальным представителем в Китае именно Маршалла говорило о том, что господствующие круги США рассматривали китайский вопрос преимущественно как военный.

Коммунистическая партия Китая приняла «посредничество» Маршалла отнюдь не потому, что она не понимала сущности американского империализма. Она согласилась на «посредничество» Маршалла потому, что хотела всеми возможными средствами добиться мира и избежать гражданской войны. В то же время КПК ни на минуту не ослабляла своей бдительности, своей готовности в военном отношении. Как указывал Лю Шаоци в политическом докладе Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII съезду партии: «После завершения антияпонской войны наша партия неоднократно вступала в мирные переговоры с гоминьданом с целью избежать гражданской войны и пыталась мирным путем осуществить социально-политические преобразования в стране... Тем не менее мы знаем, что осуществление мирных чаяний зависело не от нас, а от господствующих классов. Мы полностью подготовились и были способны мобилизовать все силы народа, чтобы разгромить гоминьдановскую реакционную клику, если она навяжет народу войну, и сделать так, чтобы поджигатель войны пожал то, что посеял»¹⁶.

«Посредническую» деятельность Маршалла, которая продолжалась более года, можно подразделить на четыре этапа:

1. Помощь Чан Кай-ши в срыве соглашения о перемирии на Северо-Востоке (Дунбэй) и «замораживание» на определенное время военной обстановки во внутренних провинциях Китая;

2. Проведение так называемых июньских переговоров (1945 г.) о перемирии с целью развязывания гражданской войны в масштабе всей страны;

3. Проведение переговоров о так называемой «комиссии пяти» с тем, чтобы замаскировать усиление помощи Чан Кай-ши и расширение гражданской войны;

4. Закулисное руководство деятельностью марионеточного «Национального собрания» с целью узаконения политики гражданской войны и деспотизма¹⁷.

Необходимо указать, что за последние годы самые различные буржуазные писатели не жалели сил, чтобы доказать «справедливость» занимаемых генералом Маршаллом позиций, показать его «совершенство как человека»; они, не останавливаясь перед заведомым искажением и подтасовкой исторических фактов, заявляли, что Коммунистическая партия Китая сама отвергла мирные предложения. Однако ни один из них не смог привести хотя бы один конкретный факт из этого периода в подтверждение своих доводов. В книге «Дальний Восток в 1942—1946 годах», изданной в 1955 г. английским «Королевским научным обществом по международным вопросам», утверждается: «Ни Маршалл, ни Стюарт не смогли продвинуться вперед в ходе этих длинных и сложных предложений, контрпредложений и дискуссий; все это продолжалось целый год и не нуж-

¹⁵ «The International Who's Who». 1954, p. 626.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 15 сентября 1956 года.

¹⁷ Выделение «комиссии пяти» в особый этап деятельности Маршалла представляется спорным. Это мероприятие вместе с последующими являлось одним этапом политических маневров с целью отстранения КПК от влияния на политическую жизнь страны и маскировки американской помощи гоминьдану. (Ред.)

дается в дополнительном подробном изложении»¹⁸. Как можно прийти к какому-либо заключению, не основываясь на фактах? Ответ на всевозможные измышления буржуазных писак может быть лишь один: разоблачение клеветы фактами, правдой.

Вскоре после прибытия в Китай Маршалл создал «комиссию трех», собравшуюся на первое заседание 7 января 1946 года. Она состояла из председателя комиссии Маршалла, представителя КПК Чжоу Энь-лая и представителя гоминьдана Чжан Цюня (губернатора Сычуани). 10 января было достигнуто «соглашение о перемирии». Гоминьдан и КПК приняли решения о прекращении военных действий с 13 января. Кроме того, правительство гоминьдана, КПК и правительство США создали в Бэйпине «Исполнительный штаб по военному посредничеству». Последний, в свою очередь, организовал несколько исполнительных групп, состоявших из представителей трех сторон, в задачу которых входило проведение в жизнь соглашения о перемирии. В день опубликования приказов о прекращении военных действий, 10 января, в Чунцине начал свою работу Политический консультативный совет. В работе Совета приняли участие всего 39 человек (9 представителей от гоминьдана, 7 — от КПК, 9 — от Демократической лиги, 5 — от «Циннянь дан» («Младокитайская партия») и 9 беспартийных). Эти люди представляли собой левый, центристский и правый политические блоки, имевшие разные политические программы. Политической программой левого блока, возглавляемого КПК, была революционная демократия, среднего блока во главе с Демократической лигой — буржуазная демократия, правого блока, руководимого гоминьданом, — фашистская диктатура. Между этими блоками шла ожесточенная борьба в Совете и вне его.

При благоприятной международной обстановке в соответствии с единодушным требованием народов всей страны Политический консультативный совет закончил свою работу 31 января, единогласно приняв решения: о реорганизации правительства, о Национальном собрании, о программе мирного строительства страны, проекте конституции и о военных вопросах. Согласно решению Совета, в начале февраля должна была быть создана военная группа «трех» (представитель КПК Чжоу Энь-лай, гоминьдана — Чжан Чжи-чжун и «советник» Д. Маршалл). 25 февраля группой «трех» был разработан проект по вопросу о переформировании армии. В соответствии с этим проектом все вооруженные сухопутные силы страны должны были быть в течение года переформированы в 108 дивизий — 90 гоминьдановских и 18 под руководством Коммунистической партии Китая¹⁹. По прошествии 18 месяцев сухопутные вооруженные силы сокращались до 60 дивизий (50 — гоминьдановских и 10 — КПК). Кроме того, проект переформирования армии устанавливал количество войск, которое могло быть размещено по всей стране в 5 районах единых формирований. Например, по прошествии 12 месяцев гоминьдан мог расположить на Северо-Востоке Китая 15 дивизий (то есть 5 армий)²⁰.

Хотя между решениями Политического консультативного совета и прежними установками КПК и существовали некоторые различия в вопросе о переформировании армии, Коммунистическая партия Китая пошла на большие уступки, поскольку эти соглашения, по существу, отвергали курс на гражданскую войну и деспотию гоминьдана и отвечали тогдашним интересам китайского народа.

Маршалл был не в силах изменить ни международные условия, благоприятные для сил демократии и мира в Китае, ни соотношение классовых сил в стране, поэтому он сделал вид, что готов даже способствовать

¹⁸ F. C. Jones, H. Borton, B. R. Pearn. The Far East 1942—1946. London. 1955, p. 215; ср. K. S. Latourette. The American Record in the Far East. 1945—1951.

¹⁹ Численность одной дивизии не должна была превышать 14 тыс. человек.

²⁰ «Цзэфан жибао», 28 февраля 1946 года.

достижению этих соглашений. Однако на деле Маршалл постоянно под- держивал Чан Кай-ши и стремился подорвать эти соглашения одно за другим. Пользуясь его поддержкой, Чан Кай-ши уже 9 января сказал Чжан Цюню: «Вы ведете переговоры, а я веду войну»²¹.

Еще 23 января, когда Политический консультативный совет вел свою работу, «справедливый» генерал Маршалл тайно составил для Чан Кай-ши проект предложения, предусматривавшего проведение предстоящей реорганизации правительства с таким расчетом, чтобы «контроль над верховной властью» сосредоточился в руках Чан Кай-ши, как «председателя (президента) всей страны»²², в целях сохранения его деспотического господства. Таким образом, важный принцип Политического консультативного совета о «демократизации политики» мог быть превращен в пустую болтовню.

Вслед за этим под предлогом «восстановления суверенных прав» правительства Чан Кай-ши Маршалл стал оказывать ему помощь в развязывании активных военных действий на Северо-Востоке, нарушая тем самым соглашение о перемирии. Даже во время переговоров о перемирии Маршалл настаивал на том, чтобы переброска войск на Северо-Восток не была ограничена соглашением. Игнорируя решение о переформировании армии, невзирая на неоднократные протесты КПК, он перебазировал на Северо-Восток в общей сложности 9 гоминьдановских армий²³, демагогически заявляя, что, мол, ограничение в 5 армий вступает в силу только по истечении 12 месяцев²⁴. Ясно, что все эти действия являлись серьезным нарушением основного решения о переформировании армии. Изданная госдепартаментом США «Белая книга» сетовала на то, что перевозки гоминьдановских войск на Северо-Восток были весьма затруднены: Советский Союз отказался предоставить США для этих нужд порт Дальний²⁵. Поистине, если бы СССР не соблюдал Советско-китайский договор 1945 г. и не настаивал на статусе Дальнего как международного торгового порта, то на Северо-Восток могло бы быть переброшено еще больше гоминьдановских вооруженных сил, предназначенных для развязывания гражданской войны.

Чтобы дать возможность гоминьдану развернуть военные действия на Северо-Востоке, Маршалл после беседы с Чан Кай-ши и Ведемейером²⁶ выехал 12 марта из Китая в США и вернулся обратно лишь 18 апреля. Он покинул Китай в то время, когда Чан Кай-ши открыто выразил стремление ликвидировать решения, принятые Политическим консультативным советом, и сорвать соглашение о прекращении военных действий. Вскоре после кровавого разгона митинга в Чунцине (10 февраля), в середине февраля, в Цзяочанкоу была проведена демонстрация против Советского Союза, КПК и демократии. 4 марта Чан Кай-ши на втором пленуме ЦИК гоминьдана объявил, что необходимо «внести соответствующие исправления по основным пунктам содержания» проекта конституции и решений Политического консультативного совета. Одновременно гоминьдан открыто заявил, что «Дунбэй находится вне сферы урегулирования военного конфликта» и что «Исполнительный штаб не имеет права вмешиваться в события, происходящие в Дунбэе»²⁷. Гоминьдан отказался направить сюда группу, в которую вошли бы представители трех сторон.

Обо всем этом Маршалл, конечно, знал. В начале марта он говорил в Ханькоу, что «прошедший месяц и последующие два будут самыми критическими месяцами в истории Китая»²⁸. Вернувшись в США, Маршалл

²¹ R. Paine. The Marshall Story. New York. 1952, p. 261.

²² «United States Relations with China», p. 139.

²³ Газета «Цюньчжун», 22 сентября 1946 года.

²⁴ «United States Relations with China», p. 149.

²⁵ Там же, стр. 147.

²⁶ «Marshall's Mission». Журнал «Time», март 1946 года.

²⁷ См. «Цзэфан жибао», 28 марта 1946 года.

²⁸ См. R. Paine. Указ. соч., стр. 266.

выступил на пресс-конференции и заявил, что «последующие месяцы будут самым узловым и важным моментом для китайского народа и будущего мира во всем мире»²⁹. Раз время было таким «критическим» и таким «важным», зачем же Маршалл покинул Китай на целых пять недель? Объясняется это тем, что он стремился создать благоприятную возможность для наступления гоминьдановских войск и в то же время избежать ответственности за их действия.

Наступая с юга, гоминьдановские армии захватили освобожденные Объединенной демократической армией от японских и марионеточных войск важные города Хайчэн, Аньшань, Шахэ, Факу, Кайюань, Ляоян, Инкоу и подошли к Сыпингаю. Ко времени возвращения Маршалла в Китай положение в Дунбэе резко ухудшилось. Однако важный в стратегическом отношении Чаньчунь по-прежнему находился в руках Народной армии.

Маршалл считал, что «военные позиции правительства в Маньчжурии слабы, а коммунисты имеют там стратегическое преимущество»³⁰. Поэтому он официально предложил Коммунистической партии Китая «урегулировать» военный конфликт при условии, что войска КПК оставят Чаньчунь. Одновременно «Исполнительный штаб по военному посредничеству» должен был создать в Чаньчуне свой подотдел, который должен был содействовать прекращению военных действий. Маршалл заявил представителю КПК: «Основное расхождение в позициях обеих сторон заключается в вопросе о суверенитете Маньчжурии, а суверенитет означает контроль. Если гоминьдановское правительство не займет Чаньчуна, оно не сможет осуществлять контроль»³¹. Этот «довод» Маршалла был неприемлем. «Вооруженные силы КПК, — говорил Чжоу Энь-лай, — в то же время являются вооруженными силами Китая, вследствие чего их нельзя игнорировать, они имеют полное право на участие в деятельности по принятию территории, ранее оккупированной противником. К тому же соглашение о прекращении военных действий также не аннулировало право КПК на принятие под свой контроль территорий, освобожденных от противника»³². На это заявление Маршалл ответил, что если КПК не выведет войска из Чаньчуна, то он откажется от «посредничества» в примирении обеих сторон. В действительности он в это время уже отказался от официального «посредничества» и лишь поддерживал контакт с каждой из сторон в отдельности. КПК ради достижения мира и прекращения военных действий в Дунбэе согласилась вывести свои войска из Чаньчуна.

22 мая 1946 г. Народно-освободительная армия добровольно оставила Чаньчунь. На другой день туда вошли гоминьдановские войска. Однако гоминьдан не только отказался создать в Чаньчуне подотдел «Исполнительного штаба по военному посредничеству», но, используя американское вооружение, предпринял активные действия. Наступая в северном направлении, гоминьдановцы дошли до Харбина, на востоке захватили Юнцзи. Всего гоминьдановские войска заняли свыше десяти важных городов. 23 мая Чан Кай-ши на специальном военном самолете Маршалла сам прилетел в Шэньян (Мукден) для руководства наступлением. И лишь 3 июня он вернулся обратно в Наньцзин (Нанкин)³³.

В это время Маршалл заявил, что он больше не в состоянии контролировать действия обеих сторон. После разрывывания широких военных действий в Дунбэе Маршалл предпринял второй шаг в своем «посредничестве», направленный к тому, чтобы перенести огонь войны из Дунбэя на остальной Китай, разжечь гражданскую войну во всей стране. С этой целью он возглавил «комитет трех» для проведения переговоров о прекра-

²⁹ Там же, стр. 268.

³⁰ «United States Relations with China», p. 153.

³¹ Там же, стр. 152.

³² «Цзэфан жибао», 16 апреля 1946 года.

³³ «United States Relations with China», p. 154.

шении военных действий в Дунбэе. 6 июня Чан Кай-ши отдал приказ о прекращении военных действий в Дунбэе на 15 дней, затем срок перемирия был продлен до 30 июня. Это и были июньское перемирие и июньские переговоры.

Основная цель Маршалла в июньских переговорах заключалась в том, чтобы выиграть время, дожидаясь подкреплений и подготовить возобновление гражданской войны на территории всей страны с целью разгрома революционно-демократических сил, возглавлявшихся КПК. С другой стороны, после разгрома в конце мая в Дунбэе пяти гоминьдановских полков и восстания одной юньнаньской дивизии американцы и Чан Кай-ши нуждались в перемирии и в ведении переговоров. Маршалл и Чан Кай-ши, конечно, не отказывались от возможности получить за столом во время переговоров то, что они не могли выиграть на полях сражений: более выгодные позиции для дальнейшего ведения гражданской войны. Поэтому чем дальше затягивались переговоры (они продолжались 23 дня), тем труднее было договориться.

Обсуждались три вопроса: о полном прекращении военных действий в Дунбэе; о восстановлении коммуникаций; об осуществлении проекта реорганизации армии. Последний вопрос был главным.

В соответствии с принципами, установленными в решении Политического консультативного совета (чтобы «правительство управляло армией» и «армия была отделена от партий»), необходимо было сначала реорганизовать однопартийное деспотическое гоминьдановское правительство, создав вместо него демократическое коалиционное, а затем уже произвести реорганизацию армии. Однако Маршалл настаивал на обсуждении лишь военных вопросов, «не затрагивая политики». Он утверждал, что реорганизация правительства не в его власти, и ждал, когда КПК, стремясь к миру, пойдет на достаточные уступки. Чан Кай-ши, со своей стороны, выдвинул ряд совершенно необоснованных требований: чтобы КПК уступила гоминьдану пограничный район Цзянсу — Аньхуй; железнодорожную магистраль Циньдао — Цзинань, город Чэндэ и район к югу от него; провинцию Хэйлуньцзян в Дунбэе (причем предлагалось это сделать до 15 октября) и ряд других районов; предполагалось, чтобы войска КПК в провинциях Шаньдун и Шаньси были выведены из районов, освобожденных от марионеточных войск после 7 июня³⁴. После того, как эти необоснованные притязания были отклонены, Маршалл выработал проект реорганизации армии и ее размещения, который в основном включал в себя вышеизложенные требования Чан Кай-ши, но был еще более демагогичен. Например, проект устанавливал, что районы, из которых будут выведены войска КПК, не займет гоминьдановская армия, но в них разместятся гоминьдановские войска «по охране безопасности». В проекте не содержалось требование вывода войск КПК из Харбина, но предлагался ввод гоминьдановских войск в Харбин³⁵. Совершенно очевидно, что проект Маршалла являлся попыткой под видом реорганизации армии вытеснить войска, руководимые коммунистами, из крупных городов и с железных дорог, расположить их в мелких городах и деревнях, а затем, окружив эти распяленные части, уничтожить в подходящий момент. Но даже таким проектом Чан Кай-ши был недоволен. Самым абсурдным и позорным в переговорах было его предложение о предоставлении Маршаллу «права решающего голоса». Попытка последнего осуществить таким образом грубейшее беспрецедентное вмешательство во внутренние дела Китая вызвала всеобщее негодование. КПК решительно выступила против этих наглых притязаний.

Прикрываясь вывеской «посредничества», Маршалл на деле оказывал всемерное содействие Чан Кай-ши. Трумэн признал в свое время, что за 5 месяцев после приезда Маршалла в Китай американская помощь

³⁴ См. «Цзэфан жибао», 14 августа 1946 года.

³⁵ «United States Relations with China», p. 645—647.

Чан Кай-ши превысила 1,3 млрд. американских долларов³⁶. В период июньских переговоров США усилили финансирование гоминьдана. 13 июня конгресс США принял закон об оказании военной помощи Китаю. Конгресс уполномочил правительство создать в Китае группу американских военно-морских советников, подарил гоминьдану 271 военный корабль. 300 офицеров военно-морского флота США были посланы в Китай для оказания гоминьдану помощи в создании военно-морского флота. На другой день американский «Импортно-экспортный банк» предложил гоминьдановскому правительству заем на сумму в 51,7 млн. американских долларов. 25 июня правительство США приняло решение продлить срок действия ленд-лиза по отношению к Китаю и заключило с Чан Кай-ши соглашение о военной помощи. Кроме того, Соединенные Штаты помогали гоминьдану в создании военно-воздушного флота, передав ему 1 071 военный самолет. 30 августа было подписано соглашение о «продаже» гоминьдановскому правительству «излишних» военных материалов на сумму в 900 млн. американских долларов³⁷. При такой огромной поддержке гоминьдановская реакция в июле 1946 г. развязала гражданскую войну по всей стране.

Вооруженные до зубов американским оружием, гоминьдановские войска начали общее наступление на все Освобожденные районы. По свидетельству одного из американских представителей, Стюарта, Чан Кай-ши уже в июне на заключительном этапе переговоров о перемирии дал распоряжение командующим гоминьдановскими армиями во всех районах о подготовке к новым военным действиям³⁸. Иными словами, гражданская война в Китае фактически была уже развязана Чан Кай-ши, не был только опубликован открытый приказ о «походе».

Представитель ЦК КПК еще 14 июня дал следующую характеристику июньских переговоров: «Очевидно, целью этих переговоров о перемирии является отнюдь не достижение мира, а стремление выиграть время, добиться передышки, получить помощь и опять начать войну»³⁹. 23 июня Мао Цзэ-дун опубликовал заявление, в котором выступал против американской помощи Чан Кай-ши. Он указывал: «Эти действия, как уже доказано, являются коренной причиной возникновения и расширения гражданской войны в Китае... На деле — это вооруженное вмешательство во внутренние дела Китая..., это действия, которые наносят вред безопасности китайского государства, независимости, суверенитету и целостности территории Китая»⁴⁰. 7 июля ЦК КПК была напечатана известная декларация, в которой говорилось, что после войны американский империализм «пытается занять в Китае место Японии, превратить Китай в колонию американского империализма», что «американский империализм сильнее японского, поэтому внешне его методы агрессии как бы более «цивилизованны», более «законны». Всему миру известно, что если бы не «помощь» США Китаю, то наша страна давно бы уже добилась демократии, а возникновение и продолжение гражданской войны было бы тем более совершенно невозможно». Декларация предлагала снова издать приказы о прекращении военных действий, о созыве Политического консультативного совета, немедленной демобилизации и сокращении армии; она требовала, чтобы США, СССР и Англия вновь заявили о своей верности решениям Московского совещания, чтобы США прекратили свое вооруженное вмешательство во внутренние дела Китая. В заключение декларация призывала народы Китая сплотиться и вести борьбу за достижение независимости, демократии, мира: «Мы не только располагаем общенациональным единым фронтом внутри страны, но и мощными союзника-

³⁶ «Цзэфан жибао», 14 августа 1946 года.

³⁷ «United States Relations with China», p. 227, 340, 342, 1050.

³⁸ J. L. Stuart. Fifty Years in China. New York. 1954, p. 165.

³⁹ «Цзэфан жибао», 19 июня 1946 года.

⁴⁰ «Сборник военных действий освободительной войны китайского народа». Т. I, стр. 463—464 (на китайском языке).

ми на международной арене. Они оказывали и будут оказывать впредь братскую помощь в борьбе нашего народа»⁴¹. Эта декларация до конца разоблачила агрессивную сущность американского империализма и выдвинула правильные политические установки, вдохновив тем самым народ всей страны на борьбу против американского империализма, против чанкайшистской клики.

23 июля опубликовала декларацию Коммунистическая партия США. «Содеянное американскими властями... в Китае,— говорилось в этой декларации,— ничем не отличается от действий Гитлера и Муссолини по насаждению в свое время режима Франко в Испании... Навязывание американскими империалистическими элементами своей воли народам Дальнего Востока угрожает не только безопасности на Дальнем Востоке и в Китае, но и безопасности всего мира... Разгромить коварный заговор китайско-американской реакции — такова общая обязанность всех миролюбивых американцев и китайского народа»⁴².

Советский Союз в это время практическими делами оказывал помощь китайскому народу в его благородной борьбе за независимость, мир и демократию. В начале мая Советский Союз полностью вывел свои войска с территории Китая, что показало со всей очевидностью верность СССР решениям, принятым на Московском совещании.

Как только Чан Кай-ши развязал гражданскую войну, Маршалл приступил к третьему по счету «посредническому» акту — начал переговоры «комиссии пяти». Почему же Маршалл выступил с новым предложением? Дело в том, что как раз в это время общественное мнение всех стран мира сходилось на том, что поскольку «посредничество» США потерпело крах, то пора бы уже во исполнение решений Московского совещания вывести из Китая все расположенные там американские войска и прекратить оказывать помощь Чан Кай-ши. Именно этого и не хотели американские империалисты. Маршалл предложил создать «комиссию пяти» исключительно для того, чтобы, пользуясь ею как дымовой завесой, еще больше расширить помощь Чан Кай-ши и сильнее разжечь огонь гражданской войны в Китае.

Собственно, сразу после того, как Чан Кай-ши развязал гражданскую войну во всей стране, Маршалл намеревался убраться восвояси. Поэтому еще 11 июля он предложил назначить послом США в Китае Стюарта, а в начале августа внес предложение создать указанную комиссию, в которую должны были войти Стюарт в качестве председателя и соответственно по два представителя от КПК и от гоминьдана. Маршалл предложил, чтобы эта комиссия занималась исключительно политическими вопросами и не касалась проблем военного характера. Он стремился к тому, чтобы наступление войск клики Чан Кай-ши не было предметом обсуждения, и упорно пытался заставить КПК дискутировать лишь по вопросу о национальном правительственном комитете. Маршалл заявлял также, что если КПК выдвинет какие-либо другие проблемы, то Стюарт откажется осуществлять «посредничество».

Такая постановка вопроса была прямо противоположна позиции Маршалла во время июньских переговоров, когда он настаивал на том, чтобы обсуждались исключительно военные темы и не затрагивались вопросы политического характера. В то время гражданская война в масштабе всей страны еще не была развязана, и Маршалл рассчитывал посредством реформирования вооруженных сил добиться контроля над войсками КПК и последующего их уничтожения; одновременно он рассчитывал уклониться от проведения в жизнь решений Политического консультативного совета и от реорганизации правительства гоминьдановской диктатуры. Теперь, когда гоминьдан уже развязал гражданскую войну по всей стране, Маршалл отказался от выполнения соглашения о перемирии и разглагольст-

⁴¹ «Цзэфан жибао», 7 июня 1946 года.

⁴² «Цзэфан жибао», 10 сентября 1946 года.

вовал о реорганизации правительства. Даже издававшийся в Шанхае англичанином Миллсом еженедельник «Милэши пинлунь бао» писал по поводу этих происков Маршалла: «Каждому, кто хоть сколько-нибудь понимает в вопросах политики, сразу станет ясно, что ни один вопрос не может быть решен попытками поставить телегу политики (имеется в виду реорганизация правительства.— Автор) впереди лошади военного дела (имеется в виду перемирие.— Автор)»⁴³.

Чтобы заставить КПК принять участие в «комиссии пяти», Маршалл и Стюарт опубликовали 10 августа совместное заявление, в котором умышленно всячески подчеркивали трудности в достижении соглашения и пытались создать впечатление, будто «посредничество» встретило непреодолимое препятствие, что КПК якобы отказывается от него. Изданное в момент, когда весь Китай был объят пламенем гражданской войны, совместное заявление Маршалла и Стюарта абсурдно утверждало, что самым трудным вопросом является вопрос о местной власти⁴⁴. Как известно, вопрос о местной власти нашел свое принципиальное решение еще в резолюциях Политического консультативного совета.

Позиция КПК была предельно ясной. Она выражала готовность партии ради мира пойти на уступки, на участие в «комиссии пяти». Одновременно она требовала, чтобы вслед за достижением соглашения в комиссии и подписанием соглашения о реорганизации правительства было немедленно и безо всяких условий установлено перемирие. Кроме того, КПК требовала, чтобы в Национальном правительственном комитете 14 мест из 40 были предоставлены КПК и Демократической лиге с целью обеспечить за ними право решающего голоса. Гоминьдановская клика отвергла все эти рациональные требования и настаивала на том, чтобы вопрос о перемирии был решен Национальным правительственным комитетом, который существовал пока только на бумаге. Таким образом, реакционеры пытались путем темных махинаций привлечь КПК к участию в правительстве для проведения совместных «карательных» экспедиций против той же КПК! В середине июля Чан Кай-ши уже был в Лушани, откуда он намеревался руководить гражданской войной. Маршалл же с середины июля до середины сентября 8 раз ездил в Лушань, где занимался «посредничеством». Могло создаться впечатление, что он «трудился в поте лица» ради мира в Китае и как будто «имел в этом большие заслуги». На самом деле это были увеселительные поездки⁴⁵.

Пока Маршалл ездил туда и обратно, пламя гражданской войны в Китае разгоралось с каждым днем сильнее и яростнее. 27 августа гоминьдановские войска захватили город Чэндэ — административный центр Освобожденного района Хэбэй — Жэхэ — Ляонин, 15 сентября — город Цзинин, 17 сентября — административный центр Освобожденного района Цзянсу — Аньхуй — город Хуайинь. Одновременно была занята железная дорога Цзяочжоувань — Цзинань и начато наступление на Харбин и на Чжанцзякоу (Калган) — административный центр Освобожденного района Шаньси — Чахар — Хэбэй.

Всю ответственность за развязывание гражданской войны Маршалл пытался переложить на КПК. 27 сентября он подготовил для Чан Кай-ши проект заявления, в котором говорилось, что в последние 3 месяца КПК якобы отказывалась от мероприятий, предлагаемых Чан Кай-ши, которые могли бы привести к миру. В проекте отвергались предложения КПК о созыве «комитета трех» для обсуждения вопроса о перемирии и выдвигались некоторые «предложения», основным из которых было представление Коммунистической партией списка делегатов в Национальное собрание. Только при этом условии, говорилось в заявлении, можно было осуществить перемирие⁴⁶.

⁴³ См. «Цзэфан жибао», 27 сентября 1946 года.

⁴⁴ См. «Цзэфан жибао», 11 августа 1946 года.

⁴⁵ «Цзэфан жибао», 16 сентября 1946 года.

⁴⁶ «United States Relations with China», p. 660—661.

Чан Кай-ши продолжал наступление. 30 сентября делегация КПК официально сообщила Чан Кай-ши и Маршаллу, что если они не прекратят нападение на Чжанцзякоу, то КПК будет считать отношения между сторонами полностью разорванными, а гомиьндан должен будет нести ответственность за все вытекающие из этого последствия⁴⁷. В такой обстановке Маршалл советовал Чан Кай-ши приостановить наступление. Чан Кай-ши отказался от этого. В конце концов Стюарт и Маршалл заявили, что наступление на Чжанцзякоу будет приостановлено на 10 дней, но на следующих условиях: представление Коммунистической партией списка ее делегатов в Национальное собрание и немедленный отвод 18 дивизий НОА в назначенные для них районы⁴⁸. Это был ультиматум, нарушивший решения Политического консультативного совета, предусматривавшего, что список делегатов Национального собрания должен быть передан реорганизованному правительству, а гомиьндановское правительство не имело полномочий на созыв собрания. Согласно проекту о реорганизации армии, районы пребывания должны были быть определены одновременно для войск обеих сторон, а не только для НОА.

8 октября в первой половине дня Ван Бин-нань устно сообщил Стюарту мнение КПК, что перемирие не должно быть ограничено временем, а переговоры — условиями, выдвинутыми Чан Кай-ши. Не ожидая официального ответа КПК и не дав возможности Ван Бин-наню проверить текст своей беседы, Стюарт и Маршалл через 3—4 часа после беседы опубликовали второе совместное заявление, в котором утверждалось, что представитель КПК устно отказался от предложения о «прекращении нападения» на Калган. Это заявление должно было создать впечатление, будто КПК отказалась от «посредничества».

Как и в июне, выдвинутое в октябре предложение Маршалла о мирных переговорах и о перемирии явилось прологом к началу большого наступления. 11 октября гомиьндановские войска заняли Чжанцзякоу и Чифын.

Главный представитель КПК Чжоу Энь-лай полностью вскрыл подлинную сущность «комиссии пяти». В памятной записке, направленной 14 сентября Маршаллу, он указывал: «В настоящее время гражданская война распространилась на все государство, переговоры о мире стали дымовой завесой, прикрывающей стремление правительственных властей развязать большую войну»⁴⁹. В памятной записке от 21 сентября также указывалось, что «комиссия пяти» вовсе не приведет к перемирию, а реорганизация правительства является несложным делом, если гомиьндан не будет всячески препятствовать такой реорганизации. Если в Государственном комитете Коммунистическая партия Китая и Демократическая лига получат 14 мест из 40, то «весь вопрос может быть разрешен почти за один день»⁵⁰. В другом документе Чжоу Энь-лай от имени КПК выступил против вмешательства США во внутренние дела Китая, приведшего к тому, что гражданская война в стране достигла небывалых размеров, и через Маршалла заявил по этому поводу официальный протест правительству США. После перечисления конкретных цифр, рассказывающих об американской помощи Чан Кай-ши, и действий США по вмешательству во внутренние дела Китая в этой памятной записке ставился вопрос: «При наличии такой огромной помощи и вооруженного вмешательства со стороны правительства США спрашивается: в каком же положении оказываются такие полномочные представители США, как Вы, Ваше превосходительство, и посол США в Китае Стюарт, как посредник? Особенно Вы, Ваше превосходительство, оказываетесь в очень незавид-

⁴⁷ «Заявление делегации компартии Китая Чан Кай-ши и Маршаллу от 30 сентября». См. «Цзэфан жибао», 12 октября 1946 года.

⁴⁸ «Памятная записка Маршалла Стюарту от 6 октября». См. там же.

⁴⁹ «Сборник военных статей». Т. II, стр. 57.

⁵⁰ «United States Relations with China», p. 658.

ном положении, как председатель «комитета трех» по военному урегулированию»⁵¹.

В сентябре 1946 г. Мао Цзэ-дун, отвечая на вопросы американского корреспондента, указывал: «Если правительство США откажется от проводимой им политики односторонней помощи Чан Кай-ши, выведет из Китая свои войска, будет выполнять московские соглашения, то прекращение гражданской войны в Китае будет возможно в ближайшее время»⁵².

Китайский народ с огромным возмущением относился к вооруженному вмешательству Соединенных Штатов во внутренние дела Китая, к заговору, который скрывался под видом «посредничества» Маршалла. В конце сентября 1946 г. во многих крупных городах страны была проведена «Неделя требований вывода американских войск из Китая». Эти требования китайского народа совпадали с желанием народа Соединенных Штатов. В 35 важнейших городах США с 22 по 28 сентября также проводилась «Неделя за уход из Китая». 450 тыс. американцев поставили подписи под телеграммой, требующей вывода американских войск из Китая. Даже еженедельник «Милэши пинлунь бао» обратился с вопросом: «В конце концов, для чего Маршалл прибыл в Китай? Для того, чтобы быть американским посредником или командующим объединенными силами гоминьдана и США в их наступлении на Яньань?»⁵³.

Борьба китайского народа была поддержана и Советским Союзом. Глава Советского правительства И. В. Сталин указывал, что вывод американских войск из Китая действительно необходим для дела мира⁵⁴.

К этому моменту заговор, скрывавшийся под видом «посредничества» Маршалла, потерпел полное банкротство. Заключительным этапом этого «посредничества» было решение о созыве «Национального собрания», цель которого заключалась в том, чтобы помочь Чан Кай-ши в развязывании гражданской войны и узаконении его диктатуры. 5 октября, в то время, когда военное наступление гоминьдана достигло своего апогея, когда Чжанцзякоу должен был вот-вот перейти в его руки, Маршалл составил для Трумэна проект телеграммы о своем отзыве из Китая: «Дальнейшее пребывание генерала Маршалла на посту посредника ставит правительство Соединенных Штатов в такое положение, при котором справедливые действия, совершаемые правительством США, представляемого Маршаллом, ставятся под серьезное сомнение. Я сожалею, что его усилия, направленные на то, чтобы способствовать установлению мира в Китае, окончились неудачей. Что же касается его справедливого положения и действий, а также высоких стремлений и целей правительства Соединенных Штатов, то здесь не может возникнуть никаких вопросов. Вследствие этого я с сожалением пришел к выводу о его немедленном возвращении»⁵⁵. Эта телеграмма целиком вскрывает неприглядный характер действий Маршалла. После того, как этот проект телеграммы был послан в госдепартамент, Маршалл обратился туда же с просьбой временно ее не публиковать, чтобы закончить свой последний маневр. 11 октября гоминьдановские войска заняли Чжанцзякоу. Во второй половине того же дня Чан Кай-ши отдал распоряжение о созыве так называемого «Национального собрания».

Для того, чтобы снять с Чан Кай-ши ответственность за развязанную им гражданскую войну, и придать «Национальному собранию» еще более замаскированный характер, а также содействовать разложению демократических партий, Маршалл совместно со Стюартом 14 октября подготовил

⁵¹ «Сборник военных статей», Т. II, стр. 57—61.

⁵² «Цзэфан жибао», 7 октября 1946 года

⁵³ См. «Цзэфан жибао», 20 сентября 1946 года.

⁵⁴ См. «Правда», 25 сентября 1946 года.

⁵⁵ «United States Relations with China», p. 192.

для Чан Кай-ши заявление, в котором выдвигалось «8 мирных условий». Эти условия представляли собой «мирное наступление». Смысл этих условий заключался в том, чтобы придать «законную» силу контрреволюционным действиям Чан Кай-ши, нарушившего соглашение о перемирии и решения Политического консультативного совета, и создать благоприятную почву для продолжения и дальнейшего разрывания наступления гоминьдановских войск против Освобожденных районов⁵⁶.

16 октября Чан Кай-ши почти без исправлений опубликовал предложенное ему заявление. После этого Маршалл решил отойти в сторону и побуждал представителей США не вмешиваться в дела Китая. Это было только маневром с целью показать, что «посредничество» еще не окончилось. Однако когда представитель КПК Чжоу Энь-лай вместе с представителями «третьей стороны» (США) приехал для ведения переговоров из Шанхая в Наньцзин, Чан Кай-ши поспешно выехал на Тайвань для переговоров с Макартуром о продаже Тайваня американцам. После возвращения в столицу Чан Кай-ши стал настаивать на принятии своих «8 условий».

18 октября ЦК КПК опубликовал «Заявление о текущем моменте», которое нанесло сильнейший удар по заговору, разработанному Маршаллом. В заявлении перечислялись уступки, сделанные КПК, и все вероломные действия, совершенные Чан Кай-ши и США. Кроме того, в заявлении говорилось: «За последнее время несколько представителей третьей стороны сделали ряд усилий, направленных на спасение мира... наша партия может не напоминать о прошлом и вновь приступить к переговорам. Однако наша партия не может терпеть, чтобы наш многострадальный народ вновь был нагло обманут. Поэтому у нашей партии нет никаких других требований, кроме восстановления в первую очередь верности своим словам. Сегодня все, кто хочет, чтобы переговоры имели действительные результаты, должны признать священную действительность соглашения о перемирии и решений Политического консультативного совета, то есть признать в качестве принципа всех военных переговоров восстановление того военного положения КПК и гоминьдана, в котором они находились на 13 января; признать в качестве принципа всех политических переговоров выполнение всех решений Политического консультативного совета. Наша партия считает, что Чан Кай-ши и Маршалл должны ценить свое достоинство и авторитет. Нет никаких причин для того, чтобы отказываться от священных соглашений, подписанных ими самими»⁵⁷. «Мирное наступление» Маршалла провалилось, и об укреплении его авторитета и достоинства не могло быть и речи. Тогда он приступил к «постановке» комедии с «Национальным собранием». Накануне созыва собрания, 7 ноября, Маршалл вновь разработал для Чан Кай-ши черновик заявления с основными положениями, с которыми Чан Кай-ши должен был выступить на следующий день. В заявлении были сделаны попытки оправдать нарушение гоминьдановским правительством решений Политического консультативного совета. В нем, в частности, говорилось: «В общей обстановке произошли значительные изменения... Обычный порядок политических соглашений уже потерял свою эффективность... Последующие несколько недель станут действительно решающими для судьбы государства. Мы приложим все свои силы, чтобы заложить основу для мощного процветания, демократического Китая»⁵⁸. Фактически это заявление было объявлением войны китайскому народу и закрывало двери для переговоров. Маршалл, передавая это заявление Чан Кай-ши, отметил: «Проект этого заявления не получил его согласия как представителя правительства США, и он подготовил этот проект только как советник председателя ки-

⁵⁶ Там же, стр. 673—674; см. также «Цюньчжун». Т. 13, № 12. Статья «Ответ на вопрос о восьми условиях».

⁵⁷ «Цзэфан жибао». 18 октября 1946 года.

⁵⁸ «United States Relations with China», p. 676—677.

тайского правительства»⁵⁹. Это было одним из самых крупных обманов общественного мнения. В «Белой книге» с откровенным цинизмом рассказывается, что во время переговоров генерал Маршалл постоянно готовил для Чан Кай-ши тексты документов и давал ему указания, выступая в качестве советника Чан Кай-ши. Это целиком раскрывает так называемое «справедливое положение» Маршалла и «высокие цели» американского правительства. Однако коварные замыслы и интриги Маршалла не принесли ожидаемых результатов.

В открывшемся 15 ноября «Национальном собрании» отказались принять участие все демократические группировки и отдельные прогрессивные деятели. В нем участвовали, кроме гоминьдана, лишь партия предателя Цзэн Ци «Циннянь дан» и «Национально-социалистическая партия» презренного политика Чжан Цзюнь-мэя. «Национальное собрание» приняло так называемую «конституцию», о которой представитель ЦК КПК отозвался так: «Говоря о формулировке, эта конституция далеко отстает даже от конституций Юань Ши-кая и Цао Куня»⁶⁰. Он заявил, что КПК решительно не признает этой лжеконституции. Маршалл и Стюарт, разумеется, разразились похвалами по адресу «конституции»⁶¹.

Маршалл оставался в Китае вплоть до окончания работы «Национального собрания», поскольку он был главным режиссером этого фарса, и только после принятия лжеконституции стал готовиться к отъезду. В это время он имел несколько продолжительных бесед с Чан Кай-ши, настойчиво предостерегал последнего против недооценки сил КПК и советовал ему обратить внимание на все ухудшавшееся экономическое положение гоминьдана, на необходимость уничтожения Коммунистической партии, прибегая к любым средствам. В одной из бесед Маршалл советовал самому крупному и самому злейшему в истории Китая торговцу родиной, врагу китайского народа Чан Кай-ши, стать «отцом государства». В ходе беседы Чан Кай-ши заверил Маршалла, что в течение 8—10 месяцев вооруженные силы КПК будут окончательно уничтожены⁶², и дважды просил последнего остаться в качестве своего высшего советника, заверяя, что он будет иметь одинаковые с ним компетенции⁶³.

6 января 1947 г. Трумэн заявил об отзыве Маршалла. Еще до его отъезда, 18 декабря 1946 г., Трумэн опубликовал очередное заявление о политике по отношению к Китаю. Это заявление не представляло собой ничего нового и было лишь оправданием агрессии США в Китае. Оно было рассчитано на обман общественного мнения внутри страны и за ее пределами. 7 января Маршалл обратился с заявлением, в котором, чтобы показать свою «справедливую позицию», он признал, что в гоминьдане имеются реакционные группировки, явно нарушающие решения Политического консультативного совета. Вместе с тем Маршалл совершенно бесосновательно утверждал, что и в КПК есть «экстремистские элементы». Он с особой ненавистью отнесся к тем документам КПК, в которых неоднократно вскрывались преступные действия Маршалла, и еще раз попытался возложить ответственность за последний разрыв в переговорах на КПК⁶⁴. Это заявление Маршалла полностью извращало факты, пыталось сделать черное белым. Если КПК не признала «Национального собрания» и лжеконституции, нарушавших решения Политического консультативного совета, и вскрывала позиции гоминьдана, выступавшего против перемирия, — означает ли это нежелание достигнуть «справедливого соглашения» и «последний разрыв»? Чан Кай-ши занял 183 города на территории Освобожденных районов, созвал «Национальное собрание», чтобы окон-

⁵⁹ Там же, стр. 205.

⁶⁰ «Сборник военных статей». Т. II, стр. 143.

⁶¹ См. «United States Relations with China», p. 688.

⁶² Там же, стр. XII, 212, 216.

⁶³ J. L. Stuart. Указ. соч., стр. 177—178.

⁶⁴ «United States Relations with China», p. 686—689.

чательно закрыть двери к переговорам, — разве это можно назвать «справедливым соглашением»? Разве это не значит «последний разрыв»? Не случайно Маршалл в своем заявлении в 1 800 слов ни одним словом не обмолвился насчет соглашения о перемирии, пытаясь уйти от ответственности.

После своего назначения государственным секретарем США 29 января 1947 г. Маршалл заявил о выходе из «комитета трех» и об отзыве персонала США из «Исполнительного штаба по военному посредничеству». 27 февраля правительство Чан Кай-ши потребовало от КПК отзыва в кратчайший срок всего персонала КПК из гоминьдановских районов, уничтожив тем самым возможности для дальнейших переговоров.

Бывший государственный секретарь США Ачесон писал: «В течение этого периода (пребывания Маршалла на посту «посредника». — *Автор*), они (гоминьдан. — *Автор*) смогли расширить свое господство на значительную часть Севера и Северо-Востока Китая, в значительной мере из-за того, что мы оказывали помощь их частям в транспорте, вооружении и обучении людей. К моменту отъезда генерала Маршалла в 1947 г. из Китая было очевидно, что гоминьдан достиг своего апогея в области военных успехов и расширения своей сферы»⁶⁵. Это заявление является добровольным признанием интриг Маршалла в качестве «посредника».

Миссия Маршалла и ее бесславные итоги принадлежат уже истории. Однако правящие круги США по-прежнему связывают свои планы в Китае с обанкротившейся кликой Чан Кай-ши, с отжившими социальными силами. По-прежнему они остаются враждебными к великому китайскому народу и его правительству. Такая глубоко ошибочная политика сулит американским государственным деятелям новые неудачи, и в этом смысле история «посредничества» Маршалла особенно поучительна.

⁶⁵ Там же, стр. XI.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ВОТЧИННОЙ МАНУФАКТУРЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССКИХ МАНУФАКТУР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА)

А. М. Карпачев

В дискуссии, ведущейся в советской исторической литературе о характере русской дореформенной мануфактуры, затронут ряд проблем, непосредственно относящихся к развитию промышленности и в других странах, особенно таких, в которых вызревание капитализма представляло собой затяжной процесс, совершавшийся в условиях длительного господства крепостничества.

В настоящей статье мы хотим остановиться на одной из таких проблем — на выяснении характера, или, точнее, социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. Для освещения этой проблемы в статье используются материалы по четырем крупным вотчинным предприятиям Белоруссии, принадлежавшим известным магнатам — князьям Радзивиллам: суконной фабрике в Несвиже, фабрике шелковых поясов в Слуцке, стекольному заводу-гуте в селе Налибоки и зеркальной фабрике в местечке Уречье.

Выбор указанных предприятий для выяснения экономического строя вотчинной мануфактуры объясняется тем, что по ним мы располагаем наиболее полными данными, относящимися ко второй половине XVIII в., то есть ко времени, когда Белоруссия находилась еще в составе Речи Посполитой. А изучение белорусской вотчинной мануфактуры именно в период, когда экономика Белоруссии еще не подверглась непосредственному активному воздействию более развитой экономики России, несомненно, представляет наибольший интерес для решения указанной выше проблемы.

В литературе по истории Белоруссии отсутствуют исследования и даже публикации документов, посвященных вотчинным мануфактурам XVIII века. Поэтому для характеристики названных предприятий привлекается в качестве основного источника фонд князей Радзивиллов, находящийся в государственном архиве Минской области: Несвижской суконной фабрики — прихода-расходная ведомость за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г.¹; Слуцкой персидской фабрики — ведомость расходов на материалы и другие предметы 1760 г.²; Налибокского стекольного завода — отчет управляющего об оплате рабочих и служащих и о находящихся в их пользовании участках земли 1765 г.³; Уречской зеркальной фабрики — тариф денежной оплаты и ординария, выдаваемых рабочим и служащим за 1745 г.⁴, и прихода-расходная ведомость кассы за время с 1 августа 1795 г. по 1 августа 1796 года⁵. Все эти материалы переведены на русский язык с польского, на котором они написаны.

В дополнение к этим источникам привлекаются еще и некоторые дру-

¹ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 4968.

² Там же, д. 4997.

³ Там же, д. 9734.

⁴ Там же, д. 9003.

⁵ Там же, д. 9761.

гие архивные документы, а по Несвижской и Налибокской мануфактурам дополнительно используются данные, содержащиеся в изданных недавно работах польских исследователей мануфактурного производства — В. Куля⁶ и Б. Смоленской⁷.

Чтобы иметь возможность делать какие-либо общие выводы о социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры на примере указанных предприятий, необходимо предварительно выяснить, что представляли они собой в отношении размера, организации труда, реализации изготавливаемой продукции, источников получения сырья, состава рабочих и способа их эксплуатации.

Характеристика предприятий по размерам их производства (по материалам, которыми мы располагаем) может быть дана лишь приблизительная по стоимости производимой ими продукции и по числу занятых на них рабочих.

О размере производства Несвижской мануфактуры известное представление дает указанный в ее приходе-расходной ведомости за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г. «приход денег», в общей сумме 13 054 злотых 4 гроша (польских). Кроме этого, в конце ведомости показана еще «прибыль казне» в сумме 1 042 злотых. Следовательно, за год денежные поступления от производства этого предприятия составляли около 8—9 тыс. злотых. Если учесть, что стоимость продукции, поступавшей на удовлетворение потребностей княжеского двора в первые три года существования мануфактуры (1752—1755), намного превышала стоимость продукции, выходящей за пределы вотчинного хозяйства⁸, то для определения стоимости всей продукции, производимой мануфактурой за год в конце 60-х годов XVIII в., указанную сумму надо будет значительно увеличить.

Постоянных рабочих, занятых на Несвижской мануфактуре в основном производстве, в первые годы ее существования было 57 человек⁹. По некоторым данным приходе-расходной ведомости 1767 г., о которых будет сказано ниже, видно, что к этому времени число постоянных рабочих на мануфактуре увеличилось. Кроме этих рабочих, на мануфактуре еще были люди, выполнявшие различные работы вспомогательного характера.

Примерно такое же число рабочих имелось во второй половине XVIII в. и на Слуцкой персидской фабрике, производившей в основном специальные шелковые пояса. Конкретными данными о числе рабочих и количестве станков на этом предприятии Радзивиллов мы располагаем только по сведениям, данным о нем его арендатором Яном Мадзарским уже в 1807 году¹⁰. Тогда на нем имелось 24 станка, но работали только 12, причем, считая по 2 человека у станка, имелось всего постоянных рабочих 29 человек. Было указано, что до «революции», то есть до второго раздела Речи Посполитой, на этом предприятии велась работа на всех 24 станках, следовательно, работало около 50 человек.

Не уступала, видимо, она Несвижской мануфактуре и по стоимости производимой продукции. Об этом убедительно свидетельствует то, что по договору о сдаче в аренду мануфактуры ее управляющему Яну Мадзарскому в 1776 г. последний должен был платить владельцу за пользование фабрикой с находящимися при ней учениками 10 тыс. злотых в год¹¹. Ясно, что стоимость продукции мануфактуры должна была намного превышать эту сумму.

⁶ W. Kuła. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku, cz. I. Warszawa. 1956. Очерк «Manufaktura sukienna Radziwiłłów w Nieswieżu».

⁷ B. Smoleńska. Materiały do dziejów huty szklanej w Nalibokach, z wieku XVIII. «Teki archiwalne». Т. I, 1953.

⁸ W. Kuła. Указ. соч., стр. 60.

⁹ Там же, стр. 51—54.

¹⁰ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

¹¹ Там же, л. 15.

Производимая стекольными мануфактурами Радзивиллов продукция заметно превышала стоимость продукции мануфактур, вырабатывавших сукно и шелковые пояса. В конце 30 — начале 40-х годов стоимость продукции Налибокского стекольного завода, шедшая на продажу и потребности княжеского двора, колебалась от 22 до 29 тыс. золотых. Стоимость продукции, произведенной в 60—70-х годах, неизвестна, однако есть основания считать, что она несколько уменьшилась по сравнению с предыдущими годами¹².

Постоянных рабочих на Налибокской мануфактуре в 1765 г. насчитывалось 48 человек.

О стоимости продукции Уречской зеркальной мануфактуры имеются данные, относящиеся лишь к 1795—1796 годам. С 1 августа 1795 г. по 1 августа 1796 г. приход денег «за разную продажу» изделий фабрики со склада и за выполнение работ «посторонним» составил 231½ тыс. золотых. Учитывая, что рабочих на этой мануфактуре в 1745 г. насчитывалось 67 чел. и еще несколько женщин-«наждачниц», а в 1795—1796 гг. только 52 чел., можно полагать, что стоимость ее продукции в середине XVIII в. не уступала стоимости продукции 90-х годов.

При всей ограниченности приведенных данных они достаточно ясно показывают, что рассматриваемые предприятия являлись для того времени, когда господствовало ремесленное производство и домашние промыслы, крупными промышленными заведениями.

На этих предприятиях наблюдается и отличная от ремесленных мастерских организация труда. На Несвижской мануфактуре в 60-х годах XVIII в. процесс подготовки шерсти к тканью и самого тканья сукна был разделен между чесальщицами шерсти, прядильщицами и ткачами. Изготовленное грубое сукно затем обрабатывалось особыми мастерами — стригачами, сукновалами и красильщиками.

Об организации труда на Слуцкой мануфактуре можно судить лишь по описанию ее в 1807 году¹³. На этом предприятии подавляющее большинство рабочих было связано с работой ткацких станков. Они делились на непосредственно работавших на станках и «тягальщиков». Из остальных немногих рабочих, занятых в основном производственном процессе, каждый выполнял особые функции: один «связывал цветы», другой «набирал основу», третий «наматывал катушки».

Сложности производственного процесса на стекольных мануфактурах соответствовало и большое его дробление на отдельные специальные операции. В отчетной ведомости Налибокского завода за 1765 г. рабочие, занятые непосредственно производством стекольных изделий, делятся на такие специальности: гутники, шлифовщики, рисовальщики (*rysownik*), мастер по изготовлению «листов». Специализация на определенных видах работ существовала также в процессе подготовки материалов к выделке стекла и в обслуживании заводских печей. Здесь указываются поташники, размельчающий глину, размельчающий «смесь», истопники, возчик дров и ухаживающий за лошадьми. Из трех столяров, работавших на мануфактуре, один был занят специально изготовлением ящиков.

Еще большая специализация производственного процесса отмечается на Уречской зеркальной фабрике. В ее «тарифе» 1745 г. рабочие, объединенные под общим названием гутников, подразделяются по различным выполняемым ими работам на 8 специальностей; наряду с шлифовщиками указываются еще полировщики, делящиеся также на три различные категории.

Таким образом, всем описанным предприятиям было присуще, в большей или меньшей мере, довольно четко выраженное разделение труда, причем оно имело не только на основных, но даже и на некоторых вспомогательных работах.

¹² В. S m o l e ŋ s k a. Указ. соч., стр. 85.

¹³ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

Используемый нами материал дает определенное представление также и о том, куда шла производимая предприятиями продукция, откуда они получали сырье и различные вспомогательные материалы для производства.

Как видно из прихода-расходной ведомости Несвижской мануфактуры, значительная часть ее продукции выходила за пределы вотчинного хозяйства: за время с 9 октября 1765 г. по 1 июня 1767 г., согласно ведомости, было продано различных сукон на сумму 1 390 злотых, причем большая половина этих материалов была отпущена в кредит. Помимо продажи готового сукна, Несвижская мануфактура производила за плату по заказу разных лиц стрижку и валяние самодельных сукон, окраску сукон и шерстяной пряжи. В указанной ведомости отмечено производство таких работ на 2 360 злотых.

В какой мере Несвижская мануфактура в конце 60-х годов XVIII в. обслуживала потребности вотчинного хозяйства и в какой она работала для покупателей и заказчиков со стороны, по этой ведомости определить нельзя, так как в ней не раскрыты источники основных приходных сумм, поступивших «от Несвижской аренды» и затем выплаченных по различным квитанциям (9 055 злотых из общей приходной суммы — 13 054 злотых), а также не указана продукция, взятая на нужды княжеского двора. Известно лишь, что в первые годы существования этой мануфактуры стоимость продукции, потреблявшейся княжеским двором, значительно превосходила стоимость продукции, выходившей за пределы вотчинного хозяйства, причем работа на заказ преобладала над производством на рынок¹⁴.

Следует отметить, что владелец мануфактуры уделял большое внимание увеличению рыночного сбыта продукции. Об этом свидетельствуют неоднократные его напоминания управляющему предприятием об улучшении качества продукции, учитывая потребности покупателей, и принуждение купцов, проживавших в принадлежавших ему городах, покупать сукна только Несвижской фабрики¹⁵.

Сырье, разнообразные вспомогательные материалы и предметы, необходимые для производства, приобретались мануфактурой на стороне. Часть шерсти для выделки сукна, как отмечено в одной из записей ведомости, покупалась в окрестных (Несвижских) фольварках. Где и у кого была куплена другая, большая часть шерсти, в ведомости не указано. Можно, конечно, с уверенностью полагать, что и эта шерсть, так же как и большинство вспомогательных материалов и предметов, перечисленных в ведомости, например, подсолнечное масло «для шерсти», «сало» для красок, обручи для кадушек, лучины «для мастеров», покупались у крестьян близлежащих деревень. На каких условиях производилась покупка этих материалов, в какой мере она была обусловлена феодальной зависимостью крестьян от владельца мануфактур, нам неизвестно.

Наряду с материалами и предметами, которые приобретались в пределах вотчинного хозяйства, имелись и такие, которые скорее всего могли быть приобретены на городском рынке: сталь, гвозди для станков, масло.

Вероятно, на Несвижской мануфактуре использовались, помимо перечисленных в ведомости покупных материалов и предметов, также и такие, которые брались из вотчинного хозяйства без всякой оплаты. Однако доля их вряд ли была сколько-нибудь значительной, за исключением, пожалуй, снабжения мануфактуры транспортом и дровами, хотя в ведомости отмечены отдельные выплаты также и за перевозки, а за покупку дров даже показана значительная сумма (285 злотых), уплаченная мастерам.

Мы не располагаем конкретными данными, куда направлялась продукция, вырабатывавшаяся Слуцкой мануфактурой. Однако судя по тому, что в 1776 г. эта мануфактура была полностью сдана в аренду¹⁶, можно

¹⁴ W. Kula. Указ. соч., стр. 60—61.

¹⁵ Там же, стр. 60.

¹⁶ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 15.

с полным основанием утверждать, что ее продукция в основном выходила за пределы вотчинного хозяйства.

Сырье и другие необходимые для производства материалы и предметы в основном покупались. Перечень «приобретаемых материалов» имеется в расходной ведомости фабрики за 1760 год. Среди них есть такие, которые, вероятнее всего, покупались у крестьян окрестных деревень, например, дрова для отопления фабрики, доски, воск для вошения ниток, полотно для подшивки ливрей. Но большая часть материалов и вещей, указанных в расходной ведомости, несомненно, покупалась на рынке. В отношении «золота», «серебра» и ливрей для учеников прямо отмечается, что они покупались в лавках Несвижа и Слуцка. О покупке других материалов и предметов на рынке можно судить по самому их составу: шелк разных цветов, различные нити, полосовое железо, шапки и пояса для учеников, гвозди, стеклянные «бусы» для станков, мыло, стальные пилочки.

Продукция радзивилловских стекольных заводов уже по ограниченности ее использования на нужды княжеского двора должна была быть более товарной, чем продукция такого предприятия, как суконная фабрика. Так это и было в действительности. Данные инвентарей Налибокского стекольного завода второй половины XVIII в. дают возможность установить, что сумма его продукции, шедшей на удовлетворение потребностей княжеского двора, обычно была ниже суммы стоимости проданной продукции¹⁷. В инструкциях владельцев управляющим мануфактурой постоянно обращалось внимание на улучшение качества продукции, имея в виду ее сбыт, на быстрое и аккуратное обслуживание покупателей. Для лучшего сбыта изделий мануфактуры были выстроены специальные торговые склады в Вильно, Несвиже, Новогрудке, Белой, Биржае, на которые должен был завозиться товар в большом количестве в моменты наибольшего сбора в этих местах покупателей. В тех же целях разрешалась продажа мануфактурных изделий в кредит, отпуск их купцам и даже рабочим самой мануфактуры для распродажи на комиссионных началах¹⁸.

В отличие от Несвижской суконной фабрики и Слуцкой фабрики поясов, сырье и топливо, необходимые для стекольного производства, доставлялись из собственного вотчинного хозяйства: поташные заводы поставляли золу, из владельческих лесов доставлялось дерево¹⁹. Но несомненно, что некоторые материалы и предметы, нужные этой мануфактуре, хотя бы те, которые не могли быть получены в вотчинном хозяйстве, должны были также покупаться, притом в какой-то мере на городском рынке.

Характер рыночных связей другой, Уречской стекольной мануфактуры, принадлежавшей Радзивиллам, видимо, был во второй половине XVIII в. примерно таким же, как и Налибокской. В ведомости Минского губернского правления 1796 г. «О фабриках и мануфактурах» ежегодная продукция Уречской стекольной фабрики определялась в сумме 21 190 злотых, при этом указывалось, что она «выходит в продажу по губернии»²⁰. Вряд ли продукция этой фабрики, потреблявшаяся ежегодно княжеским двором, могла быть сколько-нибудь близкой по стоимости к той сумме, которую составляла продукция, шедшая на продажу.

На Уречской фабрике, помимо производства на сбыт, также выполнялись небольшие по объему работы на заказ. По данным прихода-расходной ведомости за 1795—1796 гг., на фабрике были выполнены «кузнечная» и «строительная» работы «посторонним» и ремонт зеркальных листов на общую сумму 436 злотых.

Судя по тому, что в расходной части ведомости отсутствует указание

¹⁷ В. S m o l e ŋ s k a. Указ. соч., стр. 85

¹⁸ Там же, стр. 84.

¹⁹ Там же, стр. 88—89.

²⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 16, оп. 1, д. 9, лл. 2—7.

на покупку сырья и топлива для стекольного производства, можно полагать, что для Уречской фабрики, как и для Налибокского завода, они доставлялись из вотчинного хозяйства без оплаты. Однако и на этом предприятии необходимые для его работы различные вспомогательные материалы и предметы покупались. «Покупаемых материалов» в указанной ведомости перечислено свыше 20 названий на общую сумму 1 452 злотых 7 грошей, причем основную часть этой суммы составлял расход на покупку 11 камней и 13 фунтов селитры. Среди этих «материалов» преобладали такие, которые могли быть приобретены только на рынке: селитра, столярный клей, крахмал, соль, губки, медная и железная «жесть», «шнуры» и «струны» для станков, бумага, карандаши, сургуч, байка, напильники. Но имелись также и материалы, которые могли быть приобретены у своих же крестьян, например, полотно, говяжьи шкуры, сало, свечи, воск. Эти данные по аналогии подтверждают сделанное выше предположение о покупке Налибокской стекольной мануфактурой некоторых материалов, притом в значительной мере на городском рынке.

Следовательно, рассматриваемые предприятия со стороны их рыночных связей имели как общие, так и весьма различные черты. Общим для этих предприятий было то, что все они работали на удовлетворение потребностей вотчинного хозяйства и на сторону. Но если на Несвижской мануфактуре производство на нужды княжеского двора значительно превосходило производство на сторону, то на остальных трех мануфактурах обычно наблюдалось обратное явление. Видимо, здесь сказывалась большая и постоянно возобновлявшаяся потребность княжеского двора в сукнах. Специфика продукции этой мануфактуры, как и Слуцкой, определяла и то большее место, которое занимало в их производстве выполнение работ по заказам.

Другой общей чертой была покупка различных вспомогательных материалов и предметов. Несвижская мануфактура могла приобретать и приобретала нужные ей материалы в вотчинах ее владельца, тогда как остальные предприятия покупали их главным образом на городском рынке. Зато, с другой стороны, Несвижская мануфактура работала на покупке сырья и топливе, в то время как стекольные заводы получали сырье без всякой оплаты из вотчинного хозяйства их владельца.

Для определения социально-экономической сущности рассматриваемых нами радзивилловских предприятий важнейшее значение имеет определение состава занятых на них рабочих и характера их эксплуатации.

Рабочие Несвижской суконной мануфактуры делились на две группы: занятых непосредственно работами по производству сукна и выполнявших различные вспомогательные работы. Работавшие на основном производстве в самой мануфактуре, в свою очередь, подразделялись на мастеров, их учеников (хлопцев) и прядильщиц.

Уже в первые годы существования этой мануфактуры на ней работало 9 мастеров: красильщик, стригач, сукновал и 6 ткачей, или «суконников». Позднее число мастеров увеличивается. В приходо-расходной ведомости Несвижской суконной фабрики 1767 г. называются уже 2 красильщика (Корн и Ярмакович) и 2 сукновала. Большинство мастеров, судя по их фамилиям, были местными людьми. Несколько мастеров были иностранцами. Были ли местные мастера крепостными князя или вольнонаемными, остается неясным. Известно лишь, что управляющему мануфактурой предписывалось держаться по отношению к мастерам «как наилучше», «со вниманием», чтобы привлечь их «к охотной работе»²¹.

Учеников в первые годы работы мануфактуры было 11 человек: 2 — при красильщике, 3 — при стригальном мастере и по одному — при каждом суконщике²². Судя по сумме заработной платы, выплаченной учени-

²¹ W. Kula, Указ. соч., стр. 51.

²² Там же, стр. 52.

кам по ведомости 1767 г. (за 31 неделю — 930 злотых), можно считать, что к этому времени их число было не меньшим, если даже не большим.

По некоторым косвенным данным можно предполагать, что часть учеников набиралась из беднейших мещанских семей Несвижа. Остальные, видимо, были детьми княжеских крепостных. Только при этом становится понятным то особое внимание, которое управляющий мануфактурой обращал на обучение «хлопцев» мастерству с тем, «чтобы прибыль потом от них иметь»²³.

Самую многочисленную категорию рабочих мануфактуры составляли прядильщицы. Уже в первые годы работы мануфактуры их насчитывалось 37 человек. Из них 12, вероятно, были из самого Несвижа, а остальные 25 — из ближайших к нему деревень²⁴. Кроме перечисленных категорий рабочих, в ведомости Несвижской суконной мануфактуры 1767 г. была отмечена еще одна группа рабочих, непосредственно связанных с изготовлением сукна, — «люди фабричные», то есть подстригающие шерсть. Этим рабочим за 31 неделю было выплачено 634 злотых. Видимо, это были работницы, выделенные из состава прядильщиц для выполнения специально работ по стрижке шерсти.

Каким путем набирались рабочие, нам известно лишь в отношении прядильщиц. Они должны были поставяться населением окружающих деревень из числа девушек по принудительной разверстке, накладывавшейся княжеским двором на эти деревни. Первоначально прядильщицы сменялись поквартально, затем было намечено сделать их состав постоянным²⁵.

Помимо работ, связанных непосредственно с выделкой сукон на самом предприятии, в первые годы его существования шерсть дополнительно раздавалась для прядения по окрестным деревням. Выполнявшие эту работу получали за нее определенную плату²⁶. Однако в ведомости 1767 г. расходы на оплату за прядение шерсти вне мануфактуры не указаны.

Работы по строительству и ремонту помещений мануфактуры выполнялись крепостными крестьянами окольных сел в принудительном порядке, но по найму²⁷. Однако в ведомости 1767 г. оплата за такие работы, как и сами работы, не указана. Таким же образом обеспечивалась в основном потребность мануфактуры в перевозках²⁸, хотя в указанной ведомости отмечены отдельные выплаты за перевозку краски и сукна.

Вспомогательные работы, выполнявшиеся за плату, были немногочисленные и небольшие по объему. В ведомости 1767 г. отмечена оплата за ряд работ, выполнявшихся специалистами-ремесленниками: за заточку фабричных ножниц для стрижки, за ремонт и насадку щеток, за переделку малого котла — котельнику, за вмонтирование котла — каменщику, за ремонт окон — стекольщику. Другие вспомогательные работы, отмеченные в ведомости, хотя и не требовали применения квалифицированного труда, но также оплачивались. Например, помощь во время окраски сукна, перенос сукна на фабрику, выкачивание воды из колодца, наливка воды «к краскам», охрана склада сукон.

Из кого состояли лица, выполнявшие эти работы, в ведомости не указано. Можно предполагать, что работы, требовавшие применения квалифицированного труда, выполнялись в первую очередь вотчинными ремесленниками и отчасти ремесленниками Несвижа, как это было в первые годы существования мануфактуры²⁹. Простые работы выполнялись наемными рабочими, «нанятыми на время», сукно на фабрику переносил ученик.

Разные группы рабочих мануфактуры оплачивались различно. В vedo-

²³ Там же, стр. 52—53.

²⁴ Там же, стр. 54.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 45.

²⁸ Там же, стр. 51.

²⁹ Там же, стр. 54—55.

мости конкретно указывается только оплата управляющему мануфактурой — 8 злотых в неделю и мастеру-красильщику Корну — 114 злотых в месяц «кормовых денег», мастерам-сукновалам — по 2 злотых в неделю. Кроме того, отмечено, что «фабричные люди», то есть стригущие шерсть, получали «кормовые деньги», а мастера-ткачи получали «за тканье поставов».

Более обстоятельные данные имеются об оплате рабочих Несвижской мануфактуры в первые годы ее существования. Тогда на ней применялись две системы денежной оплаты: повременная — «кормовая», обычно понедельная, и сдельная — «от поставов». По первой оплачивались управляющий, писарь, красильщик и стригач, ученики этих мастеров и прядильщицы. По второй — мастера-ткачи вместе со своими учениками. По той и другой системе рабочие получали заработную плату только в деньгах, за исключением 25 прядильщиц (из 37), плата которым в основном состояла в выдаче им ординария, то есть определенного количества продуктов питания (ржи, ячменя, солонины и соли) ³⁰.

Рабочие мануфактуры получали различную заработную плату. Необычайно высокую плату по сравнению с другими мастерами и даже по сравнению с управляющим получал иностранный мастер-красильщик Корн, работавший по особому контракту. В несколько раз меньше, как видно по данным первых лет существования мануфактуры, получал другой иностранный мастер, стригач, — 6 злотых 10 грошей в неделю. Ученики стригача и красильщика получали по 2 злотых в неделю; столько же получали сукновалы. Мастер-ткач при сдельной работе получал от каждого вытканного постава вместе со своими учениками 5 злотых, а когда получал кормовые деньги, то 2 злотых в неделю ³¹. Плата, получаемая учениками мастеров-ткачей при оплате «от постава», по расчетам В. Куля, составляла не более 1/2 злотого в неделю ³². Однако, по приведенным выше данным ведомости 1767 г., оплата их не могла быть такой низкой, она скорее приближалась к 2 злотым в неделю.

Полагая, что число «фабричных людей» в 1767 г. было не намного больше указанного выше числа прядильщиц в первые годы работы мануфактуры (37 чел.), получаемую ими заработную плату можно считать равной примерно одному злотому в неделю (им было выплачено за 31 неделю около 1 500 злотых). По какой системе оплачивался их труд, можно определенно сказать лишь в отношении «стригших шерсть»; они получали «кормовые деньги». Оплата прядильщицам производилась «за пряжу шерсти», то есть, видимо, была сдельной.

Не совсем ясным остается вопрос, сохранялась ли в конце 60-х годов XVIII в. оплата части «фабричных людей» в основном продуктами питания, как это было в первые годы работы мануфактуры, или все они получали заработную плату уже только деньгами. Однако, судя по тому, что уже в середине 50-х годов намечалась замена временных прядильщиц, получавших ординарий, постоянными, а также по тому, что об ординарии в ведомости нет никаких упоминаний, его выдача, видимо, к концу 60-х годов уже и не производилась.

Несколько меньшими данными о составе и оплате рабочих мы располагаем по Слуцкой персидской фабрике. В ее расходной ведомости за время с мая по август 1760 г. перечислено всего лишь 5 отдельных выплат за работы, непосредственно связанные с производством мануфактуры, 3 выплаты за «рисование орнаментов и концов для поясов» в общей сумме около 34 злотых, одна выплата за «рисование ткани» — 5 злотых и одна выплата позументщику «за вязание бахромы» — около 4 злотых. Остальные выплаты произведены за работы по ремонту оборудования и рабочих помещений: токарю (или токарям) за шары для «стамбульского» станка,

³⁰ Там же, стр. 55.

³¹ Там же, стр. 55—56.

³² Там же, стр. 56.

за прялку, за изготовление 800 колышков и 30 шаров для «стамбульского» и «персидского» станков — на общую сумму около 21 злотого, столяру (или столярам) за укрепление стеклянных «бус» на станке и за переделку станка — около 11 злотых, токарю и столяру «за прялку» — $10\frac{1}{2}$ злотых, столяру за «переделку станков» и плотникам за установку наличников на 4 окнах — 9 злотых, за изготовление этих же наличников плотникам — 2 злотых, за перегородку комнаты и за доски для нее мастеру — 29 злотых, кузнецу за «шкворни» для прялок — 2 злотых, за работы из полосового железа и за самое железо «ремесленнику» — 31 злотый, за изготовление свечей со стоимостью использованного для этого материала — 34 злотых.

Судя по этим выплатам, произведенным за 4 месяца, можно предполагать, что все перечисленные в расходной ведомости работы выполнялись не постоянными рабочими мануфактуры, а привлеченными со стороны ремесленниками. Такое предположение подтверждается еще тем, что в сведениях о Слуцкой фабрике за 1807 г.³³ среди постоянных рабочих, занятых непосредственно выработкой поясов и тканей, назван только один столяр. В тех же сведениях отмечено, что «шнуры» для поясов делает «здешний позументщик», который получает плату «от фунта».

О размерах выплаты рабочим, занятым на основном производстве мануфактуры, в расходной ведомости 1760 г. имеются данные только в отношении 9 учеников и 2 подмастерьев. В ней указано, что за время со 2 октября 1759 г. по 24 августа 1760 г. 6 ученикам было уплачено за 36 недель кормовых денег по 2 злотых в неделю, 2 ученикам за 19 недель — 76 злотых, еще одному с 10 по 24 августа — 4 злотых, то есть также по 2 злотых в неделю. Двум подмастерьям было выплачено за время с 20 апреля по 24 августа по 4 злотых в неделю. Что касается оплаты рабочих-подмастерьев, занятых в основном производственном процессе мануфактуры, то о них в расходной ведомости 1760 г. ничего не сказано. Сведения об этом лишь самого общего характера мы находим в уже упоминавшемся договоре 1776 г. о сдаче Слуцкой фабрики в аренду управляющему пану Я. Мадзарскому. По этому договору, арендатор обязывался платить рабочим кормовые деньги регулярно, «согласно степени их мастерства»³⁴. В этом договоре имелось два пункта, дающих представление о составе рабочих на Слуцкой мануфактуре. По первому из этих пунктов арендатор обязывался при замене рабочих принимать на работу «только господских подданных», трезвых и «не вызывающих подозрений». По другому пункту он должен был находящихся у него в обучении «людей (господской) казны выучить делу в совершенстве». Отсюда видно, что кадры рабочих для мануфактуры подбирались из различных категорий людей, феодально зависимых от ее владельца («подданных»), но не обязательно из крепостных («людей казны»).

Наиболее полные сведения о составе рабочих и оплате их труда имеются в отчете за 1765 г. управляющего Налибокским стекольным заводом. Квалифицированные рабочие на этом предприятии состояли из гутников — 7 человек мастеров и учеников (по одному у каждого), рисовальщиков — 8 человек, шлифовщиков — 5 человек, одного мастера по изготовлению «листов» и при нем ученика, 2 заводских кузнецов с учениками при каждом, 3 столяров, 2 слесарей, заводского токаря и 2 поташников. Остальные рабочие выполняли работы, не требующие особой квалификации. Из таких рабочих в отчете названы 4 истопника, один размельчающий глину, один размельчающий «смесь», один возчик дров и присматривающий за лошадьми.

В отчете Налибокской мануфактуры в отношении большей части мастеров дополнительно указывается, откуда они. Из этих данных следует, что из 24 человек 10 были из Налибок, остальные из близлежащих дере-

³³ Государственный архив Минской области, ф. 694, оп. 2, д. 7430, л. 89.

³⁴ Там же, л. 15.

вень: из Прудов — 5 человек, Янкович — 3 человека, Огородник — 2, из Нивок — 1, Нестерович — 1, Нигневич — 1 и из Деревной — 1. Местожиительство этих рабочих в селах, принадлежавших Радзивиллам, дает основание считать их феодально зависимыми людьми.

На Налибокской мануфактуре, как и на вышеописанных предприятиях, существовали различные системы оплаты. Мастера-гутники и мастер по изготовлению «листов» получали сдельно определенную сумму «от копы», то есть от числа произведенных изделий. Рисовальщики и шлифовщики, за исключением двух мастеров той и другой специальности, как указывалось в отчете, должны были довольствоваться оплатой в размере «третьей части» от выработанной «штуки» (видимо, от стоимости изготавливаемых ими изделий). Один рисовальщик, один шлифовщик, ученики гутников и мастера, изготавливающего «листы», поташники, истопники, рабочие, размельчающие «смесь» и глину, и возчик получали временную оплату помесечно или понедельно. Выполнение мастерами каких-либо чрезвычайных работ оплачивалось дополнительно. Так, за устройство новой «плавильной печи» было уплачено мастерам-гутникам и их помощникам 24 злотых.

Не получали денежной платы, видимо, работая только в порядке выполнения повинности и не постоянно, — столяры, токарь и кузнецы с их учениками.

Рабочие мануфактуры обычно в порядке оплаты за их работу получали также в пользование земельные участки, причем рисовальщики и шлифовщики пользовались «вольными землями». Не показаны в отчете земельные участки только у тех, кто получал помесечную плату (за исключением одного гутника). Большинство земельных участков было в $\frac{1}{2}$ волоки. Только поташники, токарь и один из истопников имели участки в $\frac{1}{4}$ волоки.

Более разнообразной была денежная плата. Все гутники получали по 20 грошей от копы, за исключением одного мастера, который делал «самые трудные изделия и обучал других» и потому получал от копы по 25 грошей. Столько же получал и мастер по изготовлению «листов». Из получавших помесечную оплату «слесарный мастер» получал 12 злотых, просто «слесарь» 8 злотых, рисовальщик 10 злотых, шлифовщик 12 злотых, рабочий, размельчавший глину, и возчик получали по 8 злотых в месяц, ученикам также платили по 8 злотых в месяц (то есть по 2 злотых в неделю).

Если на Налибокской гуте подавляющее большинство рабочих получало за свой труд денежную оплату, то различные вспомогательные работы, как вырубка леса и выпаливание золы, их доставка, транспортировка готовых изделий и другие, выполнялись крепостными крестьянами полностью в порядке барщины³⁵.

Следует отметить, что описанная система оплаты рабочих на Налибокской мануфактуре была установлена не сразу. В 30—40-х годах XVIII в. на ней применялась наряду с денежной оплатой также выдача ординария³⁶.

Привлечение крестьян к работам по обслуживанию гуты осуществлялось двумя путями. Во-первых, к ней были прикреплены для отбывания барщины крестьяне деревень Налибоки и Нивки. По данным инвентарей этих деревень 1789 г., крестьяне Нивок обязаны были отработать в течение года в порядке обслуживания гуты 1454 дня «пеших», крестьяне Налибок — 1872 дня «упряжных». Кроме повинностей этих деревень, еще 11 деревень, часть которых даже не принадлежала к Налибокскому фольварку, должны были в порядке обычной барщины доставлять на гуту определенное количество дерева и золы³⁷.

³⁵ В. S m o l e ŋ s k a. Указ. соч., стр. 88.

³⁶ Т а м ж е, стр. 87.

³⁷ Т а м ж е, стр. 88.

По Уречской зеркальной фабрике мы располагаем ведомостями оплаты за 1745 и 1795—1796 годы. За время, прошедшее между составлением обеих ведомостей, в составе рабочих произошли большие изменения. Если в первой ведомости названо 6 иностранных мастеров, получавших во много раз большую денежную оплату, чем местные мастера, то во второй ведомости иностранных мастеров уже нет. В «тарифе» 1745 г. на Уречской мануфактуре отмечены следующие группы рабочих: гутники (17 человек), шлифовщики (14), полировщики (10), отделяющий зеркала и при нем 3 подмастерья, столяр с 2 подмастерьями, рисовальщик, кузнец, каменщик, помощник строителя, наждачницы, работники-батраки (рагобсу) на лесопильне (2 человека) и конюшне (13 человек). По «Ведомости» 1795—1796 годов распределение рабочих по специальностям представляется уже несколько иным. В ней отмечены: гутники (20 человек), рисовальщики (8), шлифовщики (7), полировщики (3), каменщики (4), отделяющие зеркала (2), слесари (2), кузнецы (2), столяры (2), наждачник и поташник.

Денежная оплата рабочих за время, прошедшее между составлением обеих ведомостей, в самом ее принципе мало изменилась. В первой ведомости она полностью была повременной из годового расчета, во второй — к такой же оплате добавилась еще оплата гутникам сверх их оклада небольшой суммы от выработки — «от копы» (465 злотых на 21 человека).

Но если в расходной ведомости 1795—1796 гг. показана только выдача денежной платы рабочим, то в ведомости 1745 г. указана еще и выдача ординария: иностранным мастерам — двум, а из местных рабочих — почти всем, за исключением только каменщика и женщин-«наждачниц», по-видимому, не являвшихся постоянными рабочими мануфактуры. Наиболее распространенным был следующий ординарий: ржи — 3 корца и 6 осьмин, ячменя — 1 корец и 2 осьмины, гречихи — 5 осьмин, гороха — 2 осьмины и 4 гарнца, соли — 3 гарнца. Такой ординарий получали все гутники, семейные шлифовщики и полировщики, семейные ученики иностранных мастеров, десятник работников на конюшне. Несколько больший (но неодинаковый) ординарий получали иностранные мастера, немногим меньший (также неодинаковый) — холостые мастера-шлифовщики, холостые ученики иностранных мастеров и работники-батраки на конюшне, в кузнице и на лесопильне. Используя имеющиеся в нашем распоряжении данные о цене продуктов, выдававшихся в порядке ординария во второй половине XVIII в. дворовым людям (челядникам) в фольварке «Высоцком» Пинского повета (принадлежавшем «Пинским иезуитам») ³⁸, мы можем установить, что стоимость указанного ординария, получаемого рабочими Уречской мануфактуры, равнялась примерно 50—70 злотым.

Денежная оплата рабочих по сравнению с ординариями была сильно дифференцирована. Так, все иностранные мастера получали плату в разном размере — от 400 до 1360 злотых в год. Из местных мастеров рисовальщики и кузнец получали по 156 злотых в год, «помощник строителя» — 97 злотых, среди гутников 4 получали по 76 злотых, 2 — по 60 злотых, 1—45 злотых, 4 (кочегары) — по 40 злотых, 3 (носящие дрова) — по 37 злотых, 1 (штукатур) — 45 злотых в год; шлифовщики «в мельнице» (женатые) получали: 5 человек по 60 злотых, 2 — по 45 злотых, шлифовщики (сугатów) 1 (женатый) — 76 злотых, 1 (неженатый) — 45 злотых и 2 (неженатых) — по 33 злотых, шлифовщики граней (женатые) 1—60 злотых и 1—45 злотых, полировщики (все женатые) 5 — по 60 злотых и 5 — по 45 злотых. Ученикам платили: иностранного мастера по отделке зеркал (женатому и неженатому) — по 76 злотых, иностранного мастера столяра (женатому) — 60 злотых и неженатому — 45 злотых. Заметно меньше получали работники в кузнице, на лесопильне (2 че-

³⁸ Филиал Центрального исторического архива БССР, ф. 513, оп. 1, д. 68. Инвентарь фольварка «Высоцкого» за 1773—1774 годы. Документ предоставлен старшим научным сотрудником Института истории АН БССР Е. П. Шлосбергом.

ловека) — по 32 злотых, работники на конюшне (12 человек) — по 33 злотых и их десятник — 37 злотых. Не получавшим ординарий было уплачено за год: каменщику — 156 злотых, наждачницам всем вместе — 600 злотых.

При сравнении размеров выдаваемого рабочим ординария и получаемой ими денежной платы можно заметить, что первый находился в зависимости главным образом от семейного положения рабочего, а вторая — от его специальности и мастерства.

Однако во второй половине XVIII в. на Уречской фабрике вряд ли сохранялась описанная система оплаты рабочих. По аналогии с изменениями, происшедшими в оплате рабочих на Налибокском стекольном заводе, можно предполагать, что с 60-х годов и на этой мануфактуре рабочим выдавалась только одна денежная плата. При этом денежная плата, судя по данным ведомости 1795—1796 гг., резко возросла и стала еще более дифференцированной. В это время рисовальщики уже получали: 3 — от 210 до 288 злотых (все разное), 3 — по 132 злотых, 2 — по 126 злотых, шлифовщики получали от 144 до 288 злотых, причем только 2 получали одинаково — по 210 злотых, гутники (20 человек) получали от 132 до 240 злотых, из них одинаковую плату — по 144 злотых — получали только 8 человек, слесари (2 человека) и кузнецы (2 человека) получали от 222 до 240 злотых, каменщики (4 человека) от 120 до 234 злотых, поташник и 2 столяра — по 144 злотых.

Из приведенных данных по всем рассматриваемым мануфактурам о составе занятых на них рабочих видно, что почти на всех этих мануфактурах имелись три основные категории рабочих: постоянные кадры квалифицированных мастеров и их учеников, неквалифицированные рабочие или батраки («паробки») и ремесленные мастера, привлекавшиеся для выполнения отдельных вспомогательных работ, обычно по ремонту оборудования и помещений мануфактуры. Только на Слуцкой фабрике поясов в использованных нами источниках не была отмечена категория неквалифицированных рабочих, что, вероятно, объясняется спецификой этого производства.

Среди рабочих-мастеров особую, но немногочисленную прослойку составляли иностранные специалисты-ремесленники. В основной же своей массе мастера и их ученики состояли из «подданных» Радзивиллов, то есть феодально зависимых в какой-то степени от них людей, в том числе и крепостных («людей казны»). Неквалифицированные рабочие, составлявшие значительную часть рабочих на мануфактурах, несомненно, являлись крепостными людьми их владельца. Незначительное число мастеров, привлекавшихся к отдельным вспомогательным работам, также, видимо, состояло из различных категорий «подданных» Радзивиллов — либо из их дворовых ремесленников, либо из ремесленников, живших в принадлежавших им городах и местечках.

Основная масса людей, работавших на мануфактурах, являлась постоянными их рабочими. Исключение составляла лишь Несвижская суконная фабрика, на которой большая часть рабочих, состоявшая из прядильщиц, выполнявших работу, не требующую особого обучения, периодически сменялась в порядке выполнения феодальной повинности. Однако к 60-м годам XVIII в. и на этой мануфактуре временные рабочие заменяются постоянными.

На рассмотренных мануфактурах все рабочие, за крайне редким исключением, получали за свой труд денежную плату. Наряду с денежной оплатой многие из постоянных рабочих на Налибокском стекольном заводе получали в пользование земельные участки: на Уречской зеркальной фабрике рабочие в 40-х годах XVIII в. получали ординарий. Это дает основание предполагать, что и рабочие Несвижской мануфактуры, и Слуцкой, и Уречской во второй половине XVIII в. также имели, кроме денежной оплаты, какое-то еще иное вознаграждение, о котором умалчивают используемые по данным предприятиям источники, касающиеся преимуще-

ственно их денежных расчетов. Вероятнее всего, это вознаграждение выражалось в предоставлении рабочим земельных участков или по крайней мере в превращении занимаемых ими земельных участков в «вольные земли», то есть освобожденные от всех других повинностей, кроме работы на мануфактуре, как это имело место в отношении группы рабочих на Налибокском заводе.

Денежная оплата на мануфактурах выдавалась рабочим с учетом стимулирования их труда. Это обеспечивалось главным образом сдельной заработной платой, выдававшейся на Налибокской и Несвижской мануфактурах большей части работавших на них мастеров, а на последней — еще и малоквалифицированным прядильщицам. При повременной оплате мастеров также осуществлялся принцип стимулирования труда. Кормовые деньги выдавались рабочим в соответствии со степенью их квалификации.

При наличии наряду с денежной оплатой других видов вознаграждений, получаемых рабочими за их труд, естественно, возникает вопрос, каково было значение денежной оплаты, каково было ее реальное содержание. По имеющимся материалам можно установить, что минимальная заработная плата, которую получали постоянные рабочие мануфактуры, обеспечивала в какой-то мере лишь их индивидуальный прожиточный минимум. Вывод этот можно сделать уже из самого названия повременной оплаты рабочих на мануфактурах — «кормовые деньги» («strawne»), а также из того, что работавшие на различных мануфактурах ученики, если им платили только деньгами, получали всюду одинаковую плату — по 2 злотых в неделю, не считая выдававшейся им одежды, как это было на Слуцкой мануфактуре. Такую же плату получали при повременной оплате мастера-ткачи на Несвижской мануфактуре, столько же платили мастерам, получавшим кормовые деньги помесечно на Налибокской мануфактуре. 2 злотых в неделю представляли плату, обеспечивавшую в какой-то мере индивидуальный прожиточный минимум рабочего. В подтверждение этого укажем, что плата, получаемая во второй половине XVIII в. в Белоруссии подмастерьями, работавшими у городских ремесленников; была даже меньше этой суммы. Например, по договору, заключенному в 1789 г. в Минске между мастером слесарного цеха мечником Яном Погосским и нанимаемым им на год подмастерьем Яном Злуцким, последнему устанавливалась годовичная плата деньгами — 17 руб. и 2 сабли по 18 злотых³⁹. Таким образом, общая годовая оплата подмастерья определялась в 72 злотых, то есть в $\frac{1}{2}$ злотого в неделю⁴⁰. Однако при этом надо иметь в виду, что подмастерье обычно питался у хозяина. Немногим больше чем 2 злотых в неделю, или 96 злотых в год, составляло в денежном выражении общее вознаграждение, которое получали дворовые люди в белорусских феодальных фольварках во второй половине XVIII века. Например, в фольварке «Высоцком», Пинского повета, по данным его инвентаря за 1773—1774 гг., годовое содержание пастуха составляло в общей стоимости 115 злотых. Оно складывалось из 10 злотых, выплачиваемых деньгами, из выдаваемых — ординария, оцениваемого в 63 злотых, и одежды, оцениваемой в 42 злотых.

Принимая заработную плату в 2 злотых в неделю (8 злотых в месяц, 96 злотых в год), получаемую всюду учениками, как обеспечивающую самое большее индивидуальный прожиточный минимум рабочего, можно заметить, что на Несвижской мануфактуре мастера-ткачи получали немногим больше этого минимума, а прядильщицы — значительно меньше. На Слуцкой мануфактуре подмастерья получали вдвое больше. Видимо, немногим больше, чем подмастерья, получали мастера. На Налибокской мануфактуре денежная плата рабочим-повременникам колебалась от 2 до $1\frac{1}{2}$ злотых в неделю. Вряд ли намного большей была и плата, получаемая сдельщиками, которые «должны были довольствоваться» третьей

³⁹ Беларускі архіў. Т. 3, Менск. 1931, стр. 351—352.

⁴⁰ Злтый того времени равнялся примерно 65 копейкам.

частью «от штуки», судя по самой этой формулировке их оплаты; на Уречской зеркальной фабрике, когда наряду с денежной платой рабочим выдавался ординарий на сумму около 50—70 злотых (за исключением, конечно, иностранных и нескольких местных мастеров), то им платили деньгами значительно меньше 2 злотых в неделю: квалифицированным рабочим — от 40 до 76 злотых, неквалифицированным — от 32 до 40 злотых. Когда же выдача ординария была отменена, им платили уже значительно больше этого минимума (от 126 до 288 злотых в год).

Следовательно, денежная заработная плата, получаемая рабочими на радзивилловских мануфактурах, не в полной мере обеспечивала их существование. Основную или по крайней мере значительную часть их прожиточного минимума, обеспечивающего воспроизводство рабочей силы, большинство семейных рабочих мануфактур должно было получать от пользования земельными участками. Лишь небольшая группа наиболее квалифицированных мастеров, главным образом на Слуцкой и Уречской мануфактурах, получала денежную плату, которая могла в основном обеспечить прожиточный минимум рабочего вместе с его семьей.

На основе приведенных конкретных данных о вотчинных мануфактурах Белоруссии второй половины XVIII в. попытаемся теперь определить их социально-экономическую сущность.

Это определение в первую очередь зависит от того, что будет избрано для него в качестве основного критерия. Сейчас уже нет необходимости останавливаться на различных точках зрения по этому вопросу, имеющих в советской исторической литературе, поскольку можно считать вполне утвердившимся положение о том, что социально-экономическая сущность мануфактуры определяется прежде всего характером используемой на ней рабочей силы и способом ее эксплуатации.

Мы считаем также правильным положение, согласно которому определение социально-экономической сущности крепостной мануфактуры не должно быть двойственным. Не следует рассматривать ее как особую «промежуточную», «переходную» или «гибридную» форму, не относящуюся ни к феодальному, ни к капиталистическому способам производства⁴¹. Попытки известного современного исследователя польской мануфактуры XVIII в. В. Куля решить вопрос о социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры прежде всего в зависимости от того, в какой степени она работала на удовлетворение хозяйственных потребностей ее владельца и в какой степени на сбыт, следует считать совершенно несостоятельными⁴².

При таких исходных позициях все рассмотренные нами вотчинные мануфактуры, как базирующиеся на использовании крепостных и иных феодально зависимых от владельца мануфактуры людей, со всеми вытекающими отсюда основными чертами их производства, должны быть безусловно отнесены к феодальным, или крепостным, предприятиям.

Однако, поддерживая такое общее определение характера вотчинной мануфактуры, мы не можем согласиться с тем, что в ней не имелось никаких «элементов капитализма»⁴³, что вотчинная мануфактура являлась лишь «придатком к помещичьему крепостному хозяйству»⁴⁴, «разновид-

⁴¹ См. Б. Яковлев. Возникновение и этапы развития капиталистического уклада в России. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 99; Б. Н. Васильев. Об экономической природе посессионных мануфактур. «Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 91.

⁴² W. Kula. Указ. соч., стр. 60.

⁴³ И. В. Кузнецов. К вопросу о характере дореформенной мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 64; П. И. Михайлов. О возникновении капиталистической мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 75.

⁴⁴ Н. Л. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII веке. «Ученые записки» МГУ. Вып. 87, 1946, стр. 112.

ностью» феодального поместья⁴⁵, что затрата на нее средств была аналогична покупке имения и крепостных для ведения барщинного хозяйства, а работа на ней была выполнением «типично феодальных повинностей»⁴⁶, «разновидностью стародавних барщин», или «новым видом барщины», «своеобразной барщиной»⁴⁷.

Следует отметить, что, как мы видели на примере радзивилловских предприятий, при господствующем применении на вотчинной мануфактуре труда крепостных людей в какой-то мере использовался также вольнонаемный труд (иностранцы ремесленники) и труд людей, находившихся в весьма слабой зависимости от владельца мануфактуры (из числа «поданных»), в том числе и городских жителей. Одно это обстоятельство уже указывает на наличие определенных элементов капитализма в вотчинной мануфактуре, выделяет ее из остального крепостного поместья.

Еще более важное значение для некоторого отделения вотчинной мануфактуры от остального хозяйства феодального поместья имеет тот способ эксплуатации рабочих, какой мы наблюдали на рассмотренных выше вотчинных предприятиях Белоруссии во второй половине XVIII века. Можно ли его считать «типично феодальным», разновидностью «стародавней барщины»? На наш взгляд, для этого нет никаких оснований.

Для барщинных работ было характерным то, что они являлись типично феодальной повинностью. Сущность барщинного хозяйства, как известно, В. И. Ленин видел в том, что при нем феодал присваивал продукт труда крестьян, имевших свое содержание от надела земли, принадлежавшего феодалу, которые обрабатывали барскую часть земли тем же инвентарем, каким обрабатывали и свои наделы. В числе «необходимых условий» барщинного хозяйства Ленин называл: его натуральность, наделение непосредственного производителя средствами производства, личную зависимость крестьянина от помещика, рутинное состояние техники⁴⁸.

Как мы видели на радзивилловских мануфактурах, все их оборудование, весь их «инвентарь» принадлежал не непосредственным производителям, работавшим на этих мануфактурах, а их владельцу. Такое явление, несомненно, уже не было «типично феодальным», оно явно нарушало одно из существенных условий барщинного хозяйства.

Представление о вотчинной мануфактуре как предприятии, ничем не отличающемся от остального хозяйства феодального поместья, доказываетея тем, что на ней якобы основную рабочую силу составляли сменяющие друг друга крестьяне, привлекаемые на работу в порядке выполнения феодальной повинности⁴⁹. Из рассмотренных вотчинных мануфактур такое положение имело место лишь в отношении прядильщиц на Несвижской суконной мануфактуре, и то только в первые годы ее существования. На всех остальных мануфактурах, где больше было работ, требовавших применения квалифицированного труда, основной состав рабочих был постоянным.

На упомянутых выше вотчинных мануфактурах почти все рабочие, как постоянные, так и временные, получали за свой труд определенное денежное вознаграждение, причем денежная плата была дифференцированной, с учетом стимулирования труда рабочих, а на многих работах даже применялась сдельщина. Хотя денежная оплата неквалифицированных рабочих, учеников и даже некоторых мастеров на этих мануфактурах могла обеспечить их существование не в полной мере и основным источником получения ими прожиточного минимума было пользование земельными

⁴⁵ Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. М. 1956, стр. 329.

⁴⁶ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 66.

⁴⁷ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 329; Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 112; Б. Яковлев. Указ. соч., стр. 98.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 157—159.

⁴⁹ Б. Яковлев. Указ. соч., стр. 98; И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 66.

участками, принадлежавшими владельцу мануфактуры, все же выплата денег за труд, несомненно, была явлением, не характерным для феодальных методов эксплуатации. Тем более выходила за пределы феодальных методов эксплуатации денежная оплата квалифицированных рабочих, которая обеспечивала в какой-то мере прожиточный минимум не только их самих, но и их семей. Как указывал В. И. Ленин, даже при обработке крестьянином помещицей земли своим инвентарем получение им денежной платы хотя и не меняло сущности барщинной системы, но все же нарушало одно из условий этой системы — натуральность хозяйства⁵⁰.

Для признания социально-экономического строя предприятия капиталистическим решающее значение имеет применение на нем труда вольнонаемных рабочих. Нельзя при этом не учитывать того, что только высшая стадия капитализма «создает совершенно экспроприированного, свободного, как птица, рабочего». В ранний же период развития капитализма для мануфактурного рабочего была еще характерна связь с землей⁵¹. Он «живет почти всегда в деревне и находится в более или менее патриархальных отношениях со своим помещиком или работодателем»⁵².

Данная выше характеристика положения рабочих на рассмотренных нами белорусских мануфактурах во второй половине XVIII в. показывает, что оно заметно отличалось от положения дворовых людей того времени. Если индивидуальный прожиточный минимум мануфактурного рабочего обеспечивался в значительной мере денежной платой, то в содержании дворового человека она составляла лишь незначительную долю. Таким образом, имеющееся, несомненно, сходство в положении рабочих вотчинной мануфактуры и дворовых людей никак нельзя доводить до полного равенства⁵³.

Рассматривая радзивилловские мануфактуры, мы установили, что все они представляли несравненно более крупные промышленные предприятия, чем ремесленные мастерские, по числу занятых на них рабочих и по стоимости производимой продукции. Производственный процесс на каждой из этих мануфактур делился на ряд операций, выполнявшихся мастерами различных специальностей, иначе говоря, он был построен на принципе разделения труда. Наконец, все эти мануфактуры работали не только на их владельца, но и на сбыт, причем на некоторых предприятиях стоимость продукции, шедшей за пределы вотчинного хозяйства, превышала стоимость продукции, потреблявшейся в нем самом. Многие вспомогательные материалы, а иногда даже сырье покупались мануфактурами.

Естественно, возникают вопросы, имеют ли какое-нибудь значение все эти черты, присущие вотчинным мануфактурам, для определения их социально-экономического строя, выделяют ли они вотчинную мануфактуру в какой-либо мере из «типичного» феодального хозяйства? Сторонники определения вотчинной мануфактуры как феодального предприятия на эти вопросы отвечают отрицательно.

Технический уровень производства и разделение труда некоторыми из них вовсе исключаются из явлений, характеризующих социально-экономический строй крепостных мануфактур⁵⁴, хотя для этого нет никаких оснований. Как указывал Ф. Энгельс, «разделение труда и соединение в одной мануфактуре многих рабочих, исполняющих частные производительные функции», представляли собой «новые, выдвинутые буржуазией производительные силы»⁵⁵.

Связи вотчинной мануфактуры с рынком хотя и признаются таким явлением, которое подготовляло «крушение крепостных форм производ-

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 161.

⁵¹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 418.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 326.

⁵³ См. Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 352; его же. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 85.

⁵⁴ См. И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 61.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 670.

ства», но при этом делается оговорка, что «это происходило далеко не сразу»⁵⁶, и, таким образом, вопрос о значении рыночных связей мануфактуры в определении ее социально-экономической сущности снимается. Здесь явственно выступает односторонний подход к решению этого вопроса, при котором для характеристики капиталистического производства берется только один его признак — применение наемной рабочей силы.

Безусловно, это важнейший и решающий признак капитализма, но кроме него, как известно, В. И. Ленин отмечал и другой «существенный признак», который он формулирует так: «товарное производство, как общая форма производства»⁵⁷. Если не считаться с этим признаком капитализма, то тогда надо будет признать капиталистическими предприятиями те редко, но все же встречавшиеся в действительности вотчинные промышленные заведения, на которых использовался труд вольнонаемных рабочих, хотя они были небольшими по своим размерам и всецело обслуживали только потребности их владельцев, что явно не вяжется с марксистским понятием капиталистического производства.

Если же учитывать этот признак капитализма, то в таких отмеченных выше чертах вотчинной мануфактуры, как частичное применение на ней труда вольнонаемных или находившихся в весьма слабой зависимости от владельца мануфактуры людей, принадлежность всего «инвентаря» мануфактуры ее владельцу, выдача на ней рабочим денежной заработной платы с учетом стимулирования их труда, относительно крупный размер самого предприятия и разделение труда на нем, значительность и разнообразие его рыночных связей, нельзя не видеть определенных элементов развивающегося капитализма или, по крайней мере, известных капиталистических тенденций. Наличие в вотчинной мануфактуре таких черт несколько не противоречит определению ее в принципе как феодального предприятия.

При таком понимании характера вотчинной мануфактуры, естественно, нельзя согласиться и с утверждением о том, что крепостная мануфактура не имела никакого значения в развитии капиталистического производства, поскольку при своем существовании являлась для него «чужеродным телом», а затем была «вытеснена» капиталистической мануфактурой⁵⁸, или что ее значение сводилось лишь к «порождению» мелкотоварного производства, «ведущего к капитализму»⁵⁹.

При выяснении значения вотчинной мануфактуры в развитии капиталистического производства нельзя не учитывать того, что в ней находил свое проявление рост общественного разделения труда, который, как указывал В. И. Ленин, «является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма»⁶⁰. Указанные выше черты крепостной мануфактуры в своем развитии подтачивали феодальный способ производства, подрывали необходимые условия его существования. Само вытеснение вотчинной мануфактуры капиталистической неправильно представлять происходившим вне всякой связи между этими видами промышленного производства. Капиталистическая мануфактура, вытесняя вотчинную, крепостную промышленность, использовала созданные в последней новые производительные силы, развивавшиеся в ней капиталистические тенденции. Иногда же это «вытеснение» выражалось в прямой сдаче феодалом своего предприятия купцу, который перестраивал его организацию уже на капиталистической основе.

⁵⁶ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 68.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 417.

⁵⁸ И. В. Кузнецов. Указ. соч., стр. 60, 64.

⁵⁹ П. И. Михайлов. Указ. соч., стр. 75.

⁶⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 16.

К ВОПРОСУ О РЕФОРМАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ В ГЕРМАНИИ КАК ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. Д. Эпштейн

Вопросу о Реформации и Крестьянской войне как первой в Европе буржуазной революции посвящены две дискуссионные статьи, помещенные в журнале «Вопросы истории».

Статья О. Г. Чайковской в № 12 журнала за 1956 г. является по своему замыслу историографическим обзором, притом критическим обзором, призванным, как заявляет сам автор, «показать всю противоречивость и — во всяком случае на данной стадии исследования — несостоятельность принятой в нашей науке концепции буржуазной революции в Германии начала XVI века» (стр. 129). Это идущее от Ф. Энгельса и разделяемое большинством советских специалистов понимание Реформации и Крестьянской войны как первой буржуазной революции представляется О. Г. Чайковской (стр. 143) плохо понятой, искаженной цитатой, в которой якобы ничего не осталось от Энгельса и которая легла поперек дороги научного исследования.

Отрицательное отношение О. Г. Чайковской к концепции Энгельса, по нашему мнению, свидетельствует лишь о том, что «забраковать» и отбросить эту концепцию ей показалось гораздо легче, чем понять и раскрыть ее. Единственный верный вывод, к которому ведет статья О. Г. Чайковской, по-видимому, заключается в том, что вопрос о германской буржуазной революции XVI в. является чрезвычайно сложным и, будучи до настоящего времени недостаточно исследованным, требует всестороннего и глубокого изучения.

Ответом на выступление О. Г. Чайковской явилась статья М. М. Смиринина, опубликованная в № 6 журнала за 1957 год. Выдвинутое Ф. Энгельсом понимание великого социального конфликта, потрясшего в XVI столетии Германию, как первого акта буржуазной революции вполне правомерно защищается М. М. Смирининым. Последний, однако, как нам кажется, обоснованно опровергая ряд бездоказательных положений О. Г. Чайковской, не раскрывает концепции Ф. Энгельса с той убедительностью и полнотой, которая позволила бы устранить все и всяческие сомнения в этой концепции.

Решение сложной проблемы первой буржуазной революции в Германии XVI в. требует по возможности полного выяснения относящихся к ней воззрений классиков марксизма-ленинизма и обобщения исторических фактов, характеризующих экономический и социальный облик страны, ставшей ареною самой ранней из европейских буржуазных революций.

В этой связи нас должно интересовать многое: воздействие успехов внешней и внутренней торговли на развитие промышленности и формирование общегерманского рынка; капиталистические отношения, складывавшиеся в важнейших отраслях производства; новые производственные отношения, вызванные к жизни разложением цехов и утверждением предпринимательской эксплуатации в рамках цеха и вне его. Предметом нашего внимания при этом неизбежно становятся различные классовые

конфликты: не только противоречия между непосредственными производителями и противостоящими им предпринимателями, но также и те специфические и чрезвычайно острые противоречия, которые создавались между представителями формировавшегося нового, капиталистического уклада и его антагонистами — ревнителями весьма живучего феодального способа производства.

Проблему первой буржуазной революции, по-видимому, нельзя решить, не выяснив особенностей протекавшего в XIV—XVI веках в Германии своеобразного и незавершенного в тот период процесса классовообразования буржуазии, не определив достаточно ясно той конкретной грани, которая отделяет немецкое бюргерство от буржуазии.

И, наконец, при решении интересующей нас проблемы едва ли возможно ограничиваться констатацией экономического подъема страны и фактом существования капиталистического уклада, не объяснив исторические причины, обусловившие неустойчивый характер того и другого.

До тех пор, пока весь этот комплекс вопросов не получит освещения, хотя бы в порядке аргументированной гипотезы, наши положительные или отрицательные суждения о концепции Ф. Энгельса будут сохранять схематический характер и выражаться либо в виде догматических формул, подкрепляемых не столько мыслью Энгельса, сколько ссылкой на его имя и авторитет, либо в виде декларативно-нигилистических высказываний, подобных высказываниям О. Г. Чайковской.

Вопрос, естественно, заключается в том, возможно или невозможно построение подобной гипотезы. Мы позволим себе не согласиться с М. М. Смирным, который полагает, что «проблема раннекапиталистического развития Германии, особенности его в разных землях этой экономически и политически раздробленной страны, характер развития отдельных отраслей промышленности, торговля Германии, занимавшей в рассматриваемое время центральное положение на путях мирового товарооборота, влияние торгового преобладания Германии на ее промышленное развитие,— все эти вопросы ждут еще своего исследователя и не могут считаться решенными» (стр. 96).

Разумеется, вопросы, о которых идет речь, в научном отношении далеко не исчерпаны и представляют собой обширное поле для плодотворных изысканий. Но если в ожидании будущих научных открытий мы сочтем себя недостаточно компетентными для того, чтобы судить о состоянии производительных сил, характере производственных отношений и расстановке классовых сил в Германии в предреформационный и реформационный периоды, то едва ли мы сможем обоснованно опровергнуть утверждение О. Г. Чайковской о том, что в XV—XVI веках Германия представляла собою экономически отсталую страну, в силу неразвитости капиталистических отношений не способную стать ареною первой буржуазной революции.

Как нам представляется, советские историки уже теперь не только могут, но и должны, хотя бы приближенно, охарактеризовать экономическую и социальную картину Германии XVI в. и на этой основе определить предпосылки возникновения революционного конфликта.

Успешное выполнение этой трудной задачи, по нашему мнению, может быть обеспечено двумя условиями: использованием той нити методологического анализа, которую дают работы классиков марксизма-ленинизма и в первую очередь литературное наследие Ф. Энгельса, специально занимавшегося данным вопросом, а также привлечением и критическим использованием того огромного фактического материала, который со времени смерти Энгельса был накоплен преимущественно западноевропейскими историками.

Как известно, Ф. Энгельс намеревался переработать написанный им в 1850 г. труд «Крестьянская война в Германии», но не успел осуществить свой творческий замысел. Постоянный, никогда не ослабевавший интерес

Энгельса к революционным событиям XVI в. получил выражение как в развернутых высказываниях, так и в беглых заметках, разбросанных по страницам его произведений, писем и рабочих тетрадей и, тем не менее, объединенных общей мыслью. Только внимательное изучение всех этих материалов поможет понять ту общую идею, которую Энгельс вкладывал в свою трактовку Реформации и Крестьянской войны как первой европейской буржуазной революции.

Выделяя отдельные высказывания Энгельса и рассматривая их изолированно, вне связи с прочими, легко прийти к ошибочному выводу и обнаружить кажущуюся противоречивость различных положений, по существу, лишь дополняющих друг друга и характеризующих разные аспекты одной и той же проблемы. Это обстоятельство приходится подчеркивать в связи с той интерпретацией, которую суждения Энгельса получают в обеих дискуссионных статьях. О. Г. Чайковская находит в литературном наследии Энгельса лишь то, что относится к неразвитости буржуазных тенденций в Германии XVI в., что, по ее мнению, опровергает возможность буржуазной революции в этой стране. Концентрируя внимание только на том, что свидетельствует об отсталости страны, она упорно не желает считаться с более поздними суждениями Энгельса об экономических успехах, достигнутых германской промышленностью и торговлей. В отличие от О. Г. Чайковской М. М. Смирин выделяет в работах Энгельса важнейшие итоговые положения, которые подтверждают понимание Реформации и Крестьянской войны как буржуазной революции. Однако при этом вне поля зрения автора остаются другие существенные стороны проблемы. Остаются незатронутыми те именно высказывания Энгельса, которые находятся в кажущемся противоречии с его основной концепцией. Отсутствие соответствующих разъяснений и сопоставлений препятствует убедительному опровержению неправильных и тенденциозных ссылок на Энгельса.

Чтобы уяснить подлинную точку зрения Энгельса на революционный конфликт XVI в., необходимо войти в его научную лабораторию и, отбросив всякую цитатобоязнь, сравнить и обобщить разрозненные положения, отражающие его понимание германских событий XVI века. Как нам кажется, начетничество определяется не числом приведенных цитат, а стремлением отгородиться какой-либо одной или несколькими цитатами от научных сомнений, ведущих к новым познавательным выводам. Если выдержки из трудов классиков сопутствуют анализу исторических фактов, то они лишь способствуют многостороннему раскрытию сложной проблемы.

Хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма никогда не пренебрегали материалами буржуазной историографии, без использования которых едва ли были бы возможны те плодотворные критические выводы, в основе которых всегда лежало самое широкое знакомство с научными данными и исследованиями различных направлений.

Это обстоятельство приходится подчеркивать в связи с тем, что О. Г. Чайковская, отваживаясь ставить и решать труднейшие вопросы исторического развития Германии, полностью игнорировала соответствующие труды немецких ученых. Признавая, что «дать решение столь сложным проблемам, это дело специального исследования или — и это вернее — ряда специальных исследований» (стр. 129), О. Г. Чайковская даже не подозревает, что «ряд исследований» давно создан и продолжает создаваться немецкими историками, мобилизовавшими огромный фактический материал и сумевшими за последние 50 лет ввести в научный оборот множество ценных источников. О. Г. Чайковская допускает возможность революционного конфликта в Германии лишь в том случае, «если будет доказано быстрое развитие капиталистических отношений и объяснены причины столь внезапного переворота в развитии страны» (стр. 133).

Дело в том, что быстрое развитие капиталистических отношений во все не придется обнаруживать, так как оно установлено, и притом давно, более чем в ста немецких монографиях и не менее чем в сорока собраниях опубликованных источников¹. Перед советскими медиэвистами, как и перед историками-марксистами Германии, выпустившими за последнее время несколько работ, посвященных раннему германскому капитализму, в данном случае стоит лишь задача критической проверки выводов, к которым пришла буржуазная историография в оценке «германского раннего капитализма». Вполне очевидно, что подлинно научная оценка исторического прошлого Германии предполагает изучение не только советской, но и германской историографии и в первую очередь марксистской историографии ГДР, тогда как попытка решать кардинальные вопросы германской истории на основе лишь той литературы, которая существует на русском языке, явно не отвечает требованиям науки.

М. М. Смирин в своей дискуссионной статье, опровергающей положения О. Г. Чайковской, показывает игнорируемую последней роль, которую в качестве величайшей антифеодальной силы играли народные массы. Будучи наиболее авторитетным знатоком и критиком зарубежной историографии по вопросам Реформации и Крестьянской войны, М. М. Смирин, однако, не привлекает тех материалов, которые, безусловно, необходимы для трактовки капиталистических отношений и связанных с ними предпосылок назревавшей буржуазной революции. Статья М. М. Смиринина покоится на использовании некоторых весьма специфических источников. Труды Георгия Агриколы и других современных ему знатоков техники ярко отражают состояние техники горнорудных и горнозаводских предприятий, но лишь отчасти освещают производственные отношения, складывавшиеся в этих важнейших отраслях промышленности. Эти источники не проливают света на характер тех предпринимательских ассоциаций, которые в то время возглавляли горную и горнозаводскую промышленность. Нельзя считать достаточной и привлекаемую М. М. Смириним научную литературу. Ссылки на работу Матчоса и старый труд Готейна не восполняют пробела, который обусловлен отсутствием оценок и критического использования специальных монографий и памятников, относящихся к раннему капитализму в германском горном деле. И не случайно статья М. М. Смиринина говорит о горном деле Саксонии, Тюрингии и Граца, не касаясь горного дела Тироля, Каринтии, Штирии (кроме Граца), Силезии и внегерманских земель, в частности Венгрии и Чехии, где германские капиталисты играли весьма значительную роль.

Без учета германской историографии раннего капитализма и соответствующих источников не представляется возможным рассмотрение существенно важных аспектов раннекапиталистического развития Германии. Без этой литературы и источников нельзя определить, какие именно силы являлись носителями прогрессивных капиталистических тенденций и стремлений к перестройке производства, и в такой же степени невозможно охарактеризовать то противодействие, которое они встречали со стороны сил, связанных с феодальными и цеховыми отношениями.

Буржуазные историки, занимавшиеся германской историей XV и XVI веков, сосредоточивали свое внимание на событиях, знаменовавших напряженную религиозную и политическую борьбу эпохи. Буржуазные историки-экономисты ограничивались в значительной мере изолированным изучением «раннего капитализма».

Связать то и другое, показать в достаточно широких хронологических рамках расстановку классовых сил в стране и те интересы, которые способствовали торжеству власти князей над государственным единством, до-

¹ См. далеко не полный и в значительной мере устаревший библиографический перечень монографий и публикаций источников в труде Я. Штридера (J. Strieder. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. München und Leipzig. 1925).

кального рынка над общенациональным, цеховых элементов над крупно-предпринимательскими (по масштабам эпохи) элементами, — подобная задача по плечу лишь марксистским историкам, и в ее разрешении правильно уясненная концепция Энгельса может оказать исследователям большую помощь.

В соответствии со сказанным нам предстоит остановиться на следующих важнейших вопросах: 1) на том содержании, которое Ф. Энгельс вкладывал в выдвинутое им понимание Реформации и Крестьянской войны как первой буржуазной революции; 2) на тех прогрессивных тенденциях, которые, по нашему мнению, имели место в экономическом развитии предреформационной эпохи и в обусловленных этим развитием классовых противоречиях между представителями формировавшегося капиталистического уклада и их противниками; 3) на той расстановке классовых сил, которая сложилась на последнем этапе реформации, ознаменовавшем торжество раздробленности над экономическим и политическим сплочением и последующую гибель сложившихся на германской почве элементов капиталистического уклада.

Приступая к рассмотрению первой из поставленных проблем, необходимо отметить следующее. О. Г. Чайковская, как правильно заметил М. М. Смирин, не усматривает органической связи между длительным процессом Реформации и сравнительно кратким революционным выступлением восставшего крестьянства. В связи с этим вне поля ее зрения остается ряд явлений, как предшествующих Крестьянской войне, так и возникающих в период, следующий за поражением восставших народных масс. В начале своей статьи О. Г. Чайковская характеризует Реформацию и Крестьянскую войну как кульминационный пункт средневековой германской истории. Подобная оценка является недостаточной. Она не учитывает значения заключительного этапа Реформации и игнорирует то влияние, которое исход полувековой борьбы имел для всего исторического развития страны. В статье, написанной незадолго до революции 1848 г., К. Маркс расценивал Крестьянскую войну как «наиболее радикальное событие немецкой истории»², тем самым подчеркивая, что значение данного события далеко выходит за рамки средневековья. «...Революция, — говорит Ф. Энгельс, — была подавлена войсками крупных феодальных владельцев, которые и воспользовались всеми ее выгодными последствиями. С тех пор в течение целых трех столетий Германия не принадлежала к числу наций, самостоятельно вмешивавшихся в историю»³.

В этих словах отчетливо выражена та исключительная роль, которую великий конфликт XVI столетия сыграл во всем историческом развитии Германии, повергнутой после понесенного революцией поражения в состояние тяжкого трехвекового застоя. Запоздалое развитие капитализма, слабость буржуазии, слишком долго сохранявшей отличительные черты старого бюргерства и «опоздавшей к столу империалистических яств», по существу, важнейшие особенности и весь ход германской истории в новое и новейшее время связаны с национальной катастрофой Реформации и Крестьянской войны как неудавшейся буржуазной революции.

Эту мысль мы находим в одном из писем Энгельса: «В Германии мещанство есть плод неудавшейся революции, плод прерванного и задержанного развития... Этот характер немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития»⁴.

Национальную катастрофу, повлиявшую на судьбы Германии, Энгельс видел не в одном только исходе Крестьянской войны, но также и в событиях всей той эпохи, «которую мы, немцы, называем по приключивше-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. Изд. 2-е, стр. 423.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 675.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 220.

муся с нами тогда национальному несчастью реформацией...»⁵. Характерно, что под «национальным несчастьем» Ф. Энгельс подразумевал не только ранний этап реформационного движения, предшествовавший Крестьянской войне, но в такой же мере и весь финальный период Реформации, когда в противовес успехам кальвинистской реформации «лютеранская реформация опошлялась в Германии, ведя эту страну к гибели»⁶. Там, где лютеранство оказалось орудием мелкодержавного княжества, как, например, в Саксонии, оно «стало новым папством»⁷.

Приведенные суждения показывают, что переломом, обусловившим трехсотлетний упадок страны, Энгельс считал не отдельный хронологический момент, не сам по себе взятый трагический исход Крестьянской войны, а в гораздо большей мере всю цепь предшествовавших ей и последующих событий. Соответственно этому, как нам представляется, изучение «буржуазной революции № 1» в понимании Энгельса обязывает к раскрытию тех классовых конфликтов, которые лежали в основе революции и контрреволюции XVI века.

Нигилистическое отрицание германской буржуазной революции XVI в. основывается на ее действительном отличии от всех других буржуазных революций. В основе подобного отрицания лежит достойное сожаления абстрактно-догматическое представление о некоей «буржуазной революции вообще», особенностям которой явно не отвечают германские события XVI века.

Не меньшую ошибку представляет собою и догматическое отождествление германской революции XVI в. с позднейшими буржуазными революциями. С этой точки зрения вызывают сомнения некоторые положения, выдвинутые М. М. Смириним в его дискуссионной статье. Опираясь суждением Энгельса о германской, английской и французской революциях как трех исторических битвах против феодализма, М. М. Смирин, как нам кажется, дает повод для недоразумений.

Означает ли данное суждение, что Энгельс исключал Нидерландскую революцию из ряда европейских буржуазных революций? На этот обоиденный М. М. Смириним вопрос может быть дан лишь один ответ — отрицательный. Там же, где Энгельс говорит о «трех битвах», он отмечает, что кальвинизм создал республику в Голландии и сильные республиканские партии в Англии. В данном случае Нидерландская революция не выделяется особо, так как Энгельс рассматривает кальвинизм как боевую теорию, под знаменем которой совершалось второе великое выступление против феодализма. Тем самым подчеркивается новый, более высокий этап борьбы, свойственный событиям в Нидерландах и в Англии, по сравнению с событиями в Германии. Еще более определенное признание Нидерландской революции мы находим в другом высказывании, о котором речь пойдет ниже.

Как нам кажется, М. М. Смирин допускает упрощенное толкование положения Энгельса о трех битвах против феодализма. Основываясь на нем, М. М. Смирин подчеркивает общность, присущую всем ранним буржуазным революциям, происходящим в мануфактурный период капитализма. При этом он замечает, что на трех этапах мануфактурного периода были различными: уровень производительных сил, степень зрелости участвовавших в борьбе классов, равно как и ход развития и судьба движения в целом (стр. 84).

Однако эти справедливо отмеченные различия сами по себе настолько велики, что они скорее опровергают, чем подтверждают мысль об общности трех антифеодальных движений, различаемых по экономическим предпосылкам, по социальному содержанию, а стало быть, и по тенденциям и результатам.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 475.

⁶ Там же, стр. 675.

⁷ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VIII, стр. 110.

Ставя в один ряд три исторические битвы против феодализма, Энгельс, как нам кажется, не столько сравнивает, сколько противопоставляет первую из них двум последующим, — об этом говорит ход мысли Энгельса. Указав, что посягательству на феодализм должно было предшествовать сокрушение интернационального центра феодальной системы — римско-католической церкви, — Энгельс отмечает в этой связи роль начавшегося в Германии антифеодального движения. Его суть характеризуется с предельной ясностью: два политических восстания — восстание низшего дворянства и Великая Крестьянская война — были подавлены благодаря нерешительности бюргерства. Роль этого последнего усматривается лишь в том, что в его среде (среда деловых людей, университетов) возник тот призыв, на который откликнулись участники обоих политических восстаний.

Именно в противовес этой картине, в противовес пассивной роли немецкого бюргерства, Энгельс подчеркивает активную роль английских горожан и вступивших с ними в революционный союз крестьянства и плебса. Этой антитезе социальных движений сопутствует и антитеза идеологическая: лютеранство оценивается как орудие князей, тогда как кальвинизм признается боевой идеологией ранних буржуазных революций⁸. К. Маркс и Ф. Энгельс усматривали принципиальное различие между германской революцией и всеми прочими революциями: «Революция 1789 г. имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 г., а революция 1648 г. — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только хронологически, но и по существу»⁹.

Среди революций, предшествовавших Французской буржуазной революции и в то же время являвшихся ее прообразами, мы не находим германской революции XVI в., хотя предшественницами и прообразами Французской революции признаются Нидерландская и Английская буржуазные революции. Причина, в силу которой Маркс и Энгельс не считали возможным признать германскую революцию XVI в. прообразом последующих революций, выражена в словах, непосредственно примыкающих к только что приведенной выдержке: «В обеих революциях (Нидерландской и Английской.— А. Э.) буржуазия была тем классом, который действительно стоял во главе движения»¹⁰. Таким образом, становится вполне очевидным, что принципиальное отличие между германской революцией и последующими буржуазными революциями К. Маркс и Ф. Энгельс усматривали в отсутствии руководящей роли буржуазии в германских событиях XVI в. и наличии этой руководящей роли класса-гегемона в позднейших европейских революциях.

Было бы несправедливо утверждать, будто М. М. Смирин не видит различия между германской революцией XVI в. и другими буржуазными революциями. Однако устанавливаемое им различие формулируется противоречиво и по существу неверно. М. М. Смирин указывает, что, по мнению Энгельса, различие, отличавшее первый акт буржуазной революции от ее позднейших актов, выражалось в том, что «ни один класс не оказался способным объединить движение в общенациональном масштабе» (стр. 85). «Борьба горожан, — читаем мы, однако, в другом месте, — уже не носит больше характера местной борьбы за те или иные права коммун; она принимает характер борьбы с феодализмом в национальном масштабе, что означает начало буржуазной революции...» (там же).

В одном случае у М. М. Смирин идет речь о локальности движения, неспособного выйти из своих рамок, в другом — констатируется нацио-

⁸ Marx, Engels, Lenin, Stalin. Zur deutschen Geschichte. Bd. I. Berlin. 1953, S. 179—182.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 54.

¹⁰ Там же.

нальный масштаб движения, якобы характеризующий выступления немецких горожан. Дело этим не ограничивается. Коль скоро бюргерство действительно возглавило общенациональную борьбу против феодализма, все германское общество XVI в. должно было распасться на два непримиримых лагеря: феодальный и антифеодальный. Однако тот же М. М. Смирин, ссылаясь на Энгельса, признает, что «раскол всей нации на два больших лагеря... был при тогдашних условиях просто невозможен» (там же).

Уже в своей ранней работе Ф. Энгельс, обобщая результаты поражения восставшего крестьянства и победы феодальной реакции, констатировал: «За спиной мелких князей 1525 г. стояло мелкое бюргерство...»¹¹. Совпадение интересов князей, олицетворявших торжество феодальной реакции, и поддерживавшего их мелкого бюргерства явно не совместимо с представлением об антифеодальной революционной роли того общественного элемента, который Энгельс назвал «мелким бюргерством».

В «Заметках о Германии», по-видимому, относящихся к 1873 г., Ф. Энгельс кратко, но исчерпывающе характеризует классовую позицию бюргерства в ходе революции 1525 г.: «...поднимаются крестьяне, но бюргеры прямо выступают против них. Вместе с этим бюргерская религиозная революция была в такой мере кастрирована, что она пришла по нраву князьям, к которым и перешла руководящая роль»¹².

Если в более ранней работе, «Крестьянская война в Германии», Энгельс усматривал специфику германской революции XVI в. в том, что бюргерство оказалось неспособным к руководящей роли в революционных событиях, то в более поздней работе Энгельс видит специфику исторических явлений уже не в недостатке организаторских способностей бюргерства, не в его недостаточной революционной решительности, а, напротив, в том, что бюргерство выступает противником народного восстания, что, в свою очередь, знаменует полную солидарность между князьями и «мелким бюргерством».

М. М. Смирин тщетно пытается реабилитировать бюргерство, ссылаясь на наличие в его среде радикальной прослойки, и в качестве аргумента указывает, что в некоем городе некий бургомистр был другом восставших крестьян. Однако ведь и автор Гейльбронской программы Гиплер также был дворянином, как и отважный предводитель «Черного отряда» повстанческих сил Флориан Гейер, что вовсе не мешает нам считать немецкое дворянство реакционной силой. Радикальная прослойка бюргерства, разумеется, существовала, но отнюдь не она характеризует позицию основной массы бюргерства, предательскую роль которого Энгельс заклеил в «Заметках о Германии». Нам приходится отдать должное О. Г. Чайковской, которая с полным основанием указывает на то важное обстоятельство, что труды советских историков свидетельствуют о далеко не дружественном отношении бюргерства к восставшему крестьянству. О. Г. Чайковская ссылается, в частности, на работу В. А. Ермолаева, характеризующего позицию бюргерства франконских городов.

Однако отношение бюргерства к крестьянству определилось вовсе не в 1525 г., а задолго до этого момента. Именно М. М. Смирин показал длительную предысторию мрачного эпилога Крестьянской войны, того, что принято называть «предательской ролью» немецкого бюргерства по отношению к восставшему крестьянству. В своей монографии, посвященной политической истории предреформационной эпохи, М. М. Смирин выделяет особую главу, в которой рассматриваются отклики, вызванные в Германии гуситскими войнами¹³.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 436.

¹² Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. X, стр. 344—345.

¹³ М. М. Смирин. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М.-Л. 1952.

Документальные данные, приводимые в этой главе, свидетельствуют о том, что городские власти, а стало быть, и те бюргерские круги, волю которых они выражали, относились с враждой к революционному движению Чехии и всячески стремились предотвратить его проникновение в Германию. Как явствует из главы, города вступают в оживленную переписку друг с другом, созываются совещания, обсуждаются меры, способные положить конец опасному брожению, «диким событиям» (стр. 116). Знаменательно, что немецкие крестьяне выступают в эту пору не только против светских и духовных феодалов, но и против городов. Так, крестьяне ближайших к Вормсу деревень «выступили» (стр. 117) против города с «необычным знаменем». В 1432 г. (там же) Базельский собор обращает внимание немецких городов на то обстоятельство, что имеют место «выступления больших масс крестьян против городов, городских укреплений» и т. д. Ульмский магистрат (стр. 113) озабочен тем, что движение низов «станет знаменем разнообразной политической оппозиции», направленным «против духовных и светских князей, всех коммун и городов» (выделено нами.— А. Э.). Дело оппозиции оценивается как «отвратительное дело», борьба с которым требует незамедлительного союза с герцогом Вюртембергским. В августе 1432 г. (стр. 119) «князя, господ и города», собравшиеся в Мергентгейме, договорились о «подавлении и искоренении всех беспорядков». Характеризуя возникновение Швабского союза, М. М. Смирин (стр. 235) указывает, что ядром организации этого союза были соглашения между рыцарскими обществами и имперскими городами. Одним из важнейших моментов этих соглашений являлось обоюдное обязательство о выдаче бежавших крепостных и непринятии беглецов в ряды бюргерства. На стр. 307—308 повествуется о том, как город Шлетштадт благодарил Базель за поимку одного из вожаков «Башмака». На стр. 247 подчеркивается, что подавление антифеодальных сил представляло существенный элемент деятельности Швабского союза. Дело, по-видимому, не изменилось и в XVI столетии, так как именно Швабский союз в лице своего полководца Трухзеса разгромил в 1525 г. восставших крестьян.

Все эти факты, хочет ли того М. М. Смирин или не хочет, говорят сами за себя. Они свидетельствуют о полной солидарности правителей немецких городов с князьями и дворянами, об их активном соучастии в подавлении крестьянского движения. И если городской плебс и примыкавшая к нему прослойка радикально настроенного бюргерства и относились с сочувствием к крестьянству, то бюргерство, властвовавшее в «вольных коммунах» Германии уже в XV столетии, обнаружило свою профеодальную позицию. Выявление подобной позиции — объективная заслуга М. М. Смирин. Нет никаких мотивов, которые позволяли бы предполагать, что позиция именитого бюргерства, державшего в своих руках управление городом, стала в XVI в. иною, чем она была в XV веке. Не случайно в «Заметках о Германии» Энгельс, имея в виду события XVI в., пишет о городах, «которые, в свою очередь, драли с крестьян три шкуры»¹⁴.

Если учесть, что О. Г. Чайковская руководствуется совершенно ложным представлением о неразвитости капиталистических отношений в предреформационной Германии, то станет понятной ее реакция на то исторически бесспорное обстоятельство, что немецкое бюргерство как политическая сила было враждебно крестьянству. Из этого обстоятельства О. Г. Чайковская делает слишком поспешный вывод о несостоятельности всей концепции германской буржуазной революции XVI века. В этом случае ее опровергает М. М. Смирин, который обоснованно разъясняет, что носителями антифеодальных тенденций в этой своеобразной револю-

¹⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. X, стр. 344.

ции выступали народные массы, роль которых в этом смысле не понята О. Г. Чайковской.

С вопросом о реакционной позиции бюргерства и о характере немецкой революции XVI в. неразрывно связан и методологически важный вопрос о становлении буржуазии как нового общественного класса. В этом вопросе до сих пор царит путаница, отчасти объясняемая неудовлетворительным качеством некоторых переводов произведений классиков.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса было вполне очевидно, что о существовании немецкой буржуазии в XVI в. не могло быть и речи: «В то время как в Англии с XVII века, а во Франции с XVIII века образовалась богатая и могущественная буржуазия, в Германии о буржуазии можно говорить лишь с начала XIX века»¹⁵.

Данное положение датируется 1847 г., однако Ф. Энгельс в своих более поздних работах не отказывался ни от данного положения, ни от понимания Реформации и Крестьянской войны как первой буржуазной революции.

Отрицая в Германии XVI в. наличие сформировавшейся буржуазии и, тем не менее, неизменно рассматривая германские события как буржуазную революцию, Ф. Энгельс, несомненно, вкладывал в самое понятие буржуазной революции своеобразное содержание, то есть трактовал германские события XVI в. как буржуазную революцию без буржуазии.

Как нам представляется, подобная трактовка диктовалась творческой разработкой революционной теории, которая требовала, чтобы не только в свете опыта 1848 г., но и на материале других буржуазных революций была установлена обобщенная оценка роли движущих сил буржуазных революций и значения в них класса-гегемона.

Исторический опыт 1525 г., быть может, как никакой другой, позволял оценить роль крестьянства и предпролетариата как активных движущих сил революции в их самостоятельном выступлении, закончившемся трагически для них самих и для всей Германии. Именно о таком использовании опыта революционной битвы 1525 г. говорит и В. И. Ленин: «Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением. И с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»¹⁶.

Таким образом, исторический опыт Крестьянской войны способствовал не только более ясному пониманию роли движущих сил и значения класса-гегемона в буржуазных революциях. Обобщенный В. И. Лениным опыт Крестьянской войны стал существенным вкладом в марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата. И хотя В. И. Ленин в приведенном контексте не называет Крестьянскую войну «буржуазной революцией», он, тем не менее, ставит ее в один ряд с революцией 1848 г. и событиями 1525 г., аргументирует важнейший политический вывод о безрезультатности повстанческого движения мелкобуржуазных масс, не возглавляемых классом — гегемоном революции.

Отказавшись по предложению О. Г. Чайковской от понимания Реформации и Крестьянской войны как первой буржуазной революции, мы перечеркнули бы те ценные научные и политические выводы, которые

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 48.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 181.

связаны с такого рода пониманием. Вместе с тем в ошибочном предложении О. Г. Чайковской есть рациональное зерно: протест против допускаявшегося в советской историографии догматического отождествления германской революции XVI в. с отличавшимися от нее позднейшими буржуазными революциями.

Итак, отсутствие буржуазии как класса-гегемона в германской революции и наличие подобного класса в других революциях — таково то основное и принципиальное отличие, которое, надеемся, будучи признанным, исключит явно неправомерное отождествление несовпадающих исторических явлений.

Как известно, все позднейшие буржуазные революции представляли собою столкновение буржуазии и руководимых ею национальных сил с феодально-абсолютистской монархией. Это столкновение не могло иметь места в Германии XVI в., которая в ту пору не имела ни сложившейся буржуазии, ни политического единства.

Для Германии реформационного периода объективная задача исторического развития заключалась в преодолении укоренившейся феодальной раздробленности, то есть осуществление преобразования, уже совершившегося к тому времени в ряде других западноевропейских государств.

Период, который начинается со второй половины XV в., Энгельс признает «знаменательной эпохой» преобразований, имевших всемирно-историческое значение. «Королевская власть, — говорит он, — опираясь на горожан, сломала мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество»¹⁷.

Однако здесь же Энгельс вынужден заметить, что та же эпоха для Германии называется Реформацией по приключившемуся с немцами национальному несчастью. Тем самым решительно подчеркивается контраст между судьбами Германии XV—XVI веков и судьбами современных ей европейских стран. Ключ к пониманию этого контраста Энгельс видит в тех особенностях, которые присущи совершавшемуся именно в Германии процессу классового преобразования: «Тот факт, что в Германии абсолютная монархия возникла позднее и держится дольше, объясняется лишь уродливым развитием класса немецкой буржуазии. Решение загадки такого развития можно найти в истории торговли и промышленности»¹⁸.

В свете этих положений становится очевидным, что дальнейшее изучение особенностей германской революции (и контрреволюции) XVI в. требует раскрытия того, что именно подразумевал Ф. Энгельс под «уродливым развитием класса немецкой буржуазии». Раскрыть смысл данного определения представляется возможным лишь в том случае, если мы сравним «уродливое» (то есть своеобразное и отступающее от нормы) развитие с «нормальным» и разберемся в том, что собою представляли горожане в тех странах, где с их помощью возобладала централизация.

Как указывалось, К. Маркс и Ф. Энгельс относили появление английской буржуазии к XVII, а французской — к XVIII столетию. «Под буржуазией, — говорит Ф. Энгельс, — понимается класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд»¹⁹. Можно не сомневаться в том, что горожан XIV—XVI веков, способствовавших политической централизации Франции и Англии, классики марксизма никогда не считали буржуазией, и они отнюдь не представляли собою буржуазию. Однако неточности русского текста произведений классиков подчас продолжают вводить нас в заблуждение. Раскрыв том XIV Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на стр. 674, мы с удивлением прочтем: «А когда окрепла городская бур-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 475.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 306.

¹⁹ Там же (Примечание Ф. Энгельса к заголовку раздела «Буржуа и пролетарии» «Манифеста Коммунистической партии»), стр. 424.

жуазия (?), в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев, в Южной Франции, в эпоху высшего расцвета тамошних городов». Окрепшая буржуазия — социальная сила, штурмовавшая Бастилию, — волею переводчиков переносится во Францию конца XII — начала XIII в., то есть за пять столетий до момента, которым К. Маркс и Ф. Энгельс действительно датируют ее появление в этой стране. Между тем в оригинале читаем: «Und als das Bürgertum aufkam...»²⁰. Слова эти в правильном переводе означают: «А когда поднялось бюргерство...». О поднимающемся бюргерстве Ф. Энгельс говорит не раз, подчеркивая этим термином становление нового социального качества.

Не меньшее недоумение способны вызвать строки, характеризующие горожан на исходе средневековья: «Когда Европа вышла из средневековья, городская буржуазия (?), находившаяся в процессе подъема, была в ней революционным элементом»²¹. Если вспомнить, что для Ф. Энгельса гранью, отделявшей средние века от нового времени, было открытие Америки, то станет очевидной несостоятельность данного текста, поскольку, как мы уже знаем, Энгельс не допускал существования буржуазии ни в XV, ни в XVI веках. Текст оригинала таков: «Als Europa aus dem Mittelalter herauskam, war das emporkommende Bürgertum der Städte sein revolutionäres Element»²². Отвечающий оригиналу перевод подчеркивает, что на исходе средневековья революционным элементом являлось «восходящее бюргерство», под которым Ф. Энгельс понимает бюргеров, заинтересованных в экономическом и политическом сплочении страны.

О. Г. Чайковская напрасно сетует на то, что в немецком языке одно и то же слово: «bürgerlich» — означает и «буржуазный» и «бюргерский». Как показывает восстановленный в правах текст приведенных определений, Ф. Энгельс не только различал понятия «бюргерство» и «буржуазия» (пользуясь в этом случае французской транскрипцией), но также и промежуточные категории. Как отмечается в «Манифесте Коммунистической партии», «современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена»²³. Именно в этом плане «восходящее бюргерство» рассматривалось Ф. Энгельсом как бюргерство, которое, не будучи еще буржуазией, уже представляло собою продукт определенных хозяйственных и социальных превращений и успело проникнуться некоторыми из тех новых интересов, носителем которых в дальнейшем становится буржуазия.

На отмеченных выше погрешностях перевода приходится останавливаться главным образом по той причине, что сложный процесс превращения средневековых горожан в современный класс буржуазии не везде протекал одинаково. Как мы попытаемся доказать, аномалия социального развития Германии заключалась именно в том, что наряду с «восходящим бюргерством» и в противовес ему существовало бюргерство, проникнутое феодальными интересами и выступающее носителем сепаратизма и муниципальной автономии, противником экономического и политического сплочения страны. Если «восходящее бюргерство» развивалось настолько, что «города находили возможным променять свою средневековую местную независимость и свою суверенность на всеобщее господство буржуазии и публичную власть (common sway) гражданского общества»²⁴, то приведенная формулировка К. Маркса с логической неизбежностью предполагает и противоположный вариант: наличие бюргерства,

²⁰ Marx, Engels, Lenin, Stalin. Zur deutschen Geschichte. Bd. I, S. 183.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 295.

²² Marx, Engels, Lenin, Stalin. Zur deutschen Geschichte, Bd. I, S. 179.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 426.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 721.

не только не желающего поступиться своими экономическими привилегиями и местными вольностями, но и упорно отстаивающего их. Коллизия между прогрессивными и средневековыми группировками бюргерства ни в одной стране не играла такой роли, как в Германии. По нашему глубокому убеждению, раскрытие этой коллизии дает ключ к пониманию «уродливого развития класса буржуазии» в Германии и вместе с тем позволяет разъяснить финальный этап «буржуазной революции № 1».

В этой связи особую теоретическую ценность приобретают выдвинутые Ф. Энгельсом оценки экономической и социальной позиции двух противостоявших друг другу фигур, из которых одна названа им «der Kleinbürger», а другая — «der Bourgeois».

Социологический экскурс, посвященный этим оценкам, отнюдь не случайно находит место в статье Ф. Энгельса «Конституционный вопрос в Германии (1847 г.)». Противопоставление мелкого бюргера и буржуа призвано облегчить понимание исторической действительности Германии. О мелких бюргерах («Kleinbürger») Ф. Энгельс говорит как о классе, образовавшемся в период упадка феодальной системы и занятом промышленностью в городах, возникших наряду с деревнями²⁵. Речь, таким образом, идет о классе, появившемся очень давно, вместе со средневековыми городами, но продолжавшем существовать в XIX столетии наряду с буржуазией.

Квалифицируя этот класс, появившийся за много веков до буржуазии и сосуществовавший с нею в XIX столетии, Энгельс выделяет его имя: «Die Klasse der KLEINBÜRGER»²⁶. Явно вразрез с хронологией и с недвусмысленной терминологией автора переводчики также выделяют свое обозначение «класс м е л к и х б у р ж у а», то есть переводят так, как если бы в оригинале вместо «Kleinbürger» стояло «Kleinbourgeoisie».

Тем самым читателю навязывается ошибочное представление, будто часть современного класса буржуазии — мелкая буржуазия конституировалась еще в пору возникновения средневековых городов, то есть еще в X веке. Если переводчики первого издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, как мы убедились, обнаруживали буржуазию во Франции в XII в., то переводчики второго издания ухитряются открыть ее в еще более ранние времена.

Определяя исторический возраст буржуазии в полном несоответствии с мыслью К. Маркса и Ф. Энгельса, они невольно поддерживают миф реакционной буржуазной историографии об извечности капитализма и буржуазии. Между тем Энгельс в статье, о которой идет речь, не только рассматривает две сосуществовавшие в Германии социальные силы как различные классы, но и рядом подчеркнута контрастных характеристик вскрывает глубокую противоположность между этими классами.

Мелкий бюргер представляет внутреннюю и прибрежную торговлю, ремесло, мануфактуру, в основе которой лежит ручной труд. Буржуа представляет мировую торговлю, непосредственный обмен между всеми частями света, торговлю деньгами, крупную фабричную промышленность. Мелкий бюргер представляет отрасли хозяйства, развивающиеся на ограниченной территории, требующие небольших капиталов, оборот которых совершается медленно и порождает лишь местную и вялую конкуренцию, тогда как буржуа представляет отрасли хозяйства, требующие возможно большей территории, наиболее крупных капиталов и порождающие всеобщую и бурную конкуренцию. Резюмируя, Ф. Энгельс подчеркивает, что «мелкий бюргер представляет местные, буржуа — всеобщие интересы». В полном соответствии с антитезой экономических интересов

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. Изд. 2-е, стр. 46.

²⁶ Marx, Engels, Lenin, Stalin. Zur deutschen Geschichte. Bd. II. Halbband I. Berlin. 1954, S. 127.

определяется и антитеза социально-политических интересов: «Классическим творением мелкого бюргера были немецкие имперские города; классическим творением буржуа было французское представительное государство». И, наконец, «мелкий бюргер консервативен, коль скоро господствующий класс делает ему хоть какие-нибудь уступки; буржуа революционен, пока он сам не станет господствовать»²⁷.

С помощью приведенных контрастных характеристик можно и нужно раскрыть позицию тех немецких горожан XVI в., которые вступили в политическую, а затем и в вооруженную борьбу друг с другом, будучи либо противниками, либо поборниками германского единства.

Дискуссионные статьи О. Г. Чайковской и М. М. Смирин не вносят ясности в вопрос об уровне экономического развития предреформационной Германии, хотя их авторы и ссылаются на мнение Энгельса. Речь идет о трех итоговых оценках Ф. Энгельса, в первой из которых (1850 г.) говорится об отставании Германии от других стран²⁸, в более позднем суждении (1873 г.) Германия признается стоящей на уровне современных ей стран²⁹, и, наконец, в третьей своей оценке Ф. Энгельс приходит к выводу, что экономически Германия стояла во главе Европы³⁰ (1889 г.). Бросающееся в глаза различие оценок находит свое естественное объяснение в том, что угол зрения Ф. Энгельса изменялся по мере того, как с установлением новых данных расширялась картина экономической жизни предреформационной Германии. О. Г. Чайковская, задавшись целью опровергнуть возможность буржуазной революции, догматизирует первое из высказываний Ф. Энгельса и пытается обесценить и извратить значение двух позднейших его суждений. М. М. Смирин, полемизируя с О. Г. Чайковской, приводит последнее суждение Энгельса о том, что Германия оказалась впереди всех прочих стран. Это, однако, не мешает М. М. Смирину (стр. 96) объявить, что данным источников якобы полностью отвечает более ранний вывод Ф. Энгельса о Германии как стране, лишь стоящей на уровне прочих европейских стран.

Уже во времена Ф. Энгельса источники свидетельствовали об авангардной экономической роли Германии в начале XVI века. С тех пор стали известны новые данные, подтверждающие этот вывод, но, к сожалению, не учтенные М. М. Смирин, который привлекает лишь одно-сторонние показания Агриколы.

О. Г. Чайковская полностью игнорирует значение торговли, недоумевая, как мог Ф. Энгельс усматривать доказательство высокого экономического развития страны в успехах торговли, которую она объявляет чисто транзитной торговлей. М. М. Смирин не отрицает воздействия торговли на промышленное развитие страны, но, находя данный вопрос мало разработанным, не останавливается на нем достаточно подробно и только вскользь упоминает о «великих географических открытиях как отрицательном факторе, обусловившем упадок немецкой торговли». Следует прежде всего сказать, что внешнюю торговлю Германии XV—XVI веков никак нельзя отождествлять с транзитной, как если бы Германия того времени была похожа на Хиджас, по которому пролегал путь посреднической караванной торговли. Если мы и считаем ганзейскую торговлю посреднической, то лишь в том смысле, что сами ганзейские города не являлись очагами производства (за исключением судостроения). Однако те же ганзейские купцы вывозили за границу немецкие товары: ткани, кожу,

²⁷ Там же, стр. 128.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 347.

²⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. X, стр. 357.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 148.

металлы, высококачественную сталь, доставляемую в Лондон, металлические изделия и оружие. Стало быть, наряду с транзитными товарами ганзейцы экспортировали промышленную продукцию Германии. Они же, презрев запреты ганзетагов, сбывали за границу построенные на собственных верфях суда. Возмущение, с которым Гуттен говорит о наплыве иноземных товаров и отливе денег из страны, свидетельствует о широком импорте заморских товаров, не ограничивающемся пряностями и предметами роскоши. Данные Хейда свидетельствуют об импорте промышленного сырья: египетского и кипрского хлопка и красителей³¹.

Южногерманская торговля носила ярко выраженный экспортно-импортный характер. В одном только 1495 г. Венеция закупила у немецких купцов 80 тыс. фунтов меди³². В активах Фуггеров год от года растет удельный вес металлов, предназначенных для сбыта. О. Г. Чайковская в своей интерпретации Энгельса разделяет традиционный взгляд, будто перенесение мировых торговых путей, «как известно», нанесло особенно сильный удар южнонемецкой торговле и, в частности, Аугсбургу. Между тем архивариус Аугсбурга А. Буфф давно опроверг версию о губительном влиянии великих географических открытий: «Аугсбургские купцы, связанные не только с Венецией, но также с Лиссабоном, Мадридом, Антверпеном, располагали мощью капитала и инициативой, достаточными для приспособления к обстановке»³³. Этот вывод покоится на показателях податной статистики, свидетельствующих о том, что купеческое благосостояние Аугсбурга длилось вплоть до 1617 г., то есть до самого начала Тридцатилетней войны³⁴. В 1522 г. выделенная имперским сеймом комиссия определила, что за год в Германию ввозится из Лиссабона немецкими купцами: 36 тыс. центнеров перца, 2,4 тыс. центнеров имбиря, одна тысяча мешков шафрана, не считая того, что ввозится из Антверпена и Венеции³⁵. Речь идет лишь о том импорте, который осуществлялся немецкими купцами непосредственно через Португалию. В 70-х годах XVI в. оптовый купец Конрад Рот попытался взять в свои руки все снабжение Европы португальскими пряностями. С этой целью королю Португалии был предоставлен кредит, предусматривавший поставку материалов, нужных для корабельного дела. В 1576 г. недостаток средств заставил Рота образовать вместе с итальянским банком Барди и португальскими купцами новое сообщество, участники которого разграничили между собой сферу сбыта. Сам Рот возглавил «Тюрингенское общество», бравшее на себя сбыт пряностей для Германии, Нидерландов, Польши и Прибалтики³⁶. Хорошо известны экспедиции в Новый свет, снаряжавшиеся Вельзерами.

Перемещение путей мировой торговли, несомненно, сказалось на торговле некоторых районов Германии, в частности на торговле приальпийской области, непосредственно связанной с Италией. Однако, как свидетельствуют приведенные факты, южногерманское купечество сохраняло занятые им в международной торговле позиции и во второй половине XVI века. Что касается Ганзы, то упадок ее товарооборота вызывался отнюдь не географическими причинами. Географическое положение Гамбурга является столь же благоприятным, как и географическое положение Амстердама, обязанного своим расцветом именно последствиям

³¹ W. Heyd. *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*. Bd. I. Stuttgart. Gotha, 1879.

³² H. Simonsfeld. *Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianische Handelsbeziehungen*. Gotha. 1887, S. 324.

³³ Ad. Buff. *Augsburg in der Renaissancezeit*. Bamberg. 1893, S. 2.

³⁴ См. А. Д. Эпштейн. Из истории экономического и социального развития Аугсбурга. Сборник «Средние века» № 10. Изд. АН СССР. М. 1957.

³⁵ «Deutsche Reichstagsakten. Jüngere Reihe». Bd. III. Gotha. 1901, S. 577—599.

³⁶ K. Häbler. *Konrad Rot und die Thüringische Gesellschaft*. «Neues Archiv für sächsische Geschichte». Dresden. 16 Jhg. 1895, S. 177 ff.

великих географических открытий. Не только К. Маркс³⁷, но и такой далекий от марксизма историк, как Инама-Штернегг³⁸, подчеркивали, что упадок ганзейской посреднической торговли явился закономерным результатом не географических, а исторических причин.

Попытка изобразить последствия великих географических открытий в качестве катастрофы, ниспровергнувшей внешнюю торговлю Германии, противоречит конкретным фактам и представляет собою научно несостоятельную и устаревшую версию, препятствующую установлению подлинных причин, обусловивших упадок германской торговли в более позднее время, когда воздействие географических открытий уже не могло сказываться.

М. М. Смирин, видимо, не удовлетворяясь традиционным объяснением, усматривает причину упадка германской экономики не только в великих географических открытиях, но и в торжестве феодальной реакции. По нашему мнению, именно в этой последней причине и надлежит искать объяснение тому, что Германия в конце XVI в. превращается из страны экономически передовой в страну отсталую.

Нет почти никакой возможности провести водораздел между внешней и внутренней торговлей Германии, так как ею были заняты одни и те же силы. Энгельс указывал, что в отличие от других стран в Германии процесс экономического сплочения проходил не в национальном масштабе, а в рамках отдельных территорий. Действительно, таков конечный результат процесса, вовсе не представлявшего собою какой-то изначальной организационной особенности далеко не прямолинейного развития хозяйственной жизни Германии. В этой связи представляют исключительный интерес соображения, высказанные известным историком К. Лампрехтом в работе, посвященной экономико-социальным переменам, происходившим в Германии в XIV—XVI веках: «Если еще в XIII в. можно было говорить о наполовину замкнутых областях торговли применительно к бассейнам Рейна, Дуная, Эльбы, то отныне (XIV—XVI вв.— А. Э.) эти грани оказываются сломанными и остается лишь прежнее различие между южногерманской торговлей Нюрнберга, Аугсбурга, Страсбурга, Франкфурта, с одной стороны, и северогерманской торговлей Ганзы, с другой, пока отчасти и это различие не было нарушено проникновением южногерманцев в Венгрию, Польшу и Россию»³⁹.

По мнению того же автора, тонкие нити обмена уступают место широким взаимосвязям в масштабе страны благодаря развитию мануфактуры, продукция которой приобретает национальный характер. Торговый оборот Кельна поднялся с 37 млн. марок в 1368 г. до 210 млн. марок в 1464—1465 годах⁴⁰. Более продолжительным становится регулярный ярмарочный торг во Франкфурте (дважды в год по 14 дней), в Лейпциге, Франкфурте-на-Одере. Превращению торговли в межтерриториальную силу, по Лампрехту, способствовало улучшение и удешевление кредита и некоторое упорядочение монетного дела. Установление полноценного рейнского гульдена оздоровило денежное обращение в важнейшей торговой сфере.

К аргументам К. Лампрехта можно добавить и другие доводы. Так, изданные Матчосом «Памятники техники» наглядно показывают улучшение в обращении товаров, выражавшееся в создании в XV в. порталных кранов и мостовых сооружений⁴¹. Еще существеннее другое: организация

³⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955 г., стр. 341.

³⁸ К. Т. Инама-Штернегг. Die volkswirtschaftliche Folgen des 30-jährigen Krieges. «Historisches Taschenbuch». Leipzig. 1864.

³⁹ К. Лампрехт. Zum Verständniss der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen in Deutschland vom XIV zum XVI Jahrhundert. «Zeitschrift für Sozial und Wirtschaftsgeschichte». Bd. I. Berlin. 1893, S. 197.

⁴⁰ Там же, стр. 198.

⁴¹ Ч. Матсхоф. Technische Denkmäler. Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie. Berlin. 1927, S. 125 ff.

торговых факторий крупными фирмами XV—XVI веков. Так, фирма «Гауг и Лангнауэр» создает свои фактории в Вене, Кельне, Нюрнберге, Ульме, Шваце, Франкфурте, Линце, Кремсе, Нейзоле (Венгрия), Кракове, Лионе, Венеции, Антверпене.

Значительно большее число факторий в империи и за ее пределами создается Фуггерами. Если учесть аналогичную сеть Вельзеров, Гохштеттеров, Ремов, Манлихов, Гервартов, Ильсунгов и других, то станет ясным значение всех этих точек, нанесенных на карту Германии и сопредельных стран. Складывалась сеть взаимосвязанных контор и складов, ускорялся и учащался товарооборот, ломавший границы старых экономических районов. Новая коммерческая техника: денежные переводы, вексельное обращение — все это говорит о слагавшейся в XIV—XVI веках экономической общности. Факты позволяют констатировать процесс формирования единого национального рынка, успешно протекавший в XV и XVI веках. Незавершенность этого процесса, насильственно прерванного к концу XVI в., отнюдь не меняет ни его значения, ни его направленности. Этот процесс порождал упорное противодействие. «В стороне от рек и торговых путей, — писал Ф. Энгельс, — лежало множество более мелких городов, которые, оказавшись выключенными из широкого обмена, продолжали безмятежно прозябать на уровне жизни позднего средневековья»⁴². Проникновение иногородних или иноземных товаров, нарушение полубособленности местного рынка несли разорение цеховым ремесленникам и местному мелкому купечеству. В их лице представители оптовой торговли и мануфактуры встречали непримиримых противников. Это был не единственный конфликт, вызванный переменами в торговле.

Пока южногерманская торговля была связана со Средиземным морем, каждый зажиточный немецкий купец лично был связан с Венецией и тамошним «Фондакко» — подворьем немецких купцов. В начале XVI в. положение резко изменилось. Поездка в Лиссабон или Кадис, охрана в пути, покупка благосклонности португальских властей, большие предварительные затраты на дальние торговые экспедиции — все это, вместе взятое, устранило отдельного купца и ставило на его место купеческую компанию, вроде компании Рота или Вельзеров. Значительное число купцов, вытесненных из торговли колониальными товарами, заняло по отношению к «монополиям» столь же непримиримую позицию.

Сфера торговли стала полем битвы. Разбитые экономически, средневековые ремесленники и купцы не без успеха домогались политического реванша. Упоминавшаяся ранее особая комиссия Нюрнбергского рейхстага в 1522 г. в своем заключении писала, что там, где ныне действует одна компания, прежде кормилось много купцов, каждый из которых самостоятельно предпринимал поездки и посылал доверенных, вместо чего сейчас прибегают к письменным сношениям. Это было требованием возврата к средневековым формам и технике торговли. Было вынесено решение впредь ограничивать капитал компаний суммой в 50 тыс. гульденов, то есть предлагался компромисс, позднее повторенный Гейльбронской программой.

Экономический подъем Германии был ознаменован и развитием ссудно-банковской деятельности, пришедшей на смену «старомодному ростовщичеству». К. Лампрехт отмечает, что еще в 1391 г. Франкфуртский совет наложил арест на имущество человека, осмелившегося оплатить товар не денежной наличностью, а векселем, но уже в 1402 г. тот же Франкфуртский совет учредил банк, применявший вексельные и ссудные операции⁴³.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 347.

⁴³ К. Lamprrecht. Указ. соч., стр. 203.

Бурно протекавший в Германии процесс первоначального накопления выразился не только в извлечении прибылей из всяческих источников (от торговли пряностями до торговли индульгенциями и церковными должностями, практиковавшейся Фуггерами), но и в мобилизации сбережений, превращавшихся из средневекового сокровища в капитал. Аугсбургский хронист Клеменс Зендер, повествуя о деятельности купца-банкира Амброзия Гохштеттера, говорит, что князья, графы, дворяне, бюргеры, слуги и служанки предоставляли ему свои сбережения, получая 5% со своих вкладов.

Накопление и эффективное использование втуне лежавших сбережений обуславливают ту торговлю деньгами, которую Энгельс рассматривал как экономическую функцию буржуазии. Непомерно высокий ростовщический процент сменяется ссудным процентом. На антверпенской бирже Фуггерами предоставлялись ссуды из 11—12%. Понижение ссудного процента, представившего собою цену денег как товара, было положительным сдвигом. Различие между ростовщическим и банковским кредитом Маркс, как известно, усматривал в воздействии последнего на производительные силы, и в этой связи деятельность торгово-банковских домов Германии нельзя безоговорочно признать прогрессивной, так как значительная часть мобилизованных средств направлялась на финансирование дворов и захватнических дворянских войн.

С преобразованием кредита связан острый конфликт между торгово-банковскими фирмами и бюргерами-ростовщиками. Последние не могли открыто защищать ростовщичество, осужденное церковью и общественным мнением. Они нашли лозунг, импонирующий бюргерству, объявив незаконным твердый процент по вкладам. Если фирма «покупала» деньги по 5% и «продавала» их по 11%, то соответствующая разность признавалась незаконной. Публицисты и проповедники требовали, чтобы вкладчик приобщался ко всему банковскому доходу пропорционально вкладу. Тем самым выдвигался средневековый принцип уравниловки, несоместимый с задачей накопления и мобилизации средств.

Если О. Г. Чайковская ничего не знает о промышленном подъеме, имевшем место в XV—XVI веках в Германии, то М. М. Смирин в нем не сомневается. Однако он преуменьшает его, называя цифру в 100 тыс. горнорабочих, заимствованную у Матчоса, который сам взял ее из вторых рук, не поинтересовавшись содержанием соответствующего источника, Толедского указа Карла V, который заслуживает быть приведенным: «И так как... горное дело разрабатывается в Св. Римской империи и немецких землях в большем объеме, чем в каких-либо иных местах христианского мира, оно представляет собою величайшее благодеяние и пользу, дарованные всемогущим немецкой земле. И это так не потому только, что благодаря сему добываются и вырабатываются великие сокровища: много золота, серебра, меди, цинка, ртути, олова, железа и других металлов, количество которых ежегодно скорее превышает, чем достигает 20 раз по 100 тыс. гульденов (2 млн. гульденов.— А. Э.), но и потому, что во всей немецкой земле несколько сот тысяч (etlich hundert tausend) человек, стар и млад, женщины и дети, многие получают нужное им пропитание в одной только добыче, выработке и плавке металлов и сюда надлежит добавить множество других лиц, занятых доставкой этих металлов во многие земли, как то извозчиков, хозяев, бюргеров, крестьян, ремесленников на всем пути следования, в сельской местности и городах»⁴⁴.

Подъему горного дела сопутствовал и подъем текстильного производства. Историк XVI в. Якоб Вимфелинг дает яркую картину вестфальского сукноделия, напоминающую картину английского производства в преддверии промышленного переворота: «Во многих вестфальских горо-

⁴⁴ J. Strieder. Указ. соч. Anhang. Dok. № 5, S. 376—377.

дах станок стоит подле станка, и совершенно невозможно определить, сколько сотен тысяч штук готовят цехи из месяца в месяц»⁴⁵.

Вплоть до 40-х годов XVI в. Германия сохраняет первое место в мире по добыче серебра⁴⁶, которая неотделима от добычи меди, находившей широчайший спрос в связи с развитием артиллерии и кораблестроения. В горном деле Германии в XV в. получил применение процесс зейгерования, то есть извлечения серебра из сребросодержащих медных руд. В 60—70-х годах XV в. предприятия по зейгерованию «появляются, как грибы после дождя». Строительство одного из таких предприятий, рассчитанного на производство 7 тыс. центнеров меди в год, потребовало сооружения восьми плавильных печей и десяти зейгеровальных печей, не считая других установок. Строительство Лаутенбургского зейгеровального предприятия обошлось свыше 10 тыс. гульденов (более 80 тыс. золотых марок.— А. Э.)⁴⁷.

Успешный сбыт меди и соответствующие прибыли стимулировали расширение производства и неизбежно требовали притока новых вкладов. Учредительный капитал упомянутого Лаутенбургского общества поднялся с 70 тыс. гульденов в 1524 г. до 120 тыс. в 1532 году. Учредительный капитал аналогичного общества в Штейнахе поднялся с 93 тыс. гульденов в 1536 г. до 236 тыс. гульденов в 1554 году⁴⁸.

То же происходило и в горнодобывающей промышленности; рост горных предприятий, эксплуатация более глубоких рудных горизонтов, сооружение шахтных колодцев, штолен, рудоподъемников и в особенности борьба с грунтовыми водами потребовали капиталов. Тем самым обуславливались глубокие перемены в производственных отношениях. Первая из этих перемен выразилась в том, что на смену горной марке, как рабочему сообществу, пришло паевое товарищество вкладчиков капитала, то есть предпринимателей. Второе изменение заключалось в том, что с усложнением технико-производственных задач и соответствующим увеличением необходимых затрат прежние вкладчики вытеснялись новыми, более богатыми пайщиками. Таким образом создавались социальные конфликты различного рода: конфликт между эксплуатируемыми рудокопами и предпринимателями, с одной стороны, а с другой стороны, конфликт между менее состоятельными и более состоятельными предпринимателями, оспаривавшими друг у друга право на эксплуатацию недр и рабочей силы.

Сомнения О. Г. Чайковской в капиталистическом характере эксплуатации объясняются тем, что оплата забойщиков сохраняла свою рудиментарную форму: забойщик «продавал» поднятую на-гора породу. Однако сделка купли-продажи являлась чистой фикцией, ибо единственным возможным покупателем оставался предприниматель, а твердо фиксированная цена означала сдельную оплату, производимую согласно весу поднятой на поверхность породы. Вспомогательные рабочие, занятые откачкой воды, получали повременную оплату, так же как и «Hergarbeiter» — своеобразная рабочая аристократия того времени — опытные плавильщики, которых переманивали друг у друга конкурирующие компании, соблазняя высокой ставкой. Существование предпролетариата в горном деле подтверждается содержанием документов, в частности соглашением, датированным 1521 годом. Это соглашение впервые фиксировало не только твердый уровень оплаты, но также и черный список,

⁴⁵ И. Янсен. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации. СПб. 1898, стр. 56.

⁴⁶ G. Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII. Jahrhunderts. Leipzig. 1895, S. 267, 272—273.

⁴⁷ W. Möllenberg. Die Eroberung des Weltmarktes durch das Mansfelder Kupfer. Gotha. 1911, S. 5, 7, 25.

⁴⁸ Там же, стр. 25, 109.

включавший имена зачинщиков забастовок, которых надлежало не допускать на другие предприятия⁴⁹.

Менее ясными представляются противоречия между предпринимателями разных категорий. Овладение горным делом первоначально осуществлялось посредством ссуды, предлагавшейся скупщиком. Позднее император и князья как владельцы «горной регалии» стали предоставлять монополию подобного кредитования крупным фирмам, финансировавшим самого императора и князей. Фирмам, о которых идет речь, приходилось нести издержки по кредитованию обладателей «горной регалии» и нести возрастающие затраты, требуемые усложнявшимся горным делом и металлургией. Это заставляло их от роли скупщиков горной продукции переходить к непосредственному предпринимательству и вытеснению прежних предпринимателей. Так, прежних пайщиков («*Gewerken*») Тироля: Тентцлей, Фюгеров, Рингмаулей, Фогльмайеров — вытеснили Фуггеры, сосредоточившие в своих руках всю эксплуатацию рудников Тироля. В одни только рудники Шваца было инвестировано 84 тыс. гульденов, что позволило создать крупнейшие предприятия (например, рудник в Фалькенштейне, который насчитывал в 1526 г. 4 596 рабочих, в 1554 г. — 7 460, а в 1589 г. — только 4 490).

Если возникшая в 1415 г. в Леобене «Всеобщая компания по торговле железом», прибравшая к рукам железорудное дело Штирии, принимала вклады «не свыше» ста фунтов пфеннигов, то преследовавшая те же цели и возникшая в 1528 г. одноименная компания в Штейере открыла доступ в число своих членов лишь бюргерам, вкладывающим в дело «не менее» 100 гульденов⁵⁰. В первом случае создавался коллектив пайщиков, вносящих одинаково скромный и равный взнос, во втором случае устанавливался противоположный принцип: поменьше вкладчиков, покрупнее взносы.

М. М. Смирин цитирует Агриколу, который устами Бермана говорит: «Мы все почти люди жадные к деньгам и желаем с наименьшими (выделено нами.— А. Э.) издержками... в кратчайшее время ...разбогатеть» (стр. 88). И здесь же говорится о необходимости углублять шахты и т. д. В этих суждениях явное противоречие, так как углубление шахт и оснащение горного дела механизмами требовали не «наименьших», а, напротив, все возрастающих затрат. Слова Бермана олицетворяют, как нам кажется, позицию тех мелких пайщиков, которым недостаток средств диктовал чисто паразитическое, хищническое отношение к производству. Действительные потребности последнего могли удовлетворяться лишь крупными компаниями, располагавшими возможностями для продолжительного инвестирования средств и революционирования производства. Приведем в обоснование этой мысли два примера. В конце XIV в. в Венгрии добыча руды прекратилась вследствие затопления рудников и невозможности бороться с грунтовыми водами. В 1495 г. компания «Фуггеры — Турцо» взяла на себя восстановление и эксплуатацию венгерских рудников. Договор, связавший компаньонов, предусматривал, что в течение 6 лет прибыль будет затрачиваться на техническое оснащение рудников. На протяжении 12 лет компания вложила в дело 1 064 499 гульденов, получив за тот же срок 1 001 837 гульденов, то есть затратила больше, чем выручила. За последующие 13 лет существования фирмы понесенные затраты постепенно погашались. С 1495 по 1525 г. рудники и плавильни Нейзоля дали 881,3 тыс. центнеров меди и 300 тыс. центнеров серебра. В среднем за год в одном только Нейзоле производилось 29 376 центнеров меди и 10 тыс. марок серебра⁵¹.

Убедительным доказательством прогрессивной роли крупных компа-

⁴⁹ J. Strieder. Указ. соч. Anhang. Dok. № 18, S. 428.

⁵⁰ Там же. Выдержка из императорской привилегии, стр. 128. См. также стр. 131.

⁵¹ M. Jansen. Jakob Fugger der Reiche. Leipzig. 1910, S. 152 ff.

ний в развитии горного дела может служить то признание, которое они получили со стороны английского абсолютизма. Исследование Гаслера знакомит нас с попытками Генриха VIII и Елизаветы перенести начинания немецких предпринимателей на английскую почву⁵².

Генрих VIII наделил аугсбургского купца Иоахима Гохштеттера званием «Principal surveyor and master of all mines in England and Ireland» и поручил возглавляемому им обществу в течение 43 лет добывать серебро в Англии и Ирландии. О судьбе этого общества не сохранилось данных, зато источники повествуют об основанном Елизаветой в 1564 г. «Society of Miners Royal», во главе которого встал руководитель Аугсбургской компании Давид Гауг, до того эксплуатировавший рудники Венгрии. Из 24 паев королевского общества на долю Гауга пришлось 11 паев, остальные распределялись между английскими сановниками и купцами.

Вклады сановников были внесены заимообразно тем же Гаугом, который своих денег обратно не получил. Его претензии послужили поводом для отстранения Гауга от руководства, после того как последний выполнил свою организаторскую роль. Что же было сделано? Из Германии в Англию было не только перевезено все необходимое оборудование, но и переселены сотни тирольских рудокопов и плавильщиков. На английскую почву была перенесена вся организация и техника производства, сложившаяся в империи. Гауг предпринял смелый эксперимент, заменив в медеплавильном процессе древесный уголь английским каменным углем. Весьма существенно, что Гауг отнюдь не руководствовался рецептом Бермана — скорейшим извлечением наживы. В течение первых четырех лет существования королевского общества между его членами распределялись одни только издержки.

Именно потому, что так называемые германские «монополии» XVI в., как показывают приведенные примеры, играли объективно прогрессивную роль, мы не можем переносить на них ту отрицательную оценку, которую мы даем пережившим себя английским монополиям XVII века; в отличие от последних ранние германские монополии способствовали развитию производительных сил, встречая активное и все нараставшее противодействие со стороны мелкого купечества, ростовщиков и мелких предпринимателей, естественных противников свободной конкуренции и единого рынка.

Противниками крупных компаний и централизации выступают и имперские города. Если О. Г. Чайковская переоценивает значение тех выводов, которые сделаны автором этих строк в отношении Аугсбурга⁶³ и Н. И. Аппарович — в отношении Кельна, то М. М. Смирин вовсе отрицает значение этих выводов, ошибочно относя их лишь к позиции патрициата. Дело, однако, в том, что как в Аугсбурге, так и в Кельне патрициат утратил политическую власть уже в конце XIV в., и речь, таким образом, идет о властвовавшей в двух названных городах (и не только в них) цехово-купеческой верхушке, угнетавшей фактически бесправное население. Анализ фактов показал, что в обоих городах в XV столетии имелись налицо значительные резервы рабочей силы и вместе с тем были крупные денежные богатства. Однако наличие этих двух основных предпосылок капиталистического развития не привело к сдвигам в технике и организации производства, сохранявшего прежний облик и оставшегося производством обособленно работавших мелких производителей. Формальное подчинение труда капиталу и применение капиталистической эксплуатации не превратились в реальное подчинение труда капиталу и не приводили к возникновению капиталистического способа производства. Секрет консерватизма аугсбургской и кельнской промыш-

⁵² Er. Hassler. Augsburger Kaufleute und Tiroler Bergarbeiter im 16. Jht. in England. «Beiträge zur Geschichte der Technik und Industrie». Berlin. 1927.

⁶³ А. Д. Эпштейн. Указ. соч.

ленности заключался в том, что для предпринимателей, осуществлявших капиталистическую эксплуатацию обнищавших ремесленников, основным источником дохода являлось не присвоение прибавочной стоимости, а самая беззастенчивая внепроизводственная эксплуатация жителей города, подвергавшихся систематическому налоговому и вненалоговому ограблению. Вполне очевидно, что властвовавшая в имперских городах бюргерская олигархия, ревниво оберегая свое господство над бесправной массой населения, боролась за сохранение политической полунезависимости имперских городов. Утверждение абсолютизма было бы крушением олигархии, а установление общеимперских налогов и имперской монеты подорвало бы важнейшие источники паразитической наживы. Свобода конкуренции и проникновение иногородних товаров на местный рынок делали городских правителей приверженцами локальных привилегий. Характерно, что политические интересы аугсбургских олигархов резко разошлись с интересами аугсбургских капиталистических компаний.

Сосредоточив свое внимание на изучении великого конфликта 1525 г., советская историография до сих пор, к сожалению, не уделила должного внимания заключительному этапу Реформации, той политической борьбе, от исхода которой зависело, останется ли Германия феодально-раздробленной или превратится в единое государство монархию.

Религиозная форма, в которой протекал конфликт 40—50-х годов XVI в., не должна заслонять его политической сущности. «Дело шло теперь,— писал Маркс,— не столько о вере, сколько о защите награбленного имущества и об отстаивании княжеской власти против императорской»⁵⁴.

Большой интерес представляют высказывания классика буржуазной историографии Л. Ранке: «Вся борьба превратилась из церковной, общей в политическую имперско-правовую, и в конечном счете они (князья и города.— А. Э.) объединялись и оказывали противодействие»⁵⁵.

Отвергая протестантизм, служивший идеологическим орудием сепаратизма князей и городов, Карл V отнюдь не намеревался реставрировать господство римско-католической церкви. Установленный им после временной победы интерим свидетельствует о его решимости подчинить церковь диктату императорской власти в форме, напоминающей галликанизм, отлично приспособленный к требованиям французского абсолютизма.

Работы Кирха, Рота и отчасти Пельница⁵⁶ ясно говорят о той расстановке сил, которая имела место в последних столкновениях реформационного периода: князьям и имперским городам как сторонникам раздробленности противостоят крупные компании, заинтересованные в победе экономического и политического единства.

Однако подобное размежевание сил наметилось задолго до последнего столкновения, давшего победу силам раздробленности над силами централизации. В лице своей представительницы, буржуазии, писал Ф. Энгельс, производительные силы восстали против способа производства, защищаемого феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами. Исход борьбы известен. Феодальные пути были разорваны: в Англии постепено, во Франции сразу, в Германии же с ними и до сих пор еще не вполне разделались⁵⁷. В XV—XVI вв. в Германии еще не суще-

⁵⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VII, стр. 196.

⁵⁵ L. R a n k e. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Bd. 3. Meersburg und Leipzig. 1933, S. 194.

⁵⁶ H. I. K i r c h. Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg. München und Leipzig. 1915; E. R o t h. Die Fugger und der Schmalkaldische Krieg. «Zeitschrift des historischen Vereins für Geschichte von Schwaben und Neuburg». 44 Jahrgang (1918—1919); G. P ö l n i t z. Jakob Fugger; Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. Tübingen. 1949.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 670.

ствовало буржуазии, однако в стране интенсивно протекал процесс формирования капиталистического уклада, против которого во всеоружии выступил союз феодалов с цеховыми элементами.

«Разложение феодализма, а также развитие городов,— отмечает Ф. Энгельс,— оба «процесса» вызвали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии, как в силе, скрепляющей национальности. Она должна была быть абсолютной, именно вследствие центростремительного характера всех элементов... [она развивалась] в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами»⁵⁸.

Данное высказывание Ф. Энгельса напоминает, что города и горожане отнюдь не всегда стремились к централизации. Оно дополняет ранее приведенные положения, свидетельствовавшие о том, что «восходящему бюргерству» противостояли силы феодального бюргерства.

В этой связи представляет исключительный интерес активная борьба на германской почве, составившая длительную предысторию вооруженной схватки противников и сторонников государственной централизации, разразившейся в середине XVI века. Речь идет о двухвековой борьбе немецкого бюргерства против его передовой части.

Уже в 1362 г. Рулман Мерсвин жалуется на купцов, сговор которых ведет к вздорожанию товаров. С этого момента учащаются нападки на компании, разрастающиеся в двухвековое антимонополистическое движение, к которому примкнули многочисленные авторы. Классическим выражением этой литературной тенденции служит известный памфлет 1438 г. «Реформация императора Сигизмунда». К. Лампрехт дает восторженную оценку данному памфлету, наивно считая его «социалистическим». Вместе с тем он предлагает правильное объяснение парадоксальному сочетанию в этом памфлете двух несовместимых требований — упразднения компаний и ликвидации цехов. Как он справедливо замечает, подлинно цеховой традиции в одинаковой мере противоречили как компании, открыто осуществлявшие предпринимательскую эксплуатацию, так и внутренне переродившиеся цехи, ставшие ширмой для предпринимателей, захвативших цех в свои руки. Ошибочно отождествляя мелкобюргерскую уравниловку с принципами социализма, К. Лампрехт столь же ошибочно объявляет прогрессивной объективно реакционную тенденцию. Памфлет вовсе не ратует за свободу предпринимательства. Он стремится возвратить ремесленников к той уравниловке, которая была нарушена как цехами, так и компаниями. Хотя в этом памфлете и слышится голос эксплуатируемых тружеников, его направленность противоречит развитию производительных сил, требовавшего преодоления уравниловки.

В этой связи следует заметить, что труженики того времени всего менее помышляли о производительных силах. Сочувственно воспринимая все выпады, направленные против богатейших купцов и предпринимателей, они тем самым становились резервом бюргерства, эксплуатировавшего их не в меньшей степени. Крупные компании, несмотря на их объективно прогрессивную роль, оставались лишены массовой поддержки и изолированными перед лицом нараставшего наступления на все их позиции. Католические и протестантские проповедники, многие из гуманистов обличали «монополии». Их осуждение мы встречаем и у М. Лютера. Как известно, Лютер усматривал разновидности купеческого обмана в торговле в кредит, произвольном вздувании цен, сговоре о цене нескольких купцов и, наконец, в выпуске удешевленного товара как недостойным способом разорения соперника.

Проявление той же реакционно-бюргерской тенденции обнаруживает и деятельность рейхстагов XVI в., в которой ясно сказывается отмечен-

⁵⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. X, стр. 356.

ная Энгельсом борьба сословного представительства с абсолютизмом. В 1512 г. «Reichstagsabschied Trier — Köln» запретил монополии, так как они ведут к дороговизне⁵⁹. В 1522 г. на рейхстагах в Вормсе и Нюрнберге разгорелась ожесточенная борьба, в результате которой имперский фискал привлек к суду Фуггера, Вельзера и четырех других нарушителей запрета монополий. Карл V в своем Мадридском указе 1525 г. (март) постарался выгородить обвиняемых, смягчил нормы антимонопольного закона и даже попытался устранить помехи, стоявшие на пути свободной торговли. В мае того же года им был подписан Толедский указ, объявлявший, что запрет монополий не распространяется на горное дело. Выдержка из этого указа, содержащая цифровые данные, цитировалась выше. Защиту горных компаний император мотивировал в этом указе народнохозяйственным значением их деятельности, тем, что они дают пропитание сотням тысяч немцев.

Ответом явилось решение Шпейерского рейхстага 1526 г., вменявшее в обязанность рейхсфискалу «соблюсти общую пользу» и упразднить монополии, что побудило Карла V в том же году выдать охранные грамоты Фуггерам и Вельзерам. Борьба между антимонопольным имперским законодательством и императорским законодательством в защиту монополий продолжалась и далее, вплоть до начала вооруженной развязки конфликта. Ожесточенная, сначала полемическая, затем законодательная борьба составляет не только предысторию решающего столкновения противников и сторонников централизации, но и выражает существо экономических и социальных противоречий между незначительной группировкой носителей капиталистического развития и преобладающей массой консервативного мелкого бюргерства.

Вооруженное столкновение середины XVI в., исход которого ликвидировал всякие надежды на преодоление раздробленности, явилось лишь эпилогом напряженной двухвековой борьбы, формы которой менялись, но участники которой оставались все теми же. Феодальная реакция последовательно развертывала свое победоносное наступление. После разгрома восставшего крестьянства она выразилась в установлении тяжелого крепостнического гнета, постепенно распространявшегося на всю страну, в торжестве княжеской власти, санкционированного Аугсбургским религиозным миром 1555 года. Эта реакция привела и к исчезновению «первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»⁶⁰. Налоговое ограбление отныне исключало не только расширенное, но и простое воспроизводство, оно исключало капиталистическое предпринимательство и самую возможность существования крупных компаний и крупного купечества.

Подписывая при вступлении на престол избирательную капитуляцию, Карл V обещал уничтожить те самые «монополии», которые финансировали проведенную им избирательную кампанию. Вся дальнейшая экономическая политика Карла V явилась нарушением избирательной капитуляции и была направлена к поощрению крупных компаний, которые их противниками были окрещены «монополиями». Поражение Карла V повлекло за собою неизбежный поворот в экономической политике и означало вместе с удушением компаний и удушение капиталистического уклада.

Если Гохштеттеры и Гауги переселились в Англию, Герварты, Ремы, Манлихи — во Францию, то Фуггеры предпочли превратиться в титулованных получателей земельной ренты, и их капитал «ушел в землю».

Интересное исследование австрийского историка Ф. Тремеля⁶¹ на основе документальных данных показывает, что в городах Штирии, Ка-

⁵⁹ «Deutsche Reichstagsakten, jüngere Reihe». Bd. 4. Gotha. 1905. № 110. Art. 4, № 149, § 27.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2-я, стр. 22.

⁶¹ F. T r e m e l. Der Frühkapitalismus in Innerösterreich. Graz. 1954, S. 150 ff.

ринтии и Крайны во второй половине XVI в. исчезают крупные купеческие состояния, а сыновья ранее преуспевавших богатых купцов и предпринимателей, следуя примеру Фуггеров, переходят в ряды дворянства, приобретают поместья и даже стыдятся своего купеческого происхождения.

С этими наблюдениями перекликаются те выводы, к которым приходит А. Мартин в своем труде «Социология Возрождения». В особой главе, носящей характерное наименование: «Социальная динамика становящегося консервативным бюргерства», — он говорит о том, что «презрение к труду и погоня за дворянскими титулами указывают на эволюцию в сторону феодализма», и в этой связи отмечает возникшее в бюргерской среде стремление уподобиться дворянству в культурно-бытовом отношении, слепое подражание дворянским обычаям, одежде, модам, увлечение турнирами, в которых отныне участвуют бюргеры⁶².

Трагический для Германии исход борьбы, ознаменовавший начало трехвекового застоя страны, как мы убедились, определялся расстановкой и соотношением классовых сил, тем столкновением противоречивых экономических и социально-политических интересов, в силу которых бюргерство оказалось в одном ряду с феодалами в качестве упорного противника капиталистического развития, централизации и абсолютизма.

Именно в Германии эта борьба оказалась наиболее трудной. Именно в Германии она закончилась в XVI столетии не победою более прогрессивного капиталистического уклада над его противниками, а, напротив, уничтожением этого капиталистического уклада и длительным возвратом вспять, к господству феодальных отношений в экономике деревни и города.

Это явление, чреватое для всего последующего развития Германии последствиями огромного исторического значения, заставляет нас вспомнить слишком часто забываемые слова В. И. Ленина: «...представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно»⁶³.

⁶² А. Martin. *Soziologie der Renaissance*. St. Enke, 1932, S. 97.

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 296.

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Статьи и обзоры

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ в XIX веке

(ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА СССР)

В фондах ЦГВИА СССР хранится огромное количество документальных материалов (около 3 тыс. дел с более чем 10 тыс. документов). В них содержатся сведения о крестьянском движении в России в XIX веке. Большая их часть совсем не известна советским историкам, так как документы ЦГВИА по крестьянскому движению изучались очень немногими исследователями. Ими пользовались Н. М. Дружинин, П. А. Зайончковский, Я. И. Линков¹. В опубликованных сборниках по крестьянскому движению² документы ЦГВИА не представлены. В этих изданиях помещены лишь извлечения из годовых отчетов III отделения, донесения флигель-адъютантов и доклады министра внутренних дел (по материалам Центрального государственного исторического архива в Москве и Ленинграде). И только в подготавливаемые в настоящее время к изданию Главным архивным управлением Министерства внутренних дел СССР, Центральными государственными историческими архивами в Москве и Ленинграде и Госполитиздатом сборники документов о крестьянском движении войдут частично документы ЦГВИА. Материалы по крестьянскому движению в ЦГВИА сосредоточены в фондах Канцелярии военного министерства, Главного штаба е.и.в., Инспекторского департамента, Канце-

лярии дежурного генерала главного штаба, Департамента генерального штаба, Главного штаба военного министерства.

Документы этих учреждений представляют доклады военного министра, рапорты флигель-адъютантов и командиров корпусов, дивизий, полков, батальонов, а также сообщения губернаторов на имя царя о вызове войск для содействия гражданским властям при подавлении крестьянских волнений. Эта категория документов исходит от официальных военных и гражданских лиц и отражает классовую позицию правящего класса, жестоко расправлявшегося с освободительным движением крестьян. Однако при критическом их использовании документы дают возможность исследователю располагать более полными, чем это было до сих пор в литературе, сведениями о причинах и размерах крестьянских выступлений, о количестве вызванных войск и описании их действий при подавлении крестьянского движения, а также о результатах вооруженных столкновений войск с крестьянами. В этих документах имеются также сведения о поджогах помещичьих имений, об убийствах помещиков крестьянами.

Большую ценность для исследователей представляют жалобы крестьян и дворовых людей на жестокое обращение с ними их владельцев и переписка по возбужденным крестьянами искам об освобождении от крепостной зависимости. Крестьянские иски и жалобы уточняют и дополняют официальные документы. Изучение их позволяет лучше определить и оценить происходившие события. Задача данного обзора — дать представление о документах ЦГВИА, освещающих выступления крестьян в XIX веке.

Первые сведения относятся к 1804 г., когда восстали крестьяне в Новгородской гу-

¹ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа Киселева. М. 1946; П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М. 1954; Я. И. Линков. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825—1861 гг. М. 1952.

² «Крестьянское движение 1827—1869 гг.». Центратрив. 1931; «Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права». М.-Л. 1949; «Отмена крепостного права. Доклады МВД о проведении крестьянской реформы». Л. 1950.

бернии³, а годом позже в селе Кемары — вотчине помещиков Бахметьевых, Княгининского уезда, Нижегородской губернии, и крестьяне мыз Кардина, Корген, Нейенгсф и других Эстляндской губернии⁴. В 1809 г. более тысячи крестьян вотчины помещиков Баженовых в Ардатовском уезде, Нижегородской губернии, отказались от уплаты оброка⁵.

После войны 1812 г. растет волна крестьянских выступлений, и для усмирения их правительство все чаще использует войска. Так, в фонде Главного штаба сохранились рапорты командиров воинских частей о подавлении волнений крестьян деревень Триковой, Байковой, Мокровой и Рясники, Карачевского уезда, Орловской губернии, не допустивших в 1816 г. отрезки в пользу помещика Хотянцева земли, которой они ранее владели; деревни Шилино — имения помещика Кашталинского в Порховском уезде, Псковской губернии, в 1822 г. в связи с увеличением оброка⁶.

До 3 тыс. крестьян участвовало в восстании, вспыхнувшем в 1819 г. в Эрваленском Киршпиле, Курляндской губернии. Прибывшие для подавления 6 рот солдат и 2 сотни казаков открыли огонь по восставшим. Четыре крестьянина были убиты и 11 ранены. «За участие в бунте» 41 крестьянин был арестован⁷.

В первой четверти XIX в. некоторые крестьянские волнения носили затяжной характер. Например, из дела Канцелярии дежурного генерала главного штаба видно, что крестьяне Подвысокого имения графа Поттоцкого в Киевской губернии возбудили в 1811 г. иск об освобождении от работ и от уплаты оброка на том основании, что они не принадлежат помещику. Сенат отклонил иск. В 1823 г. среди крестьян вновь вспыхнуло волнение. Более 60 человек были преданы суду и приговорены к телесному наказанию. Однако волнения не прекратились. Для усмирения крестьян были вызваны сначала два батальона солдат, а затем казачий полк, но, несмотря на присутствие

войск, крестьянские волнения продолжались до октября 1826 года⁸.

Одной из форм борьбы крестьян против помещичьего произвола являлась подача жалоб. В делах фондов ЦГВИА хранятся жалобы крестьян селений Новоселец, Маршинца, Кошелева, Черлени-Мари, Шербинца, Форосинной и Санжера, Хотинского уезда, Бессарабской губернии; местечка Городца, Кобринского уезда, Гродненской губернии; деревни Шестоковой, Бельского уезда, Смоленской губернии, на притеснение и жестокое обращение помещиков⁹.

Часто помещичьи крестьяне возбуждали иски об освобождении их от крепостной зависимости. Так, в 1817 г., как видно из переписки начальника Главного штаба с командирами воинских соединений, добивались воли крестьяне оренбургского помещика Можарова и крестьяне деревни Жарцова, Могилевского уезда, Подольской губернии¹⁰.

Помещичий произвол нередко вынуждал крестьян к более активным формам борьбы (поджоги имений, убийства помещиков и т. п.). В 1820 г. рязанский помещик Мусьенко-Чикалов был убит вместе со своим сыном и племянником крестьянами деревни Заменки за то, чтобы он обложил крепостных непосильным оброком¹¹.

В эти же годы имели место случаи открытых выступлений крестьян против помещиков. Рапорты командиров воинских частей об этих выступлениях имеются в канцеляриях военного министерства и дежурного генерала главного штаба. В 1826 г. происходило волнение тысячи крестьян московского помещика Меншикова. В том же году отмечался «дух возмущения крестьян» в Киевской губернии¹². В 1827 г. крепостные князя Трубецкого в слободе Венгеровке, Обоянского уезда, Курской губернии, отказались от уплаты оброка, исполнения работ и вообще от признания над собой какой-либо власти¹³, а 6 тыс. крестьян тульского помещика Измайлова, бу-

³ ЦГВИА, ф. 1л, Канцелярия военного министерства (в дальнейшем — Канц. воен. мин.), оп. 1, т. 1, 1804 г., д. 760, лл. 1—2.

⁴ Там же, 1805 г., д. 868, лл. 1—12; д. 869, лл. 1—101.

⁵ Там же, 1809 г., д. 2060, лл. 1—12.

⁶ Там же, ф. 35, Канцелярия дежурного генерала главного штаба его императорского величества (в дальнейшем — Канц. деж. ген. гл. шт.), оп. 3, 1817 г., д. 359, лл. 1—4; 1822 г., д. 1401, лл. 1—14.

⁷ Там же, 1819 г., д. 792, лл. 1—63.

⁸ Там же, ф. 36, Канц. деж. ген. гл. шт., оп. 4, 1826 г., св. 20, д. 243, лл. 1—16.

⁹ Там же, ф. 35, Гл. шт., оп. 5, 1823 г., д. 1368, лл. 1—5; 1824 г., д. 1450, лл. 1—7; оп. 5, 1824 г., д. 1628, лл. 1—9.

¹⁰ Там же, оп. 3, 1817 г., д. 502, лл. 1—2; 1819 г., д. 598а, лл. 1—6.

¹¹ Там же, 1820 г., д. 1027, лл. 1—3.

¹² Там же, ф. 36, Канц. деж. ген. гл. шт., оп. 4, 1826 г., св. 20, д. 253, лл. 1—4; д. 260, лл. 1—21.

¹³ Там же, оп. 5, 1827 г., св. 37, д. 161, лл. 1—10, 19—21.

лучи возбуждены «духом вольности», «взбунтовались» и покушались на жизнь своего владельца¹⁴.

Большие притеснения испытывали государственные крестьяне в Данковском уезде, Рязанской губернии. В переписке дежурного генерала главного штаба содержатся сведения о том, что городничие, исправники и другие местные начальники брали с крестьян взятки, незаконно облагали их различными данями, в самую рабочую пору посылали на исправление дорог. Вследствие таких притеснений многие крестьяне были доведены до нищеты и питались милостыней, а более тысячи человек переселились в степи Оренбургской губернии. Крестьяне протестовали против произвола со стороны местного начальства и в 1826 г. неоднократно подавали жалобы на имя царя¹⁵.

В 1830—1831 гг. вспыхнули стихийные выступления народных масс против царского правительства на почве холерных эпидемий в России. Сведения о «холерных бунтах» в Севастополе, в Сальминском погосте, Выборгской губернии¹⁶ и других местах имеются в делах военного министерства.

За последующие годы в документах ЦГВИА имеются сведения о подавляемых военной силой волнений крестьян в Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Вологодской, Волынской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Подольской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской губерниях¹⁷.

За 1841—1850 годы в рапортах командиров дивизий, полков и других воинских частей отмечается 193 выступления крестьян, подавленных военной силой, причем в первом пятилетии 40-х годов произошло 53 волнения крестьян, а во втором пятиле-

тии таких волнений насчитывалось 140¹⁸. Кроме того, в документах ЦГВИА имеются сведения о вызовах войск для взыскания с крестьян недоимок и податей, которые они отказывались платить помещикам. Только в одной Эстляндской губернии в 1845—1854 годах с этой целью военные команды вызывались 107 раз на 81 мызу¹⁹.

В 40-х годах крепостные крестьяне, превратно истолковав указ о разрешении казенным крестьянам переселяться в Сибирь и на Урал, бросали работы и вместе с семьями уходили на новые места. Например, в сообщениях псковского губернатора и рапортах командиров воинских частей отмечается, что крестьяне Верросского уезда, Курляндской губернии, в апреле 1847 г. со своими семьями перешли границу Псковской губернии и явились к губернатору с требованием переселения их²⁰. В том же году произошло крупное крестьянское волнение в Витебской губернии. Крестьяне Себежского, Дризенского, Люцинского, Режицкого и Невельского уездов в количестве более 3 тыс. человек, продав хлеб и скот, покинули свои жилища и отправились на строительство Московской железной дороги, в надежде на то, что это даст им впоследствии освобождение от крепостного состояния. Для усмирения крестьян, вооруженных топорами, пиками, ружьями и дубинами, были вызваны войска²¹.

В 1848 г. в ряде имений Киевской губернии произошли крестьянские волнения в связи с введением новых инвентарных правил²².

Не оставались спокойными в 40-х годах и государственные крестьяне. Документы ЦГВИА о волнениях государственных крестьян за этот период совершенно не использованы. Между тем они содержат много неизвестных сведений о начале и ходе восстаний, о вооруженных столкновениях крестьян с солдатами и т. д. Особенно сильное волнение государственных крестьян имело место в 1842 г. в Камышловском, Шадринском, Ирбитском и Екатеринбургском уездах, Пермской губернии, «по случаю

¹⁸ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, ОА, дела за 1841—1850 годы.

¹⁹ Эти данные не входят в число учтенных волнений крестьян, происходивших в 40-х и 50-х годах.

²⁰ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 268, секретная часть. 1847 г., д. 68, лл. 1—52; оп. 284, ОА, 1848 г., д. 753, лл. 1—37.

²¹ Там же, оп. 283, ОА, 1847 г., д. 356, лл. 1—5.

²² Там же, оп. 284, ОА, 1848 г., дд. 285, 286, 310, 574, 612.

¹⁴ Там же, ф. 1 л, Канц. воен. мин., оп. 1, т. 2а, 1827 г., д. 3679, лл. 1—25.

¹⁵ Там же, ф. 36, Канц. деж. ген. гл. шт., оп. 4, 1826 г., св. 22, д. 344, лл. 1—5.

¹⁶ Там же, ф. 1, Канц. воен. мин., 1830 г., д. 3896, лл. 1—3; 1831 г., д. 3972, лл. 1—16.

¹⁷ Там же, ф. 395, Инспекторский департамент (в дальнейшем — Инсп. д-т), отд. 2, ст. 3-й, ф. 1 л, Канц. воен. мин., дела за 1834—1840 годы.

подложного будто бы составления от их лица приговоров на сбор неприкосновенного запаса яровых семян». В рапортах командиров Пермского внутреннего гарнизонного и 8-го Оренбургского линейного батальонов, сохранившихся в фонде Инспекторского департамента, сообщается, что для усмирения крестьян в Шадринский уезд был послан отряд солдат с тремя орудиями. Вступив в село Батуриновское, отряд встретил там около 3 тыс. крестьян, вооруженных саблями, колющими, ружьями и копьями, а не доходя трех верст до селения Верхтетенского, — толпу вооруженных крестьян, более тысячи человек, которые открыли ружейный огонь. Солдаты орудийными выстрелами обратили восставших в бегство. Было убито 40 крестьян. В Камышловском уезде вооруженное столкновение имело место в селе Пышминском. За участие в этом восстании было арестовано более 300 государственных крестьян Шадринского, Камышловского, Ирбитского и Екатеринбургского уездов²³.

Кровавые события произошли в Казанской, Вятской и других губерниях в связи с отказом государственных крестьян выполнять предписания министерства государственных имуществ об обязательном посеве картофеля. В Казанской губернии «картофельными бунтами» были охвачены Чебоксарский, Козьмодемьянский, Ядринский и Цивильский уезды. Особенно крупные масштабы приняло восстание государственных крестьян в селе Акрамове, Козьмодемьянского уезда, где собралось до 4 тыс. крестьян. В результате столкновения были ранены казачий офицер, 9 казаков и 77 солдат; со стороны крестьян были убиты 8, тяжело ранены 39 и легко ранены 192 человека²⁴.

В Вятской губернии «картофельными бунтами» был охвачен ряд селений Нолинского, Глазовского, Слободского и Вятского уездов. Зверски подавляли войска волнения государственных крестьян в Горбуновской волости, Нолинского уезда (убиты 8, умерли от ран 4 и ранены 42 крестьянина)²⁵.

В 1842 г. началось волнение государственных крестьян деревень Нижнетрубчевской, Конева, Луги, Заднедубровки и Плессы, Каргопольского уезда, Олонешской губернии, принявшее затяжной характер.

В ноябре 1843 г. в эти деревни для усмирения крестьян был направлен воинский отряд численностью около 500 человек, а затем для помощи ему в январе 1844 г. еще рота солдат. Генерал-майор Левенталь в своем рапорте на имя царя сообщал 22 января 1844 г., что «бунтующие крестьяне атаковали команду и колющими нанесли удары пяти рядовым. «Не на то мы собрались, — говорили они, — чтобы исполнять ваши приказания, а готовы здесь все умереть». Крестьян удалось усмирить только огнем²⁶.

Рост помещичьей эксплуатации, обезземеление и разорение крестьянства способствовали усилению стихийной борьбы против крепостничества. В 1851—1855 гг., согласно рапортам командиров воинских соединений, царское правительство посылало войска для подавления 99 крестьянских волнений²⁷.

В начале 50-х годов крестьяне часто вступали в вооруженные столкновения с воинскими карательными экспедициями. Так, крестьяне селения Кутыри, Кутаисской губернии, в марте 1852 г. оказали вооруженное сопротивление команде казаков²⁸. В июле 1853 г. восстали 1900 крестьян баронессы Вревской из селений Александровки, Черниговки и др., Задонского уезда, Воронежской губернии. Прибывшим двум ротам солдат крестьяне оказали вооруженное сопротивление²⁹.

Ряд крестьянских волнений носил затяжной характер. В 1851 г. ни полицейские, ни военные силы не могли сломить сопротивления крестьян села Виняева и деревни Голяткиной, принадлежавших помещице Киреевой, и села Кулебаки, Ардатовского уезда, Нижегородской губернии, принадлежавшего помещику Федорову³⁰. Волнения их продолжались до 1854 года. Таким же продолжительным было волнение 575 крестьян села Осташкова, Бежецкого уезда, Тверской губернии, принадлежавших помещице Н. Д. Шишковой. Волнение, вызванное притеснениями со стороны помещицы, началось в 1853 г. и продолжалось до 1856 года³¹. В обер-аудиторской части Ин-

²⁶ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 279, ОА, 1843 г., д. 1660, лл. 1—10.

²⁷ Там же, дела за 1851—1855 годы.

²⁸ Там же, оп. 292, ОА, 1856 г., д. 395, лл. 1—22.

²⁹ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 289, ОА, 1853 г., д. 524, лл. 1—45.

³⁰ Там же, д. 784, лл. 1—17; д. 489, л. 48.

³¹ Там же, оп. 290, ОА, 1854 г., д. 545, лл. 1—80.

²³ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 278, ОА, 1842 г., д. 610, лл. 1—46.

²⁴ Там же, д. 652, лл. 1—39.

²⁵ Там же, д. 565, лл. 1—10.

спекторского департамента сохранилось дело о длительном выступлении крестьян деревень Чернецов, Девкина, Семериц и Бурборина, Боровичского уезда, принадлежавших помещицам Клеопиной и Лопухиной, и деревень Наумовской, Замостья и Каменки, Валдайского уезда, Новгородской губернии, принадлежавших помещикам Харину, Жаринову и Базарову. Крестьяне этих селений в течение 10 лет отказывались повиноваться своим владельцам. Волнения были прекращены с помощью военной силы лишь в 1852 г.; 56 крестьян были преданы военному суду³².

В начале 50-х годов крестьянские волнения, подавляемые военной силой, имели место также в Астраханской, Виленской, Витебской, Владимирской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Курской, Московской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Петербургской, Подольской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Эстляндской и Ярославской губерниях³³.

Крестьянское движение приобрело широкий размах в годы Крымской войны. Указ 1854 г. о наборе в морское ополчение и манифест 1855 года о народном ополчении вызвали среди крестьянства слухи об освобождении добровольно вступивших в ополчение от крепостной зависимости. В фонде Инспекторского департамента (обер-аудиторская часть) имеются дела, в которых содержатся сведения о волнениях в это время крестьян в Самарской, Нижегородской и ряде других губерний; особенно остро протекали они в Киевской губернии. Движение это началось в селении Беседка, Тарашинского уезда, а затем перекинулось в Каневский, Васильковский, Черкасский и Сквирский уезды, Киевской губернии³⁴. Правительство двинуло крупные военные силы, чтобы подавить восстание. В ряде случаев крестьяне оказывали сопротивление войскам. 9 апреля 1855 г. 600 крестьян селения Ситников, Каневского уезда, окружили сельского священника и потребовали якобы скрываемый от них царский указ, дарующий им вольность. В это время в селение прибыла рота солдат. Крестьяне

встретили солдат кольями. На другой день рота вступила в местечко Корсунь, где волнением было охвачено до 4 тыс. крестьян. В Корсуне также произошло вооруженное столкновение между крестьянами и солдатами, в результате которого были убиты 1 унтер-офицер и 11 крестьян³⁵.

После окончания Крымской войны среди крестьян усилились слухи о воле, росло возмущение крепостнической эксплуатацией. Только за два года (1856—1857), согласно рапортам командиров дивизий, полков и других воинских частей, хранящимся в ЦГВИА, на подавление крестьянских волнений войска посылались в 38 имений. С помощью военной силы в 1856 г. усмиряли волнения крестьян села Бурца, Малмыжского уезда, Вятской губернии, деревни Сурки, Сергачского уезда, Нижегородской губернии, и деревни Снежкова-Кута, Валковского уезда, Харьковской губернии, а в 1857 г. — 2 500 крестьян села Троицкого, Новооскольского уезда, Курской губернии³⁶. Крестьянские волнения возникали также в Екатеринославской, Калужской, Владимирской, Ковенской, Полтавской, Воронежской, Минской, Могилевской, Московской, Олонецкой, Пензенской, Псковской, Радомской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Смоленской, Тульской и Черниговской губерниях³⁷.

Наращение крестьянского недовольства усиливало необходимость уничтожения крепостного права. В конце 1857 г. правительство решило приступить к подготовке эмансипации крепостного права «сверху». Весть о предстоящей реформе быстро распространилась по всей России. Либерально-буржуазные историки пытались доказать, что эта весть внесла полное «успокоение» в крестьянские массы. Однако хранящиеся в ЦГВИА документы, так же, как и другие, опубликованные ранее, доказывают необоснованность подобных утверждений. Накануне реформы крестьянское движение особенно усиливается. Об этом убедительно свидетельствуют данные о числе крестьянских волнений, подавленных военной силой. Если в 1851—1855 гг., согласно рапортам командиров дивизий, полков и других воинских соединений, солдаты посылались в 99 имений, то в предреформенные годы

³² Там же, оп. 287, ОА, 1851 г., д. 715, лл. 1—66.

³³ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, ОА, дела за 1851—1855 годы.

³⁴ Там же, оп. 291, ОА, 1855 г., д. 290, лл. 1—22.

³⁵ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 291, ОА, 1855 г., д. 325, лл. 1—16.

³⁶ Там же, оп. 292, ОА, 1856 г., д. 13, лл. 312—316; д. 1024, лл. 1—7; д. 13, лл. 310—311; д. 6, лл. 251—260.

³⁷ Там же, ОА, дела за 1856—1857 годы.

(1856—1860) они вызывались в 185 имений, причем в 1858—1860 г. — в 147 имений³⁸.

В связи с ожиданием «воли», в 1858 г. восстали крестьяне князя Львова в селе Павловом-Хуторе, Ефремовского уезда, Тульской губернии, помещика Полянского в селе Пушкино, Саранского уезда, Пензенской губернии, помещика Добровольского в деревне Семеновке, Херсонской губернии, баронессы Жомини в селе Большое Андросово с деревнями и помещика Зиновьева в селе Старинском, Сергачского уезда, Нижегородской губернии³⁹.

Особенно крупное волнение крестьян имело место в мае 1858 г. в ряде поместий Зюд-Гарриенского дистрикта, Эстляндской губернии. В рапортах командиров Ладожского пехотного полка и Ревельского гарнизонного батальона сообщается, что крестьяне поместья Махтере отказались от барщины и подожгли господский дом. Когда для усмирения прибыла рота солдат, крестьяне в количестве около 3 тыс. человек, вооруженные кольями и ружьями, окружили солдат. В результате вооруженного столкновения один офицер и 13 солдат были убиты⁴⁰.

К концу 50-х годов XIX в. классовая борьба в стране обострилась настолько, что объективно стал возможным революционный взрыв. В России сложилась революционная ситуация. Только в одном 1859 г., по материалам ЦГВИА, царское правительство вынуждено было в 66 случаях посылать войска для подавления крестьянских волнений⁴¹. В том же году вспыхнуло большое народное движение против питейных откупов, охватившее значительную часть России. В нем участвовали не только владельческие, государственные и удельные крестьяне, но и городское население, в том числе ремесленники, мещане, бессрочно отпущенные унтер-офицеры и солдаты. Движение против питейных откупов сравнительно широко освещается в документальных материалах фонда Инспекторского департамента. Имеются сведения о 56 случаях народных выступлений против питейных откупов в Пензенской, Самарской, Саратовской, Тверской, Тамбовской, Московской, Симбирской и Оренбургской губерниях; довольно крупное выступление, в котором участвова-

ло 3 тыс. человек, имело место в Волоколамском уезде, Московской губернии, близ Иосифова монастыря⁴².

Реформа 1861 г., проведенная крепостниками, обманула ожидания крестьянства. Обнародованные манифест и «Положения» 19 февраля вызвали разочарование. Сохраняя наивную веру в царя, крестьяне выражали сомнение в подлинности манифеста. Обострилась классовая борьба в деревне. Крестьяне повсеместно отказывались от каких бы то ни было работ и повинностей в пользу помещиков. Эта форма борьбы в первое время после обнародования манифеста распространилась почти на все губернии России. Уже в марте 1861 г., согласно рапортам командиров дивизий, полков и других воинских соединений, в 9 губерниях (Витебской, Воронежской, Гродненской, Ковенской, Полтавской, Саратовской, Смоленской, Херсонской и Черниговской) войска усмиряли крестьян⁴³.

По мере того, как крестьяне знакомились со смыслом манифеста и «Положений» 19 февраля, они все более убеждались в обмане и активизировали свою борьбу. Как нами установлено на основании подсчета по документам, хранящимся в фондах Департамента генерального штаба и Инспекторского департамента, рапортам командиров воинских соединений и сообщениям губернаторов, крестьянским движением было охвачено в апреле 29, а в мае — 38 губерний. Наиболее крупными по степени организованности, масштабам распространения и влияния были волнения крестьян в Пензенской, Казанской, Тамбовской, Витебской, Смоленской, Подольской, Пермской, Виленской губерниях⁴⁴.

В Пензенской губернии крестьянским движением были охвачены Чембарский, Керенский, Городищенский, Мокшанский и Наровчатский уезды. 8 апреля в деревне Черногае 10-я рота Тарутинского пехотного полка арестовала некоторых участников волнения. На другой день 500 крестьян деревни Черногая и соседней деревни, Починок, окружили избу, где находились арестованные, и освободили их. Днем позднее в деревню съехались до 2 тыс. крестьян из других селений. Вооружившись вилами и кольями, они напали на роту солдат. Последние

⁴² Там же, оп. 295, ОА, 1859 г., дд. 7, 476, 562, 602, 675.

⁴³ Там же, оп. 298, ОА, 1861 г., д. 177, ч. 1.

⁴⁴ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 298, ОА, 1861 г., д. 177, ч. 1—2; ф. 38, Департамент генерального штаба (в дальнейшем Деп. ген. шт.), оп. 18, 1860 г., д. 175, ч. 1—2.

³⁸ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, ОА, дела за 1851—1860 годы.

³⁹ Там же, оп. 294, ОА, 1858 г., д. 50, лл. 110—111, 192—193, 299—300.

⁴⁰ Там же, д. 418, лл. 1—122.

⁴¹ Там же, ОА, дела за 1859 год.

открыли стрельбу, убив 3 и ранив 4 крестьян. Центр волнения затем переместился в Кандеевку. Майор Локс телеграфировал шефу жандармов: «Волнение принимает огромные размеры. Главного бунтовщика крестьянина села Высокого Егорцева называют великим князем Константином Павловичем, у него везде свои подручники»⁴⁵. На подавление крестьянского волнения в Кандеевку были посланы три роты солдат Казанского пехотного полка. В результате столкновения были убиты 8 и ранены 27 крестьян. 360 участников волнения в селе Кандеевке были арестованы, среди них 43 «главных бунтовщика»⁴⁶.

Из Пензенской губернии волнение распространилось на Тамбовскую губернию, сначала на Кирсановский и Моршанский, а затем на Козловский, Тамбовский, Уманский и Шацкий уезды⁴⁷. В Кирсановском уезде тысяча крестьян села Ширяева оказала вооруженное сопротивление войскам, в результате 8 крестьян были ранены, из них 3 — смертельно⁴⁸.

Одновременно с событиями в Пензенской и Тамбовской губерниях произошла кровавая трагедия в селе Бездне, Спасского уезда, Казанской губернии. Событие в селе Бездне, широко известное в исторической литературе, до сих пор освещалось главным образом по документам, хранящимся в ЦГИАМ и ЦГИАЛ. Материалы ЦГВИА дают возможность более полно, чем до сих пор, осветить бездненские события. В фонде Департамента генерального штаба имеется рапорт дивизионного квартирмейстера резервной дивизии 6-го армейского корпуса капитана Липинского от 6 мая 1861 г., в котором подробности бездненской трагедии описаны так: «Крестьяне толпой около 6 тысяч собрались вокруг избы крестьянина Петрова для слушания его толкования манифеста и для защиты его. Их увещевали разойтись и выдать Петрова. Но когда все увещевания оказались тщетными, сделаны были четыре залпа взводными шеренгами. После четвертого залпа толпа крестьян бросилась со двора Петрова, и тогда приказано было стрелять по крестьянам целыми ротами последовательно залпами. Убитых 51 и раненых 77 крестьян»⁴⁹. Возглавлявший крестьянское движение безднен-

ский крестьянин Антон Петров был арестован и 19 апреля расстрелян⁵⁰.

При подавлении крупного волнения крестьян в марте 1861 г. в Краснополье, Люцинского уезда, Витебской губернии, в имении помещика Соколовского были убиты 2 крестьянина, а в апреле в Динабургском уезде, в имении графа К. Платера, были ранены 11 крестьян⁵¹.

В Смоленской губернии кровавые события произошли в селах Самуйлове, Карманове и Алексеевском, Гжатского уезда. Сначала в эти села, где собралось до 2 тыс. крестьян, была послана воинская команда Смоленского батальона внутренней стражи, а затем две роты Кольванского пехотного полка. По прочтении манифеста крестьяне не признали его и отказались от работы и уплаты оброка. Крестьян «увещевали» флигель-адъютант полковник Слепцов, земский исправник, становой пристав и 3 священника, но они не достигли цели. Тогда крестьян окружили солдаты. Крестьяне, защищаясь, отняли несколько ружей и ранили 3 солдат. В результате избития 23 крестьянина были убиты⁵².

В Виленской губернии движением были охвачены Дисненский, Свенцянский, Виленский, Ошмянский и Лидский уезды. Волнение крестьян началось в имении княгини Друцкой-Любецкой — Козловске. В апреле около тысячи крестьян отказались от исполнения работ и перестали повиноваться помещичьей власти. К козловским крестьянам стали присоединяться крестьяне соседних имений: Мазурина, Мосаржа и Михальца — до 6 тыс. человек. Крестьяне бросили все полевые работы, и возмущение их начинало приобретать «известную организацию». Своим руководителем они избрали михальцевского крестьянина Иосифа Кушнаревича. Только при помощи солдат Муромского и Софийского пехотных полков⁵³ удалось заставить крестьян повиноваться помещикам.

В 1861 г., как нами подсчитано по хранящимся в фондах ЦГВИА рапортам командиров воинских соединений, воинские команды вводились в 591 имение⁵⁴: в По-

⁴⁹ Там же, лл. 194—200.

⁵⁰ Там же, ф. 395, оп. 298, ОА, 1861 г., д. 177, ч. 1, л. 216.

⁵¹ Там же, лл. 1—6, 156, 172, 199.

⁵² Там же, д. 177, ч. 2, лл. 12, 32—35.

⁵³ Там же, ф. 38, Деп. ген. шт., оп. 18, 1860 г., д. 175, ч. 3, лл. 6—7, 108, 152, 163.

⁵⁴ В исторической литературе исходные данные о 499 имениях, в которые вводились военные команды, берутся из «Обзора

⁴⁵ Там же, ч. 1, лл. 60, 64—65.

⁴⁶ Там же, лл. 170—171, 252.

⁴⁷ Там же, ч. 1—2.

⁴⁸ Там же, ф. 38, Деп. ген. шт., оп. 18, 1860 г., д. 175, ч. 2, лл. 10—11.

дольской губернии — 59, Саратовской — 49, Гродненской — 52, Псковской — 35, Черниговской — 36, Смоленской — 26, Тамбовской — 25, Ковенской — 29, Витебской — 24, Виленской — 22 имения⁵⁵.

В 1862—1863 гг. крестьянских волнений было меньше, чем в 1861 году. Однако волна крестьянского движения продолжала еще держаться сравнительно высоко. По тем же данным, в 1862 г. крестьянским движением была охвачена 41 губерния, военные команды для подавления крестьянских волнений вводились в 402 имения, а в 1863 г. — 36 губерний, и в 189 имениях восстание подавлялось с помощью военных команд⁵⁶.

Начиная со второй половины 1861 г. и особенно в 1862—1863 гг. крестьянские волнения вспыхивали как протест против подписания «куставных грамот». В рапортах командира Белгородского уланского полка за март 1862 г. отмечается, что крестьяне в имениях помещицы Добровольской и помещиков Ольховских Богодуховского уезда, Харьковской губернии, отказались подписывать грамоты, так как были убеждены, что скоро появится новый манифест, по которому они будут освобождены от всякой обязательной повинности⁵⁷.

Крестьян заставляли насильно подписывать уставные грамоты, применяя при этом оружие и розги⁵⁸. В феврале 1863 г. отказались от исполнения повинностей по уставной грамоте крестьяне Васильевки, Осиповки и Захарьевки, Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Прибывшая в эти селения земская полиция с 200 понятиями не могла усмирить крестьян. На помощь полиции прибыли батальон и 2 роты солдат Волынского пехотного полка⁵⁹.

В Черниговской губернии крестьяне де-

действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 г. по 19 февраля 1864 г.». СПб. 1864 (см. также ЦГИАМ, ф. III отделения, 4 эксп., 1861 г., д. 194).

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 298, ОА, 1861 г., д. 177, ч. 1—2; ф. 38, Деп. ген. шт., оп. 18, 1860 г., д. 175, ч. 1—3.

⁵⁶ Согласно тому же обзору, в 1862 г. было 388 случаев крестьянских волнений, из них 298 подавлялись с помощью военной силы, а в 1863 г. из 386 случаев волнений подавлялась военной силой третья часть.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 38, Деп. ген. шт., оп. 18, 1860 г., д. 175, ч. 5, лл. 93—98.

⁵⁸ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 299, 1862 г., ОА, д. 467, лл. 84—87; д. 386, лл. 130—131; д. 441, л. 22.

⁵⁹ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 300, ОА, 1863 г., д. 164, лл. 96—97.

ревни Старой-Новицкой, Суражского уезда, в августе 1862 г. отказались от принятия уставной грамоты. Была сделана окончившаяся неудачей попытка с помощью роты солдат Севского пехотного полка заставить крестьян позиноваться. Большое участие в этом выступлении приняли женщины⁶⁰.

Кровавые события имели место в июле 1862 г. в слободе Ольшанке и селе Русских Халанях, Ново-Оскольского уезда, Курской губернии, где крестьяне отказались от надела. Для усмирения их прибыл эскадрон Белорусского гусарского полка. Крестьяне, собравшись в количестве 1500 человек, вооружившись коляями и кирпичами, напали на гусар; те применили холодное оружие. В результате столкновения были ранены 4 гусара и 30 крестьян⁶¹.

Часто волнения крестьян находили поддержку в соседних селениях. Так, в Буинском уезде, Симбирской губернии, в июле 1862 г. волновались крестьяне сельца Кайрова; их поддержали крестьяне близлежащих селений помещиков Горемыкина, Пяницкого, Собакиных и Есипова⁶².

Крестьянское движение в 1861—1863 гг., так же, как и в предшествовавшие годы, было стихийным, неорганизованным. Крестьяне верили в царя и надеялись найти в его лице опору и защиту против помещиков и чиновников. Этим была предопределена неудача крестьянской борьбы. Революционная ситуация 1859—1861 гг. не переросла в революцию.

Реформа 1861 г. обрекла крестьян на еще большее разорение и нищету. «Крестьянина так «освободили» в 1861 году,— писал В. И. Ленин,— что он сразу попал в петлю к помещику. Крестьянин так притеснен захваченными помещиком землями, что ему остается либо умирать с голоду, либо идти в кабалу»⁶³. Все это усиливало и обостряло классовые противоречия. В 1861—1863 гг. правительству удалось с помощью военной силы подавить крестьянское движение. Однако борьба крестьян на этом не закончилась. В пореформенный период выступления крестьян приобрели новое содержание. Они стали бороться преимущественно за землю, и в первую очередь за «отрезки». Вместе с тем крестьянское движение было направлено против феодальных пережитков.

⁶⁰ Там же, оп. 299, ОА, 1862 г., д. 410, лл. 164—165.

⁶¹ Там же, лл. 79—80.

⁶² Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 299, ОА, 1862 г., д. 362, лл. 48—50.

⁶³ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 237.

С 1864 г. волна крестьянского движения резко пошла на убыль. Согласно донесениям командиров воинских частей, в 1864 г. 34 крестьянских волнения были подавлены с помощью солдат⁶⁴. В последующие пять лет (1866—1870), по тем же сведениям, воинская сила применялась в 99 случаях⁶⁵.

Крестьянское движение по своим формам и методам было разнообразным: крестьяне отказывались от взносов выкупных платежей, оказывали неповиновение при переселении их на новые земли, не допускали установки межевых знаков, захватывали помещичьи земли, отрезанные у крестьян по уставным грамотам. В 1864 г., по сообщениям губернаторов и командиров воинских соединений, сохранившимся в фонде Инспекторского департамента ЦГВИА, отказались от уплаты выкупных платежей и от обработки помещичьей земли крестьяне села Акшина и деревни Булдаково, Инсарского уезда, Пензенской губернии⁶⁶. В июле того же года крестьяне села Шинбенно-го, Киевской губернии, оказали сопротивление при описи и продаже их имущества за невзнос выкупных платежей⁶⁷. В Карсунском уезде, Симбирской губернии, крестьяне села Косаур и деревни Мамыровой отказались от надела, который выделялся им по уставной грамоте, и от выкупа полевых угодий⁶⁸. В Нижегородской губернии крестьяне деревни Дубровка, Лукояновского уезда, в мае 1866 г. отказались работать на помещика по уставной грамоте и потребовали надела одной усадебной земли, без платежа оброчных денег и без производства работ, не хотели получать хлеб из запасного магазина ни для продовольствия, ни для посева и не обрабатывали свои огороды и поля⁶⁹.

В ноябре 1867 г. временно-обязанные крестьяне деревни Голубовки, Лебединского уезда, Харьковской губернии, отказавшись от исполнения издельной повинности в пользу помещицы Романовой, заявили, что она «не имеет права требовать от них этой повинности и что находящаяся в их наделе

земля должна принадлежать им безусловно»⁷⁰.

В Полтавской губернии крестьяне села Козлова, Переяславского уезда, в феврале 1869 г. захватили часть лесных массивов, принадлежавших помещику Белухе-Кохо-мовскому, заявив, что лес этот принадлежит им. «Порядок» был восстановлен лишь по прибытии в село войск⁷¹.

В ряде случаев выступления крестьян заканчивались вооруженными столкновениями с войсками. Так, в Орловской губернии крестьяне села Упалого сопротивлялись местным властям при переселении с усадебных участков в другие места. Прибывшую в июле 1866 г. в село Малоархангельскую уездную команду крестьяне встретили кольями, за что большая часть их была арестована, а остальные убежали в лес. Когда крестьяне возвратились в село, они нашли все свои строения сломанными⁷².

В фондах ЦГВИА имеются сведения за 70-е годы о подавлении крестьянских волнений в Бессарабской, Орловской, Воронежской, Вольнской, Киевской, Харьковской, Минской, Витебской, Курской, Херсонской, Подольской, Полтавской, Черниговской и других губерниях⁷³. В мае 1872 г. крестьяне селений Петровичей, Волянска и Драчевска, Игуменского уезда, Минской губернии, отказались от уплаты недоимок по выкупным платежам. Для усмирения высылались четыре роты солдат⁷⁴.

В апреле 1873 г. в деревню Кудашеву была послана Епифановская уездная команда для взыскания с крестьян долгов. Крестьяне, вооружившись вилами и кольями, оказали сопротивление⁷⁵. Крестьяне села Чечельника, Ольгопольского уезда, Подольской губернии, в течение трех лет не засеивали своих земель и требовали возвращения всей земли, находившейся в их пользовании до реформы 1861 года. Усмирять крестьян в марте 1874 г. был послан батальон солдат⁷⁶.

⁷⁰ Там же, оп. 213, Сч., 1867 г., д. 464, л. 85.

⁷¹ Там же, оп. 215, Сч., 1869 г., д. 44, л. 33.

⁷² Там же, оп. 211, Сч., 1866 г., д. 342, л. 123.

⁷³ Там же, Отд. 2, ст. 2, Сч., дела за 1871—1880 годы.

⁷⁴ Там же, ф. 400, Гл. шт. оп. 218, Сч., 1872 г., д. 106, л. 10.

⁷⁵ Там же, оп. 219, Сч., 1873 г., д. 171, л. 21.

⁷⁶ Там же, оп. 220, Сч., 1874 г., д. 67, лл. 43, 89.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 395, Инсп. д-т, ОА, дела за 1864—1865 годы.

⁶⁵ Там же, ф. 400, Главный штаб военного министерства. Судная часть (в дальнейшем — Сч.) дела за 1866—1870 годы.

⁶⁶ Там же, ф. 395, Инсп. д-т, оп. 301, ОА, 1864 г., д. 177, л. 74.

⁶⁷ Там же, д. 300, л. 99.

⁶⁸ Там же, оп. 302, ОА, 1865 г., д. 192, лл. 94—95.

⁶⁹ Там же, ф. 400, Гл. шт., оп. 211, Сч., 1866 г., д. 207, л. 56.

В 1879 г. возникло сильное волнение крестьян в связи с повышением повинностей в селе Дербетовском, Ставропольской губернии. Для подавления были посланы два батальона солдат⁷⁷. В том же году был направлен батальон солдат в село Люторичи, Елифановского уезда, Тульской губернии, для усмирения 770 крестьян, оказавших сопротивление при описании их имущества за долги⁷⁸.

В Черниговской губернии в мае 1880 г. крестьяне деревень Рудни, Грабовки, Мокрых Величек, Озерской и Мекшуновки прогнали рабочих, ставивших межевые знаки, а затем захватили помещичьи земли, стали вспахивать и засеивать их и одновременно производили порубки леса во владениях Посудевского, Кобеляцкой, Регельмана и других помещиков⁷⁹.

В 80-х годах крестьяне продолжали захватывать земли, не платили оброк и сопротивлялись при продаже их имущества за выкупные и оброчные недоимки. В «делах о проихствиях», собранных во втором отделении и судной части Главного штаба, имеются сведения о ряде волнений, возникших на этой почве. В 1882 г. крестьяне деревни Олень, Быховского уезда, Могилевской губернии, захватили землю помещика Просолина. Чтобы возвратить землю помещику и усмирить крестьян, были посланы две роты солдат⁸⁰. В том же году в Орловской губернии крестьяне села Алексеевского захватили землю графа Шереметьева и отказались платить ему оброк⁸¹. В марте 1886 г. произошло крупное волнение крестьян ряда селений Путивльского и Рыльского уездов, Курской губернии, с населением в 30 тысяч. Крестьяне пытались завладеть землей помещика Терещенко; чтобы усмирить их, были посланы 8 эскадронов драгун и 6 батальонов солдат⁸².

В некоторых случаях при усмирении крестьян войска применяли оружие. Например, в июне 1884 г. имело место вооруженное столкновение двух эскадронов драгун с крестьянами села Оржицы, Прилукского уезда, Полтавской губернии; в результате

6 крестьян были ранены⁸³. В январе 1887 г. войска применяли оружие при усмирении крестьян в Новомосковской волости, Екатеринославской губернии⁸⁴.

Вследствие недостатка земли и гнета крепостнических пережитков борьба крестьян продолжалась и в 90-е годы. В марте 1891 г., как видно из переписки судной части Главного штаба, 300 крестьян сел Сухого Карабулака и Ключей, Вольского уезда, Саратовской губернии, заявили свои права на мельницу помещицы Котковой (ур. Щербатовой) и на Шахматовскую пустошь, самовольно выгоняли скот на луга князем Щербатовых⁸⁵. В связи с размежеванием имели место волнения крестьян местечка Ялтушкова, Могилевского уезда. Подольской губернии, в июне 1894 г. и села Ивановского, Оренбургской губернии, в октябре 1895 года⁸⁶. В апреле 1896 г. были посланы две роты солдат в село Березовички, Щигровского уезда, Курской губернии, для усмирения крестьян, запахавших помещичьи земли⁸⁷.

В Гродненской губернии 200 крестьян деревень Радежи и Галиовки, Брестского уезда, в ноябре 1897 г. не позволили помещику вырубать лес, считая его своей собственностью⁸⁸. В том же году крестьяне села Янгуженского Майдана, Наровчатского уезда, Пензенской губернии, оказали сопротивление при описании их имущества за накопившиеся недоимки в сумме 43 тыс. рублей⁸⁹.

12 июля 1898 г. министр внутренних дел Горемыкин в письме на имя военного министра Куропаткина, выражая беспокойство настроением крестьян села Уварова, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии, писал, что существовавшие с давнего времени враждебные отношения их к экономии князя Гагарина настолько обострились, что грозят серьезными беспорядками. Ежечасно можно ожидать разгрома или поджога мельницы князя Гагарина⁹⁰.

В июне 1899 г. до тысячи крестьян деревень Мордовской, Русского Боровка и со-

⁸³ Там же, 1884 г., д. 16, лл. 105, 128—130.

⁸⁴ Там же, оп. 231, Сч., 1887 г., д. 8, лл. 71—74.

⁸⁵ Там же, ф. 400, Гл. шт., оп. 233, Сч., 1891 г., д. 59, л. 3.

⁸⁶ Там же, оп. 234, Сч., 1894 г., д. 85, лл. 64—66; 1895 г., д. 128, лл. 20—22.

⁸⁷ Там же, 1896 г., д. 59, л. 49.

⁸⁸ Там же, оп. 235, 1897 г., д. 127, л. 70.

⁸⁹ Там же, оп. 21, о2с2, 1897 г., д. 26, лл. 48—49.

⁹⁰ Там же. 1898 г., д. 56, лл. 87—89.

⁷⁷ Там же, оп. 225, Сч., 1879 г., д. 64, л. 6.

⁷⁸ Там же, д. 92, лл. 44—46.

⁷⁹ Там же, оп. 226, Сч., 1880 г., д. 94, лл. 53—54.

⁸⁰ Там же, ф. 400, Гл. шт., оп. 228, Сч., 1882 г., д. 110, л. 22.

⁸¹ Там же, оп. 19, о2с2, 1882 г., д. 15, л. 110.

⁸² Там же, 1886 г., д. 21, лл. 38—58.

седних селений Ставропольского уезда, Самарской губернии, вооружившись палками, приступили к распашке земли графа Орлова-Давыдова. Чтобы усмирить крестьян, были посланы 4 роты солдат. При подавлении волнения 75 человек были арестованы⁹¹.

В конце 80-х и начале 90-х годов во время холерных эпидемий произошли стихийные выступления народных масс против правительства. «Холерные бунты» имели место в Саратовской, Самарской, Астраханской, Курской, Киевской, Уфимской, Ставропольской, Воронежской, Оренбургской, Полтавской, Тамбовской, Лифляндской, Терской и Екатеринославской губерниях⁹².

В ряде мест войска наталкивались на вооруженное сопротивление крестьян. Когда в марте 1888 г. в слободу Солдатскую, Самарской губернии, где волнением было охвачено до 6 тыс. человек, прибыла воин-

⁹¹ Там же, ф. 400. Гл. шт., оп. 235, Сч., 1899 г., д. 99, лл. 52—55.

⁹² Там же, о2с2 и Сч., дела за 1888—1894 годы.

ская команда, народ забросал ее камнями и кольями. В декабре того же года в село Барахты, Васильковского уезда, Киевской губернии, для усмирения крестьян прибыл батальон солдат⁹³.

В 1892 г. в Саратовской губернии при вооруженном столкновении войск с народом во время подавления «холерного бунта» были убиты 3 и ранены 5 человек⁹⁴.

В архиве ЦГВИА имеются данные о волнениях татар в Казанской, Самарской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях в 1897 году⁹⁵.

Мы попытались в общих чертах дать представление о материалах по крестьянскому движению XIX в., хранящихся в ЦГВИА, и тем помочь историкам, занимающимся данной проблемой, ориентироваться в богатых фондах архива.

И. Н. Кунтиков

⁹³ Там же, оп. 19, о2с2, 1888 г., д. 20, л. 10; оп. 20, о2с2, 1889 г., д. 17, лл. 2—3.

⁹⁴ Там же, оп. 233, Сч., 1892 г., д. 79, лл. 9, 25, 28, 38—40, 75—82.

⁹⁵ Там же, оп. 21, о2с2, 1897 г., д. 26, лл. 1—40.

ИСКАЖЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ ИСТОРИИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XIX—начала XX века

Состояние буржуазной исторической науки в США давно уже является у нас предметом пристального внимания. Метод марксистского анализа позволяет советским историкам критически использовать результаты работы буржуазных историков и в то же время вскрыть все слабые стороны буржуазной историографии, несостоятельность ее исходных методологических позиций и обнаружить воздействие, которое оказывают на нее политические интересы господствующих классов. Разумеется, в США немало ученых, искренне стремящихся к установлению исторической истины. Однако наряду с ними выступают историки, политические воззрения которых побуждают их отступать от исторической правды, подыскивать в прошлом аргументы, способные, по их мнению, оправдать современную политику правящих кругов США¹.

¹ См. разбор работ ряда реакционных американских историков в историографическом исследовании Г. Аптекаер. Лау-

Представители этого апологетического направления в современной буржуазной исторической науке готовы «перелисывать» историю собственной страны с каждым новым поворотом во внешней или внутренней политике правящих кругов США.

Особенно сильное влияние реакционной идеологии испытывают историки, занимающиеся изучением внешней политики США. Они подвергаются не только идеологическому давлению со стороны империалистической буржуазии, но и почти не замаскированному воздействию путем финансирования одобренных изданий, снабжения их специально подобранными документами, создания рекламы, «просмотра» трудов и применением других мер.

Тесную зависимость характера исследований по истории внешней политики США от интересов господствующих классов

реаты империализма. Монополистический капитал переписывает историю Америки. М., 1955.

и курса внешней политики американского империализма можно проследить на примере обширной литературы, посвященной истории англо-американских отношений в XIX — начале XX века.

В годы, последовавшие за второй мировой войной, правящие круги США приложили немало усилий для сколачивания военного блока капиталистических держав, направленного против социалистического лагеря. Плодом этих усилий явился агрессивный Северо-атлантический пакт. Образование и деятельность «атлантического» блока под эгидой США не могли не натолкнуться на серьезные трудности как в силу растущего возмущения народов его агрессивной деятельностью, так и в результате глубоких противоречий, раздирающих эту организацию изнутри. Особенно велики оказались эти трудности для правящих кругов США при попытках подчинить своему контролю такие крупные капиталистические государства, как Великобритания и Франция. В связи с этим руководители внешней политики США на протяжении последних лет стремятся подкрепить свой военный союз усилением экономических и идеологических связей. Одним из средств установления «идеологической общности» служат ссылки на «историческую традицию», якобы объединяющую державы атлантического блока². При этом особые усилия прилагаются к тому, чтобы изобразить историю англо-американских отношений в XIX и начале XX в. как эру безмятежного согласия и доброго сотрудничества.

Известно, однако, что подлинная история англо-американских отношений весьма далека от подобной идиллии. Напротив, она являет собой картину соперничества и вражды. Именно поэтому идеологи правящих кругов США настойчиво толкают исследователей международных отношений к «ревизии» истории. Характерным отголоском «установки», которую они навязывают историкам, является появившаяся несколько лет назад статья в американском журнале «Social Studies», рассчитанном на

американских учителей. «Наши студенты слышат слишком много о Бостонском «чаепитии», повешении Натана Хэла и майора Андре, захвате американских моряков, сожжении Белого дома в деле Трента», — говорилось в ней. Взамен упоминания об эти: англо-американских конфликтах журнал рекомендовал рассказывать учащимся об «англо-саксонском единстве» и о том, что Британская империя — важнейший рынок и источник сырья для США³.

В «пересмотр» истории англо-американских отношений включились десятки, если не сотни американских историков, в том числе видные профессора высшей школы, авторы монографических трудов. За период с 1945 по 1956 год в США вышла целая серия книг, посвященных англо-американским отношениям в прошлом. Это работы разного масштаба и характера — от общих курсов истории США и международных отношений до специальных монографий на сравнительно узкие темы, от книг, вышедших из-под пера наиболее известных представителей буржуазной исторической науки США, до диссертаций молодых ученых. В части этих работ имеется новый, иногда важный и интересный материал. Некоторые из монографий, которые будут упомянуты ниже, безусловно, представляют научную ценность. Содержащийся в них детальный анализ ряда вопросов истории внешней политики США и Англии является положительным моментом в развитии американской историографии. Многие частные наблюдения и выводы, которые делают авторы упомянутых работ, основаны на вдумчивом разборе фактов и могут быть приняты как результат объективного научного исследования.

Характерной чертой англо-американских отношений в XIX в. является борьба двух основных тенденций: к соперничеству и к сотрудничеству, причем эти тенденции играли неодинаковую роль в различные исторические периоды. Поэтому приводимые в этой литературе данные об англо-американском сотрудничестве, бесспорно, отражают одну из важных сторон процесса развития взаимоотношений между США и Англией.

Что же касается другой, не менее важной проблемы из истории взаимоотношений Англии и США, а именно англо-амери-

² Характерно, что на X Международном конгрессе историков был прочитан специальный доклад американского историка Р. Пальмера и французского историка Ж. Годшо на тему «Проблема Атлантики в XVIII—XX веках», имевший целью обосновать идею «атлантической общности» (см. А. М. Панкратова. К итогам X Международного конгресса историков. «Вопросы истории», 1956, № 5, стр. 11—12).

³ «Social Studies». Published by the National Council for the social studies in collaboration with American Historical Association. 1948, May, p. 202.

канских противоречий и соперничества, то она подверглась явным искажениям.

Отход от исторической истины проявляется прежде всего в том, что во главу угла ставится значительно более слабая (во всяком случае, до конца 60-х годов XIX века) тенденция к сотрудничеству; напротив же, англо-американским противоречиям отводится второстепенное, совершенно незначительное место. Именно такое смещение исторической перспективы и отличает новейшую американскую литературу от более ранних работ, появившихся, например, во время обострения англо-американского антагонизма после первой мировой войны и в общем дававших довольно трезвую оценку соотношению между элементами сотрудничества и вражды в отношениях Англии и США в XIX столетии.

Таким образом, новая литература по вопросам англо-американских отношений, несмотря на то, что она включает в себя наряду с явно пропагандистскими изданиями серьезные исторические исследования, богатые новым ценным фактическим материалом по отдельным вопросам, в целом защищает антинаучную концепцию, призванную подкрепить идею пресловутой «атлантической общности»⁴.

Тенденция к сглаживанию острых углов в изложении истории англо-американских отношений наметилась еще в 30-е годы XIX века. Можно, например, вспомнить вышедшую в Англии и США книгу Б. Вильсона «Дружеские отношения. Рассказ о британских послых и посланниках в Америке (1791—1930)», автор которой стремился убедить читателя в «конечном полном моральном единстве» англо-саксонской

⁴ Попытки «улучшить» историю не всегда диктуются только идеологами агрессивных военных союзов. Приглаживание истории является иногда отражением распространённых среди мелкобуржуазных кругов США, а также Западной Европы иллюзорных надежд на то, что создание наднациональных органов «атлантических» государств будет якобы способствовать социальному прогрессу, ликвидации розни между народами и, в конечном счете, предотвращению войн. Таким образом, тенденция к лакировке истории англо-американских отношений характерна не только для империалистических, реакционных историков, но и для пацифистской мелкобуржуазной историографии.

расы⁵. Другим примером служит монография реакционного историка Ч. Тэнсилла «Внешняя политика Томаса Байярда. 1885—1897 годы». Т. Байярд, один из активных организаторов англо-американского дипломатического конфликта 1895 г., избражен в книге борцом за «англо-саксонское единство»⁶. Р. Дэвис написал книгу об «атлантической системе» как истории «англо-американского» господства на море⁷ и т. д.

Непосредственно после второй мировой войны, в 1945 г., тогдашний президент Американской исторической ассоциации К. Хейс в традиционной речи на собрании историков США заявил, что пресловутая «граница» проникновения колонистов в глубь американского материка была рубежом европейской цивилизации и, следовательно, Великобритания и Соединенные Штаты вместе составляли «атлантическое сообщество»⁸. В связи с защитой идеи «исключительности» исторического пути

⁵ Wilson. Friendly relations. A narrative of Britains's Ministers and ambassadors to America (1791—1930). London. 1934.

⁶ T. Tansill. The foreign policy of Thomas F. Bayard. 1885—1897. New-York. 1940, p. VII. Впоследствии Тэнсилл стал главным представителем так называемой «ревизионистской» школы историков второй мировой войны, порицающих Т. Рузвельта за то, что он не договорился с гитлеровцами. Ср. также R. McElroy. The pathway of peace; an interpretation of some British-American crises. New York. 1927; A. Bürt. The United States Great Britain and North America from the revolution to the establishment of peace after the war of 1812. New Haven. 1940; G. Smith. The treaty of Washington 1871. Ithaca — New York. 1941; J. Boyd. Anglo-american union. Joseph Calloway's plan to preserve the British Empire. 1774—1788. Philadelphia. 1941.

⁷ F. Davis. The Atlantic system, the story of Anglo-american control of the seas. New York. 1941.

⁸ T. J. H. Hayes. The American frontier — Frontier of what? «The American Historical Review», 1946. January, pp. 199—216. Эта тема разрабатывается и в монографии W. P. Webb. The Great Frontier. Boston 1952. Часть ее была изложена автором на IX Международном конгрессе историков. Уместно напомнить, что так называемая социальная школа историков во главе с Тэрнером, напротив, рассматривала Англию как главную силу, мешавшую американскому движению на западные земли, а «экономическая школа» (Ч. Бирд, Г. Фолкнер, А. Шлезингер, В. Кларк и др.) — как препятствие на пути экономического прогресса США.

США и доктрины Монро американская историография настойчиво отстаивала и отстаивает идею «Западного полушария», или «Нового света», как группы стран, имеющих особый тип развития. Характерно, однако, что ныне один из наиболее видных американских историков, А. Уайтекер, счел идею «Западного полушария» типичной для мышления американского «изоляционизма», но совершенно устаревшей для периода «глобальной» политики США, которую они стали проводить с 1941 года⁹.

Как известно, Соединенные Штаты Америки возникли в результате длительной и упорной борьбы колонистов против колониального гнета Англии. До окончания войны за независимость разногласия, разделявшие английскую буржуазию и верхушку колонистов, являлись составной частью острых противоречий между подавляющим большинством населения колоний и правящими кругами метрополии. После окончания войны интересы господствующих классов Англии и США стали целиком определять отношения между двумя странами. На смену борьбы США за окончательное упрочение своей независимости против непрекращавшихся попыток Англии подчинить ее прежние колонии пришли англо-американские территориальные споры, торговая конкуренция, соперничество в странах Западного полушария и позднее на Дальнем Востоке. В специальных работах по истории начального периода англо-американских отношений нельзя было, конечно, совершенно обойти вопрос о противоречиях между Англией и США.

Однако современные американские авторы избирают темой исследования или выдвигают на первый план те сюжеты (или этапы) дипломатической истории, которые связаны с попытками сглаживания или преодоления англо-американских противоречий. Так, на сессии Американской исторической ассоциации в декабре 1953 г. была премирована монография Б. Перкинса, озаглавленная «Первое сближение. Англия и Соединенные Штаты в 1795—1805 г.»¹⁰. Еще дальше пошел А. Стилл, безуспешно пытавшийся опровергнуть собранные предшествующими ему исследователями факты

о враждебности США и Англии в начале XIX века¹¹.

В первое десятилетие после войны за независимость англо-американские отношения не раз стояли на грани разрыва. В 1794 г. английский губернатор Канады лорд Дорчестер объявил, что предполагается начало военных действий против США. Английский флот захватывал американские торговые корабли. В американском сенате не хватило лишь одного голоса для одобрения законопроекта о разрыве торговых отношений с Англией. В 1800 г. к власти в США пришла республиканская партия, занимавшая позицию, резко враждебную Англии. Отношения между двумя странами грозила война.

Новая американская историография пытается обойти молчанием эти факты и представить англо-американскую войну 1812—1814 гг. как случайный эпизод. Один из видных реакционных историков, С. Бемис¹², в своей «Дипломатической истории Соединенных Штатов» характеризует войну 1812 г. как «семейную ссору» и чуть ли не пролог к последующим «дружественным и полным симпатии отношениям между Соединенными Штатами и Великобританией»¹³. У. Уилкоксу, автору книги «Звезда империи», война 1812—1814 гг. представляется безобидным и случайным инцидентом, поскольку «коренное единство интересов..., определяло развитие на обоих концах Атлантики»¹⁴.

В действительности же война 1812—1814 гг. была подготовлена всей политикой Англии, которая велась на протяжении десятилетий после войны американских колоний за независимость. Спор в связи с занятием американскими войсками Западной Флориды в 1811 г. принял столь резкие формы, что Форейн оффис и военное министерство в Лондоне занялись детальной разработкой планов войны, включая организацию переговоров для свержения американского правительства и даже восста-

¹¹ A. Stell. Impressment in the Monro-Pinkney Negotiations. «The American Historical Review», 1952, January.

¹² Характеристику Бемиса см. Л. И. Зубок. Апология американской империалистической реакции в трудах С. Бемиса. «Вопросы истории», 1954, № 1.

¹³ S. Bemis. A Diplomatic History of the United States. Third edition. New York. 1950, p. 176.

¹⁴ W. Willcox. Star of Empire. A Study of Britain as a World Power 1485—1945. New York. 1950, pp. 162—163, 198.

⁹ A. Whitaker. The Western hemisphere idea: its rise and decline. Ithaca. 1955.

¹⁰ B. Perkins. The first Rapprochement: England and the United States 1795—1805. «The American Historical Review», 1954, April.

ния негров в южных штатах¹⁵. Как показал в своем известном исследовании «Экспансионисты 1812 г.» (Нью-Йорк. 1925) историк Д. Пратт, американские политики, мечтавшие об установлении главенствующего положения США в Западном полушарии, громко требовали захвата Канады, настаивали на изгнании Англии из Северной Америки и присоединении ее владений к Соединенным Штатам¹⁶.

Во время войны 1812—1814 гг. английские войска заняли Вашингтон и сожгли Белый дом и Капитолий¹⁷. Война не решила спорных вопросов, разделявших США и Великобританию. Поэтому несостоятельно утверждение, что после 1812—1814 гг. наступил период сближения между обеими странами. Подобный тезис развивает, например, Д. Дэнджерфилд в работе «Эра доброго согласия». Такую эру усмотрел он в 1815—1828 гг. и объявил ее результатом появления «либерального торизма» и роста фритредерских настроений в Англии¹⁸. Еще ранее Ч. Бирд и У. Бэгли в «Истории американского народа» уверяли, что после войны 1812—1814 гг. в англо-американских отношениях якобы наступил период доверия и сотрудничества¹⁹. Аналогичная точка зрения защищается и в работе «Северо-Атлантический треугольник» Бребнера, где Гентский договор 1814 г., заключением которого закончилась война, объявлен основой для последующих добрососедских отношений Англии и США, имевших «общие интересы в Атлантике и в мире»²⁰. В курсе истории США, составленном группой католических профессоров университета Нотр-Дейм и иезуитского Фордхемского университета (книга эта должна, по словам издателей, доказать «право» США на мировое

господство — нарисовать картину движения Америки «на пути к ее нынешнему предназначению — руководить миром»), защищается аналогичный тезис²¹.

Все это пишется о периоде, когда отношения США и Англии не раз находились накануне полного разрыва, чему в немалой степени способствовало стремление английской буржуазии задуть, как образно выразился известный политический деятель Англии Брум, «в колыбели подымающуюся промышленность Соединенных Штатов»²². Лондонская газета «Morning Chronicle» писала тогда, что «поток английских товаров, затопляющий американский рынок, был лучшим средством возратить нам позиции... которыми мы должны вновь овладеть»²³. Результатом английской политики были серьезные экономические потрясения в США²⁴.

Известный историк Д. Риппи, автор указанной выше монографии «Соперничество США и Англии в Латинской Америке (1808—1830)», опубликованной в 1929 г., и С. Бемис приводят высказывания американских государственных деятелей о том, что США в 1819 г. угрожал конфликт с Англией в связи с занятием американцами Флориды и казнью двух английских офицеров, а в 1822 г. — вследствие спора из-за Кубы. В своих мемуарах Джон Квинси Адамс, тогда государственный секретарь, а впоследствии президент США, рассказывает, что один из членов кабинета, в будущем вице-президент США, Калхаун, предлагал захватить Кубу «даже ценой войны с Великобританией». Другие члены кабинета, включая Адамса, в принципе соглашались с Калхауном, но выражали, однако, опасения, что война, возможно, «приведет к переходу этого острова в ее (Англии.— Е. Ч.), а не в наше владение...». Из воспоминаний Адамса видно, что «военная партия» в американском кабинете продолжала проявлять активность также в

¹⁵ J. Rippey. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America (1808—1830). Baltimore. 1929. pp. 37, 46—48 and oth.

¹⁶ J. Pratt. Expansionists of 1812. New York. 1925.

¹⁷ В работе Н. Адамса «The of War of 1812» (Washington. 1944) собран большой материал, показывающий ожесточение, которое вызвала война в правящих кругах воюющих стран.

¹⁸ G. Dangerfield. The era of good feelings (1815—1828). New York. 1951.

¹⁹ С. Beard and W. Bagley. The history of the American people. Second revised edition. New York. 1947, p. 246 и др.

²⁰ J. Brebner. North Atlantic Triangle. The interplay of Canada, the United States and Great Britain. New Haven—Toronto—London. 1945, pp. 88, 251, 327.

²¹ A. Abell, F. Flemming, P. Levack, T. McAvoy, L. Mannion. A history of the United States of America. Fordham University Press. 1951, pp. 162, 199.

²² «Hansard's Parliamentary Debates». 1816. Vol. 36, p. 1009.

²³ «The Morning Chronicle», 21 октября 1816 года.

²⁴ C. Ware. The early New England cotton manufacture. Boston and New York. 1931.

1823 г. и в последующие годы²⁵. Куба оставалась объектом борьбы между Лондоном и Вашингтоном в течение ряда десятилетий.

Соперничество США и Англии в Латинской Америке, как это документально доказано в исследованиях ряда американских историков, опубликованных до второй мировой войны, зародилось еще в самом начале XIX века. Между тем Л. Борнхолд, автор в целом интересной монографии «Балтимора и ранний панамериканизм. Изучение предпосылок доктрины Монро»²⁶ (1949 г.) ухитрилась игнорировать англо-американскую борьбу за Латинскую Америку в первые десятилетия XIX в. и ограничилась несколькими словами о весьма важном вопросе — соперничестве США и Англии в Мексике и на Кубе. У. Кауфман в не лишенной научных достоинств работе «Британская политика и независимость Латинской Америки 1804—1828 гг.»²⁷ полемизирует с английским ученым Г. Темперлеем, в известном исследовании которого «Внешняя политика Каннинга в 1822—1827 гг.» британский министр иностранных дел изображается поборником либерализма и самоопределения народов. У. Кауфман не разделяет восторгов Темперлея в отношении Каннинга и следует за А. Уайтекером, который в монографии «США и независимость Латинской Америки» упрекает Каннинга в том, что в годы его руководства внешней политикой англо-американское «сотрудничество серьезно обсуждалось, но никогда не было претворено в жизнь»²⁸. Вместе с тем У. Кауфман старается лишь приглушенно говорить об остроте борьбы между США и Англией и по возможности умалчивать о возникавших неоднократно после 1814 г. военных тревогах.

Особенному искажению подвергается сущность доктрины Монро, в значительной

мере направленной против Англии. Министр иностранных дел Великобритании Каннинг писал в этой связи Британскому послу в Вашингтоне о «явном стремлении Соединенных Штатов поставить себя во главе конфедерации обеих Америк и направить эту конфедерацию против Европы, включая Великобританию»²⁹. В свою очередь, признание Англией независимости латиноамериканских стран Каннинг рассматривал как ответный удар по США: «Именно они будут стороной, которая более всего потеряет от нашего решения»³⁰.

Указанные факты приводятся даже в таких известных курсах истории, как «Кембриджская история внешней политики Великобритании». Д. Риппи в книге о соперничестве США и Великобритании в Латинской Америке показал на основе большого документального материала, что это соперничество усиливалось из десятилетия в десятилетие.

Показателен пример англо-американской борьбы в Мексике, о которой много говорит в своем исследовании Д. Риппи. В 1823 г. в Мексику был направлен неофициальный представитель Англии Г. Макки, поставивший задачей борьбу против американского влияния в стране. Каннинг писал тогда, что Англия может из Мексики «создать мощную преграду для американского влияния» на страны Латинской Америки. Прибывший в мае 1825 г. в Мексику английский посланник Г. Уорд принялся за выполнение этого плана Лондона. Подчеркивая стремление США представить себя защитником интересов всех американских государств, Уорд указывал, что эта политика ведется в значительной мере для использования стран Западного полушария «на случай конфликта в будущем с Великобританией».

Занявший почти одновременно с Уордом пост американского посланника Поинсетт вынужден был констатировать, что Англия уже «обогнала» США в захвате выгодных позиций в Мексике. Уорд опирался на стоявшие у власти консервативные круги. Поинсетт был связан с либералами. Оба дипломата не жалели денег на подкуп газет и подачки различным политическим деятелям.

Выгодным преимуществом для Уорда в этой дипломатической войне были широко известные американские планы занятия Техаса. Выступая в роли защитника целост-

²⁵ J. Rippey. Указ. соч., стр. 70, 80—82 и др.; ср. S. Bemis. John Quincy Adams and the foundations of the American Foreign policy. New York. 1949.

²⁶ L. Bornholdt. Baltimore and early Pan-Americanism. A study in the background of the Monro Doctrine. «Smith College studies in history». Vol. 34. Northampton 1949.

²⁷ W. Kaufmann. British policy and the independence of Latin America 1804—1828. New Haven. 1951.

²⁸ A. Whitaker. The United States and the independence of Latin America. Baltimore 1941, pp. VII, 447 and oth.

²⁹ «Cambridge History of British foreign policy». Cambridge. 1923, Vol. II, p. 234.

³⁰ J. Rippey. Указ. соч., стр. 247.

ности мексиканской территории, Уорд настойчиво добивался принятия мер против американских колонизаторов в Техасе, составлял даже карты американских поселений в этом районе для представления президенту Мексики.

В 1827 г. Уорду удалось добиться посылки в Техас специальной комиссии мексиканского правительства во главе с антиамерикански настроенным генералом Тераном для расследования положения дел на месте. Когда распространились слухи о том, что Поинсет с помощью пришедших к власти либеральных министров надеется получить для США значительные территории на берегу Мексиканского залива, Уорд проявил большую активность, чтобы ликвидировать в зародыше этот план. Англия, разъяряя Уорд, «никогда не сможет смотреть равнодушно на то, что вся северная часть побережья Мексиканского залива и лучшие порты, находящиеся во владении этой страны (то есть Мексики.— *Е. Ч.*) на Атлантическом океане... попадут в руки американцев, которые получают таким образом средство, в случае разрыва с Англией, уничтожить всю нашу торговлю в (Мексиканском.— *Е. Ч.*) заливе»³¹. Более того, благодаря стараниям Уорда обширные территории в Северной Мексике были предоставлены «для колонизации» английскому генералу Уэйвеллу. Уорд поддерживал также и английского авантюриста Хентера, выдвинувшего план поселения на мексикано-американской границе индейских племен, чтобы, как писал английский посол, «сопротивляться всем попыткам расширения» со стороны США.

Английский представитель открыто обвинял Поинсета в стремлении спровоцировать гражданскую войну в Мексике, чтобы США могли захватить северную часть ее территории. В 1827 г., когда вспыхнул мятеж американских колонистов в Техасе, Уорд приложил все усилия для того, чтобы побудить мексиканские власти быстро организовать экспедиционную армию для подавления этого выступления американских плантаторов. Смена президентов и министерская чехарда в Мексике, были в значительной мере отражением растущей англо-американской борьбы. Кандидатуры соперничающих претендентов на власть поддерживались английским и американским посольствами.

Сменивший в 1827 г. Уорда новый посол Пакенхем продолжал прежнюю линию, всячески стремясь представить Англию «естественным союзником» Мексики и стараясь убедить мексиканское правительство, чтобы оно не питало «слепой доверчивости» к США. В 1829 г. английская дипломатия добились того, что мексиканское правительство потребовало отозвания Поинсета, скомпрометированного почти открытым участием в очередном военном перевороте. Американская печать громко обвиняла Англию в стремлении занять Техас, на который претендовали США. Так, влиятельная газета «Рипаблкен» писала, что «люди, знакомые с надменностью и всепоглощающей хищностью английского характера», убеждены в намерении Англии захватить Техас.

Учитывая эти бесспорные факты,— а выше были приведены лишь немногие примеры из обширного материала, имеющегося в старой американской литературе,— нельзя не отметить тенденциозность, которой проникнуто большинство новейших американских работ, отрицающих антианглийскую направленность доктрины Монро и борьбу Англии и США в Западном полушарии. По утверждению У. Уилкокса, доктрина Монро возникла как результат полного совпадения интересов США и Англии в Латинской Америке³². К. Бринтон в книге «Соединенные Штаты и Британия», вышедшей во внешнеполитической серии под редакцией бывшего заместителя государственного секретаря С. Уэллеса (кстати сказать, обнаружившего на дипломатическом поприще явно выраженную англофобию), представляет доктрину Монро в качестве основы фактического англо-американского союза. «Как охотно признают американские историки... Великобритания поддерживала нас своей дипломатией и флотом»,— пишет К. Бринтон и добавляет, что в отношении Латинской Америки «британская и американская политика совпадали»³³.

Такая позиция объясняет падение интереса современных американских и английских буржуазных историков также и к исследованию отношений США и Англии в 50—70-х годах XIX в., когда англо-американские отношения были крайне напряженными. В тех же трудах, где эти вопросы

³¹ Там же, стр. 96 и сл.; ср. J. Callahan. American foreign policy in Mexican relations. New York. 1932.

³² W. Willcox. Указ. соч., стр. 209—210.

³³ C. Brinton. The United States and Britain. Harvard university Press. 1948, p. 123.

затрагиваются, в частности в общих курсах, преобладают приглаживание и лакировка истории в угоду предвзятой концепции. Примером могут служить работы У. Хэма и Г. Паркса, претендующие на обозрение основных этапов исторического развития США³⁴. Еще более бесцеремонно аналогичная точка зрения проводится в американских курсах по истории Великобритании. Так, в «Истории Англии» Г. Смита нарисована идиллическая картина полного англо-американского сотрудничества в XIX веке. Автор настойчиво уверяет, что усиление американской экспансии шло на пользу Англии, что Лондон постоянно нуждался в поддержке Вашингтона и искал ее³⁵.

Подобные же тезисы развиваются в известной книге английского ученого Х. Аллена «Великобритания и США. История англо-американских отношений»³⁶. На протяжении тысячи с лишним страниц автор пытается доказать, что вся история США и Англии была путем к «полному единству усилий и политики»³⁷ этих государств. Для доказательств этого тезиса мобилизованы все мыслимые доводы: от «общности» истории и якобы даже сходного географического положения обеих стран (!) до утверждения, что Канада хоть и служила яблоком раздора, но в конечном счете способствовала «растущей сердечности англо-американских отношений»³⁸.

³⁴ W. H a m m. From colony to world power. A history of the United States. Boston. 1947; H. P a r k e s. The American experience. An interpretation of the history and civilization of the American people. New York. 1947; его же. The United States of America. A history. New York. 1953.

³⁵ G. S m i t h. A History of England. New York. 1949. Утверждения о «необходимости» для Англии опираться на поддержку США переходят из одной американской монографии в другую (см., например, H. S t o u t. British Government. New York. 1953).

³⁶ H. A l l e n. Great Britain and the United States. A History of Anglo-American Relations (1783—1952). London. 1954.

³⁷ См. рецензию К. Брэнда в «American Historical Review», 1956, January, p. 362.

³⁸ H. A l l e n. Указ. соч., стр. 26, 49, 51 и др. В некоторых работах, например, в монографии Макиниса по истории «неохраняемой» американо-канадской границы E. M c I n n i s. The Unguarded Frontier. A history of American-Canadian relations. New York. 1942, под маской дружеских уверений в английский адрес содер-

Между тем как раз факты серьезной борьбы за Канаду, не говоря уже о соперничестве обеих стран в Центральной и Южной Америке, полностью опровергают концепцию, которую защищают авторы упомянутых выше монографий.

В 1837 г. США поддерживали антианглийское восстание в Канаде. Обширный архивный материал, рисующий картину острой англо-американской борьбы, привел в своей монографии «Американская политика в отношении Канады» видный американский историк Кэллехен³⁹. В начале 40-х годов XIX в. на границе между штатом Мэн и Канадой происходила вооруженная борьба за обладание долиной Арустук. Как явствует из специальной монографии Д. Шмитца, английская дипломатия в те годы прилагала отчаянные усилия, чтобы не допустить аннексии Соединенными Штатами Техаса и утвердить в этой области английское влияние⁴⁰. Английские агенты пытались подготовить занятие Англией Калифорнии. Усиливался англо-американский спор за огромную северо-западную область Орегона, которая с 1818 г. находилась в совместном владении США и Англии. Еще в 1826 г. государственный секретарь Клей предъявил английскому правительству ультиматум, требуя отказа Англии от всей территории южнее сорок девятой параллели⁴¹. В 1844—1846 гг. вследствие американских требований об уступке всего Орегона США и Англия вновь находились на пороге войны: «Американцы облекли свое требование в агрессивную форму, выдвинув лозунг: «Параллель пятьдесят четыре — сорок или война»⁴². Лорд Эбердин от имени английского кабинета заявил в пар-

жится обоснование политики отрыва от Великобритании ее доминионов. Добавим, что легенда о «неохраняемой границе» разработана в статье канадца Стэси (C. S t a c e y. The Myth of the Unguarded Frontier. «The American Historical Review», 1950, October), несмотря на то, что сам автор находится в плену концепций, господствующих в американской буржуазной историографии: ср. A. C o r e y. The Crisis of 1830—1842 in Canadian-American Relations. New Haven. 1941.

³⁹ J. M. C a l l a h a n. American Foreign policy in Canadian relations. New York. 1937.

⁴⁰ J. W. S c h m i t z. Texan statecraft. 1836—1845. San Antonio. 1941.

⁴¹ G. W. F u l l e r. A history of the Pacific Northwest. New York. 1937.

⁴² У Ф о с т е р. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 279.

ламенте, что Англия предприняла военные приготовления в Канаде для защиты Орегона и не остановится перед войной⁴³.

Весь этот фактический материал, многократно приводившийся в старых американских исторических работах, отлично известен исследователям. Пытаться затемнить суть дела натянутыми рассуждениями о том, будто «Канада была постоянным связующим звеном между двумя странами, которое иногда казалось оковами и поэтому вызывало раздражение»⁴⁴, как это делает Г. Аллен, — значит вводить в заблуждение читателя. А ведь такими формулами пестрит не только книга Аллена, но и десятки других как названных, так и не упомянутых работ по истории англо-американских отношений. К тому же область разногласий отнюдь не ограничивалась и в тот период одной только Канадой. Американский историк Г. Фуллер показал в своей монографии, что во время войны США против Мексики (1846—1848) вашингтонское правительство не без оснований серьезно опасалось английского вмешательства⁴⁵.

Тогда же вновь усилилась англо-американская борьба за Панамский перешеек, Центральную Америку и Кубу, чреватая военным столкновением⁴⁶. США пытались воспользоваться для реализации своих планов Крымской войной, но встретили резкий отпор со стороны Англии. В октябре 1854 г. английский министр Грэхэм писал: «Мы быстро втягиваемся в войну с Соединенными Штатами»⁴⁷. В октябре 1855 г., несмотря на занятость английского флота в Черном море, сильная эскадра была отправлена в американские воды. Широкие размеры приобрело англо-американское соперничество и на Дальнем Востоке, особенно в Китае (значительный материал по этому вопросу приведен в старой, но не потерявшей и до настоящего времени интереса монографии Т. Деннета)⁴⁸. Как это было показано в ряде работ американских историков, экспансионисты, вроде адмирала Перри, строя планы громадных захватов на Дальнем

Востоке, постоянно имели в виду борьбу с Англией на Тихом океане⁴⁹.

В 30—50-х годах заметно обострилась и торговая конкуренция между США и Англией⁵⁰. К 1861 г. тоннаж американского торгового флота составлял уже 5,54 млн. т, тогда как водоизмещение всех торговых судов Англии и ее колоний не превышало 5,8 млн. тонн.

Старая американская и английская литература на основе большого фактического материала показала, как во время гражданской войны 1861—1865 гг. буржуазия Англии пыталась организовать интервенцию в пользу рабовладельцев и увековечить раскол Соединенных Штатов⁵¹. Именно позиция английской дипломатии и питала уверенность плантаторов в том, что Англии в случае прекращения подвоза хлопка из южных штатов грозит едва ли не революция⁵². Эта уверенность была одним из факторов, побудивших даже колеблющуюся часть рабовладельцев развязать гражданскую войну. О том, как расценивали политики северных штатов позицию английского правительства, можно судить хотя бы по утверждению одного из лидеров республиканской партии, Сомнера, что политика Англии якобы затянула на два года гражданскую войну и нанесла США убыток

⁴⁹ Там же, стр. 219, 273, 287 и др. Об англо-американских отношениях на Дальнем Востоке в середине XIX в. см. J. Callahan. *American Relations in the Pacific and the Far East 1709—1900*. Baltimore. 1901; E. Griffin. *Clippers and consuls. American Consular and Commercial relations with Eastern Asia. 1845—1860*. Ann Arbor. 1938; C. Crow. *Harris of Japan*. Chicago. 1939; F. R. Dulles. *America in the Pacific. A century of Expansion*. Boston and New York. 1938; F. Falk. *From Perry to Pearl Harbour*. New York. 1943; A. Walworth. *Black Ships of Japan*. New York. 1946.

⁵⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2. Изд. 2-е, стр. 514.

⁵¹ См. B. Villiers and W. Chesson. *Anglo-American relations 1861—1865*. London. 1919; E. Adams. *Great Britain and American civil war*. Vol. I—II. London. 1925; F. Owsley. *Kind Gotton diplomacy. Foreign relations of Confederate States of America*. Chicago. 1931; D. Jordan and E. Pratt. *Europe and American civil war*. Boston and New York. 1931; ср. М. Малкин. *Гражданская война в США и царская Россия*. М.—Л. 1939.

⁵² Заявление одного из главных идеологов южан, Янси. «*New York Daily Tribune*», 11 октября 1860 года.

⁴³ T. A. Bailey. *A diplomatic history of the American people*. New York. 1944, p. 241.

⁴⁴ H. Allen. Указ. соч., стр. 38.

⁴⁵ G. W. Fuller. Указ. соч., стр. 43.

⁴⁶ «*Cambridge History of British foreign policy*». Vol II, p. 270.

⁴⁷ J. F. Rippey. *America and the strife of Europa*. Chicago. 1938, p. 116.

⁴⁸ T. Dennet. *American in Eastern Asia* (1922). New York. 1941.

на астрономическую для того времени сумму — в два миллиарда долларов⁵³.

В 1866 г. американский конгресс обсуждал вопрос об аннексии Канады. При молчаливом одобрении правительства с американской территории совершались вооруженные рейды в Канаду. В 1869 г. сенат 54 голосами против одного отказался ратифицировать соглашение с Англией об урегулировании взаимных претензий. В послании к конгрессу в 1870 г. президент Грант, которого еще критиковали за «умеренность» в отношении к Англии, недвусмысленно указал, намекая на английские владения в Западном полушарии, что «связи Европы с этим континентом прекратятся по естественному ходу вещей»⁵⁴.

Эти достаточно известные факты, вошедшие в свое время даже в американские общепринятые курсы истории международных отношений, упоминаются здесь только для того, чтобы показать, насколько не вяжется с ними теория «исконного» и «неизменного» англо-саксонского «единства».

Но если в отношении периода до гражданской войны авторы, стремящиеся «улучшить» историю американско-английских отношений, допускают все же ряд оговорок и «исключений», то, повествуя о последней трети XIX в., эти историки защищают свои апологетические теории в совершенно неприкрытой форме. Одним из многих примеров может служить указанная выше работа С. Бемиса по истории внешней политики США, в которой автор сводит на нет значение англо-американских противоречий в Западном полушарии и на Дальнем Востоке. Бемис уверяет, что США и Англия стремились якобы разрешать не только столкновения между собой, но и все международные споры путем арбитража: «Дипломатия родственных по крови народов, чья оборона в некоторых районах мира стала ныне в возрастающей степени зависеть от их тесного сотрудничества, являлась ярким примером возможностей, даваемых этим средством примирения»⁵⁵.

Г. Аллен посвятил истории 1872—1898 гг. XIV главу своей книги, демонстративно дав этой главе заголовок «Спокойные годы». Возвращаясь, однако, к хорошо известным фактам, легко убедиться в том, что, догнав Англию по уровню промышлен-

ного производства, США в последнюю четверть XIX в. усилили борьбу против своего английского соперника. В 1889 г. по инициативе США был созван Панамериканский конгресс. Вашингтонское правительство предложило латиноамериканским государствам организовать таможенный союз, что привело бы к вытеснению английских товаров с рынков этих стран. В 1895 г. только вследствие отступления английского правительства перед ультимативными требованиями США была предотвращена американо-английская война⁵⁶. Американские экспансионисты выдвинули лозунг — изгнать Англию из Западного полушария. Трубадур американского экспансионизма сенатор Ллодж провозгласил: «От Рио-Гранде до Арктического океана может находиться только один флаг и одна страна»⁵⁷.

Тенденция к лакировке истории англо-американских отношений получила концентрированное выражение в известной книге профессора (в 1956 г. президента Американской исторической ассоциации) Д. Перкинса «Американский подход к внешней политике», на которой стоит остановиться несколько подробнее, так как основные ее положения являются типичными для новейшей американской апологетической историографии. В США, как утверждает Перкинс, никогда не было влиятельных кругов, которые были бы заинтересованы в проведении агрессивной политики; можно говорить о «почти беспрецедентном воздержании (США.— Е. Ч.) от политики силы по отношению к слабым государствам», об антиколониализме США, проявившемся в их действиях на Кубе и Филиппинах (!) и т. п. Правда, не доверяя убедительности подобных утверждений, слишком уж расходящихся с общеизвестными фактами, Перкинс добавляет, что, поскольку речь идет о Западном полушарии, надо «рассматривать экспансию Соединенных Штатов как вид биологического процесса, который едва ли можно было приостановить». Что же касается «Старого света», то, «как только завоевание Американского континента было закончено, естественно и неизбежно, что американский народ должен был начать смотреть за преде-

⁵⁶ См. Л. Зубок. Очерки истории США (1877—1918). М. 1956, стр. 176 и сл.; Р. Ганелин. «Доктрина Олнни» и ее фальсификация в империалистической историографии. «Вопросы истории», 1951, № 7.

⁵⁷ J. Pratt. Expansionists of 1898. Baltimore. 1936, p. 207.

⁵³ Z. Sears. A history of American foreign relations. New York. 1935, p. 344.

⁵⁴ «Cambridge Modern History», Vol. III, p. 222.

⁵⁵ S. Bemis. Указ. соч., стр. 405.

лы своих границ и стремиться играть большую роль на мировой арене». К тому же американская оккупация, оказывается, была благодеянием для других стран и народов, ибо «обеспечивала в каждом случае внутреннее спокойствие»⁵⁸.

В рамках этих «концепций» и излагается Д. Перкинсом история англо-американских отношений. Перкинс вообще отрицает факт борьбы за Латинскую Америку между США и Англией, объявляя, что их политика имела одно и то же направление, что у них существовал фактический союз или по крайней мере взаимопонимание. «Миролюбие» американского капитала якобы всегда настаивало его «в пользу соглашения с Британией», свидетельством чему являются, по мнению Перкинса, политика президента Вашингтона, действия федералистов в войну 1812—1814 гг., договоры Вебстера — Эшбёртона и Клейтона — Бульвера, заключенные во время нахождения у власти в США вигов, которые представляли интересы буржуазии. Перкинс приводит часто упоминаемую в современных работах угрозу Джефферсона во время переговоров с Францией о покупке Луизианы. Джефферсон говорил тогда, что в случае неуступчивости французского правительства США должны будут «соединить свою судьбу с британским флотом и британской нацией». Соглашение о нейтрализации великих озер Перкинс называет «символом взаимоотношений, которые едва ли имеют прецеденты в истории международных отношений между могущественными державами». Надо думать, и сам Перкинс, весьма любящий приклеивать название «беспрецедентный» к действиям правительства США, мог бы при желании вспомнить десятки примеров, когда подобные договоры являлись лишь передышкой между открытыми конфликтами. Много говорит Д. Перкинс в своей книге и о решении спорных вопросов между США и Англией в порядке арбитража. Этот способ он объявляет типичным для англо-американских отношений, а враждебные действия — редкими исключениями. Даже о конфликте 1895 г. Перкинс упоминает как о примере тяготения американской дипломатии к арбитражу⁵⁹.

Здесь нужно отметить, что и Д. Перкинс

и его многочисленные единомышленники в кругах реакционных ученых пытаются выводить причины англо-американских разногласий из простого различия во взглядах или даже из традиций периода борьбы английских колоний в Северной Америке за независимость. Попытки завуалировать экономическую основу англо-американского соперничества связаны с желанием преуменьшить это соперничество и воздать хвалу мнимому «бескорыстию» внешней политики США. Замалчивание экономической подоплеку англо-американского соперничества представляет собой также своеобразную «полемику» против исторического материализма, что отчетливо видно хотя бы на примере той же работы Перкинса.

В 90-е годы XIX в. Англия, несмотря на свое военное превосходство, отступила перед угрозой вооруженного конфликта с США. Так было и в 1895 г. в период борьбы за Центральную Америку (особенно за зону будущего Панамского канала) и в последующие годы. Ценой уступок Лондон стремился найти какую-то форму соглашения с Вашингтоном, чтобы развязать себе руки для борьбы против других своих империалистических соперников (сначала Франции и царской России, а впоследствии Германии). Однако достигнутое в результате этого некоторое улучшение англо-американских отношений после 1895 г. в американской буржуазной историографии преувеличивается. С. Бемис пишет об этом периоде как о времени «великого англо-американского арбитража» и далее предпочитает вообще не упоминать об англо-американских противоречиях. Лишь мимоходом он бросает замечания о случайности и мало-значительности вопроса о долгах или ограничении морских вооружений после первой мировой войны, игравших, как известно, столь большую роль в англо-американских отношениях, но одновременно заполняет десятки страниц повествованием о «растущем сотрудничестве» и бескорыстной «помощи» США Великобритании⁶⁰. Такую же интерпретацию событий содержат и уже упомянутые работы Бирда и Бэгли, Хэмма, Паркса, курс истории, написанный профессорами католических университетов, а также книга О. Бэрка и А. Блейка «После 1900 г. История США в наше время»⁶¹ и т. д.

⁵⁸ D. Perkins. The American approach to foreign policy. Harvard University Press. 1953, pp. 17, 23, 42 a. oth.

⁵⁹ Там же, стр. 14—15, 55, 98, 107, 108, 119.

⁶⁰ S. Bemis. Указ. соч., гл. XXIII.

⁶¹ O. Barck and A. Blake. Since 1900. History of the United States in our times. New York. 1947.

Трудно назвать послевоенное исследование американского буржуазного ученого, которое, затрагивая вопросы американско-английских отношений, было бы хоть отчасти свободным от этой односторонности.

Весьма типично освещение вопроса об англо-американских отношениях эпохи империализма в работах «придворного» историографа Рокфеллеров и Фордов профессора Колумбийского университета А. Невинса, получившего печальную известность своими призывами «переписать» историю США в интересах монополистического капитала⁶². «Основание для сердечного сотрудничества Америки и Британии,— утверждает Невинс,— было заложено в конце девятнадцатого столетия». Произошло же это якобы оттого, что будто бы США и Англия стали более демократическими странами, чем были прежде, и что Т. Рузвельт и Вудро Вильсон «заимствовали для своих социальных реформ английский опыт». «К 1920 г. можно было сказать, что англо-американская дружба, подобно панамериканскому соглашению, стала одной из традиций американской внешней политики»⁶³. Последним своим сравнением Невинс нечаянно разоблачает действительное отношение империалистических кругов США к «дружбе» с Англией.

Сводят на нет вопрос об англо-американских противоречиях и авторы книг, посвященных взаимоотношениям США с другими странами. Примером может служить работа Г. Клайна «Соединенные Штаты и Мексика»⁶⁴.

Аналогичными тенденциями проникнуты и сборники документов, изданные государственным департаментом. Еще в 1925 г. тогдашний государственный секретарь Келлог отдал сохраняющее и по сей день силу распоряжение о специальном отборе документов и сокращениях в их тексте при опубликовании в интересах внешней поли-

тики США⁶⁵. Широко привлекая эти подчищенные публикации, реакционные историки сознательно игнорируют источники, которые проливают свет на подлинный характер англо-американских отношений. Историография «большого бизнеса» старается дискредитировать старую литературу, в которой было все же хоть отчасти показано, как монополии, вроде «Стандарт ойл», вели руками вашингтонского правительства борьбу против своих английских соперников⁶⁶. Таким образом, помимо прямого замалчивания «неудобных» фактов, тенденциозного подбора источников, всяческого выпячивания совместных действий США и Англии против других государств и т. п. главным приемом при «пересмотре» истории англо-американских отношений эпохи империализма стало в американской реакционной историографии полное игнорирование борьбы монополистов за передел мира.

Несомненно, однако, что в самом конце XIX и начале XX в. произошло известное дипломатическое сближение между Англией и США. В основе этого сближения лежали рост экономических связей и совместная борьба против других империалистических держав. Но одновременно взамен прежних споров на первый план выдвигалась борьба английских и американских монополистов за экономический раздел мира, за рынки сбыта и сырья, за сферы приложения капиталов. Стальной трест, «Стандарт ойл» и другие гигантские монополии США вторглись в сферу Британской империи, добрались до рынка самой Англии, бывшей еще недавно «промышленной мастерской мира» (этому вопросу посвящена опубликованная в 1940 г. в США монография Хейнделя)⁶⁷.

В условиях растущего англо-германского антагонизма Великобритания должна была под давлением США пойти на ряд серьезных уступок: вывести свои военные корабли из Караибского моря, согласиться на монопольное владение США Панамским каналом, предоставить Вашингтону право ре-

⁶² См. Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 32 и сл.

⁶³ A. Nevins. The United States in a chaotic world. A chronicle of international affairs 1918—1933. New Haven—Toronto—London. 1950. Еще более полно замалчивается вопрос об англо-американских противоречиях в книге Невинса, посвященной истории США 30—40-х годов XX в. (A. Nevins. A New Deal and world affairs. A chronicle of international affairs 1933—1945. New Haven—Toronto—London. 1950); см. также L. Hacker and H. Zahler. The United States in the 20th Century. New York. 1952.

⁶⁴ H. Cline. The United States and Mexico. «Harvard University Press». 1953.

⁶⁵ «The Department of State Bulletin». 1952, p. 1002—1004. По разъяснению этого официального органа государственного департамента, публикации документов в силу этого распоряжения превращены в «исторический голос Америки».

⁶⁶ См. E. Davenport, S. Cooke. The Oil trusts and anglo-american relations. London. 1923.

⁶⁷ R. Heindel. The American impact on Great Britain 1898—1914. Philadelphia—London. 1940.

шать судьбу стран Карибского моря и т. д. Английская буржуазия была вынуждена отступить и в борьбе за преобладающее влияние в латиноамериканских странах, но это лишь обостряло борьбу⁶⁸. Американские экспансионисты, включая президента Тафта, вновь потребовали присоединения Канады к США⁶⁹. Все большую антиамериканскую направленность обнаруживал англо-японский союз на Дальнем Востоке⁷⁰. После начала первой мировой войны, наживая сотни миллионов на военных поставках Антанте, США в то же время резко нападали на английскую политику блокады. Осенью 1914 г. президент Вильсон в беседе со своим советником Хаузом говорил, что сложившаяся обстановка напоминает ему ту, в какой началась англо-американская война 1812—1814 годов⁷¹. Вступление США в войну на стороне Антанты не устранило американско-английских противоречий. Недаром Вильсон писал Хаузу: «Взгляды Англии на мир не имеют ничего общего с нашими. Когда окончится война, мы заставим их (англичан.— Е. Ч.) принять нашу концепцию мира». Чтобы истощить своих союзников, США сознательно затягивали войну⁷².

Развитие капитализма, как известно, обнаруживает тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, уничтожает национальную замкнутость, связывает страны с помощью международного разделения труда. Эти тенденции были сильны и в отношениях Англии и США, чему способствовали эмиграция, общность языка и культурная близость. Фактический

материал по упомянутой теме, собранный в исторической литературе⁷³, ныне используется рядом американских и английских авторов, чтобы доказать существование в XX в. и даже еще ранее, в XIX в., пресловутой «атлантической цивилизации»⁷⁴. Однако эти авторы предпочитают забывать тот факт, что взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий складывались в ходе развития капитализма не на основе сотрудничества, а в результате борьбы и подчинения одних стран другими. Эта борьба порождает неизбежные конфликты и войны.

Следует вновь повторить, что тенденциозность многих американских буржуазных работ по истории англо-американских отношений, конечно, не исключает того, что ряд монографий содержит новый, часто интересный материал. Однако предвзятая концепция, которой придерживаются их авторы, в большой мере обесценивает такие работы.

Нет сомнения, что вопрос об истории англо-американских отношений будет привлекать внимание прогрессивных историков за рубежом и особенно советских исследователей, которым должна принадлежать большая роль в изучении этой важной проблемы.

Е. Б. Черняк

⁷³ См. М. Hansen. *The Atlantic Migration 1607—1860*. Cambridge (Mass). 1940; O. Handlin. *Boston's immigrants, 1790—1865*. Cambridge (Mass). 1941; K. T. Berthoff. *British immigrants in industrial America. 1790—1950*. Cambridge (Mass). 1953 и др.

⁷⁴ F. Thislethwaite. *Atlantic partnership*. «The Economic History Review», 1954, Aug. Vol. VII, № 1, p. 2. Американские авторы подчеркивают, что, принимая эмигрантов и заимствуя европейскую цивилизацию, США взамен «экспортировали» новые идеи, важные для развития Европы. Часто эти авторы безмерно преувеличивали роль американского влияния (например М. Краус. *The Atlantic civilization: eighteenth century origins*. «Cornell University Press». 1949). Британские историки, напротив, подчеркивают роль англичан в экономическом и культурном развитии США. Основная историческая литература, изданная в США и Западной Европе в связи с теорией «атлантической цивилизации», приведена в докладе Ж. Годшо и Р. Палмера «Проблема Атлантики в XVIII—XX веках», прочитанном на X Международном конгрессе историков в Риме (см. «X Congresso Internazionale di Scienze Storiche Relazioni». Firenze. 1955. Vol. V, pp. 175—239).

⁶⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 22, стр. 260.

⁶⁹ A. Weinberg. *Manifest destiny. A Study of nationalist expansionism in American history*. Baltimore. 1935, p. 369—377. О соперничестве в Мексике см. М. Альперович. *Империалистическая политика США в Мексике в 1913—1914 годах*. «Вопросы истории», 1950, № 5.

⁷⁰ А. Гальперин. *Англо-японский союз 1902—1921 годов*. М. 1947, стр. 270 и сл.

⁷¹ «Архив полковника Хауза». Т. I. М. 1937, стр. 97; ср. Д. Ллойд Джордж. *Военные мемуары*. Т. I—II. М. 1934, стр. 560 и сл.

⁷² Я. Цитович. *О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 году*. «Вопросы истории», 1950, № 12. Пресловутые «14 пунктов» Вильсона содержали немало требований, неприемлемых для Англии («свобода морей», «снятие торговых барьеров» и т. д.).

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КОРЕИ

(В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ В СВЕТ I ТОМА «ИСТОРИИ КОРЕИ»)*

История Кореи не могла найти правильного отражения ни в старой феодальной историографии, ни тем более в историографии японских колонизаторов, которые в целях духовного порабощения корейского народа всячески стремились фальсифицировать историю страны. Немногочисленные тогда работы прогрессивных корейских историков буквально терялись в массе империалистических фальсификаций и оставались неизвестными широким массам читателей.

Лишь с освобождением страны Советской Армией в августе 1945 г. открылись возможности для развития в Корее подлинной исторической науки. Возникшие в первые месяцы после освобождения прогрессивные научные общества и организации: «Союз ученых», «Институт изучения общественных наук», «Институт изучения национальной культуры», «Институт изучения корейской экономики» и другие — приступили к изданию своих печатных органов¹. В 1946 г. в Сеуле было издано несколько коллективных работ: «Социально-экономическая история Кореи при династии Ли», «Социально-экономическая история Кореи под властью японского империализма», «Освобождение Кореи и первоапрельское движение» и другие, — в которых исследовались наиболее актуальные вопросы истории экономического развития и национально-освободительного движения в стране. Однако установление в Южной Корее террористического режима американских оккупантов и лисынмановской клики помешало дальнейшей работе прогрессивных историков. Только в Север-

ной Корее, ставшей оплотом демократического развития корейского народа, были созданы условия для их плодотворной деятельности. Решением Народного комитета Северной Кореи в начале 1947 г. была учреждена постоянная комиссия по составлению истории страны, ставшая центром научно-исследовательской работы в области корейской истории и значительно содействовавшая научной разработке многих проблем корейской истории.

В 1947 г. комиссия опубликовала сборник исследовательских статей² и книгу Ли Чен Вона по новой истории³, а с 1948 г. начала издавать журнал «Ёкса че мундже» («Вопросы истории») ⁴.

Несмотря на трудные условия в период войны против иностранных интервентов, корейские историки не прекращали творческой работы. Постоянная комиссия готовила к изданию труды по древней и средневековой истории⁵. Во время войны была создана Академия наук Корейской Народно-Демократической Республики, в составе которой учреждены Институт истории и Институт истории материальной культуры (теперь Институт археологии и этнографии).

После окончания Отечественной войны корейского народа деятельность историков Корейской Народно-Демократической Республики стала особенно плодотворной. На страницах нового исторического журнала, «Ёкса квахак» («Историческая наука», издается с января 1955 г.), и других периодических изданий, в отдельных монографиях

* «Чосон тхонса» (сан). Чосон минчжучжу инмин конхвагук квахаквон ёкса ёнгусо (пхёнчжиб). «История Кореи» (Общий очерк). Т. I. Издание Института истории Академии наук КНДР. Пхеньян. 1956. 6 + 3 + 536 стр. В дальнейшем ссылки на настоящую работу даются в тексте.

¹ Перечень печатных органов того времени, а также важнейших трудов, вышедших в Южной и Северной Корее после освобождения, дается в статье Пак Кён Сик. Тёсэн рэкиси гаккай но доко (Тенденции в корейской исторической науке), опубликованной в японском историческом журнале «Рэкиси гаку канкю» («Исторические исследования»), 1955, июнь, № 186, стр. 30—33.

² «Чосон ёкса ёнгу нонмунчип» («Сборник исследовательских статей по истории Кореи»). Пхеньян. 1947.

³ Ли и Чен Вон. Чосон кынздэ ёнгу. Пхеньян. 1947 (русский перевод: Ли Чен Вон. Очерки по новой истории Кореи. М. 1952).

⁴ Всего вышло 19 номеров. Издание журнала было прервано в связи с началом войны в июне 1950 года.

⁵ «Чосон кодэ са» («Древняя история Кореи»). Пхеньян. 1951; «Чосон чунсе са» («История Кореи в средние века»). Ч. 1. Пхеньян. 1954. Наряду с достоинствами указанных работ по древней и средневековой истории корейская научная общественность отметила в них и ряд существенных недочетов. См. об этом в журнале «Ёкса квахак» («Историческая наука»), 1955, № 1, стр. 89—101; № 5, стр. 6; № 9, стр. 109—112.

и публикациях⁶ успешно разрабатываются наиболее актуальные вопросы истории корейского народа. Центральной задачей историков КНДР остается составление обобщающего научного труда по истории Кореи с древнейших времен до наших дней.

К настоящему времени Институт истории Академии наук КНДР закончил работу над двухтомником, охватывающим все периоды истории страны. Рассматриваемый нами первый том, вышедший весной 1956 г. (второй том находится в печати), охватывает историю Кореи с древнейших времен до середины XIX в., то есть до начала проникновения в Корею иностранных капиталистических держав и их колониальной экспансии.

В процессе подготовки к изданию книга неоднократно обсуждалась в научных лективах КНДР. Книга обобщает итоги научно-исследовательской работы корейских историков за все десятилетие после освобождения страны; поэтому она определенно отражает современное состояние исторической науки в КНДР и служит свидетельством ее несомненных крупных достижений. В книге впервые сделана попытка марксистского обобщения процессов корейской истории на протяжении двадцати с лишним веков, и история Кореи представлена как процесс прогрессивного развития производительных сил и производственных отношений, как история народных масс — создателей материальной и духовной культуры. Но вместе с тем работа над первым томом «Истории Кореи» показала, что впереди еще стоят огромные задачи по исследованию многих, подчас даже коренных проблем корейской истории. В предисловии отмечается, что в книге не нашли полного научного решения такие проблемы, как вопрос о характере общественного строя в древнем Чосоне, а также в трех государствах (Когурё, Пэкче и Силла), не освещена в должной мере история государства Бохай, не дана всесторонняя характеристика сирхакского движения, а

равно и влияния христианства на движение общественной мысли в Корею в XVIII в. (стр. 2—3).

Поскольку в книге дается оригинальное освещение ряда спорных или не решенных до этого вопросов корейской истории, нам представляется интересным хотя бы кратко рассмотреть некоторые из них в свете трактовок, имеющихся в современной корейской исторической науке.

Основную трудность при создании первого марксистского очерка общей истории Кореи составлял, вероятно, вопрос о правильной периодизации. Книга состоит из глав: «Первобытно-общинный строй и его падение», «Формирование и развитие трех государств» (Когурё, Пэкче и Силла.— М. П.), «Объединение трех государств под главенством Силла», «Развитие феодальных отношений в Силла», «Установление династии Корё. Утверждение феодального строя и централизованного государства», «Отражение киданьских нашествий в 993—1018 годах», «Развитие производства и торговли и подъем культуры во второй половине XI века», «Крестьянские восстания XII века», «Борьба народа Корё против монгольских захватчиков. Монгольское иго», «Падение королевской династии Корё и возвышение династии Ли», «Развитие общественного производства и культуры в первой половине XV века», «Усиление феодального гнета и эксплуатации, подъем антифеодальной народной борьбы», «Отечественная война против японских захватчиков в 1592—1598 годах», «Нашествия чжурчженей (маньчжуров) в 1627 и 1636 годах. Развитие товарно-денежных отношений после середины XVII века», «Социальные условия с середины до конца XVIII в. и подъем сирхакского движения», «Загнивание феодальной системы в первой половине XIX в. и подъем крестьянских восстаний». В этих главах путем выявления главных процессов исторического развития намечены основы периодизации истории Кореи до середины XIX века. Однако приведенную периодизацию едва ли можно считать безупречной, ибо хотя в книге и сделана попытка представить историю Кореи как историю развития производительных сил и производственных отношений, как историю созидательной деятельности народных масс, их борьбы против внутренних угнетателей и иноземных захватчиков, в таком распределении материала не видно ясно выраженного принципа периодизации.

⁶ Список книг и статей по истории Кореи, изданных в Северной Корею с 1946 г. до середины 1955 г., см. в приложении к журналу «Екса квахак», 1955, № 8, стр. 117—128; см. также обзор журнала «Екса квахак» за 1955 г. в журнале «Советское востоковедение» (1956, № 4) и заметки М. Н. Николаева о новых книгах по истории феодализма в Корею, опубликованные в «Вопросах истории» (1957, № 1)

Недостаточная изученность многих вопросов истории экономического развития Кореи, отсутствие единого мнения корейских историков по ряду ее коренных проблем, конечно, весьма затрудняют выработку бесспорной марксистской периодизации истории Кореи дофеодального и феодального периодов. Во всяком случае в заголовках 5-й главы («Установление династии Корё») и 9-й главы («Падение королевской династии Корё и возвышение династии Ли») отражается традиционная периодизация по династиям или по правлениям отдельных феодальных властителей. Остается немотивированным распыление однородного материала по отдельным главам.

Поскольку научная периодизация обусловлена внутренней сущностью исторического процесса в определенные отрезки времени, вопрос об ее уточнении тесно связан с выяснением изменений социально-экономических отношений в истории корейского общества. Как раз эти вопросы и являются наиболее спорными, непрестанно служащими предметом дискуссий среди корейских историков.

История первобытно-общинного строя на территории Кореи освещена в книге по данным археологических исследований и письменным источникам китайского происхождения. Формы материальных памятников и характер их распространения на территории Корейского полуострова позволяют установить не только общность в культурном развитии древних корейских племен, но и различия в их уровне, а также сложную картину внешних влияний (Китай и др.). В отличие от некоторых исторических работ⁷, в которых отрицается существование на территории страны периода бронзы и отстает тезис о скачкообразном переходе от камня к железу, в «Истории Кореи» отмечаются находки бронзовых изделий не только китайского, но и корейского происхождения (стр. 9—10).

Характеристику корейских племен эпохи разложения первобытно-общинного строя (Когурё, Окчо, Емэк, Хань и др.), данную

на основе анализа письменных источников, можно считать в основном верной. Нам, однако, представляется неубедительным утверждение о том, что сельское хозяйство у племен Хань велось не коллективно, а отдельными семьями (стр. 14). Это утверждение аргументируется тем, что хлеба в течение всей зимы оставались на полях. Но ведь это могло происходить независимо от того, велось ли хозяйство коллективно или индивидуально.

Несмотря на оговорку в предисловии, в книге дается вполне определенный ответ по дискуссионному вопросу о социально-экономической природе древнего Чосона: «В древнем Чосоне, который находился на высшей ступени первобытно-общинного строя и представлял собой союз племен, опирающийся на деревенские общины, князя («ху» или «ваны») являлись верховными вождями союза племен и выступали в качестве представителей вождей отдельных племен. Несомненно, уже возникла определенная политическая организация, но по сравнению с бюрократическим аппаратом сильного классового государства она была еще крайне молода, и только по мере того, как ван укреплял свои позиции в экономическом, политическом и военном отношениях, общество это быстро вступало в полосу перехода к классовому государству. Древний Чосон в то время находился как раз накануне перехода в эпоху цивилизации» (стр. 24).

Если учесть, что источники почти ничего не говорят об уровне социально-экономического развития древнего Чосона, столь категоричная характеристика едва ли правомочна. Но еще более сложным является, пожалуй, не затронутый в книге вопрос о точном определении местонахождения древнего Чосона и учрежденных на его месте четырех округов Ханьской империи, главным из которых являлся Лолан (по-корейски Наннан или Аннан). Решение этого вопроса целиком зависит от точности определения, где протекала упоминаемая в источниках река Пхэсу, на которой находился центр Чосона. Известно, что в древности так назывались и река Ляо (Северо-Восточный Китай) и река Тэдонган (Северная Корея). По японской официальной историографии древний Чосон, а затем Ханьский административный округ Лолан находились в районе современного Пхеньяна. Такая трактовка была подчинена японской империалистической концепции о вечности колониального положения Ко-

⁷ См. Ким Кван Чжин. О процессе возникновения феодального строя в Корее. «Ёкса квахак», 1955, № 8, стр. 35 и сл. Против концепции Ким Кван Чжина выступил археолог То Ю Хо в статье «Действительно ли не было рабовладельческой эпохи в истории Кореи?». «Ёкса квахак», 1956, № 3.

реи. Поэтому после освобождения страны проблема топографии Чосона и ханьских округов привлекла внимание корейских историков.

В 1950 г. Чон Се Хо в статье «К вопросу о местонахождении древнего Чосона»⁸ на основе критического сопоставления письменных китайских источников пришел к выводу о правильности мнения корейских историков XVIII в., что Чосон находился в бассейне реки Ляо. Однако концепция японской реакционной историографии опиралась на тот факт, что в ходе археологических раскопок в районе Тэдонгана были обнаружены материальные памятники ханьского типа. Корейский историк и археолог Ли Ё Сон⁹, рассмотрев данные о раскопках ханьского поселения в районе современного Пхеньяна, считает, что оно не могло быть административным центром ханьского округа Лолан, а являлось обычной для того времени маленькой торговой факторией, основанной выходцами из Ханьской империи. Окончательное решение проблемы местонахождения древнего Чосона, несомненно, опирается в слабую археологическую изученность района реки Ляо.

Во всяком случае, можно полагать, что завоевание Чосона войсками Ханьской династии (109 г. до н. э.) и учреждение на его территории административных округов создали возможность непосредственного влияния Китая на экономическое, политическое и культурное развитие многочисленных племен, населявших не только северную, но и южную часть Корейского полуострова. Памятники ханьской культуры обнаружены археологами от бассейна Тэдонгана до крайнего юго-востока Кореи (стр. 26). Однако дальнейший прогресс и политическая консолидация корейских племен, а также распад Ханьской империи и наступление длительного периода политической раздробленности в Китае привели к ликвидации китайского влияния и образованию ряда корейских государств.

До сих пор остается нерешенным вопрос о времени возникновения трех государств (Когурё, Пэкче, Силла) и их социально-экономической природе; поэтому в «Истории Кореи», прежде чем трактовать этот вопрос, дается обзор различных точек зре-

ния, высказанных в ряде работ¹⁰ и в устной дискуссии, организованной в 1953 г. Академией наук КНДР. Как известно, одна группа корейских историков считает обществу периода трех государств рабовладельческим, другая рассматривает его в качестве раннефеодального и, наконец, третья группа приходит к заключению, что два государства (Когурё и Пэкче) являлись рабовладельческими, а развившееся после них государство Силла сложилось как феодальное¹¹.

Эти научные споры ведутся в корейской историографии уже четверть века. В начале 30-х годов, когда марксистская историография в Корее еще только зарождалась, появились первые работы, в которых корейское общество периода трех государств рассматривалось как рабовладельческое — типа античной Греции. Это мнение получило довольно широкое распространение, несмотря на отсутствие достаточно убедительного обоснования. После 1945 г. сторонники этой концепции старались подкрепить ее новыми аргументами. Так, для объяснения того факта, что в указанных государствах имелось многочисленное зависимое крестьянство, они выдвинули версию о том, будто зависимые крестьяне формально считались крепостными, а по существу являлись рабами. Некоторые историки, отказавшись от утверждения, что в Корее существовало развитое рабовладение античного типа, и признавая наличие эксплуатации зависимого крестьянства, полагают, что господствующим

¹⁰ В статье, посвященной социально-экономической характеристике Силла («Вопросы истории», 1956, № 7, стр. 49—50), нами уже упоминались работы Пэк Нам Уна, Хан Гир Ена и Ли Ён Су, отстаивающих тезис о рабовладельческом характере трех государств, а также статья Ким Кван Чжина, который в противоположность им считает эти государства раннефеодальными. На страницах «Ёкса квахак» в течение 1956 г. появились статьи То Ю Хо. Действительно ли не было рабовладельческой эпохи в истории Кореи? (№ 3, стр. 15—77) и Ли Ён Су. Еще раз по вопросу об эпохе рабства в Кореи (№ 5, стр. 26—54), признающие существование рабовладельческой формации в истории Кореи, а также статья Ким Кван Чжина. О некоторых вопросах, касающихся социально-экономического строя в период трех государств (№ 5, стр. 1—25; № 6, стр. 10—40), являющаяся ответом на полемическую статью То Ю Хо.

¹¹ Эти группы вполне выявились в ходе дискуссии, организованной Институтом истории АН КНДР в конце октября — начале ноября 1956 года (см. «Вопросы истории», 1957, № 5).

⁸ См. «Ёкса че мундже», 1950, № 2, стр. 2—21.

⁹ См. «Ёкса квахак», 1955, № 5, стр. 84—102.

шей формой производства в период трех государств все-таки являлось хозяйство, основанное на рабском труде¹².

В подтверждение этого тезиса они ссылаются на многочисленные войны, имевшие целью захват рабов, на законы, допускавшие порабощение свободного населения, а также на «рабовладельческую идеологию», которая якобы нашла отражение в культуре. Как справедливо отмечается в «Истории Кореи» (стр. 77), в их концепции выпали из внимания такие явления, как сохранение во многих районах пережитков первобытнообщинных отношений, при сохранении (а в значительной мере и на базе) которых выросли монархическая власть и государственная форма земельной собственности, весьма широкое распространение мелкого хозяйства свободных крестьян, ограниченные возможности для развития товарно-денежных отношений и прочее. Сторонники этой концепции не дают объяснения форм эксплуатации зависимого (или порабощенного) крестьянства, не показывают процесса перехода от рабовладельческой системы к феодализму.

Оппоненты этой концепции придают большое значение сохранившимся в период трех государств формам общинных отношений, в которых они усматривают главный фактор, помешавший развитию рабовладельческой системы. Среди других факторов, действовавших в том же направлении, они отмечают отсталость ремесла, неразвитость товарно-денежных отношений, отсутствие крупных ирригационных сооружений, строительство которых требовало бы массового применения рабов и т. п. Эти ученые (прежде всего Ким Кван Чжин) считают период трех государств раннефеодальным. Подчеркивая большое влияние Китая на развитие производительных сил Кореи в эпоху первобытнообщинного строя, они полагают, что в общественном развитии корейских племен произошел скачок от первобытности к феодальным отношениям, а рабовладельческое хозяйство, едва возникшее в конце первобытной эпохи, не получило дальнейшего развития. В подтверждение своего тезиса они расценивают взимавшиеся с

крестьян государственные налоги как феодальную ренту, обусловленную государственной собственностью на землю¹³. Однако, как отмечается в «Истории Кореи», сторонники этой концепции не смогли глубоко обосновать свое отрицание рабовладельческой системы, не смогли выявить конкретных особенностей раннего феодализма в Корее и, в частности, не дали научного анализа положения мелкого крестьянства, объяснения причин длительного сохранения общинных отношений и крайне медленного развития ремесла и денежных отношений; они необоснованно отрицают применение бронзы и самостоятельное открытие железа в Корее. Наконец, аргумент о китайском влиянии на развитие феодализма в Корее признается уязвимым, поскольку еще не решен вопрос о времени перехода от рабовладения к феодализму в самом Китае.

Представители течения, считающего государство Когурё и Пэкче рабовладельческими, а Силла — феодальным, применяют для Кореи аналогично с отношениями между древним Римом и германскими племенами; они полагают, что более развитые рабовладельческие государства (Когурё и Пэкче) способствовали оформлению феодальных отношений в Силла, в которой процесс развития государства начался позже.

В книге отмечается, что само по себе выдвигание за последнее время проблемы факторов, сдерживавших или исключавших развитие в Корее классических форм рабовладения, или признание факта значительного развития рабовладения в Корее в указанную эпоху является прогрессом в изучении социально-экономического строя древнекорейских государств.

Лим Гон Сан излагает конкретную историю трех государств, не поддерживая прямо какой-либо из указанных выше точек зрения. О государстве Когурё, возникшем в ходе вытеснения китайской феодальной администрации и покорения соседних общин сильным когурёским племенем, в «Истории Кореи» говорится, что оно «не являлось государством, ликвидировавшим остатки деревенского общинного строя и стоявшим на его развалинах, а, наоборот,

¹² В этом отношении весьма характерны статьи Хан Гир Ена. Процесс формирования древнего государства в Корее (Чосон ёкса ёнгу нонмунчип), Пхеньян, 1947, стр. 298—299, и Ли и Ын Су. Исследование истории рабовладельческой эпохи в Корее. «Ёкса че мунчже», 1949, № 9—11.

¹³ См. Ким Кван Чжин. Процесс возникновения феодального строя в Корее. В связи с вопросом о том, существовала ли в Корее рабовладельческая формация. «Ёкса квахак», 1955, № 8, стр. 11—39; № 9, стр. 37—68.

государством, возникшим на фундаменте общинного строя», что поэтому «для установления господства над деревенскими общинами в пределах своей государственной территории (а равно и для борьбы с вторжениями северных племен и китайских войск, как отмечается в другом месте. — М. П.) правящий класс Когурё нуждался в сильной монархической власти» (стр. 33). Упомянутые в источниках земельные дарения «сикып» или «кормленные владения» (то есть земли, даваемые в кормление) рассматриваются в «Истории Кореи» только как форма временной уступки ваном (королем) права контроля над податными деревенскими общинами (стр. 34). Формой эксплуатации зависимого населения являлись натуральные налоги, но в книге придается также очень большое значение эксплуатации рабов.

Продвижение когурёского государства на юг излагается Лим Гон Саном в связи с якобы имевшим место усиленным хозяйственным применением рабов. Он пишет, что «занятие плодородных земель к югу от реки Чхончхонган усиливало государственное применение рабского труда», что поэтому «в середине III века когурёский король провозгласил закон, которым строго запрещались жертвоприношения рабами», и что «с этого же времени особенно усиливаются войны господствующего класса Когурё за захват рабов» (стр. 39). Таким образом, для подтверждения тезиса о массовом применении рабов в производстве приводятся довольно распространенные аргументы о том, что отмена человеческих жертвоприношений является показателем роста хозяйственного значения рабов, что частые захватнические войны имели своей целью пополнение рабов за счет пленных. Но эти доводы нельзя назвать убедительными, прежде всего потому, что ими нельзя заменить отсутствующие в источниках данные о массовом производственном применении рабов. Вопрос о применении рабов в Пэкче и Силла изложен в том же духе. Так, относительно Пэкче сообщается: «Захваченные в многочисленных войнах сотни, тысячи, а временами и десятки тысяч пленных,— все они превращались в рабов правящего класса Пэкче» (стр. 44). Для подтверждения тезиса о значении рабовладения более убедительна, пожалуй, ссылка на сообщение «Цзю Тан шу» о том, что в Пэкче убийцы могли откупиться от казни, отдав взамен трех своих рабов (стр. 44).

После заявления, что в Силла, подобно Когурё и Пэкче, основной формой эксплуатации была эксплуатация государством населения деревенских общин, автор стремится и здесь увидеть сильное развитие рабовладельческого хозяйства. Так, без достаточно веских оснований он считает, что факт переселения жителей двух завоеванных во II веке н. э. общин — Сильчжик и Апток — в район южнее Кёнчжу находится «в определенной связи с ростом рабовладельческого хозяйства» (стр. 50). Для обоснования тезиса о развитии в Силла рабовладения Лим Гон Сан делает также ссылки на упоминания источников о рабах-китайцах, принадлежавших одному из племен Хань, о продаже детей голодающими в Силла, а также на известные факты о захватнических войнах и об отмене человеческих жертвоприношений. Наконец, у автора имеется стремление доказать существование рабовладельческой системы тем, что в Когурё утвердился буддийский культ (стр. 60). Но ведь буддийский культ мог быть с таким же успехом введен феодалами, как и рабовладельцами, и принятие буддизма, конечно, не может служить убедительным аргументом для доказательства существования рабовладельческого строя в Когурё.

«История Кореи» оставляет в стороне и вопрос о более точном определении времени возникновения трех государств. Не может, например, удовлетворить постановка вопроса о возникновении государства Силла, изложенная крайне туманно и уклончиво: «С конца V — начала VI в. выявляются новые черты в облике силланского государства и его новые политические начинания, отражавшие быстрое развитие производительных сил в Силла того времени» (стр. 52). Однако ни сущность политических начинаний, ни содержание перемены, которые названы вступлением «на путь нового развития», не уточняются. Если же принять во внимание, что к этому времени завершился процесс присоединения соседних общин, вожди которых вливались в ряды силланской аристократии, и создавался единый аппарат управления территорией Силла, то не верно ли будет считать, что это и был, в сущности, процесс оформления новой государственной власти, идущей на смену институтам эпохи родового строя?¹⁴

¹⁴ Если и можно считать, что в течение III—V веков происходило формирование классового общества в Силла, то основы

Поскольку характер социально-экономических отношений в трех государствах остается невыясненным, в «Истории Кореи» не нашли объяснения и социально-экономические причины ослабления государств Когурё и Пэкче, которые в 60-х годах VII в. пали под ударами войск Танской династии и соседнего государства Силла. Не вскрыта, например, сущность кризиса в государстве Когурё (в первой половине VII в.), который был «временно ослаблен политикой Ентэ Сомуна, являвшегося не только выдающимся политическим деятелем, но и военным стратегом той эпохи» (стр. 62); не показана и социально-классовая основа политики этого деятеля.

Когда после установления китайской администрации на завоеванных землях Когурё и Пэкче развернулась борьба народных масс против завоевателей, государство Силла, ставшее на путь объединения под своей эгидой территории Корейского полуострова, поддержало эту борьбу. В связи с этими событиями и особенно с объединением страны в «Истории Кореи» поставлен вопрос о формировании корейской народности. В книге указывается, что после образования трех народностей — когурёской, пэкческой и силланской — близость в языковом и территориальном отношениях, общность культуры и в основном одинаковый экономический строй подготовили условия для формирования корейской народности еще до объединения под главенством Силла территории и населения трех государств (стр. 100), что затем в рамках

государственной организации оформляются в первой половине VI в., когда после завоевания племен Кая не только определилась основная территория государства (в юго-восточной части Корейского полуострова), но и создавалась по китайским образцам государственная организация Силла. В 503 г. правитель Чичжын (500—514 гг.) принял титул вана. Затем для укрепления монархического начала были заимствованы китайские обычаи ношения подданными траура по умершему вану (с 504 г.), присвоения вану почетных посмертных титулов (с 514 г.), а также установления девизов для годов царствования (с 536 г.). В правление вана Чичжына определилось административное деление на области, округа и уезды. При ване Попхыне (514—540 гг.) создается центральное военное ведомство, вырабатываются законы по административному управлению и уголовному судопроизводству, порядок ношения чиновниками форменной одежды и пр. Подробно об этом см. Ким Бу Сик. Самкук саги (Исторические записи трех государств). Книга 4.

этой народности с усилением единства в языковом, территориальном, экономическом и культурном отношениях сложилась корейская нация (стр. 102).

Такая постановка вопроса о формировании в Корее нескольких народностей, а затем единой корейской народности не является бесспорной. Большинство корейских историков признает факт образования единой корейской народности в период после объединения страны государством Силла, тезис же о существовании перед этим трех отдельных народностей — когурёской, пэкческой и силланской — разделяется далеко не всеми. Так, Ким Се Иж¹⁵ отрицает эту гипотезу, поскольку не видит никаких различий ни в территориальном или языковом отношениях, ни в экономических условиях жизни населения трех государств. Равным образом он отрицает выдвинутый в книге тезис об экономической общности страны, ибо немислимо единство экономической жизни страны до развития капиталистических отношений.

С нерешенной проблемой о характере социально-экономических отношений в период трех государств тесно соприкасается вопрос о генезисе феодализма, об исходных моментах его развития в Корее. В зависимости от своих взглядов на социально-экономическую природу этих государств историки по-разному определяют предпосылки развития феодализма, по-иному датируют его возникновение. Если Ким Кван Чжин датирует начало зарождения феодальных отношений в Корее III—IV вв., то ученые, признающие рабовладельческий характер трех государств, относят зарождение феодальных отношений к более позднему времени: Пэк Нам Ун — к периоду объединенного государства Силла (VII—VIII вв.), Ли Ын Су и То Ю Хо — к концу IX — началу X века. В «Истории Кореи» Лим Гон Сан уверенно говорит о развитии феодальных отношений лишь применительно к периоду после объединения страны под главенством Силла (во второй половине VII века).

Делая попытку определить исходные моменты становления феодализма, Лим Гон Сан характеризует существовавшую до VI в. государственную власть Силла как примитивную монархию, служившую для подавления рабов и порабощенных крестьян.

¹⁵ См. статью «Об «Истории Кореи» (т. I)» в журнале «Кыннотча» («Трудящийся»), 1956, № 11, стр. 117—118.

ян-общинников, для захвата соседних территорий и расширения господства силланской аристократии, а централизованное государство периода после объединения страны рассматривает в качестве новой государственной власти, призванной для эксплуатации распыленных (то есть утративших общинные связи) мелких крестьян путем прикрепления их к земле и принуждения к уплате поземельного налога, к натуральным поставкам и несению отработочных повинностей (стр. 118—119). Нельзя не заметить, что это положение не подкрепляется какими-либо данными источников.

Характерной чертой этого периода считается то, что всеми землями в государстве распорядилась новая военная знать во главе с королем. В книге приведены примеры наделения земель — «жалованными владениями» (понып) или «кормлениями» (сикып) — таких представителей военно-феодальной знати, как Ким Ю Син и Ким Ин Мун (стр. 113); указывается, что дарились не только пахотные земли и пастбища, но также крестьянские дворы и подневольные ноби.

Борьба за объединение страны связывается в книге с усилением политической власти силланских феодалов. Лим Гон Сан отмечает, что «силланский феодальный король сплачивал вокруг себя феодальных помещиков, признавая в определенной мере их земельную собственность», позволяя им присваивать со своих земель феодальную ренту на основе испольной системы или путем частичного применения труда невольников-ноби (стр. 116). Однако автор оставляет невыясненным вопрос о том, как возникла земельная собственность этих «феодальных помещиков». Из приводимых им данных можно узнать лишь о действии принципа верховной государственной собственности на землю, с которым было связано закрепление за крестьянами так называемых «солдатских наделов» (чончжон), что фактически означало прикрепление крестьян к определенным участкам государственной земли и установление чиновного землевладения в форме «земельного жалования» (нокып) (см. стр. 118—119).

С утверждением системы централизованной феодальной эксплуатации в Корее возникла и соответствующая централизованная организация административного аппарата (стр. 120), которая служила целям постепенного закрепощения феодалами свободного крестьянства — сначала в качестве податных подданных государства, а

затем и зависимых от отдельных феодалов, поскольку государственные земельные пожалования чиновникам и монастырям все время росли. Автор отмечает, что по мере укрепления местных землевладельцев в Силла стали расти сепаратистские тенденции. Владетели уделов (чанвонов) — светские и духовные — стали заводить собственные войска, захватывали поля государственных крестьян, превращая последних в своих крепостных. Спасаясь от грабежей феодальных дружин, многие крестьяне «добровольно» отдавались под власть феодалов¹⁶. Однако при объяснении причин ослабления и распада Силланского государства автор, как нам кажется, преувеличил значение такого сравнительно второстепенного фактора, как развитие торговли и ростовщичества (стр. 128—130, 134). Было бы также преувеличением считать все вооруженные антиправительственные отряды этого времени (пока не выяснены полностью их характер и место в историческом развитии корейского феодального общества)¹⁷ силами восставших крестьян (стр. 131—132).

Феодальное раздробление территории Силланского государства привело к образованию множества уделов, а к X в. и ряда самостоятельных государств. Однако в X в. вновь возобладали объединительные тенденции, выразителями которых явились правители государства Корё. В конце X в. было создано новое централизованное феодальное государство.

Одна из главных причин консолидации господствующего класса и образования централизованного государства заключалась в стремлении феодалов укрепить военную организацию страны при помощи военной повинности государственных крестьян, поскольку стране грозила опасность вражеских нашествий извне, особенно со стороны киданей. Разумеется, основной функцией феодального государства внутри страны по-прежнему оставалось подавление крестьянских масс (об этом свидетельствовало, например, проведенное изъятие оружия у населения, стр. 165), их закрепощение и эксплуатация.

Проблемы социально-экономической ис-

¹⁶ Это называлось «отдачей на поруки» (тхутхак).

¹⁷ То Ю Хо в упомянутой выше статье («Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 23—24) называет эти восстания социальными потрясениями эпохи распада рабовладельческого общества в Корею.

тории периода развитого феодализма (X—XVI вв.) относятся к числу наиболее изученных в корейской исторической науке¹⁸, и это обстоятельство благоприятно отразилось на новом труде по общей истории Кореи. Тем не менее нельзя сказать, что все основные вопросы этого периода уже освещены исчерпывающим образом. До настоящего времени остается, например, дискуссионным вопрос о характере феодальной собственности на землю, точнее, вопрос о соотношении между государственной собственностью на землю и частным феодальным землевладением. В исторических работах ряда предшествующих лет¹⁹, как правило, всеми корейскими историками-марксистами принимается тезис о том, что характерной чертой феодализма в Корее являлось существование государственной собственности на землю (наподобие того, что было в ряде других стран Азии). Но в течение 1955 г. на страницах корейских журналов появились дискуссионные статьи Пак Си Хёна, Чон Хён Гю и Ким Сок Хёна²⁰, в которых оспаривалось

большое значение государственной собственности и подчеркивалось, что частная земельная собственность феодалов (или эксплуатация крестьян отдельными феодалами, а не коллективная эксплуатация их на основе государственной собственности) была определяющим фактором в развитии феодализма в Корее.

Другая группа историков²¹, говоря об огромном значении эксплуатации всего крестьянства господствующим классом, организованным в феодальное государство, подчеркивает, что эта эксплуатация основывалась на государственной феодальной собственности на землю.

Эти различия во взглядах корейских историков на основную проблему истории феодализма в Корее не могли в той или иной мере не сказаться и на «Истории Кореи». Авторы глав по истории страны X—XIV вв. Ким Дык Чжун и Ким Сок Хён исходят, видимо, из признания огромной роли государственной собственности на землю. Ким Дык Чжун показывает, что осуществление государственной централизации в X в. означало утверждение (после периода феодальной раздробленности) государственной собственности на землю, результатом чего явилось не только перемещение в пользу центрального правительства значительной части крестьян, находившихся перед этим под властью местных феодалов, но и установление права центрального правительства распоряжаться всем земельным фондом страны (о чем свидетельствует установление в 976 г. порядка раздачи так называемых чиновных наделов полями и пустошами — чонсиква). Далее он отмечает, что государственная централизация, осуществленная правителями Корё, имела положительное значение не только для успешного отражения неоднократных нашествий киданей в конце X — начале XI в., но и для дальнейшего развития производительных сил и культуры, особенно в XI в., когда в результате предпринятых государством мер в стране были значитель-

¹⁸ Наиболее значительными трудами по указанным проблемам, несомненно, являются: Пэк Нам Ун. Социально-экономическая история феодальной Кореи. Т. I. Токио. 1937 (переработана и издана в 1954 г. под названием «История Кореи в средние века». Т. I. Пхеньян); Ким Сок Хён. Статьи по истории крестьянских движений в XII—XIII веках, опубликованные «Ёкса че мундже», 1949, №№ 6, 7, 8, 14; Пак Си Хён. Аграрный строй в начальный период правления династии Ли. Исследование разделов поземельного строя в уложении «Кёнгук тэжон» (опубликована тремя частями: первая в «Сборнике исследовательских статей по истории Кореи». Пхеньян. 1947; вторая в «Сборнике статей по истории и литературе Пхеньянского университета». Пхеньян. 1949; третья напечатана в «Ёкса че мундже», 1948, № 4); его же. История Кореи в средние века. Т. 2. Пхеньян. 1956, а также статьи Чон Сок Тама, Пак Си Хёна, Пак Кык Чхэ и Ким Хан Чжу в сборнике «Социально-экономическая история Кореи при династии Ли». Сеул. 1946.

¹⁹ См. Пэк Нам Ун. Указ. соч. и написанную им главу I в книге «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа» (М. 1952), а также Пак Кык Чхэ. О сущности (причинах) застоя корейского феодального общества. Сборник «Социально-экономическая история Кореи при династии Ли», стр. 77—178.

²⁰ Пак Си Хён. О феодальной собственности на землю в Корее. «Ёкса квахак», 1955, № 2, стр. 70—103; Чон Хён Гю. Характер частновладельческих (народных) полей в феодальной Корее XIV—XV вв. «Ёкса квахак», 1955, № 3, стр. 85—102; № 4, стр. 40—75; Ким Сок Хён. Об отно-

шениях поземельной собственности в феодальной Корее». «Квахаквон хакпо». («Вестник» Академии наук КНДР), 1955, № 7, стр. 27—57.

²¹ Цо й Бён Му. О некоторых особенностях феодального строя в Корее, выявляемых на основе законов об отработках (луёк), подворных списках (хочжок) и именных таблицах (хонхэ) в начальный период правления династии Ли. «Ёкса квахак», 1955, № 4, стр. 40—65; Чон Сок Там. О системе государственной феодальной собственности на землю в Корее. «Ёкса квахак», 1956, № 3, стр. 78—101.

но расширены посевные площади (стр. 191—192). Автор правильно отмечает не только развитие внутренней и особенно внешней торговли, но и то, что последняя была поставлена под строжайший контроль господствующего класса, извлекавшего из нее значительные доходы.

В книге удалось правильно вскрыть причины начавшегося в XII в. серьезного ослабления феодального государства Корё: постепенное сокращение численности государственных крестьян и государственного фонда облагаемых земель, постоянный рост крупного феодального землевладения в результате развития таких форм владения, как дворцовое (то есть владения членов королевской семьи как по мужской, так и по женской линии), земельных пожалований буддийским монастырям и дворянам, особенно пожалований типа наследственно закрепляемых наградных полей (конымчжон). Нарастание противоречий между государственной собственностью и частным феодальным землевладением вызвало усиление междоусобной борьбы внутри господствующего класса, которая нередко переплеталась с антифеодальной классовой борьбой народных масс.

Период монгольских нашествий и столетнего монгольского ига (середина XIII — середина XIV в.) привел к еще большему усилению самостоятельности крупных феодалов. В рецензируемой книге отмечается, что хотя «вотчины этого времени не были самостоятельны в такой мере, как феодальные уделы IX и начала X вв.», тем не менее «они были самостоятельны так, как никогда во все последующие периоды корейской истории» (стр. 278). На этом фоне Ким Сок Хён проанализировал причины крушения династии Корё (1392 г.), среди которых главными явились обострение классовой борьбы и осложнение международного положения на Дальнем Востоке во второй половине XIV в. (нападения японских пиратов, конфликт с Минской династией Китая). Развитие противоречий между крупными феодалами — вотчинниками и служилым слоем средних и мелких феодалов, боровшихся за укрепление центральной власти, привело к политическому перевороту, поставившему у власти клику служилых дворян, которая затем свергла старую династию и возвела на престол своего главаря Ли Сон Ге, положившего начало династии Ли.

Ким Сок Хён рассматривает экономическую политику власти служилых дворян, получившую отражение в известном «Законе о

земельных наделах» (1391 г.), который привел к восстановлению принципа государственной собственности на все земли страны, к превращению многих частновладельческих крестьян в государственных, к укреплению экономических позиций мелких и средних феодалов. Подчеркивая, что «Закон о земельных наделах» не устранял классового антагонизма между феодалами и эксплуатируемым крестьянством (поскольку это был только акт «упорядочения эксплуататорской системы»), он пишет: «Поэтому после введения «Закона о земельных наделах» характер феодального общества нашей страны не отличался от общества после установления системы чиновных наделов в X в., хотя и наблюдались некоторые изменения и особенности» (стр. 297). Однако автор не показывает, каков был характер этих изменений, а без этого трудно судить, являлось ли развитие корейского феодального общества в XIV в. прогрессом или регрессом по сравнению с X веком?

Касаясь вопросов социально-экономических отношений в XV—XVI вв., Пак Си Хён избегает дискуссионной постановки проблем и стремится дать лишь позитивное их изложение. Анализируя сущность аграрных отношений того времени, он различает три формы государственной эксплуатации непосредственных производителей: поземельный налог (се), натуральные поставки (кон) и отработки (ёк) (стр. 334—335). Он отмечает одновременно, что, кроме государственной эксплуатации, крестьяне подвергались гнету и отдельных феодалов, поскольку утверждение верховной государственной собственности по «Закону о земельных наделах» не исключало, а предполагало различные формы феодальных земельных держаний. Кроме того, Пак Си Хён, как известно, полагает, что огромные массивы пахотных земель вообще представляли фактически частную собственность феодалов, независимо от того, находились или не находились эти феодалы на государственной службе, за которую полагались упомянутые земельные наделы. По форме землевладения Пак Си Хён различает земли королевского дома, государственные и частновладельческие. По его мнению, королевские земли обрабатывались крепостными (ноби), принадлежавшими королевскому дому, государственные земли — государственными крепостными, и все доходы с этих земель присваивались соответствующими дворцами или государственными учреждениями. Государственные доходы пополнялись также за счет налогов.

взимаемых со всех частновладельческих земель.

При анализе содержания различных форм земельных пожалований со стороны государства (квачжон, консинчжон, сачжон) Пак Си Хён считает, что они означали передачу частным лицам права собирать и присваивать налоги с этих земель. Таким образом, по его мнению, земельные держания от государства давали феодалам не право собственности (или непосредственного хозяйственного владения), а лишь право сбора поземельного налога (стр. 336). С установлением во второй половине XV в. системы «должностных полей» (чикчжон), когда сбор налога приобрел номинальный характер, поскольку чиновникам жалование выдавалось зерном, господствующий класс, по мнению автора, еще более наглядно выступал в качестве коллективного собственника земли (стр. 337). Вместе с тем Пак Си Хён показывает, что пожизненное (а тем более наследственное) право сбора налогов постепенно превращало дворян в фактических собственников земли, а сидевших на этой земле крестьян — в частновладельческих крепостных, в подневольных ноби или лично свободных (но всячески зависимых) арендаторов-испольщиков, что по мере роста частновладельческих земель происходило общее усиление феодальной эксплуатации. Пак Си Хён подчеркивает, что положение крестьян на протяжении XV—XVI вв. быстро ухудшалось.

Но и в этом разделе «Истории Кореи» не все вопросы, в том числе и очень важные для понимания сущности социально-экономических сдвигов, нашли ясное и убедительное решение. Остается открытым вопрос об изменении численного соотношения государственных и частновладельческих земель и крепостных, равно как и вопрос о взаимоотношениях между феодалом и его крестьянами на частновладельческих землях, отношениях, которые могли бы дать представление о сущности аренды и о положении так называемых ноби²². Вообще эти проблемы, а также вопрос о значении государственной формы феодальной собственности на землю,

которая дважды в истории Кореи (в X и XIV—XV вв.) восстанавливалась после распада, о том, как менялось содержание феодальных отношений под оболочкой верховной государственной собственности, или, иначе говоря, чем отличались, например, такие возникавшие в период ослабления государственной централизации в XV—XVI вв. формы закрепощения, как патронат (тхухак), от форм феодальной зависимости в X в., являются предметом дальнейших исследований и ждут еще научного решения.

Остается нерешенным и ряд крупных вопросов, связанных с периодом упадка и разложения феодализма в стране. Корейская история после японского и маньчжурского нашествий (конец XVI и первая половина XVII в.), несомненно, имеет новые черты; с этого времени, по-видимому, можно говорить о начале разложения феодальных отношений. С середины XVII в. Корея стала оправляться от последствий огромных разрушений производительных сил, причиненных японскими и маньчжурскими нашествиями²³. В течение XVII—XVIII вв. наблюдались развитие производительных сил и соответствующие изменения в феодальной экономике, которые обусловили новые веяния в культуре и в движении общественной мысли. Но в структурном отношении нам кажется нецелесообразным раздробление на две главы (XIII и XIV) истории XVII—XVIII вв., так как подобное распыление однородных по характеру материалов вызвало с неизбежностью повторение в трактовке таких вопросов, как развитие сельского хозяйства и промышленности, развитие товарно-денежных отношений, новые веяния в идеологии и культуре, и сделало недостаточно четкой характеристику основных тенденций экономического, политического и культурного развития Кореи в рассматриваемый период.

Нет достаточной четкости в расположении материала и внутри глав. Так, в главе XIII после характеристики развития производительных сил в сельском хозяйстве на протя-

²³ В результате японского нашествия произошло опустошение целых районов. Согласно поземельному реестру, посевные площади уменьшились с 1708 тыс. кель (кель — мера земельной площади, определяемая количеством собираемого урожая, — 20 сок (мешков); поэтому она была неодинакова для разных по плодородию земель) до 541 тыс. кель (412—413 стр.). В податных списках числилось около $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ довоенного населения. Население столицы уменьшилось с 80—90 тыс. до 30—40 тыс. человек.

²² Как сообщает «Ёкса квачак» (1957, № 2, стр. 98), в плане подготавливаемых в настоящее время Институтом истории монографий стоят исследования Пак Си Хёна по истории аграрного строя и Ким Сок Хёна по истории крестьянства. Часть исследования Ким Сок Хёна опубликована в виде статьи «Корейские ноби. Главным образом о ноби-крестьянах». «Ёкса квачак», 1956, № 7, стр. 10—67.

жени XVII в.²⁴ сразу следует изложение налоговой реформы феодального государства по замене натуральных податей (изделий домашней промышленности и местных промыслов) единым рисовым налогом (тэдонми) или «эквивалентным рисом». Подчеркивая, что установление тэдонми дало толчок развитию местных ремесел и товарно-денежных отношений в стране (поскольку двор и правительственные учреждения теперь должны были покупать необходимые для себя предметы), Чон Сок Там фиксирует внимание на показе состояния рынков, внутренней и внешней торговли. Однако он, видимо, не учитывает, что система тэдонми не только дала толчок развитию товарно-денежных отношений, но и сама явилась результатом развития товарного производства. Поэтому для выяснения уровня развития товарного производства важно было наряду с сельским хозяйством рассмотреть и состояние промышленности (ремесла). Но этот вопрос освещен только в следующей главе, где наряду с повторной характеристикой сельского хозяйства показаны и изменения в промышленности: упадок основанного на подневольном труде казенного ремесла и развитие производства ювелирных и лаковых изделий, бронзовой и фарфоровой посуды, головных уборов, вееров и пр. лично свободных товаропроизводителей (стр. 458), рост горнодобывающей промышленности (добычи меди, серебра и золота) и вовлечение в нее все возрастающего числа людей в таких провинциях, как Пхёнан (стр. 469—470). Концентрирование в одном месте всей экономической характеристики сделало бы более ясной политическую и культурную историю.

Хотя в книге и дается, в общем, ясная характеристика основных условий кризиса феодальной системы в Корее, тех острых противоречий, которые существовали между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами, зародившимися в недрах феодализма, а также показана реакционная роль старых феодальных порядков, которые не только тормозили развитие производительных сил, но и уничтожали их, отбрасывая страну назад (например, в первой половине XIX в.), многие вопросы последнего периода феодализма

²⁴ Прогресс производительных сил выразился в увеличении посевной площади с 540 тыс. кель в 1611 г. до 1395 тыс. кель в 1719 г., в широком применении пересадки рисовых рассады, во внедрении новых культур: табака, перца, тыквы, женьшеня, томатов и пр. (стр. 431—433).

ждут еще дальнейшего углубленного изучения. В частности, к числу несомненно спорных проблем относится вопрос о первичных формах капиталистического производства, развивавшихся в недрах феодального общества. Если одни из историков²⁵ склонны были видеть зачатки капиталистической мануфактуры в стране уже с конца XVIII — начала XIX в., то другие²⁶ на основе изучения форм промышленного производства в феодальной Корее, а также в начале XX в. приходят к заключению о том, что в корейской промышленности предприятия типа капиталистической мануфактуры появляются не ранее начала XX столетия. В «Истории Кореи» Чон Сок Там разделяет вторую из указанных точек зрения. Он прямо указывает, что в Корее этой эпохи распад старых феодальных порядков не сопровождался каким-либо заметным ростом новых общественных отношений. Правда, на некоторых керамических предприятиях, в мастерских по производству бронзовой посуды или бумаги, а также на золотых приисках применялся наемный труд, но, как подчеркивается в книге, корейское общество еще «не выросло до уровня формирования капиталистического экономического строя». «В эту эпоху,— говорится далее,— всюду можно видеть лишь слабые ростки капиталистических отношений, и в течение первой половины XIX в. в нашей стране нельзя было найти капиталистическую мануфактуру» (стр. 522).

В предисловии к «Истории Кореи» говорится, что в ней не нашли достаточного освещения вопросы, связанные с историей прогрессивной общественной мысли XVII—XVIII вв. — с движением «сирхакпха» (лозунгом которого была борьба «за реальные науки» — «сирхак»), особенно касающиеся выявления его социально-экономической сущности и взаимоотношений этого движения с христианством, сыгравшим значительную роль в идейной жизни корейского общества с конца XVIII в. (в связи с этим не раскрыта в полной мере положительная и отрицательная роль христианских идей в развитии корейского общества). Несомнен-

²⁵ См. Ким Кван Чжин, Восстание Хон Гён Нэ как крестьянская война. «Сборник исследовательских статей по истории Кореи», стр. 11—12.

²⁶ Ем Чон Гвон. О ремесле в эпоху диньнасти Ли. «Ёкса че мунчже», 1950, № 4, стр. 2—25; Ким Хан Чжу. О процессе становления мануфактурной и фабрично-заводской промышленности в Корее. «Квахаквон хакпо», 1954, № 3, стр. 99—146.

но, огромной заслугой историков КНДР следует считать новую постановку вопроса о роли идейного движения «сирхакпха», которое раньше в реакционной японской историографии представлялось как незначительное явление, возникшее под влиянием иностранных христианских миссионеров и не имевшее якобы корней в условиях корейской действительности²⁷. Уже в первых работах, появившихся после освобождения страны²⁸, историки народно-демократической Кореи рассматривали сирхакское движение как закономерное в условиях упадка феодализма идейное движение передовых представителей корейского дворянства, которые стремились к социально-экономическому, политическому и культурному обновлению современного им общества путем внедрения научных и культурных достижений более передовых стран.

В последнее время появились значительные труды представителей сирхакской общественной мысли²⁹, а также книги и статьи о них³⁰, которые углубляют знания о прогрессивной общественной мысли в Корее в период упадка феодализма. Исследования последнего времени характеризуют лучших представителей сирхакской мысли как просветителей-демократов, мировоззрение которых отражало борьбу крестьянских масс против феодального гнета. В «Истории Кореи» обобщены результаты изысканий исто-

риков, изучающих эту важнейшую страницу истории страны. В книге дана подробная характеристика сирхакпха как выдающегося явления в истории общественной мысли и культуры, отражавшего прогрессивные тенденции в корейском феодальном обществе, дано изложение основных положений мировоззрения выдающихся представителей сирхакского движения XVII—XVIII вв.— Лю Хён Вона, Ли Ика, Хон Дэ Ёна, Пак Чи Вона, Чон Як Ёна. Однако если в главе XIV (стр. 474—475) сирхакское движение рассмотрено в связи с внутренними условиями развития корейского феодального общества XVIII в., то в предшествующей главе (стр. 448—449) при характеристике истоков сирхакского движения подчеркивается только внешний фактор — влияние проникших в Корею европейских научных идей и технических новшеств.

Оценивая сирхакских мыслителей как выразителей национального подъема в Корее после японских и маньчжурских нашествий, а также тех прогрессивных веяний, которые были обусловлены экономическими изменениями в корейском феодальном обществе, книга отмечает историческую ограниченность сирхакского движения: «Поскольку корейское общество того времени было еще крайне отсталым и потому совершенно не было в нем и новой социальной силы — передового революционного класса горожан,— в тех условиях, несмотря на передовую, преобразующую роль идеологии сирхакских, в особенности пуххакских, ученых, она не смогла стать реальной [движущей] силой общественного развития и овладеть массами» (стр. 484).

Таким образом, хотя в настоящей работе и в других трудах корейских ученых общие вехи истории феодализма уже намечены, многие вопросы, касающиеся особенностей его генезиса и развития в стране, остаются невыясненными; они ждут научного решения в дальнейших исследованиях корейских историков.

С характеристикой социально-экономического развития Кореи тесно связаны вопросы классовой и политической борьбы, особенно истории борьбы народных масс против феодальных эксплуататоров. Хотя из-за отрывочности сообщений источников пока очень трудно изложить историю народных движений, авторы «Истории Кореи» делают попытку показать их центральную роль в средневековой истории страны. Упомянутые выше народные выступления последнего периода Силланского государства, кре-

²⁷ Преувеличение роли христианского влияния характерно и для современной буржуазной историографии Южной Кореи.

²⁸ См. Ким Сок Хён. Зарождение идей «Пуххак» и их историческая оценка. «Ёкса че мундже», 1948, № 1; Пак Си Хён. Проекты политических реформ сирхакского мыслителя Лю Хён Вона. «Ёкса че мундже», 1948, № 2.

²⁹ Пак Чи Вон (Енам). Ёльха Ильги (Жэхэский дневник). Т. 1. Пхеньян. 1955; его же. Епам сонджиб. Пхеньян. 1954 (русский перевод: Избранное. Пхеньян. 1955); Пак Че Га. Пуххакы (Идеи «пуххака»). Пхеньян. 1955; «Тасан Чон Якёны Еэньва Чжак нёнбо» («Жизнь и летопись творчества Чон Як Ёна—Дасана»). Издание Института истории АН КНДР. Пхеньян. 1956.

³⁰ Цой Ик Хан. Сирхакпха и Чон Дасан. Пхеньян. 1955; Цой Ик Хан, Хон Ги Мун и Ким Ха Мён «Чосон понгон мальги сонджин хакчадыль». Пхеньян. 1954 (русский перевод: Передовые ученые Кореи XVII—XVIII вв. Пхеньян. 1956); Ким Ха Мён. Енам Пак Чи Вон. Пхеньян. 1955; «Енам Пак Чи Вон ёнгу» («Исследования о Енаме Пак Чи Воне»). Пхеньян. 1955. См. также статьи в «Ёкса квахак» за 1955—1956 гг. и других журналах и газетах.

стьянские восстания XII—начала XIII в. в Корё и крестьянские движения XV и XVI вв. показаны как закономерный результат обострения классовых противоречий, обусловленного процессами экономического развития феодальной Кореи. По объему содержания в источниках фактического материала история народных движений намного уступает истории политической борьбы внутри господствующего класса. Особенно мало сведений приводится о внутренней истории развития народных движений. Это, конечно, значительно усложняет задачи научного анализа многих народных вооруженных выступлений с IX до начала XIX в.; отсутствие же такого анализа делает в определенной степени спорными общетеоретические соображения о роли этих движений в тот или иной период. В этих условиях спорным оказывается даже определение народных движений XIX в., например, восстания 1811—1812 гг. в провинции Пхёнан. Это выступление (оно известно также под названием «восстания Хон Гён Нэ») охарактеризовано в книге как крестьянская война, потому что «в период острых социальных, политических и экономических потрясений в системе феодального господства династии Ли возникновение в начале XIX в. крупного восстания против господствующего класса феодалов представляло не случайность, а неизбежную закономерность исторического развития» (стр. 514). Хотя и подчеркивается народный, крестьянский характер движения, но описание самого движения недостаточно показывает движущие силы восстания — крестьян, беглый вольный люд, городскую бедноту и мелких ремесленников (стр. 514). В этих условиях было бы целесообразнее привести имеющиеся в исторической литературе различные трактовки характера этого восстания³¹. Впрочем, было бы полезно и в других случаях дать краткие историографические заметки о различных точках зрения, существующих по

³¹ Если одни из историков (см. Ким Кван Чжин. Восстание Хон Гён Нэ как крестьянская война. «Сборник исследовательских статей по истории Кореи», стр. 1—40) считают это выступление крестьянской войной, то другие (см. Чон У Гён. К вопросу о характере восстания Хон Гён Нэ. «Экса че мунчже», 1949, № 13, стр. 2—32) видят в нем только проявление междоусобной борьбы внутри господствующего класса, хотя и признают участие в движении народных масс. Судя по изложению в «Истории Кореи», первая из точек зрения, видимо, считается сейчас общепризнанной среди корейских историков.

нерешенным проблемам корейской истории (особенности развития феодализма в Корее, характер сирхакского движения и пр.), как это сделано в связи с трактовкой вопроса о социально-экономической сущности трех государств.

Важной заслугой корейских ученых является разработка истории борьбы корейского народа против иноземных захватчиков: троекратного отражения киданьских нашествий, борьбы против монгольских захватчиков, войн против японских (XVI в.) и маньчжурских (XVII в.) захватчиков. Корейские ученые, в частности авторы «Истории Кореи», правильно объясняют блестящие победы корейского флота во время войны против японских захватчиков в 1592—1598 гг. результатами патриотической борьбы народных масс. В ходе этой борьбы в различных провинциях возникли партизанские ополчения, которые наносили сильнейшие удары по войскам Хидэёси.

Самоотверженной борьбе народных масс против вторжений иноземных полчищ корейские историки противопоставляют позорное поведение феодальных правителей в период установления монгольского господства (1258 г.), во время японского нашествия (1592 г.), беспомощность корейского феодального правительства, капитулировавшего перед маньчжурами. Они подчеркивают, что капитуляция короля Инчжо (1636 г.) произошла в тот момент, когда в стране уже поднялось народное движение, были сформированы народные ополчения в провинциях Чолла и Кёнсан, когда в провинциях Канвон и Хванхэ готовился удар по маньчжурским войскам с тыла (стр. 428—429).

Органическую часть истории корейского народа составляет история его многовековой культуры. Истоки и традиции корейской национальной культуры показаны на образцах изобразительного и прикладного искусства эпохи трех государств, скульптуры и архитектуры объединенного государства Силла, развития науки, просвещения и искусств в период Корё и династии Ли. Культурный подъем в XI и XV вв. объясняется укреплением государственной централизации и наступлением внешнего мира, которые обеспечили возможность развития производительных сил страны и проявления творческих сил народа (стр. 197, 325). Это несколько стереотипное объяснение, конечно, не раскрывает различий в исторических условиях XI и XV веков. Среди выдающихся явлений культурного прошлого Кореи отмечены возникновение около 1055 г. частных

школ (государственные школы появились еще в период трех государств), применение с XIII в. (стр. 300) подвижного металлического шрифта для книгопечатания, которое получило затем новое развитие в XV в., когда был изобретен национальный алфавит «хунмин чжоным» (1443 г.), издание многих интересных сочинений по географии, истории, медицине, агрономии, музыке и пр. Тогда же появился и ряд научно-технических новшеств, включая и дождемер для определения годового количества осадков (1442 г.)³².

Многие технические усовершенствования диктовались потребностями военной обороны. Еще во второй половине XIV в. во время набегов японских пиратов в Корею впервые в большом числе начали применять огнестрельное оружие — пушки «хватхон» (стр. 287, 303). Распространенное в европейской литературе³³ мнение о том, что огнестрельное оружие не было известно корейцам в конце XVI в., когда вторглись японские армии Хидэдэси, и что этим-де объясня-

³² В Европе дождемер был изобретен итальянским ученым Кастелли в 1639 г. (стр. 328).

³³ W. E. Griffis. *Corea the hermit Nation*. London — New York. 1882 и последующие издания; J. L onkfort. *The Story of Korea*. London. 1910; см. также «Описание Кореи». Т. I. СПб. 1900, стр. 17.

лось поражение корейских войск в начале войны 1592 г., совершенно недостоверно. В книге показан огромный ущерб, нанесенный экономическому и культурному развитию Кореи нашествиями захватчиков (киданей, монголов, японцев), которые не только уничтожали материальные и культурные ценности, но и угоняли из Кореи искусных мастеров.

Таков далеко не полный перечень вопросов, которые поднимаются и решаются в I томе «Истории Кореи». Содержание данного тома свидетельствует об огромной работе, проделанной авторским коллективом, который взялся за решение трудной задачи по обобщению истории корейского народа на протяжении почти двух тысячелетий. Хотя ряд поставленных в этой книге крупных проблем еще нуждается в выяснении и исследованиях, она, несомненно, принесет большую пользу читателям, стремящимся получить цельное представление об истории Кореи дофеодалного и феодального периодов. Книга будет также способствовать развертыванию научно-исследовательской работы по наиболее актуальным, ждущим безотлагательного решения проблемам корейской истории. Дальнейшее развитие исторической науки в Корею поможет улучшению и совершенствованию общего курса истории страны.

М. Н. Пак

НОВЫЙ ТРУД ФРАНЦУЗСКИХ ИСТОРИКОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ 1848 года

«Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал»¹. Если потребовалось бы еще подтверждение этой справедливой мысли Ф. Энгельса, трудно было бы найти более красноречивый пример, чем историография той самой революции, по поводу которой он писал приведенные строки.

За сто с лишком лет исторических исследований французской революции 1848 г. подробно изучена ее политическая история;

досконально выяснены политические биографии многих деятелей этого периода — всех калибров и всех лагерей; достигнуты существенные результаты в анализе круга идей, послуживших знаменем борьбы партий и классов в ходе этой революции. Однако и через сто лет после 1848 г. не только не приведена в ясность картина экономической истории революции, но даже нельзя еще сказать, что собран и проверен необходимый для этого материал. Вряд ли нужно доказывать, сколь большим препятствием являлось и еще является такое положение для научной разработки истории революции и контрреволюции 1848—1851 годов.

Даже буржуазная историография ныне вынуждена отойти от обветшалых воззре-

¹ К. Маркс. *Классовая борьба во Франции с 1848 г.* (Введение Ф. Энгельса). Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 91—92.

ний реакционных и либеральных доктринеров прошлого столетия, которые рассматривали события 1848—1851 гг. как «метания французского государственного разума», выбирающего между принципами либерализма, радикализма, «демагогии» и цезаризма. Признание важнейшего значения классовой борьбы в истории Второй республики, признание исключительной роли рабочего класса и его социальных устремлений стали общим местом всей современной историографии. Разумеется, буржуазные и мелкобуржуазные историки, которые подходят к процессам классовой борьбы с позиций плоского позитивизма либо пресловутого «экономического материализма», далеки от правильного понимания закономерностей и уроков классовой борьбы того периода. Все же буржуазные историки последних десятилетий оказались вынужденными прийти к выводу, что серьезнейшее значение имеет социальная история революции. Но ее понимание требует всестороннего анализа тогдашнего экономического положения Франции. В этой связи французская историография, не удовлетворяясь обычными отрывочными данными об экономическом кризисе 1847 г. и его развитии в 1848 г., все более переходит к детальному изучению экономических процессов предреволюционного и революционного периодов.

Бросается в глаза черта обозначившегося направления социально-экономических исследований — их локальная тематика. Монографии и диссертации посвящаются, как правило, развитию какого-либо департамента или экономического района. Такое самоограничение представляется в подобной тематике естественным. Недостаточная изученность вопроса и скудость накопленного до сих пор материала препятствовали созданию синтетических трудов в области, где все сведения указывают на большую сложность экономических процессов, протекавших в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, и на значительные особенности этих процессов в разных районах страны. При таком положении дел и при отсутствии во Франции до 80-х годов XIX в. сколько-нибудь систематической экономической статистики путь предварительного обследования отдельных районов остается единственно плодотворным. Он подготавливает условия для создания обобщающих трудов по экономической истории данного периода.

Нельзя не признать, что за последние го-

ды французская историография заметно продвигается к этой цели. Нам приходилось в свое время отмечать, что празднование столетия революции 1848 г. во Франции не ознаменовалось появлением новых крупных исследований по ее истории. Но все же юбилей сыграл свою роль, дав толчок исследовательской работе в этой области. Местными историческими обществами и архивами опубликованы небольшие, но ценные статьи и брошюры, содержащие документы и обзоры событий в отдельных городах и департаментах. В самое последнее время стали появляться крупные монографии по экономической и социальной истории, охватившие и период революции 1848 года. И вот теперь перед нами специальный коллективный труд по экономической истории революционного периода, созданный усилиями Общества истории революции 1848 г. и изданный под его эгидой в 1956 г.: «Аспекты кризиса и депрессии французской экономики в середине XIX в. 1846—1851 годы. Этюды под руководством Э. Лабрусса»². Выбор обществом темы для своего очередного издания был, как видим, подсказан действительными потребностями исторической науки и может быть признан как нельзя более удачным.

В создании рассматриваемого труда первостепенная роль принадлежит нынешнему председателю Общества истории революции 1848 г. профессору Э. Лабрусу, выдающемуся специалисту по экономической истории Франции XVIII и XIX веков. Э. Лабрусс был не только инициатором данного сборника — он выдвинул на заседании Общества в феврале 1955 г. мысль о таком коллективном труде, — но и руководителем подобранного им авторского коллектива. Он же явился редактором «Аспектов» и открыл их своей вводной статьей обобщающего характера.

Кроме этой статьи, в сборник входят двенадцать этюдов. Два из них выделяются среди остальных специальной тематикой: статья Р. Госсэ (R. Gossez), служащая комментарием к составленной тем же автором и приложенной к сборнику карте народных волнений во Франции в 1846—1847 гг. на почве дороговизны хлеба, и статья Тюдеска (A.-J. Tudesq) о взглядах

² «Aspects de la crise et de la depression de l'économie française au milieu du XIX-e siècle, 1848—1851. Etudes sous la direction de E. Labrousse». Bibliothèque de la révolution de 1848 T. XIX. 1956. Imprimerie centrale de l'Ouest, pp. XXIV + 356.

парижских деловых кругов на кризис 1847 года. Следующие десять статей должны представить читателю главные «аспекты кризиса и депрессии». Две из этих статей — Дезера (G. Desert) о районе Кан в департаменте Кальвадос и Дюпё (G. Dupeux) о департаменте Луары-и-Шер — представляют «сельскохозяйственные аспекты» кризиса. Три другие статьи — коллективная статья пяти авторов из Лилльского университета: Шаню (A. Chanut), Кодакчиони (F.-P. Codaccioni), Жилле (M. Gillet), Лантакера (F. Lantacker) и Машю (L. Machu) о департаменте Нор, статья Дейона (P. Deyon) о Руане и статья Перро (M. Perrot) о текстильных округах Кальвадоса — представляют «промышленные аспекты» этих явлений. Статья Гирала (P. Guiral) посвящена экономическому положению в крупном торговом порту Марселе. Наконец четыре последние статьи представляют некий «зондаж французской экономики» посредством анализа кризисных явлений в отдельных департаментах разных концов страны: в восточном департаменте — Н. Рейна (статья Дрейфуса — G. Dreyfus), в департаменте центрального района — Кот д'Ор (статья Гонне — P. Gonnet), в западном департаменте — Сарта (Буа — P. Bois) и в средиземноморском департаменте — Вар (Агюлон — M. Agulhon).

Бросается в глаза несколько искусственный характер всех этих разграничений в «аспектах» и между ними. Назвав свой труд «Аспектами» кризиса и депрессии, авторы его, вероятно, хотели подчеркнуть, что не собираются освещать все стороны проблемы. Действительно, исследование такого масштаба было бы в современных условиях непосильной задачей, и составитель коллективного труда пошел по иному пути, прибегнув к выборочному методу анализа положения дел в отдельных, разнообразных по своему облику департаментах. Но в выборе этих департаментов можно заметить существенный изъян, так как не представлены некоторые важнейшие промышленные и сельскохозяйственные районы Франции, в первую очередь Парижский и Лионский промышленные районы, а также бассейн Луары и Юго-Западная Франция. Может быть, составитель сборника руководствовался тем соображением, что экономическое положение Парижа неоднократно освещалось в литературе по истории революции 1848 г. и что монографические исследования по истории Вто-

рой республики в Лионе, в департаменте Жиронды и других местах охватывали также и экономическую историю? Если его соображения были таковы, то с ними трудно согласиться. Даже по Парижу все еще нет отвечающего научным требованиям цельного исследования его экономической истории в середине XIX в. и особенно в 1848—1851 годах. Тем более нельзя считать сколько-нибудь изученным экономическое положение в Лионе и Лионском промышленном районе. Известные работы Ф. Дютака, Ж. Годара и других авторов, посвященные политической истории Лиона в интересующее нас время, никак не могут восполнить этот пробел. Наконец, составителю сборника можно было бы указать на отсутствие логики при выборе районов на основе такого критерия: в сборник включены этюды по департаментам Нор и Н. Рейна, хотя экономическое положение этих департаментов уже привлекло ранее специальное внимание исследователей А. Госсэ и Каган-Рабэк, отводивших в своих известных монографиях важное место явлениям экономического кризиса в этих районах Франции.

Впрочем, неравномерность изучения чувствуется и в самих статьях сборника. Некоторые важные проблемы в них иногда трактуются слишком бегло, а порой и вообще обойдены. В то время как в статьях Дезера, Шаню, Дайона, Перро, Буа, Агюлона мы найдем разнообразные данные по народным движениям кризисных лет и важные сведения о рабочем движении, в других разделах сборника авторы мало касаются социальных последствий кризиса и депрессии, ограничиваясь выяснением состояния сельскохозяйственного и промышленного производства³.

При всем том следует признать сборник «Аспектов» ценным вкладом в историческое исследование революции 1848 г. во Франции. Главная ценность этого вклада в значительном расширении материалов, проливающих свет на социальную историю революционного периода. Исследовательские поиски авторов «Аспектов», направлявшиеся его компетентным редактором, открыли богатые ресурсы многих источников, к которым едва прикасалась еще рука историка: департаментские архивы, фонды экономических организаций буржуазии, архивы

³ Возможно, что во всем этом повинна некоторая торопливость, отпечаток которой не мог не лечь на коллективный труд, соданный менее чем за год.

специальных ведомств и т. д. Авторы этюдов обследовали и плодотворно использовали переписку префектов и протоколы генеральных советов департаментов, прокурорские отчеты, протоколы коммерческих судов, регистры банкротств и принудительных конкурсов, архивные фонды некоторых промышленных компаний, архивы торговых палат и консультативных мануфактурных палат, муниципальные архивы Руана, Марселя, Тулона, таможенные отчеты их портов и т. д. и т. п. Приведенные в ряде статей данные департаментских меркуриалов подтвердили, в частности, существенное значение этого источника по экономической истории XIX в.— особенно его первой половины,— справедливо оцененного уже нашим советским исследователем Ф. В. Потемкиным, проявившим инициативу в этом направлении. Рядом этюдов доказана большая познавательная ценность провинциальной прессы того времени: выдержки из «Le Haro», «Sémaphore de Marseille», «Le Marseillais», «Courrier du Bas-Rhin», «Le Toulonnais», «Normandie agricole» и других провинциальных газет содержат интереснейшие данные по экономической и политической истории конца Июльской монархии и Второй республики и представляют незаменимые свидетельства о настроениях различных слоев буржуазии, мелкой буржуазии и крестьянства.

Вырисовывающаяся из всех этих материалов картина кризиса и социальных движений 1846—1851 гг. имеет, бесспорно, серьезное познавательное значение. Картина эта оказывается куда сложнее, чем обычно представлялось в исторической и экономической литературе. Она опрокидывает некоторые установившиеся взгляды буржуазных историков и экономистов на глубину влияния кризиса в различных отраслях хозяйства, а также на время выхода Франции из кризиса. При всей неполноте материалов отдельных статей сборника и недостаточно критическом иногда отношении к ним со стороны отдельных авторов в целом эти материалы убедительно свидетельствуют о существовавших значительных особенностях в развитии кризисных явлений в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства и о громадном влиянии местных условий. Это касается развития экономики и в предреволюционный период и после февральской революции, в особенности в малоизученный отрезок времени 1849—1851 годов.

Если взять, например, текстильную про-

мышленность департаментов Нор, Кальвадоса и Нормандии (Руан), то историку нельзя не учитывать существенных вариаций положения дел в хлопчатобумажной, льняной и суконной промышленности. В целом кризис в этих отраслях, начавшись кое-где еще в 1845—1846 гг., смягчился в конце 1847 г., затем резко обострился после февральской революции, но к концу 1848 г. сменился подъемом, перемежающимся в 1851 г. (а в Руане еще и в 1850) кратковременным, но резким спадом в делах. В то же время в хлопчатобумажной промышленности Эльзаса (департамент Н. Рейна), где кризисные явления обозначились еще в конце 1844 г., крупные предприятия со второй половины 1848 г. вступили в полосу устойчивого подъема.

Иным было течение кризиса в металлургической и угольной промышленности. Кризис начал проявляться в них лишь со второй половины 1847 г. и закончился значительно позже — только в 1851 году. В департаменте Нор кризис по-настоящему охватил эти отрасли тяжелой промышленности лишь после февральской революции, зато падение продукции и цен продолжалось и в 1849 и в 1850 гг., и выход из кризиса совершался особенно медленно и неустойчиво. Таким же затяжным был кризис в строительном деле, которое по числу рабочих занимало в тогдашней французской промышленности второе место, следующее после текстильной. Характерно, что длительный кризис строительной промышленности и металлургии имел место не только в передовых промышленных районах страны, но и в таких департаментах, как Кот д'Ор, где эти отрасли не потеряли еще облика традиционного архаического производства, связанного с сельским хозяйством и близлежащим рынком.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в научной значимости материалов «Аспектов», выявляющих сложный экономический процесс 1848—1851 гг. во Франции. Заметим попутно, что для советской историографии в этих материалах и в вытекающих из них выводах нет чего-либо неожиданного. Наши исследователи истории революции 1848 г. во Франции пришли еще раньше к тому же заключению — о значительной неравномерности развития экономического кризиса 1847—1848 гг. в разных областях французского народного хозяйства, как и о неравномерности их выхода из кризиса и затяжной депрессии

1849—1851 годов⁴. Но бесспорной заслугой французского коллективного труда является подкрепление этого положения большим фактическим материалом, уточняющим многие стороны вопроса и серьезно расширяющим круг источников по экономической и социальной истории революции. В свете этих материалов становятся все более ясными пружины политического развития Второй республики, экономические причины растущей контрреволюционности буржуазии, корни бонапартистских настроений большей части крестьянства. Вместе с тем материалы эти, освещающие так подробно экономическое развитие ряда районов Франции в годы Второй республики, дают ключ к пониманию источников неугасавшего брожения и периодической активизации отдельных групп рабочего класса и нового роста у части крестьянства и мелкой буржуазии демократических и революционных настроений в 1849—1851 годах.

В ограниченных рамках нашей критической статьи нет возможности предпринять разбор отдельных статей сборника. Мы отметим лишь обильные данные этюдов «Аспектов» о бедственном положении пролетариата в годы кризиса и депрессии. Весьма красноречив тот факт, что в марте 1847 г. в Туркуэне 15 тыс. человек — более половины населения города — существовали помощью бюро благотворительности (стр. 113). В небольших городках и рабочих поселках положение подчас было еще хуже. В департаменте Сарта, недалеко от Мамера, в маленьком городке с 6 тыс. населения, занятого сплошь ткачеством, весной 1847 г. жизнь 2 800 человек поддерживалась единственно лишь благотворительностью (стр. 293). В том же году в Лилле смертность превысила рождаемость. В Руане число лиц, источником существования которых стала работа в местных благотворительных мастерских для безработных, выросло с 480 человек в ноябре 1846 г. до 5 600 человек в октябре 1847 года (стр. 145).

На фоне кризисных бедствий для рабочих масс отчетливо прослеживается по материалам «Аспектов» стремление предпринимателей найти выход из трудностей посредством усиления эксплуатации пролетариата. Наступление на заработную плату рабочих, начавшись еще в 1846—1847 гг., продолжалось после февральской революции 1848 г. и заметно усилилось после поражения парижского пролетариата в

июне. Поражение это окрылило промышленников и мануфактуристов по всей стране, особенно текстильных фабрикантов. По данным совета прюдомов Лилля, в этом крупнейшем промышленном центре заработная плата рабочих хлопкопрядильной промышленности была в 1848 г. еще ниже, чем в кризисном 1847 году (стр. 137).

В этюдах «Аспектов» приведены новые материалы о рабочем движении в годы кризиса и депрессии — о крупных стачках шахтеров департамента Нор в 1846 г. и мятежах лильских текстильщиков в мае 1847 г. (стр. 115), о забастовках солидарности рабочих Эльбефа, выступивших на поддержку женского голодного бунта на рынке в феврале 1847 г. (стр. 147), о рабочих стачках в Руане в октябре 1848 и в сентябре 1849 г. (стр. 134—135), о мятеже рабочих сахарной промышленности департамента Нор в 1851 г. (стр. 133—134) и о ряде других выступлений, указывавших на пробуждение и рост классового сознания французского пролетариата.

Немалой новизной отличаются материалы «Аспектов» о положении дел в сельскохозяйственных районах страны. Состояние сельского хозяйства Франции к середине XIX в. и вообще ход развития капитализма во французской деревне в эту эпоху еще далеко не изучены историками и экономистами. Поэтому сведения, собранные в различных этюдах «Аспектов», представляют немалую ценность. Отметим прежде всего данные о земледелии, движении сельскохозяйственных цен и доходах различных категорий землевладельцев в департаментах Луары-и-Шер, Сарты, Кальвадоса, Вар. Заслуживают особенного внимания материалы по департаменту Луары-и-Шер и Сарты, говорящие об интенсивности процесса капиталистического развития сельского хозяйства в этих департаментах и о разнообразных формах этого процесса. Перепись населения, проведенная в 1851 г. в департаменте Луары-и-Шер, показала, что на 13 237 крестьян-собственников земли, обработывавших ее собственным трудом и не имевших других доходов, насчитывалось 9 тыс. парцелльных крестьян, которые не могли прокормиться от своих клочков земли и должны были арендовать землю, либо работать по найму в других хозяйствах, около 5 тыс. фермеров-арендаторов и 500 арендаторов-испольщиков, 11 480 домашних слуг, связанных с работой в сельском хозяйстве своих нанимателей, и 20 976 батраков-поденщиков (стр. 66—67).

⁴ См., например, «Революция 1848—1849». Т. I. М. 1952, стр. 706—707.

Еще показательнее данные по департаменту Сарты, который, по мнению автора соответствующего этюда, П. Буа, «по характеру своей экономики и по социальной структуре вполне соответствует тому, что можно было бы назвать среднетипичной Францией той эпохи» (стр. 314). Постоянный рост земельной ренты и ставок арендной платы за землю в этом департаменте в течение первой половины XIX столетия вызвал приток капиталов сартской буржуазии в землевладение, чему содействовало и слабое развитие местной промышленности. Если к 1848 г. площадь дворянского землевладения здесь составляла 22% всей площади землевладения, то землевладение городской буржуазии было вдвое большим (стр. 278). Вследствие этого наиболее распространенной формой ведения сельского хозяйства в департаменте Сарты стала фермерская аренда⁵. П. Буа справедливо заключает из этого, что «возрастающие доходы от земледелия частично ускользали от крестьян и обогащали другие социальные классы» (стр. 278).

Касаюсь вопроса о последствиях неурожая и кризиса для различных категорий землевладения, авторы этюдов о департаментах Луары-и-Шер и Сарты согласно приходят к выводу, что от повышения сельскохозяйственных цен более всего выиграло крупное землевладение⁶. Возросли также доходы зажиточных крестьян, обладателей значительного количества товарного хлеба. В то же время результаты примерных исчислений доходов мелких крестьян, вынужденных более покупать хлеб, чем продавать его, показывают, что повышение сельскохозяйственных цен и одновременный промышленный кризис, почти лишивший деревенскую бедноту подсобных заработ-

⁵ Из 43 тыс. хозяйств департамента (не считая парцелльных владений сельскохозяйственных рабочих) только 17 тыс. хозяйств эксплуатировались их владельцами, а более 25 тыс. хозяйств сдавались в аренду. Исполная аренда была уже исключением, и более $\frac{2}{3}$ всей земли сдавалось в краткосрочную фермерскую аренду на условиях, сохранявших наряду с денежной рентой некоторое количество натуральных платежей — пшеницей, маслом, птицей и т. п.

⁶ В этюде Дюпё приведены выразительные данные сохранившихся архивов госпиталей в Блуа, Вандоме и Море, которые являлись собственниками 17 ферм общей площадью в 1 285 га земли, сдававшихся в аренду на обычных в департаменте Луары-и-Шер условиях. Эти данные показывают, что доходы от указанных ферм в 1847 г. почти вдвое превысили доходность нормальных времен (стр. 75).

ков, явились для массы крестьянства катастрофой (стр. 79). Но и период падения сельскохозяйственных цен в 1849—1852 гг. «не был для землевладельца — покупателя хлеба столь благоприятным, как это могло бы показаться на первый взгляд» (стр. 80)⁷.

Аналогичные факты и заключения можно найти и в других этюдах, в частности в этюде о департаменте Сарты. Следует отметить что П. Буа в отличие от многих других авторов «Аспектов» уделил внимание проблеме кредита и его роли в сельскохозяйственной депрессии 1849—1851 годов. Заслуживает внимания мысль П. Буа о том, что в переполнении сельскохозяйственных рынков и падении сельскохозяйственных цен в этот период немалую роль сыграло резкое сокращение кредита для мелких и средних крестьян в годы революции. Стремление заимодавцев-ростовщиков придержать наличные деньги и вместе с тем срочная необходимость погасить — для получения нового кредита — ссуды, заключенные в неурожайные годы, заставляли мелких и средних крестьян продавать по любой цене не только излишки, но и часть урожая, необходимого для личного потребления.

В целом же проблема ростовщической эксплуатации крестьянства в годы кризиса не получила должного освещения на страницах «Аспектов». Тем не менее материалы этого раздела сборника помогают выяснению влияния, какое экономический кризис и революция 1848 г. оказали на процесс углубления капиталистического развития французского сельского хозяйства и на рост классовой дифференциации крестьянства.

Нельзя также обойти молчанием один из самых ценных материалов «Аспектов» — воспроизведенную в нем карту народных волнений и выступлений в 1846—1847 гг. на почве дороговизны хлеба, составленную А. Госсэ. Голодные волнения и выступления накануне революции давно привлекли внимание историков. Вопрос этот трактовался и в общих работах относительно кон-

⁷ Исчисляя доходы среднего и мелкого крестьянина-виноградара департамента Луары-и-Шер, Дюпё приходит к выводу, что понижение его доходов вследствие крутого падения цен на вино в 1849—1851 гг. было куда более стремительным, чем экономия от снижения цен на продовольственные продукты. «Более чем какая-либо другая социальная категория, виноделы составляли великую жертву депрессии 1849—1851 годов» (стр. 84).

ца Июльской монархии и во многих исследованиях о положении дел в отдельных департаментах, в трудах Госсэ, Видалана, А. Шарля, П. Леона, Сэ и др. Интересное исследование этих движений по материалам главным образом «*Gazette de Tribuneaux*» недавно представил Ф. В. Потемкин в своей статье о массовых движениях во Франции со времени лионских восстаний до революции 1848 г. (см. «Ученые записки по новой и новейшей истории». Т. I. М. 1955). Ф. В. Потемкину удалось правильно поставить вопрос о значении этих массовых выступлений⁷ трудящихся для окончательного созревания революционной ситуации во Франции. Уверенность Ф. В. Потемкина в том, что материалы французских архивов смогут основательно дополнить собранные им данные о продовольственных волнениях 1847 г., получила быстрое подтверждение. Карта Госсэ вносит новый вклад в изучение этого вопроса. Она намного расширяет наши сведения о народных волнениях и выступлениях в 1846—1847 гг. и представляет в более конкретном виде особенности этих выступлений в отдельных районах Северной и Северо-Западной Франции, в луарских департаментах и в некоторых департаментах Юго-Запада⁸.

Классификация этих выступлений в карте Госсэ не вполне научна: она воспроизводит скорее тонкости жандармско-полицейского юридического мышления той эпохи («мятежи», «мятежи, сопровождавшиеся разграблением хлеба», «беспорядки и агитация», «выступления с целью помешать транспортировке зерна из данной местности в другие», «принудительная продажа зерна на рынках» и т. п.⁹. Более важно

⁸ Составитель карты использовал для нее новые источники: отчеты жандармерии Июльской монархии о волнениях в соответствующих районах дислокации жандармских сил и переписку с военным министерством командиров армейских дивизий, размещавшихся правительством Гизо по стране для борьбы против «внутреннего врага». Командующие этими дивизиями вынуждены были пристально интересоваться настроениями народных масс во введенных им округах. К своей переписке с военным министерством они часто прикладывали анализ состояния умов в районе дислокации и соответствующие отчеты командиров своих подразделений.

⁹ Кроме того, можно посетовать, что эта карта воспроизведена в очень мелком масштабе. Поэтому условные знаки того или иного вида выступлений масс занимают на карте департаментов непомерно большое место, так что нельзя узнать, в каком именно городе или сельском округе происходило то или иное выступление.

заметить следующее: при рассмотрении карты Госсэ бросается в глаза, что ареной наиболее интенсивных массовых выступлений на почве дороговизны хлеба были местности Северо-Западной Франции (Бретань, Нормандия, Иль-и-Вилен, Майенна), департаменты Нор и Па-де-Кале, Дё-Севр, Эр-и-Луары, затем луарские департаменты нижнего течения и некоторые юго-западные районы страны. Из карты следует, что парижский и лионский промышленные районы, Эльзас и почти вся Южная Франция были зонами наибольшего «спокойствия» в полицейском смысле слова. Госсэ объясняет это особенно решительными мерами властей по обеспечению «порядка» в этих районах Франции. Можно усомниться, соответствует ли действительности такой разительный контраст между северо-западным районом, с одной стороны, и центрально-южным и восточным районами — с другой. Такой контраст, думается нам, не может быть объяснен полностью ни различием в экономике этих районов, ни разницей в масштабах охранных мероприятий властей. Эти различия получили на карте Госсэ крайнее выражение еще и в силу специфичности ее источников, в силу односторонности самих сведений военного министерства. Дальнейшие поиски сведений о народных волнениях и выступлениях в 1846—1847 гг., дальнейшее изучение местной прессы, архивов и материалов администрации заштрихуют еще немало белых пятен на карте Госсэ.

Нет возможности, да и необходимости специально останавливаться на отдельных спорных положениях в исследовательских этюдах «Аспектов». Сами авторы признают предварительный характер многих своих наблюдений и выводов. Собранные ими материалы оставляют еще достаточно простора для доисследований и для новых выводов, достоверность которых будет проверяться в ходе дальнейшего накопления и сопоставления фактов.

Но есть коренной вопрос, мимо трактовки которого в «Аспектах» нельзя пройти. Авторы этого труда заключили свое исследование в хронологические рамки пятилетия — 1846—1851, объединенного в их глазах экономическим кризисом и депрессией середины XIX века. Но какова природа этого кризиса и этой депрессии? Многочисленные суждения в различных «Аспектах» сборника никак не свидетельствуют о ясности понимания вопроса, о верности того

направления, в каком участники сборника ищут на него ответа.

Авторам «Аспектов» пришлось исследовать явления экономического кризиса 1847 г. в стране, где развернулся, но еще не завершился промышленный переворот, кризиса, которому предшествовал катастрофический неурожай хлебов и картофеля. Осложнила все кризисные явления и их течение и сама революция 1848 года. Кроме того, важнейшей особенностью кризиса 1847 г. было, как известно, то, что он был первым экономическим кризисом с отчетливо выраженными чертами международного кризиса и порождался не только внутренними предпосылками самой Франции, но и воздействием кризисных явлений в других странах, состоянием мирового рынка. Исследователь не может выбраться из лабиринта всех этих переплетавшихся и перекрещивавшихся факторов и явлений, если не будет строго различать среди них основной, определяющий экономический процесс. Попытка ряда статей «Аспектов» рассматривать экономическое развитие данного пятилетия как нагромождение нескольких экономических кризисов разного характера без выделения главного вносит лишь путаницу.

В этих статьях наряду с торгово-промышленным кризисом перепроизводства фигурирует особый сельскохозяйственный кризис, который в своем развитии отличался различные и притом противоположные формы¹⁰. У некоторых авторов приобретает, в свою очередь, двоякую природу и промышленный кризис. Так, авторский коллектив статьи о департаменте Нор утверждает, что в этот период следовали друг за другом два промышленных кризиса — один, обрисованный еще с 1845 г. и продолжавшийся до середины 1847 г., и другой, «внезапно последовавший за революцией 1848 года» (стр. 140). Этот второй кризис был, собственно говоря, «новой вспышкой кризиса» («le rebondissement de la crise»), являющейся «определенно отражением февральской революции» (стр. 140)¹¹. Дальше

¹⁰ Для автора статьи о районе Кан департамента Кальвадос это — «наслаивающиеся друг на друга кризисы неравной длительности» (стр. 56), которые принимают вид сперва «кризиса недопроизводства», а затем «кризиса перепроизводства» (стр. 63). Для автора статьи о департаменте Луары-и-Шер это — следовавшие друг за другом в течение 1846—1851 гг. «продовольственный кризис» и «кризис низких цен» (стр. 91).

¹¹ Подобный взгляд присущ и автору статьи о департаменте Н. Рейна, различа-

всего идет в этом направлении автор статьи о департаменте Сарты, полагающий, что экономический кризис закончился еще до революции, а после февральской революции имел место «катаклизм... который ничто не оправдывало в экономической конъюнктуре» (стр. 303). Этот катаклизм представлял собой феномен революции, породившей «психоз падения цен», особенно в сельском хозяйстве, «феномен, отправной пункт которого был чисто психологический, но который мало-помалу перерос в экономический феномен», в длительную депрессию, затянувшуюся до бонапартистского переворота и даже на некоторое время после него (стр. 314).

Во всех приведенных рассуждениях отразились некоторые исходные позиции «Аспектов», с которыми никак нельзя согласиться. Мы имеем в виду постоянно встречающуюся в статьях сборника попытку вывести экономический кризис 1847 г. во Франции из тогдашнего состояния французского сельского хозяйства, рассматривать торгово-промышленный кризис как следствие неурожая и падения доходов деревни. Для понимания сути вопроса лучше всего обратиться к вводной статье вдохновителя и редактора «Аспектов» профессора Э. Лабрусса, где эта господствующая тенденция сборника наиболее отчетливо выражена.

Название статьи Э. Лабрусса, «Панорамы кризиса», как будто говорит о намерении автора представить читателю «Аспектов» виды кризиса на широком пространстве. Мастер ярких и выразительных обобщений, профессор Лабрусс поднимает в своей статье много интересных вопросов. Он анализирует движение сельскохозяйственных цен, привлекает внимание к данным о коммерческих банкротствах, к статистике сберегательных касс, оттеняет особенности положения зернового хозяйства, виноградарства и животноводства. Весьма интересны соображения автора о последствиях кризиса для различных классов населения. Э. Лабрусс справедливо протестует против огульного рассмотрения неурожая в деревне с помощью общих терминов «culti-

юющему в кризисе 1848 г. целых «три аспекта»: сперва «кризис перепроизводства», начавшийся в 1845/1846 г. на почве роста цен на сырье (хлопок), затем в 1846 г. «кризис продуктов питания» и, наконец, возрождение и усиление промышленного кризиса в 1848 г. вплоть до июньских дней, после чего кризис быстро сошел на нет (стр. 248).

vateurs» и «agriculteurs». От катастрофического роста сельскохозяйственных цен в 1846/1847 г., равно как от падения сельскохозяйственных цен в последующие годы, были во французской деревне люди выигрывавшие и проигрывавшие. Выигрывавшие составляли меньшинство, преобладающая часть — мелкие собственники и арендаторы (фермеры и испольщики) — проигрывала от роста цен на сельскохозяйственные продукты, так как не столько продавала хлеб, сколько покупала его и в качестве покупателей уплачивала много больше того, что выручала от продажи хлеба в ближайшие после жатвы недели. Справедливо заключение Э. Лабрусса и о том, что наиболее страдавшую категорию деревни составляли батраки, особенно поденщики. Убедительно опровергает Э. Лабрусс взгляды тех историков, которые готовы поспешно и механически заключить, что положение основных масс французского крестьянства в период хороших урожаев 1848—1849—1850 гг. и следовавшего в эти годы падения сельскохозяйственных цен улучшилось. При оценке социальных последствий этой новой конъюнктуры, правильно замечает Э. Лабрусс, необходимо учесть то обстоятельство, что в тяжелые годы неурожаев мелкий крестьянин обычно прибегал к займам хлеба у крупных землевладельцев и зажиточных крестьян с условием возврата ссуды натурой в размерах, определяемых текущими ценами¹².

Было бы ошибочно также поспешно заключать об улучшении положения сельскохозяйственного пролетариата. Разумеется, хороший урожай и снижение хлебных цен несли с собой увеличение найма поденщиков и слуг. Но пролетарские категории сельского населения были особенно обременены долгами; продолжавшийся в промышленности и строительстве кризис лишал сельский пролетариат подсобных заработков; кроме того, следует помнить, что цены на картофель — основной продукт питания — оставались до конца 1847 г. куда более высокими, чем в 1845 году. При дальнейшем падении сельскохозяйственных

¹² Лабрусс приводит расчет, показывающий, например, что за 5 гектолитров зерна, взятых заимообразно в ноябре — декабре 1846 или весной 1847 г., нужно было отдать осенью того же года от 7 до 9 гектолитров зерна (стр. XVI). Следовательно, хороший урожай 1847 и 1848 гг. еще не означал, что у мелкого крестьянина после всех расплат и вычетов было большее количество товарного хлеба.

цен на положении сельскохозяйственного пролетариата отрицательно сказывались растущая сезонная безработица, снижение заработной платы и в то же время неотложная потребность восстановить самый необходимый домашний скарб, белье, одежду, обувь, расплатиться с долгами, возратить ссуды. Лабрусс справедливо замечает, что изучение крестьянской задолженности 1846—1851 гг. многое могло бы рассказать на этот счет (стр. 21). Все же нельзя не сказать, что статья Э. Лабрусса далеко не охватила основных участков картины кризиса и депрессии во Франции. Э. Лабрусс подчиняет анализ материалов сборника некоторым излюбленным им вопросам и произвольно обходит другие вопросы, не менее, если не более важные для понимания экономической и социальной истории революции 1848—1851 годов.

Так, внимание Лабрусса куда больше привлекает положение сельского хозяйства, чем промышленности, а в ней его занимает почти исключительно текстильная промышленность. Заметно и то, что положение городского пролетариата явно не слишком интересует редактора «Аспектов», и он, даже когда касается этого вопроса, ограничивается самыми общими замечаниями. И уже совсем не хочет Лабрусс углубляться в область рабочего движения. Даже карта голодных выступлений трудящихся в 1846—1847 гг. отмечена в его статье лишь отдельными фразами посредственного интереса. Все это находится в прямой связи с теми общими взглядами на Францию середины XIX в. и экономический кризис 1847 г., какие проводит Э. Лабрусс в своей статье.

Касаясь этих взглядов, мы невольно противоречим автору «Панорам кризиса», который в начале предупреждает читателей о том, что в статье его не следует искать ни общей теории кризиса и депрессий, ни изучения причин их. Экономические кризисы, разъясняет Лабрусс, могут быть объяснены лишь с помощью «методов сравнительной истории», что потребовало бы широкого сравнения между собой ряда кризисов и притом не только в одной стране. О таком размахе исследования не могло быть и речи. Больше того: Лабрусс сознается, что отстранил от себя все предшествовавшие исследования кризиса 1847—1848 гг. и лишь использовал некоторые неопубликованные диссертации своих учеников.

Но не следует думать, что редактор

«Аспектов» обрек себя на участь наивного эмпирика. Заявление Э. Лабрусса об отсутствии в его статье «общей теории кризиса» никак не означает, что он не руководствовался определенными взглядами на природу исследуемых им явлений. Автор «Панорам» сам выдает себя в следующих строках своей статьи: «Хотя я и не представил общей теории экономических кризисов старого типа, я часто подчеркивал значение сельскохозяйственного фактора и особенно ту связь, которая существует во Франции между зерновым кризисом и кризисом текстильной промышленности. Читатель оценит, в какой мере предлагаемые исследования о конвульсиях уже переходной экономики обнаруживают или нет существование такой устойчивой связи» (стр. V).

Чтобы понять эту мысль, необходимо расшифровать выражение «экономические кризисы старого типа» — понятие, являющееся ключом ко всем воззрениям Э. Лабрусса на кризис 1847—1848 гг. и на социально-экономическую историю Франции в первые две трети XIX века. Наш маленький экскурс в данный вопрос может быть оправдан и тем соображением, что соответствующие взгляды Э. Лабрусса не подверглись еще разбору в нашей исторической и экономической литературе¹³.

Основы своей концепции «кризисов старого типа» во Франции Э. Лабрусс изложил в капитальном исследовании, посвященном кризису французской экономики к концу старого режима и в начале буржуазной революции 1789 года¹⁴. Автор вывел свою концепцию из размышлений над французской экономикой XVIII века. Большой труд Э. Лабрусса, в котором он поднял громадный конкретно-исторический материал первоклассного научного значения, отличался, однако, тем, что Э. Лабрусс считал народное хозяйство предреволюционной Франции не загнивающей феодальной экономикой, в недрах которой уже сложился и быстро развивался капиталистический уклад, а особой «товарной экономикой старого типа» («l'économie d'échange

¹³ Конечно, нижеследующие краткие замечания не исключают необходимости более широкого критического рассмотрения теоретических, методологических и исторических идей Э. Лабрусса, что невозможно предпринять в рамках критического разбора «Аспектов».

¹⁴ E. Labrousse. La crise de l'économie française à la fin de l'ancien régime et au début de la Révolution. T. I. Paris. 1944.

de l'ancien type»). Типические черты такой экономики Э. Лабрусс усматривал в преобладании сельского хозяйства, преимущественном развитии текстильной промышленности, соединении сельскохозяйственного труда с промысловым, общей неэластичности производства и транспорта и высоких издержках последнего и в огромной доле хлеба в потребительских расходах населения. В этой «экономике старого типа», утверждал Э. Лабрусс на примере Франции XVIII в., возникали частые экономические кризисы, причиной которых всегда были неурожаи хлебных культур. Неурожаи вызывали катастрофический рост цен на хлеб и падение доходов и покупательной способности сельского населения, а следствием этого были неизбежное сокращение промышленного, прежде всего текстильного, производства, падение доходов буржуазии и обнищание масс. Поскольку такая цепная связь между неурожаем и кризисом является, как утверждал Лабрусс, не случайной, а «каузальной», связь эта остается, по его мнению, неизменной и действует повсюду, где сохраняются основные черты «экономики старого типа». А так как Франция до 60-х годов XIX в. включительно оставалась, по мнению Лабрусса, все еще сельскохозяйственной страной, с архаическими транспортными средствами, с решительным преобладанием в ее индустрии текстильной промышленности, сохранившей соединение труда своих рабочих с сельским хозяйством, то поэтому и экономические кризисы во Франции до 70-х годов XIX в. были, в сущности, кризисами «старого типа». Они порождались, как и в XVIII в., неурожаями хлебов, ростом дороговизны, падением доходов населения. «Механизм кризиса остается тем же, что и в прошлом. Кризисы 1817, 1839, 1848 годов... повторяют кризисы 1770 и 1789 годов, а также кризисы значительно более отдаленных времен. Все эти кризисы, о которых сегодня мы потеряли представление, характеризуются падением денежного дохода и сильным повышением стоимости жизни. Точнее, это сильное повышение и есть причина. Кризис, порожденный плохим урожаем, делается всеобщим (est généralisée) посредством неумолимого роста цен на зерно... И, наоборот, падение цен на зерно ведет к прочному (mais à terme) восстановлению покупательной способности всех видов доходов...»¹⁵.

Эти умозаключения Лабрусса о причинах

¹⁵ E. Labrousse. Указ. соч., стр. 180.

экономических кризисов XIX в. во Франции, высказанные мимоходом в исследовании по XVIII в., не остались у него сгоряча сформулированной догадкой и развивались во всех его последующих работах по экономической и социальной истории Франции¹⁶.

Концепция профессора Лабрусса о «кризисах старого типа» во Франции, на наш взгляд, в корне неисторична. Не будем разбирать здесь, правомерно ли применял Э. Лабрусс понятие экономического кризиса к французской экономике XVIII века. Но совершенно очевидно, что он игнорирует принципиальные различия между докапиталистической экономикой XVIII и капиталистической экономикой XIX века. Он стирает вместе с тем разницу и между мануфактурной стадией капитализма, из которой Франция в самом начале XIX в. еще не вышла, и стадией крупнофабричного машинного производства, в которую она вступила с началом промышленного переворота, стадией, насчитывавшей к середине XIX столетия уже более четверти века. Получается, что, несмотря на свою приверженность «каузальному» объяснению истории, Э. Лабрусс отбрасывает как раз основные причинные связи, породившие периодические экономические кризисы XIX в., — закономерности капиталистического способа производства, основные имманентные противоречия капитализма.

Как нетрудно заметить, концепция Лабрусса объявляет причиной французских

экономических кризисов не присущую капиталистической фабричной индустрии уже на ранней стадии ее развития способность к скачкообразному и неравномерному расширению масштабов производства, приходящую в противоречие и периодическое столкновение с частной собственностью на средства производства, а случайный, эпизодический фактор — стихийные бедствия неурожая. От научной теории кризисов, от К. Маркса и Ф. Энгельса, имен которых Э. Лабрусс даже не упоминает, он тянет экономическую историю назад, к буржуазной экономической мысли конца XVIII и начала XIX в., еще ничего не знавшей о периодических общих кризисах перепроизводства и признававшей лишь кризисы частичные, которые она могла объяснить вздорожанием хлеба вследствие неурожая. Знаменательно, что в своей концепции Э. Лабрусс закрывает глаза на растущий всеобщий характер экономических кризисов XIX в. во Франции и не придает значения возникновению мировых кризисов, все более проявлявших свою власть над французской экономикой. Это тем более характерно, что исторический смысл такого перехода от частичных кризисов ко всеобщим, а затем и мировым означал, что все противоречия капитализма стали проявляться, говоря словами К. Маркса, «коллективно», тогда как раньше они проявлялись «лишь разрозненно, изолированно, односторонне»¹⁷.

Но вернемся к «Аспектам» и к вводной статье их редактора. Теперь, когда мы знаем, что называется на языке Лабрусса «кризисом старого типа», нетрудно убедиться в том, что «Панорамы кризиса» представляют фактически вариацию все той же ложной концепции. Профессор Лабрусс по-прежнему утверждает, что кризис 1846 г. разразился «в этой земледельческой Франции, — еще столь близкой к Франции XVIII века...» (стр. VII). Правда, он делает оговорку насчет новых черт в кризисе 1847 г., но оговорки эти, мимоходом брошенные, нигде не расшифровываются и, по мнению Э. Лабрусса, ни к чему его не обязывают в исследовании вопроса. Во всяком случае, они никак не отразились на его подходе к вопросу. Вот характерный в этом смысле отрывок: «Каким бы новым, каким бы оригинальным во многих отношениях ни был кризис 1847 г., в нем прояв-

¹⁶ См., например, доклад Э. Лабрусса «Об экономическом кризисе и политических кризисах во Франции», прочитанный на «Франко-английском историческом коллоквиуме» в 1946 г. E. Labrousse. *Crise économique et crises politiques en France*. 1946. В этом докладе Э. Лабрусс говорил: «Кризисы старого типа, которые следуют друг за другом во Франции вплоть до 1873 г., характеризуются решающей ролью (par la rôle capitale) сельскохозяйственного сектора. Именно там рождается кризис, который затем захватывает, путем инфекции (par contagion), промышленный и торговый сектор» (р. 1 bis); его доклад «Как рождаются революции» на парижском юбилейном конгрессе 1948 г. (*Actes du congrès historique du centenaire de la révolution de 1848*. Paris. 1949, pp. 17—19). Относительно этого доклада см. нашу статью в журнале «Вопросы истории», 1951, № 3; см. также недавнее предисловие Лабрусса к монографии П. Леона «Возникновение крупной промышленности в Дофинэ» (P. Léon. *La naissance de la grande industrie en Dauphiné (Fin du XVIIe siècle—1869)*. T. I. Préface de Ernest Labrousse. Paris. 1954).

¹⁷ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости. Т. II, ч. 2-я. Госполитиздат. 1936, стр. 209.

ляется неоспоримое, капитальное сходство как с предшествующими ему кризисами первой половины XIX в., так и с кризисами предшествующего столетия. Несмотря на то, что здесь (то есть в «Панорамах». — Н. З.) для удобства продолжает именоваться промышленной революцией — ее возможное уже влияние на цикл не следует разыскивать на этих немногих страницах, где, как я сказал, проблемы экономической интерпретации не будут предприниматься — кризис остается все тем же традиционным сочетанием катастроф (*la gencontre traditionnelle de catastrophes*). Ограничимся одним наблюдением: в 1846 и 1847 годах сельскохозяйственная катастрофа и текстильная катастрофа соединяют свое давление в условиях промышленной экономики, в которой текстиль попрежнему сильно преобладает» (стр. X, XII).

Как видим, автор «Панорам» всерьез полагает, что при анализе возникновения и развития кризиса в середине XIX в. во Франции он может позволить себе отвлечься от такого коренного обстоятельства, как промышленный переворот и его последствия, может исходить из несостоятельной презумпции, будто в экономике Франции, в сущности, почти ничего не изменилось. Но что сказать о научной значимости подобного «анализа» и всех сопутствующих ему рассуждений о «традиционном сочетании катастроф»?! Заметим мимоходом, что утверждение Э. Лабрусса о «традиционности» совпадения неурожая и промышленных кризисов во Франции является по меньшей мере спорным.

Если говорить, например, о первых периодических французских кризисах XIX в., об экономических кризисах 1827 и 1837 гг., то даже реакционный американский историк Данхэм в своей монографии о французской промышленной революции, где он не прочь объявить «в высшей степени плодотворной» теорию Э. Лабрусса о «кризисах старого типа», вынужден был, противореча себе, признать, что кризисы 1827 и 1837 гг. во Франции получили развязывающий толчок извне, от английских и американских кризисов, а не от сельскохозяйственных бедствий; в первом случае, констатировал Данхэм, плохие урожаи наступили лишь в 1828 г., а во втором — «у нас нет никаких доказательств плохих урожаев до 1838 г.»¹⁸.

Но применима ли теория Э. Лабрусса к кризису 1847 г., когда торгово-промышленному кризису действительно предшествовал катастрофический недород картофеля и хлебов?

Мы далеки, разумеется, от мысли отрицать большое влияние неурожая на ход экономического кризиса во Франции. Будучи обстоятельством приходящим, сельскохозяйственная катастрофа значительно воздействовала на течение фаз цикла. Она усилила свойственное капитализму отставание развития сельского хозяйства от развития промышленности и тем самым углубила эту диспропорцию, являющуюся одним из факторов в назревании периодических кризисов перепроизводства. Но неурожай 1845 и 1846 гг. и порожденная ими дороговизна сырья и продовольствия лишь ускорили и обострили действие процессов, имевших совсем другие экономические причины, — они обострили противоречия во французской экономике, накопившиеся в ходе экономического подъема 40-х годов XIX века. Неурожай не только ускорили наступление кризиса, развязывали его начало — они еще осложняли течение самого кризиса и расширяли его базу. «Повышение цены на хлеб, — отмечал К. Маркс, — равняется падению цены всех других товаров... Излишку, который употребляется на закупку хлеба, должно соответствовать уменьшение закупок всех других товаров, и уже поэтому — падение их цен»¹⁹.

Резкое снижение покупательной способности деревенского и тесно связанных с ним элементов городского населения, хлебные спекуляции и затруднения на денежном рынке, вызванные дополнительными затратами на импорт хлеба, еще более обострили экономическую конъюнктуру и содействовали углублению кризиса перепроизводства. Но в основе-то был, как блестяще доказал в своих работах К. Маркс, именно периодический кризис перепроизводства, выросший из предшествовавшего промышленного подъема 1843—1846 годов. Профессору Э. Лабруссу пришлось, чтобы подогнать кризисные явления 1846—1851 гг. под свою схему «кризиса старого типа», произвести произвольную перегруппировку всем известных фактов. Не случайно, например, в своем анализе кризиса во Франции Э. Лабрусс абстрагируется от зарубежного торгово-промышленного и финансового кризиса 1847 г. и его воздействия на Фран-

¹⁸ A. Dunham. La révolution industrielle en France (1815—1848). Paris. 1953, pp. 324, 326.

¹⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IV, стр. 31.

цию, равно как от спада международной железнодорожной горячки. Но и в характеристике внутренних условий и предпосылок кризиса во Франции он отводит краху железнодорожного бума 40-х годов десятистепенное место. Едва заслужили его внимания — под конец всей схемы — и такие отчетливые симптомы кризиса перепроизводства, как острейший денежно-кредитный кризис, крах акционерного рынка и банковские банкротства, хотя именно эти явления возвестили Франции о наступлении кризиса перепроизводства. В схеме Э. Лабрусса все причины этих кризисных явлений заменены неурожаями 1845 и 1846 годов. Однако любопытные признания на сей счет Лабрусс мог бы прочитать в том же сборнике «Аспектов», в статье Тюдеска о взглядах парижских деловых кругов на кризис. Автор статьи разделяет мнение о «сельскохозяйственном происхождении кризиса 1847 г.» и принужден жаловаться на то, что парижская буржуазия не улавливала данной причины кризиса и недооценивала ее значения. Все же Тюдеск не замалчивает того знаменательного факта, что на объяснении всех бедствий кризиса неурожаями настаивали больше всего правительственные круги Июльской монархии, видевшие в такой версии возможность отвратить от себя критику со стороны буржуазии за бездеятельность и ошибочную экономическую политику.

Предвзятая точка зрения помешала Тюдеску обратить должное внимание на оценку парижской буржуазией явлений промышленного кризиса, на настроения и взгляды промышленной буржуазии. Деловые круги у Тюдеска — преимущественно финансисты, биржевики, заправили железнодорожных компаний. Естественно, что в своих рассуждениях о кризисе они отводили главное место падению курсов акций, биржевой панике, банкротствам, исчезновению звонкой монеты и т. п. Если бы Тюдеск не был в плену ошибочной концепции Лабрусса, он мог бы лучше оценить симптоматичное значение таких рассуждений, свидетельствующих, помимо всего прочего, о том, с какого конца начала раньше всего ощущать парижская буржуазия кризисные явления. Вместе с тем он мог бы взвесить и проскальзывавшие в ворохе материалов признания представителей деловых кругов, например, письма банкира Меркюра, подчеркивавшие международный характер начавшихся экономических затруднений (стр. 20), или мнение газеты

«Constitutionnel», где писалось 6 июля 1847 г. о том, что «кризис из чисто финансового, каким он был сперва, стал кризисом торговым и промышленным», тогда как «дефицит хлебов есть лишь преходящее несчастье, которое Франция легко перенесла бы в обстановке процветания...» (стр. 23), или невольное признание газеты «Journal des Chemins de fer» (в номере от 9 октября 1847 г.): «При виде этих периодических заболеваний, которые сокрушают человеческую деятельность, представленную трудом и коммерцией, невозможно отказаться от признания того, что труд плохо организован, что его организация несет в себе пороки, из которых в определенные сроки рождаются заболевания, чьи неожиданные последствия потрясают до основания общество» (стр. 36). Профессор Лабрусс отмахивается от подобных признаний, ссылаясь на то, что при объяснении причин кризисов «уже с давних пор хлещет поток публичного вздора» («le Sottisier public déborde depuis longtemps») (стр. 4). Но это звучит не более убедительно, чем игнорирование многочисленных фактов, приведенных в других разделах «Аспектов» и опрокидывающих построение Лабрусса в пункте о текстильной промышленности. Автор «Панорам» в полном соответствии со своей концепцией представил читателю кризис в этой ведущей отрасли французской промышленности как результат неурожая и вызванных ими сокращений сельскохозяйственных доходов. Однако сами этюды «Аспектов» изобилуют фактами, свидетельствующими о том, что в некоторых центрах крупной текстильной промышленности симптомы кризиса перепроизводства и начальные кризисные явления появились уже в 1845 г. и даже в 1844 г., то есть еще до того, как дали о себе знать в сколько-нибудь широких размерах последствия картофельной болезни и недородов 1845—1846 годов. Авторы этюдов, где упоминаются эти факты, в большинстве случаев стараются смягчить вытекающие отсюда выводы и как-то примирить их со взглядами своего учителя насчет сельскохозяйственного происхождения кризиса 1847 года. Но факты остаются упрямой вещью и говорят сами за себя.

В текстильной промышленности Лилля-Туркуэня-Рубэ затруднения со сбытом и сокращение производства начались уже летом 1845 г. и в начале 1846 г. стали весьма ощутимы (стр. 104). Авторы статьи о департаменте Нор признают, что последствия

неурожая 1846 г. «проявляются в текстильной промышленности, уже затронутой кризисом...» (стр. 106). В Руане первые симптомы кризисных затруднений относятся еще к 1844 году²⁰.

В департаменте Н. Рейна, как отметил Ф. Дрейфюс, «с конца 1844 г. кризис начинает захватывать промышленность, особенно он затронул промышленность текстильную» (стр. 229). М. Агюлон, один из немногих участников сборника «Аспектов», по-видимому, не относящихся к числу «лабруссистов», четко признает наличие в департаменте Вар кризиса, обусловленного предшествовавшим промышленным подъемом, кризиса, явления которого «не позволяют недооценивать его аспекта циклического кризиса промышленного капитализма...» (стр. 325).

Даже автор этюда о департаменте Сарты, которому нетрудно убеждать читателя в том, что в данном сельскохозяйственном департаменте «мы присутствуем ... при кризисе старого типа, описанном Эрнестом Лабруссом» (стр. 295), должен был признать, что и в Сарте сельскохозяйственный кризис «в большей степени усилил давно намевившийся и весьма ясно выраженный кризис текстильной промышленности» (стр. 292).

Несостоятельность концепции «кризиса старого типа» окончательно выясняется при попытке объяснить его кризис и депрессию самих революционных лет. Профессор Лабрусс, к его чести, не солидаризируется с мнением, будто к моменту февральской революции экономический кризис уже закончился. Для этого Э. Лабрусс слишком хорошо знает факты относительно революционной ситуации начала 1848 года. Он справедливо доказывает, хотя и избегает употреблять выражение «кризис», что февральская революция «разразилась в обществе, которое экономически еще бедствовало» (стр. 19), и отмечает последовавший под влиянием революции «беспрецедентный экономический паралич» весны и лета 1848 года. При объяснении этого «паралича» Лабрусс недооценивает, однако, влияния факторов классовой борьбы послефевральского периода. Он перечисляет «три паники», охватившие буржуазию: биржевую, банковскую и денежную, — но следо-

вало бы прибавить еще панику промышленников, их страх перед революционными устремлениями рабочего класса, их стремление бороться против рабочего движения «костлявой рукой голода». Напомним замечание Маркса о том, что февральская революция, которая созданием Люксембургской комиссии, по-видимому, угрожала самой основе буржуазного производства — экономическому рабству пролетариата, не могла не подействовать и на буржуазный кредит и на все производство и обращение. «Революционный кризис,— указывал К. Маркс,— усилил кризис торговый»²¹.

Материалы «Аспектов» содержат немало новых фактов, подтверждающих роль контрреволюционных настроений промышленников в углублении экономического кризиса, фактов преднамеренного свертывания производства с целью противостоять требованиям пролетариата. Лилльские фабриканты Туссен, Шартио, Дютуа уволили в марте 1848 г. половину своих рабочих (стр. 120); в Руане предприниматели в знак протеста против установленных комиссаром временного правительства новых ставок заработной платы закрывали предприятия либо переводили их на сокращенную неделю (стр. 157); в текстильных районах Кальвадоса свертывание производства носило явно демонстративный характер; власти кантона Онэй, отвечая на анкету Учредительного собрания о положении труда, откровенно признавали расчеты капиталистов на то, что «народ, приведенный в отчаяние своими страданиями, возложит ответственность за них на республику...» (стр. 183)²². Немало фактов, свидетельствующих о нарочитом углублении промышленного кризиса предпринимателями, содержат этюды «Аспектов» и по другим департаментам, хотя некоторые авторы в своих статьях уходят от анализа этого вопроса.

Для дальнейшего периода Э. Лабрусс оперирует чаще всего понятием депрессии, показывая ее длительный и затяжной характер. Но как объяснить эту депрессию? Для концепции Э. Лабрусса здесь встре-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7. Изд. 2-е, стр. 20.

²² Выразительно письмо 150 рабочих кантона Вир, того же департамента, к министру внутренних дел. Рабочие, протестуя против лживых ответов на анкету Учредительного собрания, составленных местной комиссией из представителей буржуазии, писали: «Предприниматели смотрят на рабочих, как на своих врагов» (стр. 190).

²⁰ Уже 25 октября 1845 г. газета «La sentinelle normande» писала: «Мы приближаемся к торговому кризису. Принудительные распродажи и банкротства — все указывает на то, что кризис надвигается» (стр. 143).

тилось много опасных подводных камней. Прежде всего он вынужден, наконец, отметить, что то была «широкая международная депрессия, затронувшая как страны, охваченные революцией, так и те, которые предохранили себя от нее» (стр. 20). Это впервые подчеркнутое Э. Лабруссом изображение о международном характере кризиса остается, впрочем, изолированной фразой: анализа международного рынка и экономической конъюнктуры в других странах он по-прежнему не предпринимает. Еще более затруднительно с позиций «кризиса старого типа» объяснить сложную картину самой депрессии. Ведь текстильная промышленность с лета 1848 г. вступила в полосу оживления, в прерываемый конвульсиями новый подъем, а цены на сельскохозяйственные продукты непрерывно снижались. Профессор Лабрусс приводит интересные данные о том, что со второй половины 1848 и до конца 1851 г. цены на зерновые продукты опустились во Франции небывалым образом — до уровня 1789 года. В том же направлении, вниз, шли цены на вино и на другие сельскохозяйственные продукты (стр. 21). И, однако, по-прежнему переживает кризис тяжелая промышленность, продукция угольной промышленности и металлургии продолжает падать, строительное дело и железнодорожное строительство не оживляются — одним словом, как выражается Э. Лабрусс, «кризис гипертонический сменяется кризисом гипотоническим» (стр. XXI). Но и «гипотонический кризис» никак не укладывается в прокрустово ложе «кризиса старого типа». Попытка Лабрусса найти объяснение сельскохозяйственной депрессии в падении покупательной способности городского населения представляет, в сущности, отказ от главного тезиса — об определяющей роли доходов от сельского хозяйства в экономике Франции середины XIX века. Но, разумеется, Э. Лабрусс далек от того, чтобы публично слезть со своего конька и, так сказать, отвести «кризис старого типа» на конюшню истории, как старую ключу докапиталистической эпохи. Он довольствуется вульгарной теорией диспропорциональности, давно прельщавшей оппортунистов, от Каутского до Гильфердинга: «Все это было вызвано грубым нарушением рыночного равновесия» (стр. 21).

Между тем если бы профессор Лабрусс попытался сравнить в данном случае течение французской депрессии с течением кри-

зиса 1848 г. в Англии, он мог бы по одной этой параллели заметить фактическое повторение ходом кризисных событий во Франции основных черт развития кризиса и депрессии в стране, которую профессор Лабрусс, надеемся, никак не заподозрит в том, что ее экономика и в середине XIX в. представляла собой «экономику старого типа». В самом деле, если отвлечься от осложняющих моментов отсутствовавшей в 1848 г. революции в Англии, то и здесь раньше всего, с осени 1848 г., вступили в фазу нового подъема текстильная и некоторые другие отрасли экспортной промышленности, тогда как металлургическая и строительная продолжали свертываться до 1850 года. В этом отражалась определенная закономерность циклического развития капиталистического производства, для объяснения которой и во Франции нет нужды прибегать к уровню сельскохозяйственных цен и доходов и которую вообще нельзя понять с позиций «кризисов старого типа». Что же касается разницы в сроках окончания кризиса и депрессии, связанной с осложняющими моментами революции во Франции, то еще К. Маркс и Ф. Энгельс заметили, что английский капитализм в 1848 г. получил выгоду от революции на континенте: они ускорили выход Англии из кризиса, так как привлекли в нее европейские континентальные капиталы, что убыстрило темпы переоборудования и концентрации производства в Англии²³.

В заключительной части своей статьи профессор Лабрусс обращается к тем политическим оценкам, какие давали депрессии 1849—1851 гг. ее французские современники. Он справедливо подметил, что оценки эти были весьма различными, «смотря по партиям и данной среде, то есть, в сущности, соответственно с классами, социальными группами и идеологической клиентелой господствующих классов...» (стр. 24). Но, сделав этот шаг в сторону научной трактовки вопроса, профессор Лабрусс тут же обнаружил характерную непоследовательность. Вместо научного объяснения идеологической борьбы классов вокруг явлений кризиса и депрессии, вместо оценки ее объективно исторического значения в ходе самой революции он сводит здесь задачи историка к изучению «социальной психологии» и даже видит в этом высшее назначение исторической

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 454.

науки: «Изучение кризисов является, в конечном счете, главой в изучении социальной психологии, как одной из великих задач Истории завтрашнего дня» (там же). Хотя история пишется здесь Лабруссом с большой буквы, все же нетрудно заметить, что гора «каузальной» истории родила у него мышь «социальной психологии», которая мало чего стоит без понимания самого исторического процесса и его закономерностей.

Не так давно из правого лагеря французской буржуазной историографии Э. Лабруссе, заодно с Ж. Лефевром, был брошен упрек в том, что в своих исследованиях он злоупотребляет применением метода исторического материализма²⁴. С нашей точки зрения, подобного упрека профессор Лабрусс никак не заслужил. Нельзя не заметить, что Лабрусс недвусмысленно отмежевывается не только от экономической теории Маркса, но и от его учения о классовой борьбе. Лабрусс фактически недалеко от следования совету, какой давал ему его близорукий буржуазный критик, писавший: «Немного марксизма служит на подъеме истории, и весьма. Но слишком много — может ей повредить...»²⁵. Рецепт этот, как давно замечено, в особенности не идет на пользу эклектическим исследованиям, на каком бы уровне учености они ни предпринимались. «Немного марксизма» лишь обнажает методологические проколы подобных исследований, лишь подчеркивает неспособность их объяснить исторический процесс в его конкретных проявлениях. Эту старую истину подтверждает совокупность воззрений профессора Лабрусса на французскую историю занимающего нас периода. Наш спор с ним по вопросам экономической истории революции 1848 г., естественно, ведет к спору по более широкому кругу проблем, непосредственно связанных с пониманием социальной и политической истории этой революции.

Концепция «кризисов старого типа» во Франции середины XIX в. неизбежно приводит профессора Лабрусса не только к

игнорированию капиталистических законов развития французской экономики этого столетия, но и к затушевыванию капиталистических классовых противоречий и их роли в истории Франции того времени. Это рельефно обнаруживают общие взгляды Лабрусса на революцию 1848 г. во Франции. Можно ли понять закономерности этой революции, глубокие причины и ход событий, в которых пролетариат Франции впервые выступил как самостоятельная революционная сила, с социалистическими устремлениями, еще туманными и неясными, но в которых определяющую роль уже играл классовый антагонизм между пролетариатом и буржуазией, — можно ли объяснить это каузально, если считать, вместе с профессором Лабруссом, что «Франция 1848 года гораздо больше напоминает в целом старую сельскую Францию Людовика XV, чем Францию конца Второй империи...»?²⁶. Удивительно ли, что с такой ненаучной позиции профессор Лабрусс не может узреть той исторической почвы, на которой выросли требования «права на труд», «уничтожения эксплуатации человека человеком», «демократической и социальной республики», — почвы, породившей революционную потенцию парижского пролетариата в февральский период, его революционную решимость и борьбу в июньские дни? Для объяснения всего этого профессору Лабруссе ничего не остается, как пустить в ход аргумент, несостоятельность которого очевидна даже с точки зрения той «каузальности», поборником которой провозглашает себя маститый французский историк: «Глубокая драма 48-го года, возможно, состоит в том, что он ставил великие проблемы XIX века в обществе со структурой XVIII века»²⁷. Тщетно стали бы мы искать объяснения этой загадочной торопливости истории, которой захотелось опередить время на целых два столетия.

Слабые стороны коллективного труда французских историков подтверждают, что не может быть подлинной исторической науки вне марксизма. Но марксистская историография сумеет воспользоваться богатými материалами «Аспектов» и подарит организатора и авторов этого ценного исследования.

Н. Е. Застенкер

²⁴ См. «Revue d'Histoire moderne et contemporaine». 1954, № 1 (octobre — décembre). p. 304 (рецензия профессора Анри Кальве на сводные труды Ж. Лефевра и Э. Лабрусса по истории Франции XVIII в.).

²⁵ Там же, стр. 305.

²⁶ См. E. Labrousse. Les deux révolutions de 1848. «Revue socialiste». 1948, № 17—18, p. 3

²⁷ Там же.

Рецензии

История СССР

George F. KENNAN. *Russia leaves the war*. Princeton. 1956. 544 pages.

Джордж Ф. КЕННАН. *Россия выходит из войны*.

«Россия выходит из войны» — первая часть многотомного труда по истории американо-советских отношений в 1917—1920 годах. Автор книги Джордж Кеннан, американский посол в Москве в 1951—1952 годах, ныне профессор Принстонского университета, неоднократно выступал с работами, посвященными международным отношениям и внешней политике США¹. Некоторые из его книг уже подвергались критике в советской печати².

Как известно, в трудах ряда советских историков — А. В. Березкина, А. И. Геронимус, А. В. Гулыги, Б. Е. Штейна, А. Е. Куниной и других — приводились многочисленные факты, разоблачающие агрессивную политику империалистов США в период Великой Октябрьской социалистической революции и во время иностранной военной интервенции в Советской России. Что же дает книга Кеннана для исследования политики США?

Рецензируемая книга имеет солидный «научнообразный» вид, обильно оснащена ссылками на документы. Автор использовал некоторые ранее недоступные документальные материалы, извлеченные из Национального архива правительства США, архива американского Красного Креста, из личной переписки Бекера, Томпсона, Лансинга, Лонга, Морриса, Вильсона, Булларда, Фрэнсиса, Пуля, Робинса, Хауза, Джайсона и других американских деятелей. Эти документы используются Кеннаном для того, чтобы он мог подкрепить свои утверждения о нежелании США поддерживать идею военной интервенции и вмешательства во внутренние дела Советской России.

Кеннан приводит в своей книге фотокопию одного неизвестного ленинского доку-

мента, не вошедшего в Сочинения В. И. Ленина — личное письмо В. И. Ленина Фрэнсису, написанное на английском языке. Письмо датировано 1 января 1918 г. и написано на бланке Совета Народных Комиссаров. Оно гласит: «Дэвиду Р. Фрэнсису, американскому послу, Петроград. Сэр, не будучи в состоянии связаться с Вами по телефону в 2 часа, как было условлено, я пишу, чтобы сообщить Вам, что я был бы рад встретиться с Вами в моем кабинете — Смольный Институт, комната 81 — сегодня в 4 часа дня. С уважением Ленин» (стр. 338).

Стремясь убедить читателя в своей объективности, Кеннан ссылается на Сочинения В. И. Ленина, на работы И. Генкина, В. Хвостова, И. Минца, А. Куниной, А. Мельчина, М. Покровского, М. Тихомирова и других советских историков, включает их труды в свою библиографию. Но подлинный характер книги Кеннана от этого не меняется.

Книга охватывает историю американо-советских отношений с момента Великой Октябрьской социалистической революции до заключения Брестского мира. При этом Кеннан старается обелить реакционную, антисоветскую политику американского империализма.

Сущность концепции Кеннана сводится к тому, что правительство США не вмешивалось якобы во внутренние дела Советской России, что политика США определялась демократическими принципами и «симпатией» к народам России. Автор настойчиво стремится скрыть участие правящих кругов США в попытке удушения Советской России руками германских империалистов и российской контрреволюции, изображает США в роли «защитника» русского народа от японской военной интервенции.

Свою противоречащую фактам концепцию Кеннан пытается доказать с помощью умелой и тонкой фальсификации истории. Методы, применяемые им, весьма разнообразны: он безоговорочно принимает на ве-

¹ G. F. Kennan. *American diplomacy 1900—1950*. Chicago. 1951; *Realities of American foreign policy*. Princeton. 1954.

² См., например, Я. Викторова. «Личная философия» Джорджа Кеннана. Журнал «Международная жизнь», 1955, № 2; О. Прудков. Сомнения американского дипломата. «Новое время», 1955, № 10.

ру материалы американской дипломатии, замалчивает советские публикации документов, игнорирует глубокие социальные факторы, определяющие внешнюю политику, и выдвигает на первый план действия отдельных деятелей и т. п.

Широко опираясь на публикации государственного департамента США «Foreign Relations», Кеннан отказывается от какой-либо критики этого тенденциозного источника. Он повторяет избитые лицемерные утверждения правящих кругов США об их стремлении оказать помощь «здоровым силам» России в укреплении «свободы» и «демократии».

Критический подход в отношении американских материалов Кеннан проявляет лишь тогда, когда документ проливает свет на связь американских представителей с русской контрреволюцией.

Выдвигая те или иные обвинения по адресу Советской власти и партии большевиков, Кеннан не утруждает себя доказательствами. Изредка в этих случаях он ссылается лишь на писания меньшевиков, эсеров, белогвардейцев, пытаясь убедить читателя, что эти свидетельства заслуживают якобы доверия.

Стремясь создать впечатление беспристрастности и объективности, Кеннан прибегает подчас к резкой критике поведения Томпсона, Фрэнсиса и других американских дипломатов, признает фальшивость основной массы пресловутых «документов Сиссона» о большевиках как «германских агентах».

Одним из излюбленных приемов Кеннана является замалчивание документальных материалов. Он прибегает к этому для того, чтобы скрыть от читателя грубое вмешательство США во внутренние дела Советской России, а также, чтобы обойти молчанием вопрос о поддержке трудящимися массами нашей страны мероприятий Советской власти.

На супер-обложке книги издательство поместило отзыв профессора Северо-западного университета А. Линка, который пишет что книга Кеннана написана «убедительно, ярко и выразительно» и что она вызовет интерес у всех студентов, изучающих новейшую историю США.

Действительно, на читателя-неспециалиста книга Кеннана, излагающая фактический материал в живой и подчас яркой форме, производит впечатление убедительного исследования. Например, оценивая

победу ленинцев над «левыми коммунистами» в вопросе о Брестском мире и решение Советского правительства принять германский ультиматум, Кеннан отмечает «реализм Ленина в этом величайшем кризисе» Советской России, признает заслугу Ленина, который «спас советский строй». В то же время, явно с целью придать своей книге хотя бы видимость объективности, Кеннан отмечает «хвастливую воинственность» антиленинских групп, авантюризм которых толкал Советскую власть к гибели (стр. 370).

Кеннан — умный идеолог американского империализма, опытный мастер своего дела. Чтобы уличить его в фальсификации, необходимо противопоставить ему факты и документы, о которых Кеннан предпочитает умалчивать.

Рецензируемая книга искаженно освещает характер первой мировой войны и цели вступления США в эту войну. Кеннан восхваляет «великое решение» Вильсона о вступлении в империалистическую войну, утверждая, будто для США война являлась «борьбой за демократию», против германского «абсолютизма» (стр. 14). Историческая правда заключается в том, что таким американским монополистам, как Морган, Рокфеллер, Дюпон, война приносила миллиардные прибыли. Стремление разгромить своего соперника — Германию и укрепить свои позиции в борьбе за мировое господство сыграло основную роль в решении правящих кругов США открыто вступить в апреле 1917 г. в войну против германской коалиции.

Разумеется, Кеннан умалчивает о том, что правительство США и президент Вильсон находились в зависимости от крупнейших монополий и выполняли «советы» Моргана, Рокфеллера и других монополистов по вопросам внутренней и внешней политики.

Кеннан отмечает, что посол США в России Фрэнсис приветствовал образование буржуазного Временного правительства и просил Вильсона уполномочить его немедленно признать Временное правительство, указывая, что «это желательно с любой точки зрения» (стр. 17). Доверяя своему послу и учитывая, что Временное правительство заявило о своем намерении продолжать империалистическую войну, Соединенные Штаты 9(22) марта первыми признали Временное правительство и вскоре предоставили ему кредиты на сумму 325 млн. долларов (стр. 19). «В дополне-

ние к финансовой помощи,— пишет автор,— в Россию в 1917 году было послано некоторое число американцев как для воодушевления и одобрения Временного правительства, так и для оказания ему помощи в различных технических проблемах, возникших в связи с его военными мероприятиями» (стр. 19). Кеннан обходит молчанием подлинные хищнические цели миссий Рута, Стивенса и Томпсона. Между тем документы и факты о деятельности этих американских миссий в России позволяют понять, чем вызвано молчание Кеннана.

Так, одной из основных задач миссии Рута было расширение дальнейшего проникновения американских монополий в экономику России. Не случайно в состав этой «дипломатической» миссии были включены прямые представители монополий: «король» сельскохозяйственного машиностроения, президент «International Harvester Company» Мак-Кормик, крупный нью-йоркский банкир Бертрон и видный чикагский промышленник Чарльз Крейн. Миссия вела переговоры о внедрении американских капиталовложений, о предоставлении американцам преимущественных прав на разработку горных богатств в Сибири, на Северном Сахалине и т. п.³

Миссия Стивенса пыталась поставить русские железные дороги под американский контроль. Осенью 1917 г. США добились назначения Стивенса на пост советника министра путей сообщения Временного правительства. Кроме того, Временное правительство дало согласие на создание «Американского железнодорожного корпуса» в составе 340 инженеров-«экспертов». Американские специалисты получили право беспрепятственного вмешательства в деятельность всей Транссибирской и Николаевской (ныне Октябрьской) железных дорог.⁴

Особые задачи имела миссия Красного Креста во главе с Томпсоном. Сам Кеннан глухо признает, что имела место «личная активность некоторых членов миссии, которая... не имела ничего общего с функциями Красного креста» (стр. 21). Факты и документы показывают, что миссия Томп-

сона развернула контрреволюционную работу: создала из эсеров комитет для ведения антибольшевистской пропаганды, передала эсерам значительные суммы денег.

Сотрудник американской миссии положил в банк на текущий счет Брешковской, возглавлявшей эсеровский «Комитет социально-политического просвещения», два с лишним миллиона рублей. На американские деньги издавалось 17 газет, злобно клеветавших на большевистскую партию, содержалось более 800 эсерово-меньшевистских пропагандистов, призывавших русских солдат к продолжению империалистической войны и расправе с большевиками⁵. В секретном донесении Вильсону глава миссии Томпсон сообщал: «Работа американского Красного креста здесь высоко оценивается (Временным.— Г. С.) правительством, включая помощь, оказанную пропагандистской работе Комитета Брешковской»⁶.

Кеннан не может полностью скрыть эти факты, но он упорно пытается снять ответственность за действия Томпсона с правящих кругов США. «Томпсон,— пишет Кеннан,— взял со своего личного счета в банке Моргана 1 млн. долларов и употребил их на финансирование своих друзей — эсеров, чье влияние, думал он, было бы полезно для восстановления боевого духа армии» (стр. 56—57).

Кеннан враждебно говорит о Великой Октябрьской социалистической революции, спасшей страну от превращения в полуколонию англо-франко-американских империалистов. Он изображает победу пролетарской революции как случайное событие, результат «заговора» большевиков, якобы не имевших поддержки народных масс.

Кеннан, пытаясь обелить антисоветскую политику США, утверждает, что «революция в Петрограде сначала рассматривалась западными державами главным образом с точки зрения влияния, которое она может оказать на судьбу мировой войны» (стр. 76). Рассматривая предложение Советского правительства о заключении всеобщего мира без аннексий и контрибуций, Кеннан доходит до того, что называет его «нелепым предложением» (стр. 132).

В условиях смертельной схватки с германским блоком американские империали-

³ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Посольство в Вашингтоне, д. 80, л. 126.

⁴ Papers relating to the Foreign Relations of the United States (в дальнейшем — Foreign Relations). 1918. Russia. Vol. III, p. 196. Washington. 1932.

⁵ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Перевод с английского. М.—Л. 1927, стр. 140.

⁶ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, д. 81, л. 14.

сты были не в состоянии выделить значительное количество войск для удушения Советской России. Тактика правящих кругов США и Антанты в первые месяцы после Октябрьской революции, разгаданная тогда же В. И. Лениным⁷, состояла в том, чтобы втянуть Советскую Россию в продолжение губительной для нее империалистической войны и тем самым решить две задачи: задушить Советскую власть руками германского империализма и ослабить нажим Германии на Западном фронте.

Посол Временного правительства в США Бахметьев в секретной телеграмме в Париж 7 декабря 1917 г. довольно точно выразил цели США. Он сообщал, что США считают ошибкой открыто «враждебные действия в отношении Советского правительства и что «терпение» США и стран Антанты вызывается лишь «исключительно лихорадочным усилием союзников до последних пределов возможности не упустить Россию из рядов воюющих с Германией сил»⁸. Бахметьев пояснял, что в случае заключения мира между Советской Россией и Германией отношение союзников «может круто измениться», ибо тогда необходимость сохранения маски «лояльности» в отношении Советского правительства «потеряет всякий реальный интерес» для союзников.

Искажая цели американской дипломатии, стремившейся сорвать брестские переговоры, Кеннан замалчивает чудовищное заявление американского представителя при ставке русской армии, который предложил советскому главнокомандующему Н. В. Крыленко в случае срыва брестских переговоров «помощь» в размере 100 рублей за каждого солдата, оставшегося на фронте, и поставки амуниции и снаряжения⁹. Руководствуясь той же тактикой, правительство США отказывалось официально признать Советское правительство, однако вступило в «тесный, но неофициальный контакт»¹⁰ с Советским правительством, используя в качестве посредника Робинса, сотрудника американского Красного Креста. Сам Кеннан признает, что приветствие Вильсона IV съезду Советов не было отклонением от политики США, ибо Вильсон пошел на этот шаг с целью «усилить позиции против-

ников ратификации Брестского договора» (стр. 509).

Кеннан умалчивает об активной роли посла Фрэнсиса в организации восстания юнкеров в Петрограде 11 ноября 1917 года. Конгрессо-революционный «Комитет спасения родины и революции» получал инструкции и поддержку от американского и английского посольств¹¹. Десятки американских автомобилей с ложными знаками Красного Креста снабжали мятежников-юнкеров амуницией и продовольствием¹². Представитель США (вместе со своими английским и французским коллегами) призывал генерала Духонина не выполнять распоряжений Советского правительства¹³.

Все же Кеннан вынужден признать, что «в течение короткого периода, когда не было ясно, долго ли большевики в состоянии оставаться у власти, руководители правительства США рассматривали возможность предоставления тайной финансовой помощи Каледину через Англию и Францию» (стр. 190). Он признает, что по заданию генерального консула США в Москве Саммерса консул Дэвитт Пул отправился в Ростов и «установил контакт с Калединым и Алексеевым» (там же). Однако факты показывают, что намерение правящих кругов США оказать помощь Каледину пошло дальше, чем об этом пишет Кеннан. Государственный секретарь США Лансинг дал послу США в Лондоне указание предоставить Каледину заем и предостерег при этом, что «необходимо держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина»¹⁴. Один из крупнейших банков США, «National City Bank of New York», перевел Каледину 500 тыс. долларов¹⁵.

В декабре 1917 г. американский агент белогвардеец Калпашиков получил приказ перебросить из Петрограда в Ростов в распоряжение Каледина 70 автомобилей, принадлежавших американскому Красному Кресту. Когда органы ВЧК арестовали Калпашикова и нашли документы о его связях с посольством США, американские дипломаты выдвинули смехотворную вер-

¹¹ Там же, стр. 229.

¹² Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. М. 1957, стр. 165—166.

¹³ См. «Известия», 1 декабря 1917 года.

¹⁴ The Lansing Papers. Vol. II, p. 345—346. Washington. 1940.

¹⁵ F. L. Schuman. American policy toward Russia since 1917. New York. 1929, p. 66.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 9.

⁸ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, д. 81, л. 138.

⁹ Центральный государственный архив Красной Армии, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 36.

¹⁰ Foreign Relations. Vol. I, p. 381.

сию, будто автомобили предназначались для эвакуации румынской королевы. Описывая провал этого плана, Кеннан выгораживает Калпашикова и источник его бед видит в «подозрительности» советских властей (стр. 200).

Кеннан умалчивает о том, что в конце 1917 г. американский агент В. А. Бари создал в Москве контрреволюционную организацию под названием «Добровольческая армия». Эта организация снабжала материальными средствами и людским составом банды Корнилова и Каледина на Дону. Организация сформировала отряд в 1 500 человек для отправки его в распоряжение генерала Алексева. Организация была связана с Борисом Савинковым, руководителем ряда белогвардейских заговоров¹⁶.

Когда органы ВЧК арестовали Бари, американская миссия поручилась за его явку на суд, и он был выпущен на свободу. Но Бари скрылся от суда за границу и был заочно приговорен к расстрелу¹⁷.

Кеннан умалчивает о планах США использовать чехословацкий корпус в России в антисоветских целях. Так, он ничего не пишет о том, что еще в марте 1918 г. Лансинг поручил американскому послу в Токно установить связь с Масариком и выяснить его взгляды на положение в России и на возможность организации антисоветского мятежа¹⁸.

Кеннан подробно рассматривает «14 пунктов Вильсона» и поддерживает миф о якобы демократическом характере программы Вильсона.

Кеннан отмечает, что 6-й пункт Вильсона (о России) был составлен Хаузом и предварительно одобрен Бахметьевым (стр. 257). Кеннан справедливо признает, что речь Вильсона не произвела большого впечатления на В. И. Ленина, так как он «не воспринял ее всерьез как правдивое изложение политики США» (стр. 260).

Кеннан пытается полностью игнорировать известный официальный комментарий к «14 пунктам», утвержденный Вильсоном в октябре 1918 года. Из комментария видно, что план Вильсона предполагал расчленение России, вплоть до насильственного отделения от нее Украины. Кавказ предполагалось рассматривать как «часть проблемы Турецкой империи», а на Среднюю Азию дать мандат какой-либо дер-

жаве. США планировали признать марionoточные контрреволюционные правительства и предоставить им «помощь» для борьбы против Советской России¹⁹.

Выхватывая отдельные фразы из американских нот и по-своему истолковывая их, Кеннан пытается изобразить США в роли противника антисоветской интервенции.

Кеннан отмечает, что Вильсон следил за развитием мирных переговоров в Бресте «с большим недовольством» (стр. 375), вызванным якобы тем, что Брестский договор, допуская вмешательство Германии в русские дела, «создавал прецедент и побудительный мотив для подобного же японского нашествия на русский Дальний Восток» (стр. 376).

В действительности американские правящие круги прежде всего рассчитывали сорвать брестские мирные переговоры, спровоцировать советско-германскую войну и руками германских империалистов задушить молодую Советскую республику. Наряду с этим существовали и острые американо-японские противоречия в связи с положением на Советском Дальнем Востоке.

Интервенция в Сибири силами одной Японии нанесла бы ущерб позициям американских империалистов на Дальнем Востоке. Вот почему империалисты США стремились к осуществлению так называемой международной интервенции, чтобы обеспечить себе руководящую роль в ней. Когда министр иностранных дел Японии Мотоно 17 января 1918 г. заявил американскому послу в Токно, что Япония просит «поручить одной ей» осуществление интервенции против Советской России (стр. 324), правительство США в ответном меморандуме от 8 февраля 1918 г. высказалось против японского плана, заявив, что «интервенция должна носить международный характер, а отнюдь не являться выступлением по полномочию союзников одной из держав», то есть Японии (стр. 465).

В. И. Ленин тогда же указывал на подлинный смысл возражений США против японского плана, отмечая, что империалистическое соперничество между США и Японией «задерживает наступление японского империализма против России»²⁰.

В противоречии с фактами Кеннан пытается внушить читателю мысль, будто по-

¹⁶ См. «Известия», 28 апреля 1918 года.

¹⁷ См. «Известия», 3 января 1919 года.

¹⁸ Foreign Relations. Vol. II, p. 92.

¹⁹ «Архив полковника Хауза». Т. IV, стр. 151—152. М. 1944.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 332.

зияция США в вопросе об интервенции исходила из стремления сохранить «симпатии» русского народа (стр. 328).

Рассматривая вопрос о непризнании Соединенными Штатами Советского правительства, Кеннан прибегает к различным уловкам для оправдания этой политики. Он обходит вопрос о том, что II Всероссийский съезд Советов одобрил переход власти в руки Советов, утвердил состав Советского правительства и его исторические декреты о мире и о земле. Напротив, Кеннан воспроизводит клеветнические утверждения Лансинга и Вильсона о «незаконности» и «недемократичности» Советского правительства, которое якобы «не выражало» воли народа (стр. 158). Зато в целой главе, посвященной пресловутому Учредительному собранию, не упоминается о его антинародном характере.

Рассматривая отношение США к Учредительному собранию, Кеннан умалчивает о том, что империалисты США, Англии и Франции намеревались превратить контрреволюционные элементы учредилки в ядро антисоветских сил, устроить мятеж в Петрограде и свергнуть Советское правительство²¹. Действуя через своего агента Брешковскую, американские представители в Петрограде снабдили фракцию правых эсеров Учредительного собрания значительным количеством оружия, в том

²¹ С. П. Мельгунов, Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж. 1929, стр. 49.

числе пулеметами²². Разгон Учредительного собрания и грызня между заговорщиками сорвали этот план.

Кеннан воспроизводит гнусную фальшивку, известную под именем «документов Сиссона», «обвинявших» большевиков в... получении денег от германского генерального штаба. Кеннан заявляет, будто «вполне возможно», что большевики летом 1917 г. получали субсидии от Германии (стр. 455—456). Итак, в своем «объективном» исследовании Кеннан берет под защиту явную антисоветскую клевету, стремясь угодить реакционным кругам в США.

«Россия выходит из войны» — это не история политики США в отношении молодой Советской России; это искажение исторической правды, попытка скрыть от читателей одну из грязных страниц в истории внешней политики США, неизменно направленной на борьбу с демократическими, прогрессивными силами во всем мире.

Книга Кеннана в известной мере является ответом на работы советских историков, вскрывших и разоблачивших антисоветский курс правительства Вильсона. Ни новые документы, использованные Кеннаном, ни изощренные методы фальсификации истории не могут обелить американский империализм и скрыть его активное участие в попытках мировой реакции удушить Советскую Россию в первые месяцы ее существования.

Г. К. Селезнев

²² Обвинительное заключение по делу партии эсеров. М. 1922, стр. 68.

«История Киргизии». Т. I. Редколлегия: доктора исторических наук профессора М. П. Вяткин, Б. Д. Джамгерчинов, А. П. Окладников. АН Киргизской ССР. Институт истории, Фрунзе, 1956, 426 стр. Тираж 3 000. Цена 15 руб. 30 коп.

Т. II. Редколлегия: доктор исторических наук профессор М. П. Ким (ответственный редактор), кандидаты исторических наук С. Табышалиев и С. Ильясов. АН Киргизской ССР. Институт истории. Фрунзе. 1956. 400 стр. Тираж 3 090. Цена 14 руб. 20 коп.

Выход в свет «Истории Киргизии» — большое событие в научной жизни страны. Издан первый обобщающий труд о киргизском народе, выгодно отличающийся от аналогичных работ по истории некоторых других республик тем, что он освещает не только прошлое Киргизии, но и советский период в истории республики. В написании

настоящего труда принимали участие историки Киргизии, Москвы и Ленинграда.

«История Киргизии» состоит из двух томов. Первый том охватывает период от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции (авторы — С. М. Абрамзон, А. Н. Бернштам, Б. Д. Джамгерчинов, М. П. Вяткин,

А. Г. Зима, А. А. Кондратьев, А. Ф. Лачко, Д. М. Меджитов, А. П. Окладников, В. А. Ромодин, К. Усенбаев, А. Хасанов, С. С. Черников, Х. Юсуров), второй посвящен советскому обществу (авторы — А. Г. Зима, В. В. Липович, С. И. Ильясов, А. И. Измайлов, А. В. Казанский, А. Каниметов, С. К. Керимбаев, П. П. Никишов, П. И. Ухванов, В. П. Шерстобитов, Б. Элебаев). В обеих книгах систематизирован и обобщен большой фактический материал; история Киргизстана рассматривается во взаимосвязи с историей других народов СССР и сопредельных стран.

Первый том открывается главой о первобытно-общинном строе на территории Киргизии. Автору А. П. Окладникову удалось на основе местного археологического материала воссоздать цельную картину первобытно-общинных отношений в Киргизстане и установить его древние связи с другими районами. Сделанное при этом описание находок ашельских орудий в районах Тянь-Шаня и их анализ имеют серьезное научное значение, позволяя прийти к выводу о весьма раннем появлении человека на территории Средней Азии. Проведенные нашими исследователями аналогии с находками в Северном Китае дают возможность установить и вид этого первобытного человека, близкого к синантропу (т. 1, стр. 15—17).

Последующие главы (II и III) посвящены характеристике становления классового общества и развития феодализма в Киргизстане. Авторами А. Н. Бернштамом и А. П. Окладниковым собран и систематизирован большой фактический материал по политической истории народов, населявших территорию Киргизии, намечено научное решение проблемы образования киргизской народности. Хотя вопрос о времени появления киргизов на Тянь-Шане до сих пор оживленно дискутируется в научных кругах, авторы, по нашему мнению, поступили правильно, изложив свою точку зрения по данному вопросу. Это будет способствовать его дальнейшей разработке. Освещение социально-экономической истории киргизского общества (гл. VI, VII, автор — С. М. Абрамзон, А. Хасанов, К. Усенбаев, А. Ф. Лачко, Х. Юсуров) вызывает ряд возражений. Исключение представляет лишь социально-экономическая история XIX в. (гл. V, автор — С. М. Абрамзон), раскрытая с достаточной глубиной.

Естественно, что большое внимание в

книге привлекает важный и сложный вопрос о присоединении Киргизии к России. Вскрывая реакционную сущность колониальной политики царизма, авторы вместе с тем показывают объективно-прогрессивный характер вхождения Киргизии в состав России (гл. VI).

Присоединение Киргизии к России было подготовлено прежде всего расширением и углублением торговых и экономических связей между Россией и Киргизией. Оно способствовало включению Киргизии в общероссийский рынок, росту капиталистических элементов. В результате присоединения произошло дальнейшее сближение киргизского народа с великим русским народом, усилилось влияние передовой русской культуры и революционно-демократического движения на широкие круги киргизов. Русское революционное движение явилось для трудящихся масс Киргизии источником опыта и мужества в борьбе с эксплуататорскими классами — баями и манапами, а также в борьбе с царскими колонизаторами.

В книге приведен интересный и новый фактический материал о подъеме революционного движения в Киргизии, особенно крестьянского, в годы первой русской революции, о возникновении первых социал-демократических кружков (гл. VIII, автор — А. Ф. Лачко).

До недавнего времени одним из наиболее спорных вопросов истории Киргизии, как, впрочем, и всей истории Средней Азии и Казахстана, был вопрос о характере восстания 1916 года. Понятно поэтому особое внимание, которое авторы уделили этому событию. Анализируя многочисленные факты, они пришли к четкому и убедительному, на наш взгляд, выводу, что «по своим истокам и причинам вооруженное восстание в Киргизии в 1916 г. было национально-освободительным». Направленное против царского самодержавия, оно «подрывало устои царской империи, нанося чувствительные удары по глубоким тылам русского империализма» (т. 1, стр. 394, 405). Первый том завершается характеристикой событий Февральской революции.

После победы Октябрьской революции в истории Киргизстана открылась новая эпоха, которая рассматривается во втором томе рецензируемого труда. В целом авторам удалось показать преимущества социалистической системы хозяйства, открывшей неограниченные возможности для

развития экономики и культуры киргизского народа. Книга дает правильное представление о руководящей роли Коммунистической партии и Советского правительства в проведении ленинской национальной политики и осуществлении социалистических преобразований в Киргизии.

В первой главе второго тома — «Киргизия в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917—1918 гг.)» (автор — А. Г. Зима) — показана обстановка в Киргизии после свержения царизма, раскрыта контрреволюционная сущность политики Временного правительства, подчеркнуты трудности, в которых совершалась социалистическая революция на территории Киргизии, проанализирован процесс слома старого, колониального аппарата и создания нового, советского государственного управления. В главе нашла отражение борьба большевиков Киргизии с местными меньшевиками, эсерами и контрреволюционными организациями «Шуроислам», «Татарский союз» и др.

При характеристике событий гражданской войны в Киргизии авторы справедливо подчеркивают, что она была частью общей борьбы Советской страны против интервентов, белогвардейцев и националистической контрреволюции. Достаточно полно раскрывается роль иностранных империалистов, главным образом английских, в организации интервенции и развязывании гражданской войны на территории Средней Азии, в том числе и в Киргизии (т. II, стр. 69—72, 77, 83, 89 и др.). Много внимания уделено деятельности местных партийных организаций по созданию национальных добровольческих отрядов и частей Красной Армии (стр. 75—76, 84—87 и т. д.).

В последующих главах (III, IV, V) раскрывается о социалистическом строительстве в Киргизии в предвоенный период, причем особенно полно авторы характеризуют социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства.

К достоинствам книги следует отнести подробную и интересную характеристику земельно-водных реформ 1921—1922 годов (стр. 117—126) и 1927—1928 годов (стр. 155—159), сыгравших важную роль в ликвидации остатков феодализма и в создании необходимых предпосылок для коллективизации сельского хозяйства. Авторы раскрыли успехи в осуществлении ленинской политики преобразования сельского хозяйства, проводившейся в обстановке

ожесточенной классовой борьбы, показали работу партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Отображены и специфические трудности социалистического строительства в Киргизии: наличие большого количества юртовых и полукочевых хозяйств с сильными родовыми пережитками; значительное влияние в некоторых районах байско-манапских и кулацких элементов на бедноту и середняков; малочисленность в ту пору подготовленных национальных кадров.

Освещая вопросы социалистического строительства, авторы прослеживают процесс развития киргизской национальной государственности, завершившийся образованием Киргизской ССР.

В главе VI (автор — С. К. Керимбаев) убедительно раскрыты ратные и трудовые подвиги трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны. В отличие от некоторых других глав второго тома здесь названы многие имена представителей киргизского народа, отличившихся на фронте и в тылу.

В заключительной, VIII главе (авторы — А. Канметов, А. И. Измайлов) рассмотрены вопросы культурного строительства в Киргизской ССР. Авторы показали огромные успехи, одержанные трудящимися Киргизии в области народного образования, в развитии науки, литературы и искусства. В республике, где коренное население до Октябрьской революции было почти сплошь неграмотным, не имело собственной письменности, национальной литературы, национального театра, газет на родном языке, в короткий исторический срок была осуществлена культурная революция. Киргизский народ при братской помощи других народов СССР создал подлинно передовую, советскую культуру, социалистическую по содержанию, национальную по форме.

Мы не случайно уделили столь большое внимание достоинствам рецензируемого труда. Их надо было показать при рассмотрении первого опыта обобщающей работы по истории Киргизии. Однако в книге имеются спорные положения и серьезные недостатки.

Прежде всего следует возразить против периодизации, положенной в основу рецензируемого труда.

Начнем с того, что в первом томе нет единого принципа периодизации: то это принцип социально-экономический (гл. I, отчасти III), то политический (гл. IV, от-

части III), то хронологический (гл. VII). Это говорит о том, что вопросы периодизации истории Киргизии не решены еще до конца. Особые возражения вызывает попытка различать исторические этапы только на основании внешнеполитических событий. Это стремление наиболее ярко проявилось в III и особенно IV главах первого тома.

Нечеткость периодизации привела к тому, что в ряде случаев события, исторически тесно связанные между собой, при изложении оказались оторванными, изолированными друг от друга. Тем самым затруднено понимание общего хода исторического развития. Так, описание завоевания монголами Семиречья оторвано от его истории в XI—XII вв. (стр. 148—152). Между тем именно феодальная раздробленность той поры позволила монгольским племенам осуществить завоевание Семиречья, явившееся завершающим моментом исторической эпохи. Характеристикой монгольского завоевания и следовало закончить изложение истории Семиречья XI—XII вв., отведя для этого соответствующий параграф. Столь же не оправдан отрыв политической истории Киргизии первой половины XIX в. от социально-экономической истории (гл. IV—V).

Авторы назвали первую главу первого тома «Эпоха первобытно-общинного строя на территории Киргизии и соседних с ней районов», а вторую озаглавили «Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее». Это может навести на мысль, что с возникновением племенных союзов окончилась эпоха первобытно-общинного строя. На самом деле племенные союзы образовались и существовали в рамках того же строя. Думается, что такого недоразумения не произошло бы, если бы, помимо глав, в книге имелись и более крупные разделы. Как бы слабо ни была изучена история Киргизии до начала XX в., однако, по нашему мнению, уже и сейчас можно наметить основные этапы ее исторического развития. На наш взгляд, история Киргизии до 1917 г. может быть разделена на два больших периода, соответствующих двум формациям в жизни киргизского народа до Октябрьской революции, а именно первобытно-общинный строй (до VI в.) и феодализм (VI в. н. э.—1917 г.).

Первобытно-общинный строй на территории Киргизии правильнее всего было бы разделить на два периода: «Возникновение и развитие первобытно-общинного строя»

и «Разложение первобытно-общинного строя. Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее». Эпоха феодализма в Киргизии, с нашей точки зрения, распадается на три периода: «Возникновение классового общества и развитие раннефеодальных отношений (VI—X вв.)», «Период развитого феодализма (XI—середина XIX в.)», «Разложение феодализма и зарождение капиталистических отношений. Киргизия — колония царской России (середина XIX в.—1917 г.)». Такая периодизация подчеркивает одну из основных особенностей исторического процесса на территории Киргизии — крайне затяжной характер феодализма.

Вполне понятно, что предложенная нами периодизация дооктябрьской истории Киргизии нуждается в дополнениях и уточнениях, в выделении этапов внутри больших периодов и т. д.

Не совсем правильно установлена в книге периодизация истории советского общества. Как нам кажется, следует пересмотреть этапы исторического развития Киргизии с 1926 по 1941 год. В книге их два: 1) «Киргизия в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства (1926—1934 г.)»; 2) «Киргизия в период борьбы за завершение строительства социализма (1935—1941 г.)». Между тем 1934 год не был заметным рубежом в истории республики, в то время как в 1938 г. Советская страна (а следовательно, и Киргизия) вступила в новую полосу — завершение строительства социалистического общества и постепенный переход к коммунизму.

Поэтому, по нашему мнению, историю Киргизии 1926—1941 г. следует разделить на три периода: 1) «Киргизия в период борьбы за построение фундамента социалистической экономики (1926—1932 годы)». К концу этого времени социалистическая система победила во всех отраслях народного хозяйства Киргизии и был построен фундамент социалистической экономики. 2) «Победа социализма в Киргизии (1933—1937 годы)». На этом этапе была завершена социалистическая реконструкция народного хозяйства, осуществлена коллективизация сельского хозяйства (в 1937 г. колхозам принадлежало 97% посевных площадей республики), произошла культурная революция. Победа социализма была законодательно закреплена в новой Конституции Киргизской ССР, принятой в марте 1937 года. 3) «Киргизия в период

борьбы за завершение строительства социализма и постепенный переход к коммунизму (1938—1941 гг.)».

Как уже отмечалось, серьезным недостатком страдает изложение социально-экономической истории в первом томе рецензируемого труда. Основной проблемой социально-экономической истории досоветской Киргизии является проблема патриархально-феодальных отношений. В томе отмечается, что господство этих отношений установилось в XI—XII вв. (стр. 146) и существо их не изменилось вплоть до середины XIX в. (стр. 213), хотя, несомненно, происходила какая-то их эволюция, которая учеными до сих пор еще не изучена (стр. 213). Авторы дают очень интересную и обстоятельную характеристику этих отношений в середине XIX в. (гл. V, §§ 1—3). Однако причины необычайной устойчивости патриархально-родовой оболочки феодальных отношений, по нашему мнению, объясняются неверно. Авторы считают, например, что феодальные отношения на территории Киргизии складывались «в условиях сохранения патриархально-родового быта. Эта надстройка, унаследованная кочевым обществом от предшествующего времени господства первобытно-общинного строя, не соответствовала новым, феодальным отношениям, но являлась выгодной для аристократов, порождая в массах кочевников-скотоводов иллюзию о сохранении в их обществе прежнего равенства. Естественно, что патриархально-родовой быт ревностно охранялся кочевой аристократией, как могучее средство поддержания классового «мира». Такая особенность феодальных отношений в кочевом обществе придавала им патриархально-феодальный характер» (т. 1, стр. 146).

Во-первых, ошибочно утверждение, что патриархально-родовая надстройка не соответствовала феодальным отношениям. Как известно, она претерпела существенные изменения и была приспособлена к новому, феодальному базису. Во-вторых, неправильна мысль, будто она сохранялась только потому, что ее «ревностно охраняли» аристократы, использовавшие ее в своих интересах. Почему же в таком случае она не сохранилась у оседлых народов, например, у славян? Или там она была невыгодна феодалам? И, наконец, разве от субъективных желаний господствующего класса зависит та или иная форма феодальных отношений?

Думается, что разрешение этого вопроса

надо искать в характере производительных сил, в особенностях кочевого хозяйства, с одной стороны, отличавшегося исключительной даже в условиях феодализма натуральностью и застойностью, а с другой — требовавшего для своего ведения более тесной кооперации непосредственных производителей, чем земледельческое хозяйство. Это и вело к устойчивости патриархально-родовых форм быта, использовавшихся феодальной аристократией.

В целом при явно недостаточном в ряде глав (II—IV) внимании к вопросам социально-экономической истории (авторы — А. Н. Бернштам, А. П. Окладников, С. С. Черников, В. А. Ромодин, А. А. Кондратьев, Б. Д. Джамгерчинов) в первом томе чувствуется чрезмерное увлечение политической историей, приводится множество имен завоевателей и их родственников, излишне подробно описываются памятники материальной культуры в чисто археологическом аспекте, без достаточного комментирования. Так, с излишними подробностями описаны остатки статуи Будды, от которой «сохранились куски торса и ноги ниже колен» (стр. 109). Столь же мало помогает уяснению исторических процессов сообщение о том, что манап Алыбек «был усыновлен бугинцами» (стр. 260). Подобные примеры можно умножить (см., например, стр. 96—97, 131, 156).

В то же время некоторые важные вопросы социально-экономической истории Киргизстана освещены нечетко и неконкретно. Можно сослаться в доказательство на характеристику социальных отношений в Тюркском каганате, историей которого открывается третья глава. Она названа «Киргизстан в эпоху сложения раннефеодальных отношений в Средней Азии». Поскольку в предыдущей главе говорится о первобытно-общинном строе, напрашивается вывод, что авторы не признают существования рабовладельческой формации на территории Киргизии. Однако Западнотюркский каганат, имевший «ближайшее отношение к истории Киргизстана» (стр. 74), рассматривается ими (как, впрочем, и Восточнотюркский) как государство рабовладельческое; более того, авторы утверждают, что происходившие во времена каганата события «способствовали дальнейшему росту и укреплению рабовладельческих отношений» (стр. 72). Думается, что оценка Тюркского каганата как рабовладельческого государства ошибочна. В советской исторической науке он с достаточ-

ным основанием рассматривается как варварское государственное образование, в котором шел процесс постепенного складывания феодальных отношений¹.

Неясно освещено зарождение феодальных отношений и формирование раннефеодального государства у енисейских киргизов. Называя это государство раннефеодальным (стр. 119, 121), авторы в разделах об экономике и социальном строе даже не употребляют термина «феодальные отношения» (стр. 115—118).

Столь же неопределенно охарактеризованы социальные отношения в эпоху караханидов. Известно, что в это время устанавливалось господство феодальных отношений: шла быстрая феодализация у кочевников, в оседлых земледельческих районах развивалась система «икта» — своеобразная восточная форма бенефиция². Авторы проходят мимо этих процессов, ограничиваясь при характеристике внутреннего устройства караханидского государства цитатой из Бартольда, рассказывающей о складывании удельной системы (стр. 125).

Нечетко освещена история Киргизии XV века. Соответствующий раздел авторы называют «Киргизстан под властью джунгарских ханов» (§ 3, гл. IV), из чего как будто следует, что территория Киргизии в XV в. была завоевана ойратами (калмыками) и входила в состав Джунгарии. На самом деле на территории Семиречья и Тянь-Шаня. Какие же есть основания называть XV столетие веком господства джунгарских ханов в Киргизии?

Существенные недостатки содержит второй том рецензируемого труда.

В главе, посвященной истории Великой Октябрьской социалистической революции, автор А. Г. Зима, на наш взгляд, во многих случаях механически перенесла оценку событий, происходивших в центральных районах России, на события, протекавшие

в Киргизии. Это привело к упрощенному изображению сложного процесса развития революции на окраинах и в отдельных случаях к голословным выводам. Так, утверждение авторов на стр. 19, что «апрель — июнь 1917 г. прошли в Киргизии под знаком дальнейшего роста большевистского влияния на массы и усиления революционной борьбы», не подкреплено фактическим материалом. Преувеличено влияние июльских событий на развитие революционного движения в Киргизии (стр. 24—25). Верное заключение автора, что «на примере Киргизии подтверждается правильность вывода большевиков, сделанного в начале июля 1917 г., о том, что вооруженное восстание преждевременно» (стр. 25), не проиллюстрировано конкретными примерами. В главе почти не показана деятельность активных борцов за установление Советской власти в Киргизии, не названы их имена.

Мало внимания уделено показу тыла в годы гражданской войны (гл. II, автор — П. П. Никишов). Между тем трудящиеся Киргизии деятельно оказывали помощь фронту: неоднократно проводились «Недели помощи красному фронту» — собиралась теплая одежда, обувь, продовольствие для армии³. Работали организованные профсоюзами мастерские по ремонту оружия, сбруи, обмундирования и обуви для бойцов Красной Армии; оказывалась помощь раненым и их семьям⁴; с 1920 г. повсеместно начали проводиться коммунистические субботники⁵.

Неверно, по нашему мнению, охарактеризована социальная база басмачества. Нельзя утверждать, как это делают авторы, что басмаческие отряды представляли собой просто «шайки, набербованные из убийц и грабителей» (стр. 72). Такая характеристика принижает трудности борьбы с басмачеством. Социальный состав басмачей был довольно сложен. Наряду с феодалами и уголовными элементами в их число входила и некоторая, наиболее от-

³ Центральный государственный архив Кирг. ССР, ф. 89, оп. 3, д. 59, лл. 166, 168 и т. д. Партархив ЦК КП Киргизии, ф. 14, оп. 1, д. 28, лл. 15—94.

⁴ Центральный государственный архив Кирг. ССР, ф. 702, оп. 1, д. 17, лл. 20—24, д. 37, лл. 31, 48, 77; ф. 302, оп. 1, д. 37, л. 77.

⁵ В. Самсонов. Народный метод повышения производительности труда (о первых коммунистических субботниках в Киргизии). Газета «Советская Киргизия», 15 мая 1955 года.

¹ См. История Узбекистана. Т. 1, кн. 1. Ташкент. 1955, стр. 123—124. См. также «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент. 1955, стр. 421, 441—442, 452—453.

² См., например, «Очерки истории СССР (IX—XIII вв.)». М. 1953, стр. 492.

стала часть трудового населения, обманом или насильем вовлеченная в банды.

Немало недостатков и в освещении истории хозяйственного и культурного строительства. Как известно, годы довоенных пятилеток были временем бурного роста социалистической промышленности Киргизии. Громадные успехи в этой области явились результатом героических усилий трудящихся масс, руководимых Коммунистической партией. Однако авторы ограничились в основном только констатацией этих успехов. Борьба киргизского народа за осуществление пятилетних планов и многогранная организаторская деятельность партии по мобилизации творческих усилий трудящихся киргизов не получили должного освещения. В частности, схематично и поверхностно охарактеризовано социалистическое соревнование, широко развернувшееся в эти годы: показан только начальный этап соцсоревнования (1928—1929), недостаточно полно освещено и стахановское движение. Следовало более глубоко проанализировать его корни, раскрыть методы работы новаторов производства, показать роль местных партийных организаций в развитии этого движения. Авторы в двух строках (стр. 217) говорят о таком важном событии, как всекиргизское совещание стахановцев, которое состоялось в декабре 1935 года.

В разделе, посвященном выполнению второй пятилетки (автор — В. П. Шерстобитов), не освещаются должным образом трудности, которые приходилось преодолевать трудящимся Киргизии, не вскрываются ошибки в деятельности партийных и советских организаций. Социалистическое строительство на этом этапе представлено как парадное шествие от одного успеха к другому. Если авторы и упоминают о трудностях, то связывают их только с действиями классовых врагов (стр. 221—222). Все это упрощает сложный исторический процесс социалистического преобразования Киргизии.

В книге сказано, что «индустриальное развитие Киргизии осуществлялось при огромной помощи рабочего класса Российской Федерации и других союзных республик, более развитых в промышленном отношении» (стр. 147). Эта, несомненно, правильная мысль, к сожалению, недостаточно подкреплена фактическим материалом. Известно, например, что текстильщики Московской, Иваново-Вознесенской, Ленинградской областей и Ярославского округа РСФСР в порядке выполнения до-

говоров на социалистическое соревнование и шефства над хлопкоробами Средней Азии еще в годы первой пятилетки оказывали всестороннюю помощь Киргизии в восстановлении и развитии ее народного хозяйства. Следовало также сообщить читателю о том, что в 1933 г. рабочие Ленинграда взяли шефство над Киргизской республикой и поныне продолжают посылать промышленное оборудование, кадры рабочих и специалистов высокой квалификации и т. д.⁶

Можно было полагать, что, характеризуя процесс развития социалистической экономики в Киргизии, авторы обратят внимание на проблему формирования рабочего класса. Однако этот вопрос не получил полного освещения. Не отмечено даже, что формирование рабочего класса в республике началось фактически только после Октябрьской революции. Приводимые в книге отрывочные данные о количестве рабочих не раскрывают существа и характера этого сложного процесса. По неполным причинам не указана даже численность рабочего класса Киргизии после 1934 года.

Есть недостатки и в освещении вопросов развития сельского хозяйства республики в предвоенный период. Как уже отмечалось, в целом правильно показана борьба партии за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, но систематизация приводимого при этом фактического материала не доведена до конца. Чрезмерное обилие фактов и цифр без должного их обобщения затрудняет восприятие рассматриваемых исторических событий.

Во втором томе (гл. IV и V) изложены задания предвоенных пятилеток, отмечены в той или иной степени успехи социалистического строительства. Однако общий вывод о выполнении пятилетних планов в целом или по отдельным отраслям народного хозяйства не сделан. Авторы правильно отметили огромную работу трудящихся СССР по укреплению обороноспособности страны, но ничего не сказали о трудностях первого периода Великой Отечественной войны. Не раскрыто с достаточной полнотой и состояние промышленности республики в военные годы. Хотя только на этом фоне в полной мере можно оценить славные дела трудящихся Киргизии в дни великих испытаний.

⁶ См. Центральный государственный архив Кирг. ССР, ф. 23, оп. 7, д. 85, л. 45; ф. 740, оп. 1, д. 650, лл. 4—13.

Послевоенному периоду истории Киргизии посвящена VII глава (автор — А. В. Казанский). Весьма важная по своей тематике глава, к сожалению, написана слабо. Особенно неудовлетворительно освещается в ней состояние промышленности и сельского хозяйства в пятой пятилетке. Приведены лишь данные об успехах развития отдельных отраслей промышленности, а характер этого развития, как и недостатки в организации промышленного производства не раскрываются, хотя о них, как известно, много говорилось на июльском Пленуме ЦК КПСС в 1955 г. и на пленумах ЦК Коммунистической партии Киргизии.

В главе отсутствует глубокий анализ состояния и развития сельского хозяйства республики в 1951—1955 годах. На сентябрьском (1953) и других пленумах Центрального Комитета партии были вскрыты серьезные недостатки в развитии сельского хозяйства. Эти недостатки характерны и для Киргизии. Однако о них сказано весьма поверхностно.

Не показана борьба трудящихся Киргизии за претворение в жизнь решений ЦК КПСС о крутом подъеме сельского хозяйства. Вместо научного анализа фактов автор рассказывает в отчетно-статистическом плане с привлечением огромного количества излишних цифр о состоянии некоторых передовых колхозов и совхозов республики — участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (стр. 322—327).

Научное объяснение фактов, явлений автор подменяет декларативными, ничего не значащими фразами. Общими словами он говорит о выборах в Советы, о повышении материального благосостояния и культурного уровня жизни трудящихся республики и т. д.

Существенные замечания следует сделать и по заключительной, VIII главе тома (авторы — А. Канметов и А. И. Измайлов), в которой рассматриваются проблемы культурной революции. На наш взгляд, объединение в одну главу вопросов культурного строительства в Киргизии за все годы существования Советской власти не оправдано. В таком виде культурная революция показана оторванно от общего процесса социалистического строительства в Киргизии. Между тем культурная революция является составной частью социалистического преобразования общества.

В книге есть и ряд менее существенных недостатков, в значительной мере объяс-

няющихся небрежной работой редакторов. Нам уже приходилось отмечать несоответствие некоторых выводов и заключений авторов приведенному ими фактическому материалу.

В обоих томах много неточных, подчас противоречивых формулировок и утверждений. Так, на стр. 160 первого тома сообщается, что в конце XVI в. в Киргизстане наблюдался «общий рост производительных сил и некоторый экономический подъем», связанные с деятельностью Тимура. А на стр. 162 читатель узнает, что киргизские племена «были окончательно разорены полчищами Тимура, уничтожившими и их стада». Противоречиво объясняется во втором томе состояние и развитие животноводства Киргизии в начале 30-х годов. На стр. 198 сказано: «К началу 1932 г. состояние колхозного и совхозного животноводства заметно стало улучшаться», а на стр. 202 говорится: «В развитии же животноводства в 1933 г. вследствие массового убоя и разбазаривания скота в предыдущие годы (рядка наша.— Авт.) все еще не было достигнуто заметных успехов». На стр. 313 говорится об успешном выполнении четвертого пятилетнего плана в области сельского хозяйства, а на стр. 315 узнаем, что «не был выполнен также трехлетний план развития общественного животноводства, а в земледелии — не достигнут довоенный уровень по валовому сбору зерновых культур, резко отставало развитие хлопководства и свекловодства». На стр. 49 указывается, что Советская власть в Пржевальске и его уезде была установлена к концу июня 1918 г., а в хронологической же таблице дается иная дата — март 1918 г. (стр. 391) и т. д.

Научный аппарат книги чрезвычайно беден, в первом томе он вообще отсутствует, нет библиографии. Многочисленные термины, понятия, названия не разъясняются, хотя в работе, рассчитанной на широкие круги читателей, это следовало бы сделать.

В целом рецензируемый труд заслуживает положительной оценки, как первая попытка систематического марксистско-ленинского изложения истории киргизского народа. В этом смысле «История Киргизии» является серьезным вкладом в советскую историческую науку. Она, несомненно, послужит отправным пунктом для создания более совершенной обобщающей работы.

*И. Гришков, А. Кац, Х. Мусин,
И. Скляр*

Всеобщая история

«Белая книга» о контрреволюционном мятеже в Венгрии*.

Контрреволюционный мятеж в Венгрии, начавшийся 23 октября 1956 г., был попыткой внешних и внутренних реакционных сил вырвать Венгрию из семьи социалистических государств, уничтожить власть рабочих и крестьян, ликвидировать социалистические завоевания трудящихся, восстановить фашистскую диктатуру и превратить страну в стратегический плацдарм для нападения на социалистические страны, для развязывания новой войны в Европе. Однако планы внутренней и внешней контрреволюции были сорваны. Верные делу социализма широкие массы венгерского народа при братской помощи международного рабочего движения, социалистического лагеря и Советского Союза не допустили уничтожения народно-демократического строя и социалистических завоеваний трудящихся Венгрии.

Всесторонний анализ событий, связанных с подготовкой и осуществлением контрреволюционного мятежа, а также исследование истории борьбы против сил реакции и контрреволюции является для историков одной из важнейших задач.

Большое значение имеет разоблачение коварных планов международной реакции, пытающейся при помощи лжи и клеветы дезориентировать мировое общественное мнение относительно характера венгерских событий, представить контрреволюционный путч, кровавый террор как некую борьбу за демократию и свободу. Попытки такого рода не прекращаются до последнего времени, о чем свидетельствует недостойная возня в ООН по поводу расследования так называемого «венгерского вопроса».

Книга называется «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях» и состоит из двух частей. В первой части шесть, во второй — пятнадцать глав.

Каждая часть, представляющая собою самостоятельное издание, начинается кратким введением. В нем содержится характеристика основных фактов и событий, освещаемых в книге.

* *Ellenferradalmi erők a magyar októberi eseményekben.* Kiadja a Magyar Népköztársaság Minisztertanácsa tájékoztatási hivatala. I. Budapest. 1956. 64 l.; II. Budapest. 1957. 158. l. Есть русский перевод: «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях». Ч. I. 1956. 64 стр.; Ч. II. 1957. 158 стр.

По содержанию материалы книги подразделяются на пять основных групп. Наибольшее количество глав (12 из 21) посвящено разоблачению контрреволюционных, антинародных действий мятежников; в пяти главах показывается звериное обличье контрреволюционеров; в двух главах разоблачаются вдохновители и организаторы контрреволюционного мятежа, находящиеся за пределами Венгрии; одна глава посвящена данным об ущербе и убытках, причиненных мятежом. В заключение приводятся биографии пятнадцати героев борьбы против контрреволюции, павших смертью храбрых.

Во введении к первой части отмечается, что книга «не ставит своей задачей изложение всех подробностей кровавых событий этого печального периода. Она знакомит лишь с отдельными фактами нескольких дней, когда на улицах Будапешта, в провинциальных городах и во многих селах бесчинствовали контрреволюционные силы» (ч. I, стр. 5)¹.

Вместе с тем необходимо указать, что хотя иногда данные «Белой книги» не позволяют установить хронологию событий со скрупулезной точностью, все же приводимые в книге факты дают возможность достаточно полно осветить планы заговорщиков и их вдохновителей, ход событий, основные приемы и методы мятежников. Для уяснения всех этих важных вопросов «Белая книга» является достоверным источником.

Что же дает «Белая книга» для анализа октябрьских событий 1956 г. в Венгрии?

Она помогает весьма обстоятельно разобраться в том, кто и как подготовлял контрреволюционный мятеж в Венгрии. В главе «Капиталистический Запад и события в Венгрии» (ч. II, стр. 108 и сл.) приводятся высказывания политических деятелей Запада и многочисленные выдержки из западных газет, не оставляющие сомнения в том, что нити заговора ведут от венгерских контрреволюционеров к монополистам США и находящимся в их распоряжении политическим организациям. Особенно большую ответственность за подготовку мятежа несет созданный в 1949 г. комитет

¹ Страницы указываются по русскому изданию.

«Свободная Европа» — организация формально частная, а фактически руководимая государственным департаментом США (ч. I, стр. 52) и радиостанция того же названия, а также другие организации, действовавшие под покровительством этого комитета.

В «Белой книге» приводится обширный фактический материал, доказывающий, что существующая на средства западных империалистов организация «Свободная Европа» ставила своей главной задачей вызывать беспорядки в странах народной демократии и поддерживать различные фашистские группировки. Именно эта организация и руководимая ею радиостанция того же названия, по признанию самих венгерских граждан (ч. II, стр. 42) и западной печати (ч. I, стр. 52—56; ч. II, стр. 113—117 и др), несут особую ответственность за кровопролитие в Венгрии, за последовавшие вслед за этим призывы к венграм бежать на Запад и за трагедию, пережитую в результате мятежа тысячами и тысячами венгерских семей.

С точки зрения методов действия, характерным является тот факт, что, стремясь обманом привлечь народные массы к осуществлению своих планов, контрреволюция в первое время тщательно скрывала свои подлинные цели и намерения. «Белая книга» содержит богатый материал, позволяющий вскрыть всю лживость демагогических, псевдодемократических лозунгов и приемов, примененных контрреволюционными мятежниками.

Как отмечается во введении ко второй части «Белой книги», лозунги, выдвинутые контрреволюционерами в период, предшествовавший октябрьским событиям, и в значительной степени во время этих событий, существенно отличались от действий, которые шли гораздо дальше. Так, несмотря на то, что нигде не было зафиксировано требование запретить Коммунистическую партию и арестовать ее руководителей, вооруженные группы захватывали районные комитеты партии, убивали коммунистов. Требуя на словах равенства и дружбы с Советским Союзом, они на деле предавали поруганию памятники советским героям, срывали красные звезды, сжигали книги на русском языке.

В целях маскировки контрреволюционеры в соответствии с указаниями центра американской пропаганды, направлявшего все контрреволюционное движение, не выдвигали требований возвращения заво-

дов, шахт и поместий их бывшим владельцам. На деле же мятежники стремились реставрировать в Венгрии буржуазно-помещичьи порядки, вернуть землю помещикам, фабрики, заводы, шахты — их прежним хозяевам. Не случайно в стране появились изгнанные помещики, требуя возвращения своих земель. С претензиями на венгерскую корону выступил Отто Габсбург. В пограничном городе Шопрон обосновались графы-эмигранты. Всплыл на поверхность граф Лихтенштейн (ч. II, стр. 7). Разоблачил себя Миндсенти, поспешив заявить, что с социалистическим строительством, базирующимся на общественной собственности, в Венгрии будет покончено, а народная власть будет ликвидирована (ч. I, стр. 62).

Все эти факты свидетельствуют о том, что контрреволюция под прикрытием демагогических лозунгов о свободе стремилась вырвать Венгрию из лагеря социализма и превратить ее в очаг новой мировой войны. Выявленные этих действительных планов мятежников раскрыло глаза тем трудящимся, которые первоначально были введены в заблуждение, заставило их сначала отойти от контрреволюционеров, а затем включиться под руководством образованного 4 ноября 1956 г. Революционного рабоче-крестьянского правительства в активную борьбу против контрреволюции.

«Белая книга» является весьма важным источником для выяснения основных черт тактики контрреволюции. Главные усилия мятежников были направлены на разгром партии рабочего класса — руководящей силы народной демократии — и истребление всех партийных активистов. Характерной чертой тактики контрреволюции было истребление работников госбезопасности, стремление ликвидировать вооруженные соединения органов защиты народной власти. Контрреволюционная тактика предусматривала уничтожение представителей местных властей, работников Советов и руководящих хозяйственных работников с целью подрыва всего государственного строя народной демократии. В то же время контрреволюционные элементы, следуя заранее разработанному плану, старались как можно быстрее и шире пробраться в правительственный аппарат, в особенности в высшие органы вооруженных сил, чтобы захватить руководство, наводнив эти органы бывшими хортистскими офицерами, помещиками, аристократами, жандармами и пр.

Характерной чертой тактики контрреволюции в Венгрии была ставка на военных и уголовных преступников, а также на вторжение с Запада фашистских эмигрантских элементов.

Важной составной частью плана контрреволюции было создание большого числа различных партий и организаций под демагогическими названиями «Католическая народная партия», «Демократическая народная партия» и др. (ч. I, стр. 63). Предполагалось также издание возможно большего количества газет под разными названиями, но единых по своим антикоммунистическим и антисоветским целям.

Основным методом осуществления контрреволюционных планов—был широко развернувшийся в стране белый террор. Приведенные в «Белой книге» многочисленные материалы и фотоснимки позволяют восстановить страшные картины зверского террора фашистских молодчиков. Документы свидетельствуют о заранее продуманных и разработанных террористических действиях контрреволюционеров.

Большое количество фактов, сообщаемых в книге, неопровержимо доказывает, что одной из главных целей белого террора было уничтожение коммунистов и честных патриотов, а также устрашение трудящихся. Вот некоторые из фактов.

26 октября на ул. Томпа «во время обыска пассажиров одной служебной машины в руках вооруженных людей появился красный партбилет. Владельца партбилета тут же расстреляли, остальным пассажирам нанесли удары по лицу, а затем прогнали. Машину они захватили» (ч. II, стр. 61).

Очевидец фашистской расправы во дворе гимназии Илоны Зрини — Иштван Даноци рассказал об одном из характерных проявлений террора: «Бывшего старшего лейтенанта госбезопасности связанным вывели на середину двора. Он подвергся садистским издевательствам. Сначала его били по ногам и избивали до тех пор, пока он не упал, а затем повесили за ноги на фонарном столбе во дворе. После этого армейский старший лейтенант (мужчина в кители) длинным, тридцати — сорокасантиметровым ножом начал наносить ему удары в поясницу и живот. Потом он отрезал у жертвы правое ухо и перерезал на ногах — выше голени — связки. Подвергшийся истязаниям товарищ был еще жив, когда человек десять мятежников привели во двор женщину лет двадцати восьми.

Увидев замученного товарища, женщина зарыдала и стала просить мятежников, чтобы они не убивали ее, так как она мать троих детей и никому не принесла вреда. К ней подошел старший лейтенант и сказал: «Ну, попалась, вонючая шпионка, нужны были тебе шестнадцать удостоверений и девять тысяч форинтов?» Затем он ударил женщину ножом. Она упала. Тогда к ней подошел мужчина в арестантской одежде и, схватив за волосы, перевернул. Старший лейтенант снова возил нож в тело женщины» (ч. II, стр. 66).

Документы «Белой книги» помогают исследователю установить весьма характерную черту контрреволюционного террора в Венгрии: террористические действия сопровождались грабежами, поджогами, пьяными оргиями. Показательны в этом отношении данные о бесчинствах мятежников, обосновавшихся в гостинице «Континенталь» (ч. II, стр. 44—47). Едва разместившись в гостинице, «они начали действовать: разбили и разграбили продовольственный магазин «Кёзерт»... а затем роздали кое-что из награбленного прохожим. Потом они разграбили помещения артели мелких ремесленников «Сикра», работающей на экспорт, а чтобы замести следы преступления, подожгли эти помещения... Они приложили руки также к государственному универсаму качественных товаров «Миншогеи аллами арухаз». Несколько дней они таскали оттуда товары в гостиницу «Континенталь», а затем 4 ноября подожгли универсам в четырех местах и при помощи оружия мешали своевременно тушить пожар. Утром 5 ноября они подожгли расположенный поблизости магазин готового платья» (ч. II, стр. 45—46). После разгрома мятежников полиция обнаружила в гостинице награбленные товары на сумму 2,5 млн. форинтов (ч. II, стр. 47).

По данным, опубликованным во второй части «Белой книги», видно, что от рук контрреволюционеров за период с 23 октября по 30 ноября только в Будапеште погибло около 1 800 человек.

«Белая книга» дает в руки историка богатый фактический материал о персональном составе главарей и рядовых участников мятежа. В первой части, в главе «Кто они...», приведены данные о вооруженных группах в VII районе Будапешта. Значительную массу контрреволюционных отрядов составляли преступники, выпущенные мятежниками из тюрем. Руководили ими

в большинстве случаев также преступники, например, Ласло Штейнер — известный рецидивист (ч. I, стр. 35—38).

Главой самозванного так называемого «Революционного национального комитета» стал некий Йожеф Дудаш — в прошлом провокатор и тайный агент полиции. Его помощником был шпион Я. Сабо. Сформированные ими вооруженные банды состояли в основном из хортистских офицеров и заключенных (ч. II, стр. 99—107).

Контрреволюционеры принимали в свои банды без разбора всех, кто готов был грабить, уничтожать, убивать. В «Белой книге» содержится обширный материал, разоблачающий чудовищную ложь и клевету, которые возводились на верные народно-демократической власти вооруженные силы, разоблачающий подстрекательскую роль западной печати (ч. I, стр. 52—60; ч. II, стр. 108—133 и др.).

Разнообразный фактический материал книги позволит историку восстановить довольно подробно ход событий не только в Будапеште, но и в провинции (ч. I, стр. 39—51; ч. II, стр. 87—98).

В книге содержатся чрезвычайно ценные фактические данные о героическом поведении честных патриотов Венгрии, не поддавшихся на провокацию. В дни тяжелых испытаний они, не колеблясь, встали грудью на защиту социалистических завоеваний венгерских трудящихся. Многие из них пали как герои смертью храбрых. Краткие биографии некоторых из них помещены в конце II части. Здесь рассказывается о жизни и деятельности, а также о послед-

них днях отважной борьбы секретаря Будапештского горкома партии Имре Мезё, председателя Чепельского городского Совета Йожефа Каламара, токаря, лауреата премии Кошута Андраша Бордаша, директора Музея военной истории Шандора Сиклаи, сварщика Кальмана Турнера, крестьянина Михая Бене и других.

«Белая книга» представляет собою важный источник для разоблачения контрреволюционного мятежа в Венгрии. Материалы книги рассказывают преимущественно о контрреволюционных, террористических действиях мятежников. Но в ней историк найдет и много фактов о героической борьбе патриотов Венгрии против контрреволюции.

Хотелось бы отметить, что разработка истории венгерских событий требует дальнейших публикаций источников. Важно было бы подготовить и издать в ближайшее время большие сборники документов и печатных изданий (газет, листовок, брошюр, книг), чтобы осветить историю событий всесторонне. Следовало бы также обратить внимание на издание источников, раскрывающих подготовку к мятежу как в области идеологии, так и в организационном, политическом и военном отношениях. Эти источники нужны для разработки истории провалившейся попытки империалистов задушить при помощи черных сил реакции народно-демократический строй. Разоблачение приемов и методов империалистической агентуры будет способствовать предотвращению подобных провокаций.

В. Н. Ларин

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ РСФСР К 40-летию ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В Российской Федерации насчитывается более ста республиканских, краевых, областных и окружных государственных архивов, хранящих документальные материалы по истории нашей Родины. Важное место среди сокровищ государственных архивов занимают документы периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Эти ценнейшие материалы систематически использует широкая научная общественность при разработке исторических вопросов. В РСФСР периодически выпускались сборники документов. Так, в связи с 10-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции специальные губернские комиссии по подготовке к юбилею издали ряд сборников документов по истории установления Советской власти на местах. Аналогичные сборники выходили в свет к 15, 20 и 30-й годовщинам Октябрьской революции. Но эти публикации, несмотря на их большое научное и политическое значение, по ряду причин не были в состоянии с достаточной полнотой воссоздать историю победы Великой Октябрьской социалистической революции. Во многих из них имеются серьезные недостатки в отборе документов, в них мало освещаются руководящая роль Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической революции, резолюционное творчество народных масс, созидательная роль Советской власти.

В настоящее время государственные архивы совместно с партийными архивами, институтами истории, языка и литературы, музеями и другими научно-исследовательскими учреждениями готовят к изданию сборники документов и публикаций, посвященные годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Всего по РСФСР готовится 55 юбилейных сборников документов, 32 из них сданы в издательства. Эти публикации освещают борьбу трудящихся под руководством Коммунистической партии за установление Советской власти на территориях теперешних

Татарской, Башкирской, Мордовской, Чувашской, Якутской и Карельской АССР; Краснодарского, Ставропольского, Алтайского, Красноярского и Хабаровского краев; Вологодской, Горьковской, Костромской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Курской, Воронежской, Ростовской, Пензенской, Куйбышевской, Чкаловской, Иркутской и других областей. Архивными учреждениями Свердловской области совместно с Институтом истории партии при Свердловском обкоме КПСС подготовлен и сдан в издательство сборник «Национализация промышленности на Урале». Центральным государственным архивом РСФСР Дальнего Востока подготовлен к изданию сборник документов «Победа Советской власти на Сахалине». В ближайшее время будет сдан в издательство сборник документов «Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917—1922 гг.)». Государственным архивом Хабаровского края подготовлен к сдаче в издательство сборник документов «Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке (Дальревком 1922—1926 гг.)».

Значение этих публикаций совершенно очевидно: они позволят ввести в научный оборот около десяти тысяч документальных материалов по истории борьбы трудящихся за установление и упрочение Советской власти на местах, что поможет широким кругам историков и пропагандистов еще глубже, всесторонне изучить историю революции, открывшей эру крушения капитализма и торжества коммунизма. При составлении сборников предпочтение отдавалось документам, явившимся результатом творчества самих народных масс, отдельных групп трудящихся или представлявших их организаций. К этим документам относятся: письма рабочих, солдат, крестьян, резолюции собраний и митингов, постановления крестьянских сходов, протоколы и постановления Советов, фабзавкомов, профсою-

зов, волостных комитетов, ротных, полковых и других организаций в армии.

Много внимания в сборниках уделяется освещению организации и деятельности Советов на местах. В большом количестве даются постановления и резолюции Советов по важнейшим политическим и экономическим вопросам: о Советской власти, войне, земле, 8-часовом рабочем дне, рабочем контроле, продовольственном вопросе, организации Красной Гвардии и другим. Протоколы и резолюции отражают борьбу внутри Советов между большевиками и меньшевиками, эсерами. Несомненный интерес представляют указы провинциальных Советов своим делегатам на съезды и конференции Советов. Документы, исходящие от Советов, повествуют о великой борьбе трудящихся за свое освобождение, о народной мудрости, о несокрушимой силе революции. Они убедительно свидетельствуют о том, что Октябрьская революция развивалась и победила под лозунгом «Вся власть Советам!»

Советы были наиболее ярким, но не единственным проявлением революционного творчества масс. Деятельность трудящихся в фабрично-заводских комитетах, профсоюзах, солдатских и крестьянских комитетах по созданию Красной Гвардии, по осуществлению рабочего контроля над производством и распределением отражена в сборниках,готавливаемых научно-исследовательскими и архивными учреждениями Алтайского, Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской, Саратовской, Ульяновской, Тульской, Кировской, Горьковской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Пензенской и других областей.

Боле двух тысяч документов о борьбе трудящихся Северного Кавказа за свержение буржуазно-помещичьего строя и за установление Советской власти включено в сборники документов, подготовленные научно-исследовательскими и архивными учреждениями Дагестанской, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, Ставропольского и Краснодарского краев. Ценные материалы, широко освещающие национальное движение, входят в сборники, посвященные установлению и упрочению Советской власти на территории Татарской, Башкирской и Чувашской АССР. Борьба трудящихся за установление и упрочение Советской власти в Забайкалье отражена в сборниках,готавливаемых научно-исследовательскими и архивными учреждениями

Бурят-Монгольской АССР и Читинской области.

Новые, ранее не опубликованные документы говорят о революционной работе выдающихся деятелей Коммунистической партии. В сборниках «Установление и упрочение Советской власти в Самарской губернии» много рассказывается о деятельности В. В. Куйбышева, «Установление Советской власти в Северной Осетии» — о С. М. Кирове и Серго Орджоникидзе. Документы сборника «Борьба за установление Советской власти в Тверской губернии» освещают деятельность А. А. Жданова.

Видное место в сборниках отводится документам о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством.

В июне текущего года на заседании Научного совета Архивного управления МВД РСФСР при участии представителей Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории Академии наук СССР, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Московского государственного историко-архивного института обсуждался вопрос о подготовке сборников документов, посвященных 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Научный совет отметил, что работники архивных учреждений в тесном сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами АН СССР, партархивами и высшими учебными заведениями, руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О подготовке к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции», значительно активизировали подготовку сборников документов. Эти сборники в отличие от ранее изданных с большой полнотой отражают руководящую роль Коммунистической партии и творческую деятельность народных масс в строительстве социализма. Вместе с тем Научный совет отметил, что архивные учреждения некоторых областей РСФСР еще недостаточно развернули работу; медленно готовятся сборники архивными учреждениями Новгородской, Архангельской, Астраханской областей; архивные учреждения Удмуртской АССР, Курганской, Томской и Амурской областей, слишком поздно приступившие к подготовке юбилейных сборников, рискуют не обеспечить их издание к знаменательной годовщине. Ряд архивных учреждений не обращает должного внимания на установление творческих связей с научно-исследовательскими

учреждениями и партархивами, в результате чего страдает качество сборников документов. До последнего времени недостаточно использовались документы о героических подвигах советских людей в дни Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции. Мало обращалось внимания на популяризациюготавливаемых сборников через периодическую печать.

Научный совет рекомендовал в сборниках документов глубже освещать руководящую деятельность Коммунистической партии, шире использовать документы о героических подвигах и творческой инициативе трудящихся масс; при подготовке сборников усилить освещение местных особенностей революционной борьбы и в зависимо-

сти от этого проводить соответствующую систематизацию и комментирование документов.

Издание документов, посвященных Великой Октябрьской социалистической революции,— большое и ответственное дело. Эти ценные публикации помогут ученым, научным работникам, педагогам, пропагандистам, агитаторам, студентам и широким кругам общественности глубже изучить ход борьбы трудящихся под руководством Коммунистической партии за Советскую власть на обширной территории Российской Федерации и воссоздать более полную картину победного шествия Великой Октябрьской социалистической революции.

И. Д. Анашкин

ОБ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОЛДАВИИ

(К ИТОГАМ НАУЧНОЙ СЕССИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР)

В Институте истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР в марте 1957 г. была проведена научная сессия, посвященная истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Молдавии. В работе сессии приняли участие историки республики, ученые Киева и Москвы.

Открывая сессию, председатель президиума Молдавского филиала Академии наук СССР доктор исторических наук профессор Я. С. Гросул отметил, что в решениях XX съезда КПСС указывалось на неудовлетворительную разработку вопросов истории КПСС и истории советского общества. Съезд подчеркнул, что исследование данных вопросов является одним из отсталых участков нашей идеологической работы, и указал на необходимость создания подлинно научной истории Великой Октябрьской социалистической революции и Советского государства.

Эти указания XX съезда полностью относятся и к состоянию исторической науки в Молдавии.

Хотя некоторые проблемы истории Ок-

тябрьской социалистической революции в Молдавии нашли частично отражение в исторической литературе, однако до сих пор не опубликовано ни одного монографического исследования. Я. С. Гросул выдвинул ряд проблем, требующих исследования. К их числу относятся: 1. Разработка вопросов революционного рабочего движения в Молдавии периода подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции; 2. Всесторонний показ развития крестьянского движения; 3. Изучение всех вопросов, связанных с национально-освободительным движением; 4. Исследование общедемократического движения масс за мир; 5. Выяснение деятельности Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и их роли в революции; 6. Изучение деятельности большевистских организаций в Молдавии; 7. Исследование революционного движения на Румынском фронте во время первой мировой войны, оказавшего большое влияние на судьбы социалистической революции в Молдавии.

В заключение Я. С. Гросул указал, что

каждая из выдвинутых на обсуждение проблем должна раскрывать историю борьбы за победу социалистической революции в Молдавии.

С докладом «Освещение борьбы за установление Советской власти в Молдавии в исторической литературе» выступил старший научный сотрудник института кандидата исторических наук А. В. Симонов. Он отметил, что советские историки добились некоторых успехов в изучении истории Октябрьской революции в Молдавии. Подробно разобрав работы Н. Березнякова, В. Сенкевича, И. Дыкова, В. Малинского, А. Дольника и других историков, в трудах которых затрагивается эта проблема, докладчик указал, что до сих пор не опубликовано ни одной монографии, ни одного сборника документов, освещающих события 1917 г. в Молдавии. А. В. Симонов отметил, что историки республики почти не изучали мемуарной литературы, не встречались с живыми людьми — свидетелями и участниками этих великих событий. В работах все еще имеются неточные и противоречивые утверждения, методологические ошибки; некоторые очень важные вопросы революции вообще остаются пока неизученными.

С интересом был выслушан доклад старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма при ЦК КП Молдавии И. Довгополова «К вопросу о создании большевистской организации в Бессарабии». В докладе на основе ряда архивных материалов была сделана попытка показать деятельность большевиков Молдавии по организации и руководству борьбой трудящихся за свержение власти капиталистов и помещиков.

В Молдавии после Февральской революции 1917 г. существовали некоторое время объединенные социал-демократические организации, в которых состояли и большевики и меньшевики-интернационалисты; тем не менее по ряду важных вопросов большевики проводили свою точку зрения, активно разоблачая оппортунистические, соглашательские позиции меньшевиков.

В некоторых городах Молдавии (Бендерах и др.) существовали самостоятельные большевистские организации, а в Кишиневе с декабря 1917 г. стал действовать большевистский партийный клуб.

Значительно подробнее в докладе была освещена деятельность подпольных организаций большевиков в Молдавии в 1918 и 1919 годах. Три доклада были посвящены

характеристике деятельности и роли Кишиневского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в подготовке и проведении революции.

В докладе старшего научного сотрудника института кандидата исторических наук Н. В. Березнякова «К вопросу об установлении Советской власти в Бессарабии» отмечалось, что в советской историографии недостаточное изучена история Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов, причем различные историки по-разному оценивают действия этого Совета. Почти не исследована также деятельность Бессарабского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Трудность изучения деятельности Кишиневского Совета и вопроса об установлении Советской власти в Молдавии заключается в том, что ученые не располагают протоколами Совета. Лица же, писавшие воспоминания об Октябрьской революции в Молдавии, внесли путаницу в эти вопросы.

Докладчик остановился на характеристике взаимоотношений Кишиневского Совета с буржуазно-националистическим «Сфатул Цэрий»¹ и на основании анализа событий 6—7 января 1918 г. в Кишиневе сделал вывод, что уже до этого времени Кишиневский Совет был реальной властью.

По мнению Н. В. Березнякова, начало процесса установления Советской власти в Молдавии нужно отнести к 22 ноября 1917 года. В декабре Совет уже активно вмешивался в действия органов Временного правительства и мог это делать потому, что располагал Красной Гвардией и имел поддержку в армии.

Доклад М. Иткиса и Н. Ройтмана «Из истории борьбы за установление Советской власти в Молдавии» был посвящен более узкой теме — анализу резолюции Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов от 22 ноября 1917 г. и той борьбы, которая развернулась вокруг нее в конце ноября и начале декабря 1917 года. На основе материалов газет «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Голос революции» в докладе была подробно проанализирована полити-

¹ Буржуазные националисты, помещики, капиталисты Молдавии осенью 1917 г. образовали свое правительство «Сфатул Цэрий» — «Краевой совет», — в котором руководящую роль играли платные агенты румынских капиталистов и помещиков, готовившие почву для оккупации Молдавии.

ческая обстановка в Кишиневе 6 ноября 1917 г. и резолюция расширенного заседания Кишиневского Совета от 22 ноября 1917 г. о признании власти ВЦИКа и СНК.

Авторы доклада указали, что резолюция 22 ноября по-разному оценивалась советскими историками. Одни, обращая главное внимание на основные четыре пункта резолюции, где с некоторыми оговорками признавалась Советская власть, ошибочно считали день 22 ноября датой установления Советской власти в Кишиневе, а ее признание Кишиневским Советом они принимали за фактическое ее установление. Другие историки, делая упор на заключительную часть резолюции, явно недооценивали ее значение в целом. По существу, они отрицали факт признания Советской власти расширенным заседанием Кишиневского Совета 22 ноября 1917 года. Эта точка зрения нашла, в частности, свое отражение во II томе «Истории Молдавской ССР».

М. Иткис и Н. Ройтман пришли к выводу, что резолюция от 22 ноября, несмотря на ее оговорки, безусловно, означает признание Кишиневским Советом власти СНК. Однако эта резолюция носила компромиссный характер, так как она представляла собой политическую платформу, на основе которой можно было объединить силы местных большевиков, меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров для голосования за признание Советской власти. По-видимому, местные большевики для того, чтобы обеспечить большинство голосов по основному вопросу резолюции — о признании Советской власти, — должны были согласиться на внесение в нее заключительной части.

В докладе было подчеркнуто, что начиная с 24 ноября 1917 г. произошел поворот в ориентации газеты «Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов», она заняла более лояльную позицию по отношению к Советской власти.

Приведя затем резолюцию, принятую 24 ноября общим собранием Совета рабочих депутатов с участием всех правлений профсоюзов Кишинева, подтвердившую резолюцию от 22 ноября, авторы доклада утверждали, что в конце ноября большинство рабочих Кишинева и солдат местного гарнизона уже признавали и поддерживали власть Советов. Переизбрание 29 ноября президиума исполкома Кишиневского Совета дало явный перевес сторонникам Советской власти.

В заключение докладчики сделали вывод, что, несмотря на ошибки, Кишиневский Совет с ноября 1917 г. стал активной революционной силой.

Доклад заместителя директора института кандидата исторических наук Н. А. Мохова «О роли Кишиневского Совета и фронтотдела Румчерода² в борьбе за установление Советской власти в Молдавии» ставил задачей показать борьбу политических течений в Кишиневском Совете. Основной упор докладчик сделал на слабые стороны деятельности Кишиневского Совета. В его трактовке этот Совет был соглашательским с начала до конца.

В докладе отмечалось, что в Кишиневском городском Совете более месяца велась ожесточенная борьба по вопросам об отношении к социалистическому перевороту в Петрограде, о признании власти ВЦИКа и СНК, избранных II Всероссийским съездом Советов, о взятии власти в руки Советов. Затянувшиеся дебаты в такой напряженный момент имели для революционного движения в Молдавии самые губительные последствия. Эта борьба в Совете была отражением засилья оппортунистов в рабочих организациях Кишинева.

Характеризуя решение Кишиневского Совета от 22 ноября 1917 г., докладчик указал, что требование включить в правительство, кроме большевиков, представителей меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных партий означало отказ от диктатуры пролетариата. Докладчик подчеркнул, что, по его мнению, 22 ноября Кишиневский Совет принял только решение о признании власти ВЦИКа и СНК, а не решение о взятии власти в Кишиневе и Молдавии в руки Совета. Признав власть Советов, Кишиневский Совет как орган власти действовал, однако, очень нерешительно. Отдельные его мероприятия были робкими и не могли помешать объединению и усилению контрреволюции в Кишиневе. Даже правильные решения Совета рабочих и солдатских депутатов оставались не претворенными в жизнь. Докладчик утверждал, что и после 11 декабря 1917 г., когда был переизбран Исполком Кишиневского Совета, говорить о нем как о действующем органе власти не приходится.

Основную роль в революционных событиях Молдавии сыграл большевистский

² Большевистский комитет фронтового отдела Исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

фронтотдел Румчерода, избранный на II съезде Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа. Подменив собой Кишиневский Совет, он 3 января 1918 г. объявил себя верховной властью на Румынском фронте и в Бессарабии, а 6 января, в результате вооруженного разгрома сил контрреволюции, полностью взял власть в свои руки. Что же касается Кишиневского Совета, то в эти решающие дни он оказался в стороне от событий, не возглавил революционные силы и фактически уступил поле деятельности «Сфатул Цэрий».

Докладчик отстаивал тезис о том, что Советская власть победила в Молдавии только 6—7 января 1918 года. Таким образом, его точка зрения на роль Кишиневского Совета в революционных событиях значительно разошлась со взглядами Н. В. Березнякова, М. Иткиса и Н. Ройтмана. По этому вопросу на сессии не было достигнуто единого мнения.

С интересом был выслушан доклад старшего научного сотрудника института кандидата исторических наук А. С. Есаулenco на тему «Бессарабский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и его значение». Ценность этого доклада, построенного почти целиком на не опубликованных ранее архивных материалах, состоит в том, что в нем впервые приведены новые данные о Бессарабском губернном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (сентябрь 1917 г.), имевшем большое значение в деле мобилизации масс трудящихся Молдавии на социалистическую революцию.

Докладчик подробно разобрал обстановку, в которой собрался этот съезд, повестку дня, состав делегатов, привел отдельные выступления делегатов и важнейшие решения съезда. Говоря о полевении масс после разгрома корниловского мятежа, докладчик указал, что накануне губернского съезда Советов лозунг «Вся власть Советам!» получил широкое распространение среди трудящихся Молдавии. В этом большая заслуга принадлежала революционным солдатам Румынского фронта, которыми руководили большевики. Большевистское влияние сказывалось и в Советах Молдавии. Так, уже в августе — сентябре 1917 г. в Советах Молдавии все чаще и резче подвергалась критике соглашательская тактика меньшевистского ВЦИКа, под влиянием агитации

большевиков пересматривалась оценка текущего момента, обсуждались вопросы об отношении к центральным органам Советской власти, о прекращении войны и заключении демократического мира и др.

Большое влияние на Советы Молдавии оказала принятая под давлением большевиков 31 августа 1917 г. резолюция Петроградского Совета, в которой с ленинских позиций решались вопросы о власти, о мире, о земле и о рабочем контроле. По всем этим вопросам большевикам — делегатам Бессарабского губернского съезда удалось провести свою резолюцию, несмотря на то, что на съезде подавляющее большинство делегатов было на стороне соглашателей. Объяснялось это тем, что меньшевики и эсеры, боясь потерять связь с массами, стремились любыми путями удержаться у власти и поэтому вынуждены были поддержать большевистские предложения.

Младший научный сотрудник института М. Иткис в докладе «Некоторые вопросы крестьянского движения в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Молдавии» сумел на большом фактическом материале показать борьбу крестьян за землю в период от февраля 1917 до января 1918 года. Полемизируя с некоторыми историками и, в частности, с автором 1-й главы II тома «Истории Молдавии» И. Г. Дыковым, докладчик указал, что нельзя рассматривать крестьянское движение периода борьбы за власть Советов в Молдавии как нечто неизменное. На отдельных этапах это движение изменяло свои формы, все более расширялось и приобретало новые качества. В первые месяцы после Февральской буржуазно-демократической революции выступления крестьян происходили главным образом в форме организации самовольных покосов трав и порубок леса на помещичьих землях. Случаи захвата помещичьих земель в этот период были еще редки. В сентябре — октябре 1917 г. движение крестьян приобрело новую форму; в это время происходил захват помещичьих и монастырских земель, раздел помещичьего хлеба и инвентаря. Наконец, третий этап — конец октября 1917—январь 1918 г. — характеризовался массовой конфискацией помещичьих, монастырских, церковных и кулацких земель, а также инвентаря, скота и т. д. в помещичьих имениях. В этот период основную роль в движении играли сельские пролетарии и беднота, выступав-

шие против помещиков и сельской буржуазии — кулачества. В ряде мест это движение проходило под руководством земельных и сельских комитетов.

Докладчик подчеркнул, что крестьянское движение на всех этапах испытывало на себе благотворное влияние большевистских идей, а на последнем этапе проходило уже под непосредственным руководством большевиков, которые успешно боролись за высвобождение крестьян из-под влияния эсеров и спланировали трудящееся крестьянство на борьбу за власть Советов.

С интересным докладом «Национально-освободительное движение в Молдавии в 1917 г.», вызвавшим оживленные прения, выступил старший научный сотрудник института кандидат исторических наук С. Я. А ф т е н ю к. Докладчик в самом начале подчеркнул, что борьба трудящихся Молдавии за свою национальную независимость явилась важной составной частью борьбы за власть Советов, за социализм. Он также вскрыл полную противоположность и непримиримость между национально-освободительным и буржуазно-националистическими движениями.

Молдавская буржуазия и буржуазно-демократическая интеллигенция стремились использовать борьбу масс за национальное равноправие в своих интересах. Но рабочие и крестьяне Молдавии имели собственные интересы, противоположные интересам и целям буржуазии. Они вели борьбу за 8-часовой рабочий день, землю, мир и национальное равноправие, за власть Советов. Большевики Молдавии, поддерживая национально-освободительное движение народных масс, ставили своей задачей сближение и сплочение трудящихся своей нации в борьбе за власть Советов, за социализм.

В докладе дана характеристика разных этапов национального движения в Молдавии и особо подчеркнуто, что в процессе развития революции росло и крепло влияние большевиков на массы.

Кроме этих основных докладов, на сессии были заслушаны сообщения младшего научного сотрудника института З. М. И в а н о в о й «Из истории профсоюзного движения в Молдавии в 1917 году» и аспиранта института Д. И. А н т о н ю к а «Фальсификация румынскими буржуазны-

ми историками вопроса борьбы за власть Советов в Молдавии».

В прениях по докладам приняли участие работники высших учебных заведений Молдавии, архивов и музея, а также ученые Москвы и Киева. Прения показали, что все доклады посвящены актуальным проблемам и в определенной мере пролили свет на нерешенные и спорные вопросы, связанные с ходом Великой Октябрьской социалистической революции в Молдавии. Наиболее оживленные споры развернулись вокруг вопросов национально-освободительного движения и времени установления Советской власти в Молдавии.

Несмотря на то, что по ряду вопросов (об оценке деятельности Кишиневского Совета, о времени установления Советской власти) были высказаны различные точки зрения, на сессии удалось заложить основы для решения этих вопросов.

Внесена известная ясность в вопрос о деятельности молдавских большевиков. Найдены материалы, свидетельствующие о наличии самостоятельных большевистских организаций в ряде городов Молдавии. Имеются косвенные указания на наличие такой организации в Кишиневе. Документально доказано, что в декабре 1917 г. в Кишиневе имелся партийный клуб, где большевики проводили свою работу.

По-новому на сессии поставлен вопрос о национально-освободительном движении в Молдавии. Его нельзя рассматривать в одной плоскости — только как буржуазно-националистическое. В общем национальном движении надо различать борьбу рабочих и крестьян за национальное равноправие, за 8-часовой рабочий день, за землю, за мир и за победу Советской власти и движение буржуазно-националистическое, антинародное — за создание буржуазно-помещичьей автономной Молдавии, за отрыв ее от революционной России и включение в состав боярской Румынии.

Проведенная сессия показала, что в разработке истории Молдавии и особенно истории Великой Октябрьской социалистической революции на территории республики имеется еще много важных нерешенных вопросов, которые требуют от историков дальнейшего большого творческого труда.

А. В. Симонов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

РУМЫНСКИЕ ИСТОРИКИ К 40-летию ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

40-летие Великой Октябрьской социалистической революции будет по решению ЦК Румынской рабочей партии от 21 мая с. г. отпраздновано с особой торжественностью. Румынские историки готовят доклады и работы, посвященные историческому значению Великой Октябрьской социалистической революции, ее влиянию на румынское общество. Академия РНР созывает специальную сессию, которая откроется докладом президента Академии Т. Сэвулеску на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории человечества». На сессии будут заслушаны доклады акад. А. Оцета «Исторические достижения СССР в строительстве коммунизма и роль СССР в современной международной жизни»; акад. К. Дайковича «Влияние марксизма-ленинизма на современную историческую науку»; акад. В. Малинского «Экономическое положение Румынии и политический кризис буржуазно-помещичьего режима в 1917—1922 годах»; акад. П. Константину-Яшь «Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие нашей страны»; акад. М. Роллера «Создание марксистско-ленинской партии в Румынии»; М. Кручану «Борьба народных масс Румынии с антисоветской интервенцией»; Г. Бужора (сражавшегося в рядах Красной Армии) «Участие революционных батальонов и румынского флота в Великой Октябрьской социалистической революции»; чл.-корр. Академии РНР Т. Бугариу «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на социальную мысль и идеологическую борьбу в Румынии»; акад. М. Бенюка «Роль советской литературы в развитии мировой литературы и ее влияние на румынскую литературу»; акад. Г. Опреску «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие искусства в Румынии».

Румынские издательства готовят к печати ряд трудов о 40-летию Октябрьской социалистической революции. Институт истории Академии РНР посвятил Великой Октябрьской социалистической революции том «Исследований и материалов новой и современной истории», составленный коллективом авторов. Клужский филиал Института истории Академии РНР подготовил к печати исследования И. Чикалэ и Д. Каролина «Отражение в прессе Трансильвании влияния Великой Октябрьской социалистической революции»; Г. Мурешана «Женское революционное движение за мир в 1917—1919 годах»; И. Ковача «Борьба крестьян за землю в Трансильвании в 1917—1919 годах»; В. Керестешю «Проникновение идеи самоопределения в румынские и венгерские массы Трансильвании вследствие Октябрьской революции».

Институт истории партии опубликует серию исследований о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в Румынии, которые будут переведены на венгерский и немецкий языки, и о борьбе трудящихся Румынии за политику дружбы с СССР. Институт истории партии издает «Воспоминания румынских добровольцев, сражавшихся в революционных батальонах в Советском Союзе (1917—1920)» и альбом, посвященный революционным боям периода 1917—1921 годов.

Профсоюзное издательство опубликует книгу «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на профсоюзное движение в нашей стране». Научное издательство выпустит в свет книгу акад. П. Константину-Яшь «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в нашей стране».

Эти работы покажут триумф марксистско-ленинских идей, решимость румынских

историков бороться за развитие науки и культуры в Румынской Народной Республике.

Румынские историки, разрабатывая в своих исследованиях вопрос о помощи, оказанной Советским Союзом румынскому народу в уничтожении фашизма и в деле построения социализма, способствуют укреплению дружеских связей Румынии с СССР.

Отмечая 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, румынские историки примут активное участие в попу-

ляризации посредством докладов, статей, и выступлений по радио великих достижений СССР в построении социализма. Они будут широко участвовать в деятельности культурных обществ АРЛЮС (Румынское общество для связей с Советским Союзом) и СРСК (Общество для распространения науки и культуры). Лучшие доклады и лекции о Советском Союзе будут изданы отдельными брошюрами.

*Действительный член Академии РНР
А. Оцета*

ИСТОРИКИ БОЛГАРИИ К 40-летию ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В этом году болгарский народ вместе со всем прогрессивным человечеством будет праздновать 40-ю годовщину величайшего события в мировой истории — Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрьская революция оказала огромное влияние на историческое развитие болгарского народа. Рабочий класс и трудящиеся массы Болгарии с восторгом встретили весть об Октябрьской революции и решительно пошли по начертанному ею пути. Болгарские рабочие, трудовое крестьянство и народная интеллигенция с самого начала восприняли дело Октябрьской революции как свое собственное и под руководством Болгарской коммунистической партии повели смелую борьбу в защиту молодой Советской республики.

Следуя примеру русских рабочих и крестьян, болгарские трудящиеся в продолжение более четверти века под руководством Болгарской коммунистической партии вели героическую борьбу за свержение монархофашистской диктатуры и капиталистического рабства, за социализм и установление дружбы с Советским Союзом. Великий Октябрь подготовил условия для победы нашего народа 9 сентября 1944 г., которая открыла эру социалистического строительства в Болгарии.

Политбюро ЦК Болгарской коммунистической партии еще в апреле 1957 г. приняло специальное решение о торжественном праздновании 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В соответствии с этим Президиум Болгарской Академии наук разработал по-

дробную программу празднования 40-летия Октябрьской революции, предусматривающую проведение торжественной научной сессии с участием всех институтов Болгарской Академии наук, Института истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП, Высшей партийной школы и других научных институтов. Сессия откроется докладом президента Болгарской Академии наук академика Т. Павлова о значении Октябрьской революции. В отделениях Болгарской Академии наук видные болгарские ученые сделают доклады о роли и значении Октябрьской революции в развитии научной мысли в Болгарии в различных областях знания и искусства. В Отделении исторических наук будут прочитаны доклады: «Развитие исторической науки в Болгарии после победы Великой Октябрьской социалистической революции», «Достижения болгарской археологии после 9 сентября 1944 года», «Утверждение в Болгарии идеи диктатуры пролетариата под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции», «Проблема революционного кризиса в Болгарии в 1918—1919 годах», «Влияние Октябрьской революции на партию тесных социалистов», «Борьба народных масс Болгарии под руководством Болгарской коммунистической партии в защиту Великой Октябрьской социалистической революции, за мир и дружбу с Советской Россией». На сессии будут также сделаны научные сообщения о влиянии Октябрьской революции на Болгарию. Научная сессия, которую готовят болгарские историки, осветит бо-

лее широко и полно влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Болгарию.

В программе празднования предусмотрено также издание специальных номеров всех периодических изданий Болгарской Академии наук, посвященных 40-й годовщине Великой Октябрьской революции.

Редакция журнала «Исторический преглед» готовит специальный номер к 40-летию Октября. В этом номере будут помещены статьи, научные сообщения и материалы, раскрывающие некоторые стороны могучего влияния Октябрьской революции на Болгарию.

Сотрудники Института болгарской истории и Института истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП подготовили к печати сборник документов и материалов (размером около 900 страниц) на тему «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Болгарию и революционная борьба болгарских трудящихся в 1917—1919 гг.». Включенные в сборник документы и материалы, за небольшим исключением, публикуются впервые. Они раскрывают отношение болгарских трудящихся к Февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции, рассказывают о влиянии Октябрьской революции на усиление революционного движения в Болгарии, солдатском восстании осенью 1918 г., революционном подъеме в Болгарии после выхода ее из империалистической войны, превращении Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в массовую партию и ее большевизации, прослеживают борьбу болгарских трудящихся в защиту Советской России, показывают контрреволюционную роль болгарской буржуазии и империалистов Антанты, рассказывают о транспортной и общей политической стачке в конце 1919 — начале 1920 года. Публикуемые документы и материалы снабжены комментариями.

Сотрудники этих двух институтов подготовили также для сборника «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции» (издаваемого в Будапеште) материалы о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на подъем революционного движения в Болгарии в период с 1917 по 1923 год. Включенные в эту публикацию документальные материалы повествуют об усиле-

нии антивоенного движения в Болгарии под влиянием Октябрьской революции, о начале большевизации Болгарской коммунистической партии и революционной борьбе в 1919 г., а также показывают стремление болгарского трудового народа к миру и дружбе с народами Советского Союза, рассказывают о помощи пострадавшему от засухи населению Поволжья, борьбе против фашизма и Сентябрьском восстании 1923 года.

Болгарские историки принимают участие в составлении международного сборника научных статей о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на революционное движение в других странах.

Сотрудники Военно-исторического отдела при Министерстве народной обороны готовят к печати сборник документов о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на революционизирование болгарской армии.

Болгарские историки активно участвуют в организации выставки, посвященной 40-й годовщине Октябрьской революции. Выставку организуют сотрудники Музея болгаро-советской дружбы при участии широкого круга специалистов Института болгарской истории БАН, Института истории Болгарской коммунистической партии при ЦК БКП, кафедры болгарской истории Софийского государственного университета, кафедры истории Болгарской коммунистической партии Высшей партийной школы и др. Экспонаты выставки составляют три отдела: победа Великой Октябрьской социалистической революции и достижения советского народа в строительстве социализма и коммунизма; влияние Октябрьской революции на Болгарию; успехи болгарского народа в социалистическом строительстве после победы народного вооруженного восстания 9 сентября при братской и бескорыстной помощи великого Советского Союза.

По мере приближения годовщины Октябрьской революции болгарские историки будут публиковать в периодической печати большое число статей об Октябрьской революции и ее влиянии на Болгарию, а также выступать с докладами на эту тему в Софии и других местах страны.

Член-корр. Болгарской Академии наук

Д. Косев, Хр. Христов

目 錄

論文

- 俄國社會民主工黨（布）第六次代表大會……………納·莫·莫尔
偉大十月社會主義革命在烏拉爾的勝利……………菲·巴·貝斯特里赫（斯維爾德洛夫斯克）
吸引勞動群眾參加國家管理機關……………謝·尼·伊科尼科夫
哈拉哈河事件中日本軍事外交的失敗……………格·尼·塞瓦斯梯揚諾夫
摘自美國干涉中國人民事業史……………吳東之（中國）

討論与商榷

- 祖產工厂手工業的社會——經濟本質……………阿·莫·卡尔帕切夫
談德國宗教改革和農民戰爭作為初次資產階級革命的問題……………亞·達·埃普什坦

歷史編纂學、批評、書刊評介

- 19世紀的俄國農民運動……………伊·尼·昆提科夫
資產階級的歷史編纂學歪曲19世紀到20世紀初的英美關係史……………叶·波·契尔尼亞克
朝鮮歷史的若干爭論問題……………米·尼·朴
波國歷史家關於1848年革命經濟史的新著作……………納·叶·扎斯天克

書報評論

蘇聯歷史科學

- 俄羅斯蘇維埃聯邦社會主義共和國國立檔案館迎接
偉大十月社會主義革命40周年……………伊·第·阿納什金
在莫尔达維亞准備和實行偉大十月社會主義革命的經過……………阿·瓦·西莫諾夫

海外的歷史科學

- 羅馬尼亞歷史家迎接偉大十月社會主義革命40周年……………羅馬尼亞人民共和國院士安·奧采提亞
保加利亞歷史家迎接偉大十月社會主義革命40周年……………保加利亞科學院通信院士第·科
謝夫和赫·赫里斯托夫（保加利亞）

CONTENTS

Articles: N. M. Mor, The Sixth Congress of the Russian Social-Democratic Labour Party (Bolsheviks); F. P. Bystrikh (Sverdlovsk). The Victory of the Great October Socialist Revolution in the Urals; S. N. Ikonnikov. Drawing Working Masses into Governing the State; G. N. Sevostyanov. Japan's Military and Diplomatic Defeat During the Khalkhin Gol Events; Wu Tung-chih (China). U.S. Interference in China's Domestic Affairs. Forum: A. M. Karpachov. The Social-Economic Essence of Feudal Manufacture; A. D. Epstein. Reformation and Peasants' War in Germany as the First Bourgeois Revolution. Historiography, Critiques, Bibliography: I. N. Kuntikov. The Peasant Movement in Russia in the 19th Century; Y. B. Chernyak. Bourgeois Distortion of the History of Anglo-American Relations in the 19th and Early 20th Century; M. N. Pak. Some Controversial Questions in Korea's History; N. Y. Zastenker. A New French Book on the Economic Aspect of the 1948 Revolution. Reviews. Historical Science in the U. S. S. R.: I. D. Anashkin. R.S.F.S.R. State Archives for the Fortieth Anniversary of the Great October Socialist Revolution; A. V. Simonov. How the Great October Socialist Revolution Was Prepared and Carried Out in Moldavia. Historical science abroad: A. Otetea, Member of the Academy of Sciences of the Rumanian People's Republic—Rumanian Historians and the Fortieth Anniversary of the Great October Socialist Revolution; D. Kosev, Corresponding Member of the Bulgarian Academy of Sciences and Kh. Khristov—Bulgarian Historians and the Fortieth Anniversary of the Great October Socialist Revolution.

SOMMAIRE

Articles: **N. Mor.** Le VIème Congrès du P.O.S.D.R.(b) (Parti Ouvrier Social-Démocrate de Russie (bolchévik) ; **F. P. Bystrykh** (Sverdlovsk). La victoire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre dans la région d'Oural ; **S. N. Ikonnikov.** L'entraînement des masses travailleuses dans l'administration de l'Etat ; **G. N. Sévostianov.** La défaite militaire et diplomatique du Japon au temps des événements près de la rivière Khalkhine-Gol ; **Wou Toung-ji** (Chine). Essais sur l'histoire de l'intervention des Etats-Unis aux affaires du peuple chinois. Discussions et délibérations: **A. M. Karpatchev.** Sur la nature sociale et économique de la manufacture patrimoniale ; **A. D. Epstein.** Sur le problème de la Réformation et de la Guerre paysanne en Allemagne comme la première révolution bourgeoise. Historiographie, critique, bibliographie: **I. N. Koutikov.** Le mouvement paysan en Russie au XIXème siècle ; **E. B. Tcherniak.** L'altération par l'historiographie bourgeoise de l'histoire des relations anglo-américaines au XIXème et au début du XXème siècles **M. N. Pak.** Quelques problèmes discutables de l'histoire de la Corée ; **N. E. Zastenker.** Un nouveau travail des historiens français sur l'histoire économique de la Révolution de 1848. Comptes-rendus. Science historique en URSS: **I. D. Anachkine.** Les Archives d'Etat de RSFSR avant le 40ème anniversaire de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre ; **A. V. Simonov.** Sur l'histoire de préparation et exécution de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre en Moldavie. Science historique à l'étranger: **A. Otetea** de l'Académie Roumaine. Les travaux des historiens roumains à l'occasion du 40ème anniversaire de la grande Révolution Socialiste d'Octobre ; **D. Kossev,** membre correspondant de l'Académie de Bulgarie, **Kh. Khristov** (Bulgarie). Les travaux des historiens bulgares à l'occasion de la Grande Révolution Socialiste d'Octobre.

INHALT

Artikel: **N. M. Mor.** Der VI. Parteitag der RSDAP(B) ; **F. P. Bystrykh** (Swerdlowsk). Der Sieg der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution im Ural ; **S. N. Ikonnikow.** Die Heranziehung der werktätigen Massen zur Leitung des Staates ; **G. N. Sewostjanow.** Die militärische und diplomatische Niederlage Japans während der Ereignisse am Chalkhin-Gol-Fluß ; **U Dun-tschi** (China). Aus der Geschichte der Einmischung der Vereinigten Staaten in die Angelegenheiten des chinesischen Volkes. Diskussionen und Besprechungen: **A. M. Karpatschew.** Über den sozialwirtschaftlichen Charakter der Stammgut-Manufakturen ; **A. D. Epstein.** Zur Frage über die Reformation und den Bauernkrieg in Deutschland als der ersten bürgerlichen Revolution Historiographie, Kritik, Bibliographie: **I. N. Kuntikow.** Die Bauernbewegung in Rußland im XIX. Jahrhundert ; **E. B. Tschernjak.** Die Entstehung der Geschichte der englisch-amerikanischen Beziehungen im XIX. und Anfang des XX. Jahrhunderts durch die bürgerliche Historiographie ; **M. N. Pak.** Einige Streitfragen in der Geschichte Koreas ; **N. E. Zastenker.** Ein neues Werk der französischen Geschichtswissenschaftler zur Wirtschaftsgeschichte der Revolution von 1848. Rezensionen. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **I. D. Anaschkin.** Die staatlichen Archive der RSFSR zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution ; **A. W. Simonow.** Zur Geschichte der Vorbereitung und Durchführung der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution in der Moldau ; Die Geschichtswissenschaft im Ausland: Ordentliches Mitglied der Akademie der Rumänischen Volksrepublik **A. Otetea.** Rumänische Geschichtswissenschaftler zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution ; Korrespondierendes Mitglied der Bulgarischen Akademie der Wissenschaften **D. Kossev, Ch. Christoff** (Bulgarien). Die Geschichtswissenschaftler Bulgariens zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution.

Редакционная коллегия:

Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), **Ю. В. БОРИСОВ** (заместитель главного редактора), **Р. П. ДАДЫКИН**, **Л. М. ИВАНОВ**, **А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ**, **И. А. ОРБЕЛИ**, **Г. Н. СЕВСТЬЯНОВ**, **С. Д. СКАЗКИН**, **Н. А. СМИРНОВ**, **П. Н. СОБОЛЕВ**, **П. Н. ТРЕТЬЯКОВ**, **П. И. ФЕДОТОВ**, **И. А. ХРЕНОВ**, **Л. В. ЧЕРЕПНИН.**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 13-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.
А 06675. Подписано к печати 31/VIII 1957 г. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 1137. Заказ № 2380. Формат бум. 70×108^{1/16}. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

ХАДЖИНИКОЛОВ В. *Обща история на народното стопанство*. Кн. II. Средновековна история. София. «Наука и изкуство». 1957. 340 с.

ХЛЕБАРОВ В., МЪРМЪРЪКОВ Н. *Ангел Кънчев*. София. Държ. воен. изд. 1956. 164 с.

ХАДЖИИЛИЕВ И. *Натрупването и потреблението в икономиката на България при капитализма*. София. «Наука и изкуство». 1957. 204 с.

KORALKA J. *Vznik socialistického dělnického hnutí na Liberecku*. Liberec. Krajské nakl. 1956. 357 s.

Přehled dějin Komunistické strany Československa. These. Vyprac. redakční rada Ústavu dějin KSČ s autorským kolektivem. Praha SNPL. 1957. 212 s.

KOLEJKA J. *Revoluční dělnické hnutí na Moravě a ve Slezsku (1917—1921)*. Praha. SNPL. 1957. 266 s.

Dokumenty ke studiu mezinárodního práva a politiky. Red. a předmluva: V. Outrata. Praha. SNPL. 1957. 622 s.

LAJTHOS M. *Otázky lidové demokracie v Československu*. Praha NČSAV. 1957. 134 s.

LECHICKA J. *Z zagadnień Oświecenia na Pomorzú*. Toruń-Lódz. PWN. 1957. 204 s.

Lud Polski. Wyboru dokonala i wstepem zaopatrzyła H. Temkinowa. W-wa. KiW. 1957. 441 s.

Karty z dziejów walk klasy robotniczej w Częstochowie. Praca zbiorowa S. Fofasińskiego, J. Majewskiego, S. Oruby, A. Rotauba. Katowice. 1957. Śląsk. 89 s.

OLECKA I. *Kartki z dziejów plockiego «Pioniera»*. W-wa. Iskry. 1956. 174 s.

Początki marksistowskiej myśli ekonomicznej w Polsce. Wybór publicystyki z lat 1880—1885. Wybór, przedm., przypisy i posłowie M. Falkowskiego i T. Kowalika. W-wa. 1957. PWN. Zúz 703 s. + XII tabl.

Documente privind istoria Romíniei. V. Tara romíneasă veacurile XIII—XVI. Indicele numelor de locuri. București Editura Academiei RPR. 1956. 166 p.

SZAMUELY TIBOR. *Riadó*. Válogatott cikkek és beszédek. Kun Béla előszavával. (Тревога. Избранные статьи и речи. Предисловие Бела Куна) Budapest. Kossuth Könyvkiadó. 1957. 210 l.

Vagyunk az ifjú garda. Emlékezések az ifjúmunkás mozgalomra 1900—1944 (Мы были молодой гвардией. Воспоминания о движении рабочей молодежи в 1900—1944 годах). As MSZMP központi bizottságának párttörténeti intézete. Budapest. Móra Ferenc ifjúsági Könyvkiadó. 1957. 302 l.

KALLAI GYULA. *A magyarországi ellenforradalom a marxizmus-leninizmus fényében*. (Венгерская контрреволюция в свете марксизма-ленинизма). Budapest. Kossuth Könyvkiadó. 1957. 38 l.

Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd. Vojnoistoriski in-

stitut JNA. 1956. Tom IV. Kn. 15. Borbe u Bosni i Hercegovini 1943 god. 605 s.; Tom V, kn. 13. Borbe u Hrvatskoj. 1943 god. 725 s.; kn 17. Borbe u Hrvatskoj 1943 god. 616 s.; Tom VI, kn. 5. Borbe u Sloveniji 1943 god., 800 s.

ŠKERL R. *Počeci partizanskog pokreta u Sloveniji*. Beograd. «Vojno delo». 1956. 210 s.

BARTSCHI H. *Die Entwicklung vom imperialistischen Reichsgedanken zur modernen Idee des Commonwealth im Lebenswerk Lord Balfours*. Bern. Verlag H. R. Sauerländer Co Aarau. 1957. 186 s.

DARTFORD G. P. *A short history of Malaya*. London. Longmans. Green and Co. 1956. 192 p.

GOTTLIEB W. W. *Studies in Secret Diplomacy During the First World War*. London. George Allen and Unwin. 1957. 430 p.

TÖPFER B. *Volk und Kirche zur Zeit der beginnenden Gottesfriedensbewegung in Frankeich*. Berlin. Rütten und Loening. Berlin 1957. 120 s.

DIEHL K. S. *Religions, mythologies, folklores: an annotated bibliography*.—New Brunswick, Scarecrow press. 1956. 315 p.

DUNSDORFS E. *The Australian wheat-growing industry 1788—1948*. Melbourne. University Press 1956. XI, 547 p.

OLIVER G. M. *History of American Technology*. New—York. Ronald press 1956. VIII. 676 p.

Histoire des institutions françaises au moyen age. Publiée sous la direction de Ferdinand Lot et Robert Fawtier. Tome Premier, Institutions seigneuriales. Paris Presses universitaires de France 1957. XII + 438 p.

SOUTHGATE G. W. *An Introduction to World History*. London G. M. Dent and Sons Ltd. 1956. IX + 258 p.

HACKER L. M. *Alexander Hamilton in the American Tradition*. New York. Mc Graw—Hill Book Company, inc. 1957. XI + 273 p.

MARBAN E. y LEIVA E. *Curso de Historia de Cuba*. De acuerdo con el nuevo programa para el bachillerato elemental. P. I II. La Habana 1956—1957. 565 p.

COTTER J. L. and HUDSON J. P. *New Discoveries at Jamestown*. U. S. Department of the Interior. Washington, D. C. 1957.

BENAVENTI (Motolinia) F. T. de. *Relaciones de La Nueva Espana*. Mexico. Ediciones de la Universidad nacional autonoma. 1956. LVI, 208 p.

HASS S. *Frans Indo-China en de Japanse expansiepolitiek 1939—1945*. Leiden. Universiteit Pers 1956. 268 s.

NORRETRANDERS B. *Ivan den Skraekkelige i russisk tradition*. Kobenhavn. Gad. 1956. 96 s.

KOSAMBI D. D. *An Introduction to the Study of Hindian History*. Bombay. 1956. LIX + 384 pages.

Цена 7 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналы

АКАДЕМИИ НАУК СССР

на 1958 год

Название журналов	Коллич. номеров в год	Годовая подписная цена (в рублях)	Название журналов	Коллич. номеров в год	Годовая подписная цена (в рублях)
Автоматика и телемеханика	12	108	Прикладная математика и механика	6	81
Акустический журнал	4	36	Природа	12	84
Астрономический журнал	6	90	Радиотехника и электроника	12	144
Биофизика	6	72	Русская литература	4	40
Биохимия	6	90	Советская археология	4	100
Ботанический журнал	12	180	Советская этнография	6	108
Вестник Академии наук СССР	12	96	Советское востоковедение	6	72
Вестник Древней истории	4	96	Советское государство и право	12	144
Вопросы языкознания	6	72	Современный Восток	12	36
Геохимия	8	72	Теория вероятностей и ее применения	4	45
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	360	Успехи математических наук	6	96
Доклады Академии наук СССР (с 6 колленкор-выми папками с тиснением)	36	384	Успехи современной биологии	6	48
Журнал аналитической химии	6	72	Успехи физических наук	12	120
Журнал высшей нервной деятельности имени И. П. Павлова	6	90	Успехи химии	12	96
Журнал научной и прикладной фотографии и кинематографии	6	45	Физика металлов и металлуредение	6	90
Журнал неорганической химии	12	270	Физиологический журнал СССР имени И. М. Сеченова	12	108
Журнал общей биологии	6	45	Физиология растений	6	54
Журнал общей химии	12	270	Энтомологическое обозрение	4	90
Журнал прикладной химии	12	180	Известия Академии наук СССР:		
Журнал технической физики	12	225	Отделение литературы и языка	6	54
Журнал физической химии	12	270	Отделение технических наук	12	180
Журнал экспериментальной и теоретической физики	12	288	Отделение химических наук	12	126
Записки Всесоюзного минералогического общества	6	72	Серия биологическая	6	72
Зоологический журнал	12	180	Серия географическая	6	90
Известия Всесоюзного географического общества	6	54	Серия геологическая	12	144
Исторический архив	6	90	Серия геофизическая	12	144
Исторический архив (в переплете)	6	99	Серия математическая	6	81
История СССР	6	72	Серия физическая	12	144
Коллоидный журнал	6	72	Реферативный журнал, серии:		
Кристаллография	6	72	Астрономия и геодезия	12	115.20
Математический сборник	12	144	Биология (сводный том)*	24	691.20
Микробиология	6	72	География (сводный том)*	12	288.
Новая и новейшая история	6	60	Геология (сводный том)*	12	288.
Оптика и спектроскопия	12	144	Математика	12	172.80
Почвоведение	12	144	Машиностроение (сводный том)*	24	734.40
Приборы и техника эксперимента	6	72	Механика	12	172.80
			Физика	12	360
			Геофизика	12	115.20
			Химия (сводный том)*	24	756.
			Биологическая химия	24	216
			Металлургия (сводный том)*	12	504
			Электротехника	24	450

Примечание:

Серии реферативного журнала, помеченные звездочкой, издаются параллельно как в виде сводного тома, так и отдельными выпусками. Условия подписки на отдельные выпуски реферативного журнала имеются в проспектах «Союзпечати».

Годовая и полугодовая подписка принимается в городских отделах «Союзпечати», конторах и отделениях связи, в пунктах подписки и общественными уполномоченными на заводах и фабриках, в научно-исследовательских институтах учебных заведениях, учреждениях и организациях.

Подписка принимается также в магазинах «Академкнига» и конторой «Академкнига»: Москва, Пушкинская улица, дом 23.